ДЕНЬ и НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №3 | 2024

Касименко Елена | Дачный дворик. Холст, масло. 41x51. 1983 г.

Касименко Елена | Южный дворик. Холст, масло. 70x100. 1983 г.

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №3 | 2024

В номере

ДиН ДЕТИ

3 Астафьевская весна

ДиН РЕВЮ

Валентина Швецова
9 По реке жизни…

Анастасия Астафьева
88 Глафира и Президент

111 Альманах «Грани»

ДиН ВСТРЕЧА

10 Книга как поступок
Н. Ягодинцева, А. Порошина

ДиН ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий Малашин
16 (Не)забытые голоса Сибири

ДиН СИММЕТРИЯ

Евгений Баратынский
37 Хлябь морская

Антон Дельвиг
73 Я Нестор между вами…

Кондратий Рылеев
123 Гражданин

Василий Жуковский
138 Жизнь и поэзия – одно

Иван Козлов
149 Ирландская мелодия

Николай Языков
159 Элегии

Александр Пушкин
162 Лейся, ключ отрадный!

Александр Пушкин
173 Разбились ветхие скрижали

ДиН ВРЕМЯ

Иса Айтукаев
38 Мой Дагестан, моя Сибирь

Владимир Балашов
42 Белые туманы Тимптона

Владимир Петров
69 Иерусалимские заметки

ДиН СТИХИ

Ирина Каренина
74 По линии любви — по линии обстрела

Евгений Харитонов
77 Между мною и войной

Алёна Бабанская
79 Ветер, птицы…

Сергей Ведург
116 К счастью

Григорий Тачков
118 С верой о космосе

Юлия Скрылёва
120 Магия города твоего

Илья Новиков
122 Человек для человека

БИБИЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Марат Валеев
81 Аромат сенокоса

Михаил Смирнов
89 Пороги

Виктор Кустов
100 Заглянуть в завтра

Илья Чесноков
112 Заикание

Анжела Бецко
154 Кормушка для счастья

Андрей Гордеев
160 Пастух

Иветта Лишенко
163 Доклад

Сауле Кадырова
174 Девятый день и ночь

Олег Лучин
179 Миры гуляли как дети

Д*и*Н ПРОЗА

Ольга Тараканова
124 Эти глаза напротив

Д*и*Н АРТЕФАКТ

Альбина Мамаева
139 НЛО над Туруханском

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Геннадий Рязанцев
141 Память собирает народное сознание

Артём Попов
147 Бывают ли две правды?

Д*и*Н ШТУДИИ

Александр Костерев
150 Горький и Маяковский: «Мы вас ждём, товарищ птица, отчего вам не летится?»

Д*и*Н СТУДСОВЕТ

183 Устная история: повседневность детства 2000–2010-х гг.

Д*и*Н ДЕТЯМ

Анастасия Хачатурова
192 Побег

195 Д*и*Н АВТОРЫ

Д*и*Н ГАЛЕРЕЯ

Касименко Елена Никитична

(1938–2008)

АРТ ГАЛЕРЕЯ РОМАНОВЫХ

Репродукции с картин, опубликованных на обложке, любезно предоставлены «Арт-галереей Романовых» (Красноярск).

…В творчестве Е. Н. Касименко очень интересно и своеобразно переплелись и верность лучшим традициям русской реалистической школы живописи, хорошо усвоенным ещё в годы учёбы в Пензенском художественном училище им. К. Савицкого, и память детских впечатлений, вынесенных из страны детства родной Башкирии, и богатые традиции художественной культуры Сибири, приобретённые за долгие годы проживания в Красноярске.

Своё мастерство и богатый накопленный художественный опыт Елена Никитична щедро передавала молодому поколению будущих художников, являясь четверть века преподавателем специальных дисциплин в Красноярском художественном училище им. В. И. Сурикова. Всю, до последнего, она отдавала себя своим ученикам, воспитав целую плеяду талантливых художников.

Елены Никитичны нет с нами, но осталось её богатое живописное наследие — её произведения, за которыми чувствуется открытое и доброе сердце человека, преисполненное любви к земле, людям.

Р. А. Самойлова, искусствовед

100 лет В. П. Астафьеву

Астафьевская весна

Сочинения учеников и педагогов Жеблахтинской школы

Средняя школа в посёлке Жеблахты Ермаковского района Красноярского края давно стала региональной достопримечательностью. С 1987 года школой руководит Нина Николаевна Ульчугачева, выдающийся педагог, успешный руководитель, человек великой души и талантливый литератор. Редакцию журнала «День и ночь» и педагогический коллектив Жеблахтинской школы связывает многолетняя дружба. На базе этого учебного заведения работал филиал Красноярского литературного лицея, школа является лауреатом ежегодной награды журнала «Снежное перо» — за просветительскую деятельность. Особое место в жизни школьников и учителей занимает работа над рукописным альманахом «Маленький Пегасик», сочинения для которого пишут все — и учителя, и дети. Очередной выпуск «Пегасика» полностью посвящён столетнему юбилею В. П. Астафьева. С радостью открываем июньский номер «ДиН» искренними, светлыми сочинениями школьников и их учителей.

Редакция «ДиН»

● ● ●

В детстве я любила смотреть, как мама печёт хлеб. Мы, дети, ждали горячего хлебушка с нетерпением. Раскрасневшаяся от тепла русской печки, мама, смазав листы жиром, выкатывает на них булки, большие и маленькие. Мы терпеливо ждём, когда мама закончит выкатывать булки и посадит их в печь. Однажды не вытерпела, прокралась к печи и, отодвинув заслонку, заглянула в печное жерло — разбирало любопытство: что там делает хлеб? Увидев меня за этим занятием, мама отругала, а ещё пуще подействовал на меня вид опавших булок, которые показала мне мама, объяснив, что «дух» из печки выпускать нельзя.

Про этот «дух» думаю теперь всё чаще. Выпустили его много, особенно в деревне. Всё думала: состояние это временное, переходное, что есть какие-то глыбы, которые загораживают нам дорогу в будущее. А эти глыбы теперь навалились на мою деревушку горючим огромным камнем

и ко дну тянут. Зарастают бескрайние поля сосняком. Давным-давно не видела золотую волну спелого пшеничного моря. Не гудят просёлочные дороги ни от трактора, ни от телеги. Да что там телега! Да и зачем она, коли лошадей извели? И конюховка теперь сиротливо доживает свой век. И не увидишь той удивительной картины «древнего», как лошади умеют любить и жалеть друг друга. Как, обнявшись шеями, стоят неподвижно в ночи, жмутся друг к другу. Как оберегают своих детей-жеребят! Жмутся к матери они, если учуют беду. И никак не даст в обиду кобыла своё дитя. Будет бить и передними, и задними ногами обидчика, кусать его будет и вокруг жеребёнка бегать, чтобы защитить от врага. Не то теперь во многих семьях. Мало у кого духа осталось, чтобы дитя поднять. А чтобы оно поднялось, его надо духом напитать. Это тебе не ведро, которое поставил в дождь под слив — оно и нальётся вмиг. Душа, она постепенно наполняется, а наполнять порой некому. Отцы, кто мало-мальски думает о семье, на вахту уезжают в далёкие края. Если не сильно пригретый был домашним теплом, другую сыщет и совсем уж не возвернётся в деревню. Что ему это «древнее»?! И о «вечном» совсем мыслей нет.

Но есть и те, кто на расстоянии вдруг почувствует пульс родной деревеньки и прикатит совсем. «Не могу больше, не могу. Как малый, домой тянет шибко», — скажет он жене и детям. Может, тоже читал А. И. Солженицына и поверил, что «расцвет страны нашей решительно зависит от глубинки».

В этой глубинке все мои корни, вся моя жизнь: родительский дом, моя мама у русской печки, детство, школа, любимые учителя, деревенские люди, которых всегда жалела за их бесхитростность, трудолюбие, доверчивость, терпеливость. Мой отец, великий труженик и весельчак, воспитавший в нас самое нужное качество для жизни — трудолюбие. А теперь и я изо всех сил стараюсь дух поднять учителям и детям, чтобы совсем уж не разочаровались в «древнем», чтобы увидели «вечное» в своей деревеньке: весеннюю кипень цветущей черёмухи вдоль речки, ягодную гору в покосах, бахчевое поле под Гладким, детей, которым от бумаг нынче некогда в глазки посмотреть. Просто деревенских людей, которые будут жить на этой земле, если выживет деревня.

Нина Николаевна Ульчугачева,
учитель русского языка и литературы,
директор школы

Читая русские народные сказки, мы часто видим бабушку, дедушку и внуков.

Так на Руси было всегда, а папы и мамы трудились в поле от зари до зари. Вот и Виктора Петровича Астафьева вырастила бабушка. Он, в свою очередь, много хороших и тёплых слов сказал в её адрес. А в книге «Последний поклон» с таким сожалением говорит о том, что не смог приехать на похороны, это боль чувствуется в каждом слове, что мало времени уделял своей бабушке, ведь ей было сложно принести воды или просто помыть картошку. У каждого человека начинает щемить сердце от своей глупости, невнимательности к своим самым дорогим людям. И всё-то нам некогда.

У меня тоже была бабушка, Фильшина Мария Ивановна. Она почти с рождения растила меня и мою сестру. А ведь, кроме маленьких детей на руках, было ещё и хозяйство, и огород. И со всем ладно управлялась маленькая пожилая женщина. В то время мне казалась, что бабушка умеет всё: готовить кушать, печь хлеб и вкусные пироги, лечить без врачей, могла спасти даже от колхозных быков и придумывала для нас разные игры. Сама сделала под крышей качели. Качала и приговаривала:

Качу, качу, воробей,
Под качелей сто рублей,
На качели двести
Ниночке-невесте.

Учила нас бабушка прыгать через резиночку, шить тряпичных кукол и разыгрывать спектакли. По вечерам вместе с ней ходили к бабушкиным подружкам, где старушки сидели и пели песни после трудового дня. А утром опять коровы, свиньи, дети, огород. И я не помню, чтобы она нас ругала, тем более кричала. Всё было спокойно, весело, с шутками-прибаутками.

Но мне всё равно так хотелось домой, к маме. Однажды я собрала ребятишек с улицы, и мы ушли. Ох и попереживала моя бабушка. А когда отец нас привёз, только и сказала: «Сколько волка ни корми, всё в лес смотрит». Тогда я не поняла эти слова, но с высоты лет понимаю: конечно, я обидела бабушку. Да, может, и ещё где ненароком обижала мою бабулечку.

Но как у Астафьева: «Я знаю, бабушка простила бы меня. Она мне всегда всё прощала. Но её нет. И никогда не будет. И некому прощать».

Нина Николаевна Кананкова,
учитель начальных классов

Детская повесть «Дядя Кузя — куриный начальник» показалась мне смешной и увлекательной. «Однажды занесло меня случайно на колхозный птичник, посмотрел я, послушал и изумился — как тут интересно! А интересно было оттого, что человек, работавший здесь, делал своё дело с любовью, и этой любовью как бы наполнялось всё вокруг».

Действие повести разворачивается в безымянном уральском селе. Главный герой — «хозяин птичника», или «куриный начальник». Уже само

сочетание этих слов вызывает улыбку. Но по мере знакомства с героем проникаешься не только сочувствием и уважением к этому простому человеку, но и восхищением перед ним.

Оказывается, из-за кур дядя Кузя «испортил кровь не одному начальнику» и проявил чудеса изобретательности, стойкости и преданности своему делу, добиваясь постройки новой птицефермы, заботясь о полноценном рационе для своих питомцев, оберегая их от всяческих опасностей, в том числе от кровожадного сокола, осторожной лисы, наглой крысы Милахи… А это известный факт: за кем ухаживаешь и в кого вкладываешь душу и силы, к тому и прикипаешь мыслями и чувствами. Так и дядя Кузя с любовью и нежностью относится к своим подопечным «касаткам», как он называет своих курочек.

Читая забавные приключения дяди Кузи, понимаешь, что Астафьев говорит нам о важном — о том, что как раз на таких скромных, неравнодушных к своему делу работягах, которые способны и хитрющую лису выследить, и с бандитом-котом договориться, и построить автояйцесборочный агрегат, — попросту вся Земля держится!

Оксана Геннадьевна Шульмина,
учитель английского языка

● ● ●

Я прочитал рассказ В. П. Астафьева «Хвостик». В нём рассказывается об острове Овсянковский, который зарос травой. Туда на отдых приплывали теплоходы, моторные лодки, пароходы с дачниками и отдыхающими. Отдыхающие после себя оставляли много мусора. Среди всего мусора на газетном листе стояла консервная банка. Из неё свешивался скрюченный хвостик, а на газетном листе была статья о запустении окружающей среды, засохшая кровь суслика была здесь же.

Рассказ очень грустный. Он мне понравился. Он заставил задуматься: можно ли так издеваться над живой природой?

Даня Рыбкин, 3 класс

● ● ●

Мне очень понравился рассказ «Капалуха». Он поучительный. Я даже не знала, что капалуха высиживает птенцов, у неё голый животик. В рассказе дети молодцы, что не разорили гнездо, а ушли, оставив всё нетронутым. Хороший поступок детей. Капалуха успокоилась и села снова высиживать своих птенцов. Ещё в рассказе очень красиво описана природа. Мне даже самой захотелось попробовать черники.

Ксения Кошкина, 3 класс

● ● ●

Рассказ Виктора Астафьева «Конь с розовой гривой» производит сильное впечатление. Это поучительная история о плохом поступке ребёнка, Кроме того, это замечательный рассказ о детстве, о взрослении ребёнка, о тех людях, которые окружали его и становились наставниками для него.

Главный герой — мальчик Витя, которого воспитывают бабушка и дедушка. Они живут в деревне, в окружении прекрасной природы. У Вити нет родителей, нет братьев и сестёр. Рядом живёт семья дяди Левонтия, у которого много детей, и они любят озорничать. Вот Витка-то и взял пример с Саньки, обманул свою бабушку, но сам очень хотел иметь коня с розовой гривой. Бабушка простила обман внука. Это был пример для него на всю жизнь. Обманывать нельзя, совесть не даст спокойно жить.

Даша Кайкова, 4 класс

● ● ●

В этом году столетие Виктора Петровича Астафьева. Я хотел прочитать какой-нибудь его рассказ. Прочитал рассказ под названием «Конь с розовой гривой». Там внук Витя собирал землянику и почти всю её съел. Тогда он решил обмануть бабушку. Наложил в туесок травы, а сверху укрыл траву ягодами. Это был первый обман. И ещё Витя украл калачи Сашке, чтобы он не рассказывал бабушке об обмане внука. Когда бабушка поехала на рынок, весь обман и раскрылся, но пряник Вите она всё-таки купила. Её внук очень переживал, ему было стыдно за обман, но бабушка так любила внука, что пряник ему положила на стол.

Марсель Нойманн, 5 класс

● ● ●

Я читала много рассказов В. П. Астафьева. Но больше всего мне запомнился и понравился рассказ «Ангел-хранитель». В рассказах Виктора Петровича много примеров из его жизни, поэтому их интересно читать.

Вернусь к «Ангелу-хранителю». Этим «ангелом» оказалась бабушка, Екатерина Петровна. Однажды она поехала на рынок, а денег у неё было мало. Она хотела купить хлеб. Жили тогда голодно. Бабушка купила большой каравай и привезла домой. Говорит деду: «Режь, видишь, внук кушать хочет, режь потолще, не жалей». Пошла потом она на улицу, увидела щенка и принесла его домой, пожалела, голодный ведь. А сами в доме не досыта ели хлеба. Вот какая была добрая бабушка Вити Астафьева, поэтому и внук её, Виктор Петрович Астафьев, вырос добрым, щедрым и талантливым. Это бабушкина заслуга.

Мелисса Нойманн, 5 класс

● ● ●

В. П. Астафьев много рассказов посвятил своей бабушке Екатерине Петровне, а я напишу про свою бабушку. Мою бабушку зовут Валя. Она любит играть со мной в карты, когда я приезжаю. И она любит вязать коврики, носки и даже игрушки. Моей

бабушке в этом году исполнилось восемьдесят три года. Она любит разговаривать с родными. Когда мы неожиданно приезжаем к ней в гости, она становится весёлой и радостной. Я люблю свою бабушку. Когда я был маленьким, она часто гуляла со мной. Однажды мы нашли с ней маленькую игрушку, она до сих пор стоит у меня в доме. Я любил, когда баба Валя забирала меня из садика. У меня поднималось настроение. Моя бабушка лучше всех, как и бабушка Екатерина Петровна для Вити Астафьева.

Максим Бочегуров, 5 класс

● ● ●

Мне понравился рассказ В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой». В рассказе есть неожиданные моменты. Первый момент — когда Витька поспорил с Санькой, а Санька был плохой друг, он настраивал Витьку на плохое. Он и приказал Вите обмануть бабушку. Мне стало жалко бабушку. Бабушка ему посулила пряник с розовой гривой — коня, а он её обманул. Витя очень переживал. Так ему и надо — не будет обманывать.

Виктор Петрович Астафьев — великий русский писатель. Он наш, красноярский писатель. В этом году ему исполняется сто лет со дня его рождения. Я ещё буду читать его рассказы.

Саша Шафранов, 5 класс

● ● ●

Ещё в пятом классе я прочитала рассказ В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой». В нём говорится о том, что внук обманул бабушку. Мне этот рассказ затронул душу, стало жалко мальчика, хоть он и совершил плохой поступок. Ведь бывает, что и я обманываю, но быстро осознаю. Всю ночь мальчика грызла совесть, а это значит, что он понял свою ошибку. Но надо уметь прощать. И бабушка его простила, ведь она сильно его любила. Этот рассказ учит не обманывать и вовремя уметь раскаяться. Всем советую прочитать этот поучительный рассказ. Спасибо Виктору Петровичу Астафьеву за такой поучительный рассказ.

Ксения Кайкова, 6 класс

● ● ●

Я прочитала рассказ Виктора Петровича Астафьева «Древнее, вечное». Он мне очень понравился. Здесь описывается жизнь деревни. Я тоже живу в деревне, но животных я люблю не всех. Лошадей я даже боюсь. Знаю, что символом каждой деревни может являться конь, корова или бык, но я их боюсь. Однажды со мной и моей мамой случился такой эпизод. Это было летом. Мы пошли с мамой гулять и решили сходить к моей тёте. Шли мы, никого не трогали, и тут выбегает конь. А моя мама с детства их боится. Я говорю маме, что за нами бежит конь, и мы побежали от него. Мы оказались быстрее коня и убежали от него. Когда вернулись домой, стали смеяться. Конечно, лошади — красивые животные. Я думаю, что они вовсе не злые, а наоборот, добрые, труженики. Без лошади в деревне никуда. Вот Астафьев потому с такой любовью и описал деревенских лошадей.

Кира Штукарина, 6 класс

● ● ●

Меня поразил рассказ В. П. Астафьева «Положительный образ». В нём рассказывается о человеке, которому семьдесят шесть лет, а на вид ему только сорок. При таком возрасте человек этот вёл здоровый образ жизни: ходил на прогулки, делал по утрам зарядку и вообще был очень добрый. А доброта человеческая — это лучшее лекарство для себя и для людей. Все восхищались этим человеком, и я тоже восхищаюсь.

Илья Сидельников, 6 класс

● ● ●

Я прочитала рассказ В. П. Астафьева «Людочка». Меня поразили в этом рассказе равнодушие и бесчувственность окружающих людей. Даже её родной человек — мама — не оказал ей помощи, понимания и сочувствия. И это привело к беде. Порой люди просто проходят мимо чужого горя. И я хочу, чтобы мир стал чуточку добрее. Я постараюсь тоже быть более чуткой к своим близким и окружающим.

Саша Тарасова, 6 класс

● ● ●

Мне понравился рассказ В. П. Астафьева «Страх». Мальчик напугался, когда загудел пылесос. Я в детстве тоже часто боялся всяких звуков, особенно неожиданных. Не зря есть такая пословица: у страха глаза велики.

Александр Старков, 6 класс

● ● ●

Я прочитал рассказ В. П. Астафьева «Лесная гроза». В этом рассказе два человека прячутся от дождя и от грома. Им повезло, что дождь с грозой скоро закончился. И у меня тоже был такой случай. Мы с Ваней пошли на рыбалку. Целый час мы рыбачили, и вдруг пошёл дождь. Мы залезли в понтон и прикрыли люк, чтобы вода не попала в понтон. Там мы сидели минут двадцать, было немножко страшно. Когда дождь закончился, мы вылезли и пошли домой. Я люблю дождь, особенно сырой запах после дождя.

Максим Калугин, 6 класс

● ● ●

Виктор Петрович Астафьев — наш родной земляк. Он писал много разных рассказов. Многие его рассказы связаны с его детством. Один рассказ из истории детства называется «Летняя гроза». Летняя гроза всегда приходит и уходит неожиданно. Однажды в возрасте шести лет вместе с сёстрами мы гуляли по селу и увидели, что начала появляться чёрная туча. Поначалу показалось, что туча просто пройдёт мимо. Но туча прямо на глазах начала расти и затягивать небо. И мы быстро побежали до дома. Дождь уже начал

лить, и гроза продолжала сверкать. Мне это очень нравилось. Вернулись мы домой промокшие, но радостные. Это был мой первый раз, когда я увидела эту замечательную грозу и встретилась с ней лицом к лицу. И это мой первый рассказ о летней грозе.

Алёна Кайкова, 8 класс

Как только я прочитала рассказ «Костёр возле речки», я поняла, что мне есть о чём написать. Летом прошлого года мы с друзьями пошли на пляж. Это был вечер, мы решили разжечь костёр. На пляже было много мусора. Я предложила ребятам убрать этот мусор, сжечь, чтобы нам было приятно отдыхать на берегу реки. Мы этим и занялись.

Я хочу сказать, что все мы ходим на природу: купаемся, отдыхаем, бегаем, обязательно кушаем, но только потом оставляем за собой горы мусора, как будто в подарок природе. Давайте беречь наш мир и нашу природу.

Кристина Тарасенко, 8 класс

Я прочитал рассказ В. П. Астафьева «Из далёкого сна». В нём рассказывается о том, как к писателю пришла девочка во сне в синем платье. Она с детства запомнилась ему, и по сей день он наверняка вспоминает о ней.

Я хотел рассказать, какой сон был у меня. Однажды утром, когда я проснулся, в моей жизни как будто что-то поменялось. Я не обратил внимания. После того я пришёл в школу и почти заснул на уроке. Я вдруг вспомнил сон. В моём сне была девочка постарше меня, она была одета в чёрную футболку и штаны. Эта девочка была очень красивой. Она поговорила со мной и даже обняла. Она мне очень и очень понравилась. Надеюсь, что в жизни есть девочки с такой внешностью. Этот сон мне, как и Астафьеву, запал в голову.

Клим Варик, 8 класс

Когда я выбирал рассказ Виктора Петровича Астафьева, мне попался на глаза рассказ «Страх». В этом рассказе мне понравилось, как маленький мальчик смог побороть страх в себе перед пылесосом, который для него был чем-то непонятным и страшным.

До недавнего времени я тоже боялся темноты, особенно это было в детстве. Я боролся с этим страхом. Я специально нацеливал себя не бояться темноты и идти к своей цели. Ведь в жизни ещё много будет страхов. Просто надо бороться и не сдаваться.

Алексей Кузин, 9 класс

В рассказе Виктора Петровича Астафьева «Дождик» говорится о том, как неожиданно налетел с ветром шалый дождик и всех разогнал по домам, только растопорщенная яблоня напоминала брошенного обманутого ребёнка.

И я сразу вспомнил тот день, когда я был на улице и начался сильный ветер вместе с дождём. Я прибежал домой насквозь мокрый, а перед моим окном страшно раскачивалась одинокая берёза, которую гнуло в разные стороны от сильных порывов ветра.

Я сидел и думал: как здорово, что у меня есть тёплый дом, в котором я могу укрыться от непогоды.

Вячеслав Алцман, 9 класс

На днях прочитал рассказ Виктора Петровича Астафьева «Костёр возле речки». В произведении автор затрагивает экологическую тему. Речь идёт о семейной паре, которая собирает мусор в берёзовой роще. Я был удивлён отношением шофёра, который не мог взять в толк, зачем этим двум людям чистить такой большой лес, ведь завтра снова накидают мусора. А я не согласен с мнением таксиста и считаю, что благодаря таким людям наша природа становится чище.

Этот рассказ заставляет задуматься не только автора, но и меня. А какой посильный вклад сделал я? Помог ли я стать чище нашей матушке-земле? Думаю, что помог. Каждый год вся наша школа выходит на уборку пришкольной территории и не только. Мы участвуем в уборке общественных мест, мест отдыха, следим за чистотой на территории памятника жеблахтинцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Вступив в ряды «Юнармии», я со своими одноклассниками помогаю нуждающимся жителям села поддерживать придомовые участки в порядке.

Думаю, мой небольшой вклад будет полезен нашей «уставшей» земле. Мне очень хочется, чтобы костёр горел не только у реки, но и в душе, сжигая мусор, как у Астафьева.

Олег Козлитин, 9 класс

С самого детства мне нравилось читать и слушать военные рассказы. И вот теперь я прочитала рассказ В. П. Астафьева «Рукой согретый хлеб». Я задумалась о том, что в наше время есть люди, которые могут запросто выкинуть недоеденный хлеб или другую еду. А в военное время и солдаты, и мирные жители голодали, ели только то, что им достанется. И никто не додумывался, чтобы кинуть кусочек хлеба. Сейчас в нашей стране идёт специальная военная операция. Наши солдаты долгое время сидят в окопах, и им некогда думать о еде. Думая обо всём этом, я стараюсь не выкидывать хлеб или другую еду, лучше уж собачке отдать. Это произведение показывает, как по-разному люди относятся к хлебу

в зависимости от времени, в котором они живут. Без хлеба жизни нет.

Ира Лямина, 9 класс

● ● ●

Виктор Петрович Астафьев — величайший писатель своего времени. Он создал такие хорошие рассказы, повести, показывающие историю жизни народа. Люди читают его прозу — например, «Затеси», «Последний поклон», «Царь-рыба», — и находят в них что-то родное, тревожное для себя, что успокаивает их душу в трудные времена.

В такую ситуацию я и сам попал как-то. Меня заинтересовал рассказ «Мальчик в белой рубахе». «Что же там такого интересного?» — спрашивал я сам себя. Прочитав рассказ, я понял, писатель очень красочно описал историю своего прошлого, быт людей того времени, материнскую любовь и страдания, которые испытывала мать, потеряв сына. Я прочувствовал силу её любви и страданий. Это произведение навсегда останется в сердце.

Семён Степанько, 10 класс

● ● ●

Прочитал маленький рассказ Виктора Петровича Астафьева «Записка». Рассказ коротенький, но у него очень глубокий смысл. Я считаю, что такие сыновья, да и вообще такие дети — это нелюди, это физическая оболочка, которая потеряла внутренний мир, своё нутро. Невозможно представить, как можно так ужасно поступать со своим самым близким человеком — мамой, папой, родственниками. Соглашусь с автором, что таких людей надо пороть, но хочется добавить, что это ещё лёгкое наказание. Нужно что-то вечное для таких людей, чтобы человек всегда жалел о своём страшном поступке.

Егор Варик, 11 класс

● ● ●

Я бы хотел порассуждать о рассказе Виктора Петровича Астафьева «Конь с розовой гривой». Это рассказ для взрослого человека, потому что здесь главный смысл — поиски совести в себе, а копаться в себе всегда грустно. В конечном итоге совесть у внука Вити проявилась. Он же не смог даже спокойно спать и не мог смотреть бабушке в глаза. Совесть его грызла. Бабушка, конечно, простила внука, ведь это близкий человек, и сердце у бабушки очень доброе, хотя на вид Екатерина Петровна была суровой.

Это произведение поучительное: никогда не обманывай — совесть загрызёт. Она обязательно проснётся и не даст человеку жить нормально, пока он не извинится за свой поступок. Как говорят, лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

Глеб Ульчугачев, 11 класс

● ● ●

Прочитав небольшой рассказ Виктора Петровича Астафьева «Костёр возле речки», я задумалась над тем, как же много людей, которые пакостят на планете. Они со спокойной совестью могут бросить фантик, бутылку, бумажку прямо на землю или спокойно пройти мимо лежащего мусора. И лишь единицы людей, как академик с женой в рассказе, способны убрать мусор, способны чистить планету каждый день.

Я никогда не позволяла себе бросать мусор на землю или мимо урны и вас, люди, прошу не делать этого. Будьте добрее к нашей планете, ведь это наш дом.

Даша Шафранова, 11 класс

О «Белогрудке»

Приближается юбилейная дата нашего земляка В. П. Астафьева. Мы с ребятами класса читаем рассказы, обсуждаем и рисуем рисунки. Ребятишки мои — шумные, крикливые, неусидчивые мальчишки и всего одна девочка.

Слушая рассказ «Белогрудка», сначала кричали. Нужно было узнать: а кто это — Белогрудка? После затихли и слушали очень внимательно, а когда рассказчик дошёл до того места, где котёночек умер и его отдали собаке, у ребят изменилось выражение лиц, а в глазах читалась боль. И это уже хорошо: дети эмоционально откликаются на слово — значит, думают и переживают.

Первоклашки — совсем малые дети, а поняли всё правильно. Белогрудка — мать, природа — тоже мать. Мы, люди, как те мальчишки, пакостим в природе: осушаем болота, вырубаем леса, делаем плотины, А природа начинает мстить потихонечку — засухой, наводнениями, пожарами, магнитными бурями. Хочется сказать: остановитесь, люди, обратитесь к книгам и размышлениям В. П. Астафьева и задумайтесь, что ждёт ваших детей и внуков.

Нина Николаевна Кананкова,
учитель начальных классов

● ● ●

Белогрудка родила котят, она однажды ушла за едой, а в это время мальчишки забрали котят. Она недолго искала и нашла их в деревне. Когда один умер, его отдали собаке. Белогрудка всё видела и после этого стала мстить людям.

Валера Абросимов

● ● ●

Мальчишки забрали котят у Белогрудки. Она стала искать своих котят. Очень переживала, что их нет дома. Когда нашла, было поздно. Один котёночек уже умер, и его отдали собаке. Мне было так жалко его. Я представил этого бедного котёнка. А потом Белогрудка стала всем мстить за своих

детей. Этот рассказ нас учит, что нельзя разорять чужие гнёзда и лезть в жизнь животных.

Кирилл Попков

• • •

Белогрудка родила котят, их забрали непослушные мальчики. Она искала их и пришла в деревню. Котята пищали и звали маму на помощь. Потом дети погибли, мама стала мстить за своих детей. Я понял, что нельзя брать чужих котят, им без мамы плохо, они плачут. И они могут погибнуть.

Данил Тауриньш

• • •

Белогрудка создала свою семью, родила котят. А мальчики забрали их себе домой. Она их везде искала и пришла в деревню, к тому дому, где держали котят. Один котёночек умер, и его отдали собаке. Она его съела. Белогрудка начала на неё охоту. В конце пёс прыгнул на забор и повесился. Белогрудка много кур и уток поела. Люди долго вспоминали эту историю. Мальчики поступили плохо, но и Белогрудка тоже много плохого сделала. Но виноваты люди. Если бы они не лезли к животным, то все жили бы мирно.

Саша Матвиенко

Д*и*Н **РЕВЮ**

Валентина Швецова

По реке жизни…

Красноярск: 2024

Валентина Георгиевна Швецова (1956–2022) — архивариус, фотограф, с 2000 по 2011 годы хранитель фондов Библиотеки-музея В. П. Астафьева в селе Овсянка, автор-составитель монументальной книги «Река жизни Виктора Астафьева». Она не раз утверждала: «Каждый из нас творит историю, вплетает ниточку своей судьбы в общую историю человечества. Каждый формирует окружающее пространство». Эта книга составлена из материалов, собранных и написанных В. Г. Швецовой в разные периоды жизни. В неё вошли воспоминания о детстве и юности, бесценные архивные документы, рассказывающие о судьбе раскулаченного деда — Антона Меркулова; дневник «Рядом с Виктором Петровичем», подробно повествующий о знакомстве с писателем и раскрывающий его личность, а также хронология создания и издания книги «Река жизни Виктора Астафьева».

Сборник предназначен для широкого круга читателей и может способствовать изучению наследия В. П. Астафьева, что особенно важно в год празднования столетнего юбилея писателя.

В книге использованы фотографии из архива А. А. Швецова.

Книга как поступок

Из выступлений на Втором всероссийском форуме молодых писателей (Челябинск, 12-14 апреля 2024 г.)

Нина Ягодинцева

Феномен книги в переходную эпоху

Культуролого-полемическое эссе

Тема книги является сегодня не просто актуальной — она для культуры одновременно магистральная, то есть главное направление осмысления, и рубежная — от того, как мы определяем суть нашей литературной работы, по большому счёту зависит, оставаться ли книге книгой, или она станет забавной безделушкой, предметом коллекционирования странных людей, ретроградов и противников прогресса и даже поделочным материалом для очумелых ручек.

Давайте обозначим для начала координаты нашего осмысления. Откуда куда устремлена переходная эпоха, как изменяется значение книги на этом переходе, какие варианты перспектив нас с книгами ожидают, и что мы можем и, очевидно, должны предпринять сегодня?

На протяжении последних пятидесяти лет мы отчётливо видим два важных социокультурных рубежа. Первый — тысяча девятьсот девяностые годы, второй — две тысячи двадцатые.

Сначала конспективно о девяностых, когда произошла резкая смена государственной идеологии: пришедшая на смену коммунистической либеральная идеология стала транслировать свои ценности через либеральную литературу и систему издательств, премий, ярмарок, книготорговли и рекламы.

Остальная литература была отпущена на самотёк и самиздат и к началу двухтысячных превратилась в «дикое поле», где островки традиционной патриотической литературы (плюс небольшие стойкие издательства и более чем скромные премии, ярмарки) с трудом удерживаются профессиональными писателями под нарастающим напором воодушевлённой литературной самодеятельности.

Как изменяется при этом статус художественной книги? Малая часть книг либерального толка (идеологически и эстетически заточенная на эгоизм, вседозволенность, приоритет потребления в противовес труду и творчеству и, в итоге, как мы сейчас видим, на разрушение человеческого в человеке и прямого яростного человеконенавистничества) — так вот, эти книги маркируются как настоящие (и для них — издательства с гонорарами, премии, ярмарки, реклама), а всё остальное — то самое «дикое поле», на котором резвятся графоманы, и обращать на них внимание не стоит.

Именно на этом «диком поле» и происходили до недавнего времени два противонаправленных процесса: самоорганизация литературного дела как осмысления реальности, где книга выполняла свою прямую функцию в общественном диалоге, — и разрушение литературы бесконечной профанацией, где книга стала атрибутом, формальным подтверждением формального статуса «писателя». В этой борьбе, пусть поначалу не слишком заметно для нас, но сегодня уже более чем очевидно, и менялись общественный статус книги, отношение к чтению, изменялись сами писатель и читатель.

Мы не будем сейчас пристально рассматривать сторону читателя и его глобальные проблемы. Упомянем только умножение и усиление информационных потоков, нарастающую эмоциональную агрессию, тотальную манипуляцию, подмену вербального (словесно-творческого) визуальным (картинкой), цифровой соблазн механизации мыслительного труда и многие другие факторы, которые обрушились на нас и привели к тотальному поредению читательских рядов. И нет, наверное, собраний, на которых об этом не говорят.

А вот писательские ряды выросли катастрофически. И это действительно катастрофа, заслуживающая пристального рассмотрения. В своих рассуждениях и оценках мы будем исходить из того, что литература — это произведения письменности, имеющие общественное значение.

Первым действием в начале девяностых по уничтожению общественного статуса книги стало разрешение самиздата. Издательства, прежде выполнявшие экспертизу общественной

значимости произведений, стали производить оценку финансовой состоятельности заказчиков печатной продукции: любой каприз за ваши деньги. И их трудно винить за это, ибо рынок и по-другому не выжить. *Издательская деятельность стала преимущественно рыночной услугой. Экспертная оценка общественной значимости произведений была отменена.*

И буквально за десять лет целенаправленная профессиональная писательская деятельность практически растворилась в литературной самодеятельности, ибо той по факту оказалось не просто больше, но всё больше и больше, ведь быть писателем — престижно! Граница между писателем и тем, кто просто умеет писать и даже просто не умеет писать, стёрлась.

Культурологами, кстати, предполагалась одна из возможных моделей развития нашей цивилизации: островки высокотехнологичного развития, благополучного существования счастливых, здоровых, долго живущих избранных — и «дикое поле» с необходимыми ресурсами вокруг. Узнаёте? Эта модель сегодня уже реализована в литературе.

Но как оправдать агрессию нелитературы и поглощение ею литературы? Очень просто. Либеральной идеей самовыражения. Соблазн самовыражения опирается на один из базовых инстинктов: выделиться, привлечь к себе внимание, доминировать в информационном поле. «Сколько у вас писательских билетов?» — спросила меня дама на фестивале в Тюмени. «Один»,— удивлённо ответила я. «А у меня — восемь!» — дама посмотрела на меня снисходительно-сочувственно и отвернулась.

А что плохого в самовыражении? — спросите вы. Ничего плохого нет, только вот литература — это не монолог о себе, это диалог о том, что важно для собеседников. И если в диалоге один бесконечно самовыражается (а сегодня всё чаще и просто нецензурно выражается), не слыша никого вокруг, то зачем это собеседнику? *Книга из осмысленной реплики в общенациональном диалоге превратилась в монолог*, который интересен только самому автору и, в некоторых отдельных случаях, его платному психотерапевту.

Но и это далеко не всё, ибо рынок в поисках прибыли постоянно требует инициативы. Появилось огромное количество услуг по изготовлению писателя из вашего материала. Говорим это с горьким сарказмом: мы же понимаем, что каждый человек уникален, и его жизненный опыт, пусть даже самый скромный, его размышления и выводы интересны, а порой могут быть и важны для многих, но именно в литературном выражении — осмысленном, внятном, связном. Будучи выражен косноязычно, мир уникальной человеческой личности становится гротескным, пародийным, жалким — по сути, он уничижается и уничтожается, но на рынке решающее значение играет прибыль, полученная в результате оказания определённой, не слишком трудоёмкой услуги.

Если в первые годы советских пятилеток стартовал призыв ударников труда в литературу и над этим в своё время вволю посмеялись, а потом благополучно забыли, то сейчас работает призыв более-менее (а лучше — более) состоятельных людей на рынок околописательских услуг.

Помните анекдот: машину купил, права купил, а где купить ездить?.. Так вот, на литературном рынке продаётся уже и «ездить», то есть писать. *Сам повод, первопричина появления очень многих книг сегодня — не наличие смысла, которым ты обязан поделиться с собеседником-обществом, а желание почувствовать себя писателем, поэтом и скромные или нескромные возможности издаваться.* Так порешал рынок. Хотите стать писателем? Что — писать не умеете? Ну буквы-то знаете? Ну и отличненько. Платите, а мы вас будем мотивировать. И всё это на полном серьёзе.

Маленький нюанс: мы говорим сейчас о том, что поглощает, унижает, уничтожает литературу как осмысленную деятельность, сложную, мучительную и чаще всего неблагодарную работу по осознанию реальности.

Не будем обсуждать саму необходимость литературно-творческой учёбы: здесь собрались специалисты, чтобы поделиться опытом воспитания и формирования творческих личностей, а не коучи от литературы и не менеджеры продаж.

На минуту оглянемся на читателя: даже если он вдруг оторвался от гаджета в поисках ближайшей библиотеки, то, увидев всё, о чём сказано выше, он в ужасе снова уткнётся в телефон. Что читать в этих книжках-то? Где найти собеседника, как отличить писательский труд от самолюбования?

Но рынок рулит. Коммерческие союзы писателей, продажа орденов и грамот, премии специально для графоманов… И мы думаем, это проходит для литературы бесследно? Не будем так наивны. Да, всегда существовали таланты и была проблема графомании — но никогда не было такого количества текстов низкого качества. Текстов, перелопачивающих штампы, спотыкающихся о собственные знаки препинания, задыхающихся в петлях вычурного синтаксиса… Всё это прекрасный повод отменить литературу вообще.

И вот наступают штормовые двадцатые. В существенной степени они штормят оттого, что предыдущий период был периодом обессмысливания, обезлитературивания. Книга (хоть электронная, хоть бумажная) стала делом сугубо личным. Сегодня я хочу шубу, а завтра захочу книгу — какая разница? Да никакой. Главное — хотеть.

А между тем — как важно сегодня понимать, что происходит, осмысленно действовать, объединять множество разрозненных воль в единую волю народа к жизни, поддерживать и воодушевлять павших духом, преодолевать неизбежные теперь уже катастрофы, сохранять и умножать любовь, учить детей, наконец, тому, что даст им шанс выстоять в этой глобальной передряге и обжить неизвестное пока будущее…

Вы уже обратили внимание, что начинается этот ряд действий с осмысления, прямой задачи литературы. Нужна как воздух книга-собеседник, книга-советчик, книга-друг… Нужно умножение жизненного опыта и пробуждение пассионарности — мы же помним, как говорил о писательстве (и опосредованно о чтении) наш земляк — Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк: «Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец — вот где настоящая жизнь и настоящее счастье». Добавим от себя: и рождается оно в диалоге писателя и читателя.

Вокруг штормит всё сильнее, но наши приключения продолжаются. В игру вступают цифровые технологии, они предлагают нам стремительные коммуникации, благодаря которым первыми объединяются… да, вы угадали — производители нелитературы, поскольку пишут они много, издаются стремительно, создают для себя систему общения, где раздаются плюшки, медальки, титулы — всё это очень приятно коллекционировать — и в итоге оккупируют и союзы профессиональные. Тут на подмогу к ним и искусственный интеллект подоспел. Лень писать пейзаж, портрет, выстраивать диалог между героями — заложи исходные параметры в компьютер, как продукты в мультиварку, нажми кнопочку, что-то там погудит, побулькает — и готово. А пока гудит и булькает, можно поразмыслить о собственном величии.

О полной профанации общественно важного литературного дела свидетельствует и тот факт, что на литературно-творческом рынке (простите меня за эту жёсткую формулировку реального процесса) доминируют следующие услуги: писательский марафон «книга за девяносто дней», подороже — «книга за шестьдесят дней», и вот уже читаем манифесты отчаянных во «вконтакте» (передаю не дословно, но смысл точен): «Только не останавливайте меня, знаю, что получится ерунда, но я хочу написать книгу за шестьдесят дней, и я сделаю это!» Множатся курсы и мастер-классы: «как продать», «как продвинуть», «как набрать сто тыщ мильонов лайков»… Ну надо же чем-то заниматься, пока джипити-чат живёт тысячью жизней вместо тебя, описывая пейзажи, портреты героев, сочиняя диалоги и прочую текстовую тягомотину… Вот так рынок в итоге порешил и литературную учёбу, превратив её в литературную торговлю.

А с какой стати такая яростная атака на литературную самодеятельность? — спросите вы. Да потому, что в сплошном потоке текстов катастрофически снижается общая планка литературной работы — в том числе и профессиональной. Кажется, она уже где-то под плинтусом, и вот на профессиональных писательских сайтах критики и комментаторы возносят в ранг поэзии графоманию и бессмыслицу, авторитетом наступая на горло изумлённым читателям.

Вот прямо сейчас происходит известный многим внутренний конфликт в одной из лучших писательских организаций страны. И вмешаться бы, с буквами в руках доказать, что твои давние друзья и коллеги правы, но… Другая сторона просто взяла и грамотно разобрала, публично проанализировала несколько стихотворений своих оппонентов. И сказать ей, этой стороне, в ответ, что это хорошие стихи, не получится. Потому что она права: слабо, небрежно, безответственно. И скандал покатится дальше.

А что читатели?

Чума на оба ваши дома, — скажут они. Самые преданные возвратятся к классике, самые любознательные поймут, что ловить в море букв литературу — занятие бессмысленное, самые непритязательные будут читать то, что есть, и думать, что это духовная пища (и таких из малого числа читателей вообще — большинство). А мы давайте в стомильонный раз обсудим, почему народу не нужны наши книги. Нам же тоже надо чем-то заниматься…

Первая и бóльшая часть моего доклада получилась трагической — до смешного, до абсурда, — но это реальное положение вещей. Пора понять, что пришла совершенно другая эпоха — жёсткая, смертельно опасная, эпоха аскезы и напряжённого духовного опыта, время поиска той истины, которая снова объединит нас в народ. Перефразирую мысль одного из наших современников: заменив гражданское самосознание потребительским, мы потеряем себя как народ, как общность, а в одиночку сейчас не выжить точно.

Поэтому книга — ваше личное высказывание в общественном диалоге — снова должна стать поступком. В любом масштабе — от личного лирического до общечеловеческого, ведь внутренний Космос соразмерен внешнему и соответствен ему. Давайте разберём, что это за поступок, в чём его суть.

Первое — *общественная значимость высказывания.* Ну вот представьте себе: вцепился в ваш рукав назойливый собеседник и говорит-говорит что-то про дороговизну, скандалы с соседями, сплетни какие-то. Делится впечатлением от сериала, о котором вы знать не знаете… Для человека, может, важно высказаться, душу облегчить, самовыразиться край как нужно — а у вас своего

груза на сердце хватает, и людей этих, и сериалы, о которых речь, вы не знаете, и времени жалко… Не о чем говорить. Представили? Это отношение читателя к книге, которую называют обычно «домашняя радость».

Второе — *форма высказывания*. Если человек, только отошедший от мусорного бака, заговорит с вами бессвязно-путано, безграмотно, или бесцеремонно-грубо, или — того хуже — матом, вы постараетесь как можно быстрее выйти из этого общения, иногда даже полицию вызывать приходится — не из-за безграмотности собеседника, конечно (а жаль!), а от невозможности защититься самому и защитить близких. Представили? Это отношение людей к книгам безграмотным, эпатажным, ядовито-агрессивным.

Третье — *ценностное основание высказывания*. Когда к вам обращаются с настойчивым предложением поиграть в напёрстки, попробовать небывалые удовольствия, забыться в раскрепощённых отношениях или устроить жестокую потеху — что ответите вы? Согласитесь ли отдать жуликам ценное, подсесть на смертельные иллюзии, вляпаться в грязный разврат или смертельную историю? Безнравственные книги разрушают человека изнутри, но мы настолько дезориентированы в том, что ценно, а что смертельно опасно, что готовы запрещать «Красную Шапочку» за оставление ребёнка без присмотра и жестокое обращение с животными (там в конце волку живот распарывают, извините), подозревать Карлсона в педофилии (он же в расцвете лет!), недавно прилетало и «Каникулам в Простоквашино», потому что ребёнок в деревне живёт один с какими-то животными, а родители в это время отдыхают на море. В детской литературе больше всего скандалов, потому что все ещё понимают: детей надо защищать, а от чего и как — уже непонятно. Во взрослой литературе то же самое происходит тихо: считается, что взрослый человек способен разобраться и защитить себя сам. Но, судя по тому, от чего он защищает своих детей, — и тут всё очень печально.

Подытожим: чтобы совершить поступок, чтобы поступок состоялся, надо глубоко чувствовать и отчётливо *понимать, насколько важен наш повод для высказывания. Нужно высказаться настолько внятно, чтобы нас поняли* — то есть на чистом и красивом русском, башкирском, осетинском — любом прекрасном родном языке. А этому надо учиться — трудно и довольно долго. И, наконец, главная составляющая поступка — ценностное основание: выплёскиваем ли мы в мир тьму и хаос собственной души, как грязную воду из окна на головы прохожих, продаём ли мы призрачный свет смертельно опасных сегодня иллюзий, соблазняем и развращаем? Или несём выстраданный свет, хотя бы малую искру, которая, сливаясь с другими, с внутренним светом читателя, сможет осветить бурное пространство жизни, выручит, удержит, подскажет, спасёт?

В начале мы сказали, что у либеральной литературы с книгами всё было в шоколаде. Да — до недавнего времени. Теперь она не нужна, потому что с треском обанкротилась обслуживаемая ею идеология. Время уже изменилось. А мы — ещё нет. Давайте совершать поступки.

Анастасия Порошина

Книга и современный читатель

Книга как явление в начале двадцать первого века пережила существенную трансформацию. Она перестала восприниматься как источник информации, так как информационные потоки теперь сфокусированы в интернет-пространстве.

Исследователи теории социальной коммуникации видят в этом естественную эволюцию: казалось бы, что плохого в том, что новый канал информации, возникший в момент информационного скачка, когда предыдущие каналы уже не справлялись, отодвинул на второй план изжывший себя формат? Но исчерпала ли весь свой потенциал книга? И нужна ли она сегодняшнему читателю?

В книжных магазинах читатель сталкивается с обилием книг, броских и ярких, но благодаря маркетинговым уловкам у него в руках оказывается пустышка. Цель издательства — продать быстро и извлечь максимальную прибыль, собственно литературная ценность здесь даже не вторична.

Отсюда разочарование. И парадоксальная история: книг много, много магазинов и издательств, книги бросаются в глаза, тянутся в руки. Но при этом читатель чувствует себя обманутым, в очередной раз попавшись на низкокачественное издание.

Подобное происходит и в библиотеках. Продвижение книги и чтения — главная тема всех конференций, методических сессий, массовых мероприятий. Но при этом книга в библиотеке зачастую отходит на второй план. Всё чаще от современных специалистов мы слышим попытку откреститься: наша библиотека не про книги, это не книгохранилище, это место досуга, развлечения, применения информационных технологий… Книга становится дежурным декоративным элементом, частью антуража. Книги подвешивают для оформления инсталляций.

Книги используют как материал для декоративно-прикладного творчества. Из книг, наконец, вырывают листы, чтобы создать образец так называемой блэкаут поэзии. Цитирую:

«Блэкаут поэзия — это уникальная форма поэзии, при которой существующие письменные произведения, такие как книги, газеты или журналы, используются для создания новых произведений искусства. В затемнённой поэзии автор выбирает слова и фразы из оригинального текста и затемняет остальное, создавая новое стихотворение или прозу, в результате чего часто получается произведение, заставляющее задуматься. Эта форма письма набирает популярность среди творческих людей всех возрастов и профессий. В наше время blackout поэзия приобрела популярность как форма самовыражения и как способ по-новому и творчески взаимодействовать с литературой»[1].

Это описание одной из распространённых форм так называемого самовыражения так называемых творческих людей действительно заставляет задуматься. Что сегодня подразумевается под творчеством — под сотворчеством автора и читателя, если уж на то пошло? Человек (как назвать его читателем?) вместо того, чтобы прочитать и понять текст, ищет «знакомые буквы», слова, которые ему понравятся, а остальное зачёркивает. Хотя, в принципе, это вполне логичный ответ на книги-монологи, где автор не пытается вступить в диалог с читателем. Когда книга и читатель не говорят друг с другом, а только каждый о своём, когда читатель не слушает и не слышит.

Это напоминает ситуацию, когда ребёнок разбирает, разламывает игрушки, чтобы посмотреть, как они устроены. Этап познания мира через деструктивные действия. Читатель — как социальная категория — вернулся в «детство», он снова ещё не знает, что можно делать с книгой, для чего она. И библиотеки вместе с ним. Поэтому библиотеки вместе с читателями строят из книг ёлочки, подвешивают их к потолку, вырезают из них поделки, вырывают страницы и закрашивают слова.

В библиотеках также распространена форма представления книги через материализацию, овеществление (инсталляция из предметов, связанных с сюжетом книги, погружение в художественное пространство книги через гастрономические элементы — блюда из книги, через событийный ряд — бал, маскарад и так далее). И эта форма — тоже потакание читательскому инфантилизму. Вот в книге написано про клюкву — а давайте её попробуем, чтобы читать книгу и чувствовать вкус клюквы, о котором писал автор.

[1] Что такое блэкаут поэзия, и почему вам стоит это попробовать?//Penfox: сайт. URL: https://penfox.ru/blog/chto-takoe-blackout-poeziya/

Путь читателя к книге непрост, это эволюция — развитие от пользователя до читателя. Именно об этом дискуссия в профессиональном библиотечном сообществе: как называть «человека, приходящего в библиотеку»? Пользователь, как сегодня общепринято говорить в библиотеках, — то же, что и потребитель, он потребляет, использует информацию. Эта роль не предполагает активности, она находится в русле всеобщего потребительства. В то время как читатель — это человек, вступающий с автором, с книгой в отношения сотворчества. Роль читателя предполагает инициативность, развитие, диалог. Но сегодня в терминологическом поле читатель низведён до уровня пользователя, из взаимодействия читателя с литературой в рамках библиотек исключено сотворчество, остаётся только потребление.

И библиотеки здесь сталкиваются с проблемами: в первую очередь — со множеством печатной продукции, в которой так непросто найти Книгу. А также с тем, что показатели эффективности библиотек — это массовая посещаемость, количество посетителей, а не качество чтения.

Определяя книгу через систему потребительских ценностей, мы приходим к тому, что она становится предметом роскоши (вроде бы привлекательный, довольно высокий статус) — предметом, имеющим материальную ценность, но не обязательным, без чего вполне можно обойтись. А можно ли и нужно ли обходиться без книги? В материальной парадигме существования — вполне. В духовной — невозможно.

Итак, как же можно охарактеризовать современного читателя? Чаще всего он, находясь в постоянном информационном потоке, ошибочно уверен, что всё необходимое уже получает. Он не ощущает свою потребность в книге, а если ощущает — видит, что книжный рынок не в состоянии её удовлетворить. Он уходит от чтения как от непродуктивного занятия, и библиотеки, вместо того чтобы возвращать его к силе слова, заманивают развлекательными мероприятиями, «праздником непослушания» — возможностью делать то, чего делать нельзя, и при этом чувствовать себя «творческим человеком» (та же блэкаут поэзия).

Современный читатель более-менее умеет справляться с информационными потоками, но нуждается в системе нравственных координат, определение которых всегда брала на себя русская литература. Сегодня в общем пространстве, которое мы называем литературным, довольно трудно найти верные координаты. Особенно в ситуации, когда «самовыражающиеся» авторы отстаивают своё право на абсолютную свободу и «никому ничего не обязанность».

Читателю книга нужна не для новых знаний, опыта, бегства от реальности, проведения досуга — информацию мы «гуглим», опыт мы «черпаем»

у блогеров (любопытная тенденция — для блогеров сбор своих текстов и оформление их в книгу расценивается как повышение социального статуса), от реальности мы скрываемся в компьютерных и видеоиграх. И досугу посвящена целая индустрия, требующая гораздо меньше усилий, чем чтение.

Сегодня, чтобы привлечь читателя, книга должна стать собеседником, особым пространством общения. А это значит, она должна быть цельной, обладать своим характером, своими законами, своей аксиологической системой.

Читателю нужна книга — да, прежде всего как стимул личностного, творческого развития. Как духовная пища — не знание, не информация, но нравственная, аксиологическая система с эстетической, художественной составляющей. И деятельность библиотек на практике должна быть переориентирована с удовлетворения информационных потребностей пользователей на формирование и развитие у них духовных потребностей, а соответственно и содействие духовному росту читателя.

Одной из самых продуктивных форм продвижения книги является встреча с автором в библиотеке. Это представление книги от лица того, кто знает её лучше всех — кто её создал. Но подобное мероприятие может быть эффективным и привлечь читателя только в том случае, если автор осознанно выстраивал книгу, а не просто «сложил» туда всё написанное за определённый период. Тогда — если книга состоялась, автор знакомит читателей с ней, становится проводником по её тропам, показывает секреты и чудеса. Книга становится и ближе, и привлекательнее. Впечатление, произведённое автором, накладывается и на восприятие издания.

В качестве положительной тенденции надо отметить, что громкие чтения (иронично — как в период борьбы с неграмотностью), чтение книг вслух, подготовленное и неподготовленное, библиотекарями и самими читателями, выступления и конкурсы чтецов сегодня становятся всё более и более популярны. Когда книги начинают читать — вслух, в рамках громких чтений, — это воспринимается неожиданно, как откровение: удивительно, их, оказывается, надо читать! Любопытно, что громкие чтения сегодня относят к инновационным формам, хотя это самая что ни на есть традиционная форма работы с книгой. А значит, художественное слово само по себе, безо всяких «костылей» и «танцев с бубном», нужно, востребовано, воспринимаемо людьми.

И ещё важный аспект: когда художественное слово звучит вслух, становится очевидным его качество. К примеру, когда на конкурсах чтецов участники выбирают популярных в интернет-среде авторов, их тексты, звуча со сцены, явно проигрывают истинной поэзии. Так развивается у современных читателей поэтическое чутьё, чувство поэзии.

Таким образом, на всех, кто занимается литературной деятельностью, организацией литературного процесса, библиотечной работой, возлагается сегодня большая ответственность: читатель и книга должны встретиться, найти друг друга в информационном хаосе. В современном мире есть и прекрасные, глубокие книги, литературные произведения — и истинные читатели, способные открыть их сокровища. И создать для них зону культурного диалога — наша задача.

Геннадий Малашин

(Не)забытые голоса Сибири

Эссе девятое

«Всё в них было настоящее: и страсть, и храбрость, и стихи…»

(Поэты Великой Отечественной)

В изданном к пятидесятилетию Красноярского книжного издательства сборнике статей и воспоминаний «Связь времён» директор издательства военных лет Зоя Ильинична Семигук вспоминала:

«Беспощадным холодом, лютыми морозами запомнилась зима сорок второго года. И когда я думаю о том суровом времени, перед глазами встаёт одна и та же картина: сквозь заиндевевшие окна едва брезжит утро. Как обычно, в эти часы нет электроосвещения. Оно нужнее заводам. Склонившись над своим письменным столом, мой товарищ сооружает в пепельнице крохотный костерок. Так мы отогреваем чернильницы. За ночь чернила в них превращаются в лёд. Мы — это я и Игнатий Рождественский — весь творческий состав краевого книжного издательства. Я — главный редактор, а затем и директор. Рождественский — литературный консультант. Но, когда надо, мы мастера на все руки — грузчики, корректоры, снабженцы…»

Так начинается этот очерк, названный автором просто: «Родине. Фронту. Победе».

Пришедшая на русскую землю двадцать второго июня 1941 года война изменила жизнь и судьбы всех советских людей. У одного из самых известных и любимых читателями фронтовых поэтов-сибиряков, Георгия Суворова, есть такие строчки, написанные в начале войны (неожиданно — в форме сонета, которую он полюбил на войне):

Ещё вчера мечтал об институте,
О книгах, о задуманных стихах,
Каникулярном будущем маршруте
Средь гор хакасских, о ночных кострах;
Мечтал о той торжественной минуте,
Когда кулан на голубых рогах,
Развеяв клочья предрассветной мути,
Поднимет из-за гор расцветший мак.

Теперь всё прочь… И книги, и цветы:
Ты слышишь клич — опасность над страною.
Поэт, теперь маршрут изменишь ты,
Сменив берданку меткой нарезною,
Забудешь дебри, реки и хребты…
Сегодня ты — боец, готовый к бою.

…Об авторе этих строк, проникнутых любовью и к своей малой родине — приенисейской земле, мерцающей сквозь предрассветный туман «ночными кострами», и к родине большой, России — за которую он и идёт теперь, «меняя все прежние маршруты», сражаться, было написано за минувшие после Победы восемь десятилетий, к счастью, немало. Среди авторов публикаций о Георгии Кузьмиче Суворове — литературоведы, историки, журналисты, а ещё и — поэты, ленинградцы и сибиряки, его современники, те, кто знал его при его короткой жизни или открыл для себя его творчество уже после войны, на которой он погиб.

Составитель давней прекрасной книги памяти Георгия Суворова — «Звезда, сгоревшая в ночи» (Новосибирск, 1970), переизданной затем под названием «Соколиная песня» (Москва, 1972), поэт и публицист Леонид Решетников так начинал открывающее книгу размышление о своём погибшем ровеснике: *«Я не был знаком с ним. Но я знаю его. Ибо он — из того поколения двадцатилетних, которое в сорок первом лицом к лицу встретило первое своё настоящее испытание на прочность и с честью вышло из него. Один из тех, чья сущность и судьба, без остатка отданные родной земле, составили зримую черту, не затерявшуюся среди множества других штрихов, наметивших прекрасный и трагический облик поколения. А я принадлежу к этому поколению…»*

Собственно, поэты начали писать о Суворове ещё до начала войны. В сибирских городах — в Новосибирске, Омске (где прошло начало его солдатской службы и где состоялись первые поэтические публикации Георгия) — он познакомился и подружился с местными поэтами: Елизаветой Стюарт, Александром Смердовым,

с известнейшим уже к тому времени Леонидом Мартыновым, который охотно «взял шефство» над начинающим путь к поэзии молодым автором.

Мартынов как бы подхватил эстафету у другого сибирского поэта, Ивана Ерошина, творческое общение с которым, как мы уже отмечали, началось у Суворова в селе Иудино (затем — Бондарево) и в Красноярске в конце тридцатых годов.

В селе Бондарево Георгий в 1937–1939 годах работал учителем русского языка и литературы, заочно продолжая учиться в Абаканском педтехникуме,— надо было помогать сестре и содержать самого себя (детство у Георгия было сиротским, со скитаниями по родным и соседям, с ранним попаданием в детдом…). Здесь вместе с земляком, журналистом Афанасием Шадриным, Георгий Суворов будет искать утраченные «писаницы» с могилы знаменитого иудинского философа Тимофея Бондарева. Здесь начнутся и первые его поэтические опыты. Но, как вспоминали Афанасий Шадрин и его собратья по перу, в ранних стихах Суворова преобладали мотивы «подспудной скорби», «есенинского упадничества»…

В 1939 году Георгий приезжает в Красноярск, поступает на подготовительное отделение факультета русского языка и литературы в Красноярский пединститут. К этому периоду относится его недолгое, но очень значимое знакомство с его ровесником и будущим собратом по поэтическому цеху, молодым красноярским поэтом Казимиром Лисовским. *«… Суворов Гоша, Боря Богатков! Я знал обоих вас не понаслышке. Встречался часто. и до петухов мы упивались строчками стихов, тогда ещё — безусые мальчишки»,*— будет вспоминать потом Лисовский Георгия Суворова и другого погибшего поэта-сибиряка, Бориса Богаткова… Но вскоре Георгия призывают на воинскую службу, и учиться в институте ему, о чём он мечтал всю свою короткую жизнь, так и не пришлось…

Опубликовавший в 1988 году подборку фронтовых писем Г.Суворова Виктор Утков, друг и коллега Мартынова, рассказывает о творческом вечере Георгия Суворова, устроенном в Омске в марте 1941 года. В статье «Поэт-красноармеец», напечатанной в «Омской правде» вскоре после этого вечера, Леонид Мартынов писал: *«За год военной службы Георгий Суворов немало вырос… Старый лирик Иван Ерошин должен радоваться за своего друга — ерошинские мотивы теперь почти не звучат в стихах Суворова. Учитель должен быть доволен учеником, ищущим творческую самостоятельность».*

…Несмотря на то, что превратности нелёгкой (вечно — как бы походной) жизни Георгия Суворова лишили его возможности серьёзной профессиональной учёбы, он упорно и успешно учился сам, учился прежде всего у тех поэтов, встречи и дружбу с которыми та же «походная судьба» ему щедро дарила: *«Дорога, дымная дорога, из боя в бой, из боя в бой…»* И если попробовать разложить перед собой стихи Георгия разных лет, с 1937 до 1944 года, то увидишь, как росла и мужала душа поэта, как вырабатывался, становился уверенным его поэтический почерк, как стало вдруг в полной мере проявляться то, дарованное ему Богом, свойство его личности, что называют люди простым словом: «талант», «поэтический дар»…

Уходило привнесённое, случайное. Да, ушли, например, ранние фольклорные, ерошинские мотивы (но какая-то глубинная ментальная связь с душой «народа-языкотворца» пребывала непрерванной!), да, ушли юношеские, внешние есенинские интонации (но подлинно народная, есенинская, жизнеутверждающая связь лирического героя с природой — осталась!). Священная война дала новые, потрясающие темы для суворовской лирики, она определила новую меру тех духовных и эстетических ценностей, которыми будет отныне неукоснительно руководствоваться в своей короткой жизни его лирический герой. Произошло вдруг то, о чём другой поэт-современник Суворова скажет: *«Нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту…»*

Вот одно из самых драгоценных, талантливых, поздних, предсмертных, известных и, кажется, очень простых стихотворений Георгия Суворова 1944 года:

Мы тоскуем и скорбим.
Слёзы льём от боли…
Чёрный ворон, чёрный дым,
Выжженное поле…
А за гарью, словно снег,
Ландыши без края…
Рухнул наземь человек,—
Приняла родная.
Беспокойная мечта,
Не сдержать живую…
Землю милую уста
Мёртвые целуют.
И уходит тишина…
Ветер бьёт крылатый.
Белых ландышей волна
Плещет над солдатом.

Стихи эти не требуют никакого комментария. Они действительно просты, ясны и подлинно драматичны, в них ничего «ни убавить, ни прибавить» невозможно. Четыре лаконичных строфы (ничего лишнего в них не включить!), вместившие традиционные, казалось

бы, и привычные образы русской народной поэзии — «чёрный ворон», «крылатый ветер», «чёрный дым», «милая земля», которую целуют «мёртвые уста» солдата («Приняла родная…»)… И рядом с этими образами, в самом конце смертного боя, — как взрыв белого света: *«А за гарью, словно снег, ландыши без края…»*

Кончился бой, упал на родную землю безымянный солдат, о котором ничего, кроме солдатского его звания, мы не знаем. И какая бесконечная, немыслимая, долгая, горькая, безвыходная боль нахлынет на нас в ту самую последнюю секунду, когда (перечитаем эту строфу!): *«И уходит тишина… Ветер бьёт крылатый. Белых ландышей волна плещет над солдатом»*… Безусловно, эти стихи в полной мере, каждым словом своим, относятся к тому бессмертному поэтическому мемориалу, который оставили всем последующим поколениям читателей-соотечественников павшие поэты Великой Отечественной…

Честно выполненный Георгием Суворовым солдатский долг, несколько лет горького и бесстрашного опыта войны, пришедшее в боях осознание невероятной ценности человеческой жизни — и, при этом, в тех же боях до конца осознанной готовности, не задумываясь, если потребуется, отдать жизнь эту за Родину, — всё это и сформировало досрочно поэта Георгия Суворова, как сформировало всё это досрочно и десятки, сотни других, погибших и выживших, поэтов его поколения…

Армия и война как бы заново сложили, вылепили, окончательно отшлифовали его — и личность его, и даже внешний его облик. Не случайно все его военные друзья-поэты в своих воспоминаниях об этом внешнем «гвардейском» облике единодушно говорят почти одними и теми же словами. Вот, к примеру, слова о Суворове из посвящённого ему очерка классика советской поэзии Николая Тихонова:

«Он был из тех ладных молодцов, в которых чувствуется что-то богатырски-молодое, и застенчивое, и дерзкое вместе, которые на вопрос: „Кто пойдёт в самое пекло?“ — отвечают, делая шаг вперёд: „Я пойду!“ Было и нечто суровое в этом ясном, открытом лице, может быть, оттого, что брови были слегка нахмурены и рот был очерчен решительно и строго. Глаза с задоринкой смотрели прямо на собеседника…»

И особо подчеркнём ещё очень важные слова Тихонова, относившегося, как точно подметила красноярский исследователь творчества Суворова профессор Галина Шлёнская, к Георгию с отцовской привязанностью и любовью. Тихонов пишет: *«Передо мною стоял человек цельный, мужественный и полный какой-то скрытой нежности и грусти.* Всё в нём было настоящее (выделено нами. — *Г. М.*)*: и страсть, и храбрость, и эти неустоявшиеся и пьянящие, как молодое вино, стихи».*

«Всё в нём было настоящее…» Как точно и просто сформулировал поэт главное в своём младшем собрате…

И сколько скорби и горечи будет в тихоновских словах, написанных после смерти Георгия Суворова: *«Я всегда думал о Суворове. Мне так хотелось… чтобы он дожил до Победы»*…

Умирая тринадцатого февраля 1944 года в военном госпитале от ран, полученных в своём последнем сражении с врагом, Суворов несколько раз перед смертью вспоминал имя своего старшего друга. А Николай Тихонов, рассказывая спустя годы после Победы о своей дружбе с поэтом-фронтовиком, вспоминал его стихи, которые Георгий по его просьбе читал ему, бывая в гостях в гостеприимной ленинградской квартире Тихонова. Война и любовь к жизни наполняли эти написанные между боями строки. Одно из самых Тихоновым любимых суворовских стихотворений называлось «Чайка».

Птица, полёт которой был на секунду увиден поэтом в начале боя, становится символом жизнеутверждающего и жертвенного служения молодых бойцов делу ратного подвига в борьбе с ненавистным врагом:

Как полумесяц молодой,
Сверкнула чайка предо мной.
В груди заныло у меня…
Зачем же в самый вихрь огня?
Что гонит?.. Что несёт её?
Не спрячет серебро своё…
Зачем? Но тут припомнил я…
Зачем? Но разве жизнь моя…
Зачем? Но разве я не так
Без страха рвусь в огонь атак?!
И крикнул чайке я: «Держись!
Коль любишь жизнь — борись за жизнь!»

Служивший в годы войны в осаждённом Ленинграде, Николай Тихонов назовёт свои воспоминания о Георгии Суворове словами из его стихов: «Сибиряк на Неве». Дело в том, что в 1942–1944 годах Суворов сражался на Ленинградском фронте. Два эти года тоже многое определили и в развитии личности, и в самом творчестве Суворова. Блокадный Ленинград с его опустевшими, прямыми, как стрела, проспектами и не сдающимися, несмотря на голод, холод, блокаду, мужественными людьми, навсегда войдёт в его сердце, в его душу. На излёте его короткой судьбы она одарит его дружеским общением с работавшими здесь во фронтовых газетах его сверстниками — поэтами Михаилом Дудиным и Сергеем Наровчатовым.

Общение с «сибиряком на Неве» стало и для этих знаменитых в будущем советских литераторов не только источником узнавания загадочной дотоле для ленинградцев далёкой Сибири и неповторимого «сибирского характера», но и своеобразным глотком кислорода, поводом для жарких споров о поэзии в перерывах между боями и, конечно же, временем чтения взахлёб новых стихов, которые все трое продолжали на войне писать.

Сергей Наровчатов так вспоминал начало их дружбы с Суворовым: *«... мы меньше всего говорили о смерти. Да, только в молодости возможно такое взаимораскрытие с первого взгляда, с первой встречи. О чём мы не говорили! ... мы были хмельны своей молодостью, прекрасной своей молодостью! Она обнимала всё: прошлые и теперешние встречи, написанные и ненаписанные стихи, начавшееся наступление на всех фронтах. И заветное, тревожное, ослепительное, то, что мы обозначили двумя словами: „после войны“. Это „после войны“ рисовалось нами как нечто яростное, бурное и — принадлежащее нам с начала до конца. Мы жили в эти часы предощущением счастья, не сознавая, что мы сами были тогда счастьем. Счастьем дышала наша молодость, счастьем полнилась дымная ночь, счастьем звенели прерывистые слова...»*

«После войны» и Дудин, и Наровчатов будут постоянно возвращаться мыслями к военным годам, и страницы их минувшей военной юности, которые невозможно забыть, окажутся прочно связаны с образом поэта-сибиряка, который для них «навсегда остался воплощением фронтовой молодости».

Перечитывая уже спустя несколько десятилетий стихи друга, Наровчатов сразу вспоминает Георгия Суворова как живого: *«Кажется, только оглянись — и вновь встанет на пороге твоей жизни ослепительный красавец с гвардейским значком на гимнастёрке, а за ним встанут очертания города твоей юности с адмиралтейской иглой, врисованной в бледно-зелёное небо, вспыхнут походные костры, с греющимися около них солдатами, услышатся давние стихи, прерываемые грохотом снарядов. И как в потускневшем зеркале увидишь и свой давний облик, мало чем сходный с теперешним...»*

Михаил Дудин в 1944 году напишет предисловие к подготовленной Георгием Суворовым перед смертью к печати книге его стихов «Слово солдата». В предисловии есть такие слова, наполненные горечью и болью: *«Это первая и последняя книга Георгия Суворова. Больше он ничего не напишет. Трудно сказать, что бы он сделал в будущем, потому что слишком много у него было возможностей, темперамента, воли и той силы, которая ещё не нашла себе настоящего выхода. И эти стихи только маленькая часть его характера»*.

Возвращался памятью к своему другу и его стихам и Казимир Лисовский. Довоенные встречи с будущим командиром взвода противотанковых ружей гвардии лейтенантом Георгием Суворовым оказались незабываемыми. А боль от его безвременного ухода из жизни не проходила с годами.

…Особенно ты, Гоша, близок мне,
Ведь в Красноярске прожили мы годы!
Садись поближе к фронтовой родне,
Рассказывай, дружище, про походы.
…Читай стихи… Но нет, не можешь ты!
Ты смотришь вдаль спокойно и открыто,
Становятся уже твои черты
Как бы изваянными из гранита.
Ты как бы продолжаешь свой поход,
Застыв в броске в минуту смертной схватки…
И ветер времени годами рвёт
Полу окаменевшей плащ-палатки.

…Другим поэтам предстояло написать и дописать всё то, что «сибиряк на Неве» прочувствовать, прожить и воплотить в поэтических строчках не успел. Но многое ему, торопившемуся жить и торопившемуся записывать на клочках бумаги рождавшиеся в бою строчки, удалось успеть наметить, обозначить, сказать. Чудом сохранившиеся и потом напечатанные, его строки как будто до сих пор хранят дрожание лепестков ландышей, запах пороха и грохот взрывов. Ставший после окончания войны для друзей недвижным, «изваянным из гранита», в стихах своих он до сих пор жив, он движется, бежит по полю боя — и мы, читатели двадцать первого века, вместе с ним как будто бежим в атаку и надеемся выжить, одолеть врага, мы чувствуем, грустим, радуемся, переживаем, скорбим вместе с ним. Такова сила настоящей поэзии и широкой, *настоящей*, русской души.

Исследователи многое уже успели сказать о главных темах и мотивах поэзии Суворова тех нескольких ленинградских военных лет — и о фронтовом братстве, которое он очень остро чувствовал на войне, и о коротких и блистательных портретах русских офицеров, которые он успел в своих стихах набросать. А о каких-то чертах суворовской поэзии ещё предстоит, наверное, сказать. Например, об удивительном умении поэта на секунду как бы остановить время, в какой-то микромиг перед началом боя разом охватить взглядом и запечатлеть словами не только всю картину поля боя, но и выделить из неё самые важные, образные детали — и одновременно запечатлеть те мысли и чувства, которые именно в эту секунду присутствуют в душе солдата, готового ринуться в бой…

Мужественная, но лирическая интонация, несколькими мазками начерченная картина природы и эпическая стойкость духа русского солдата — они буквально в нескольких строчках вдруг сцепляются воедино и передают читателю самое главное, что чувствует автор, готовый вновь сквозь бесконечную метель и безответный мрак идти в сражение, «лишь тьму прорвёт ракета»:

Метёт, метёт… И нет конца метели,
Конца тяжёлым белым хлопьям нет.
Метёт, метёт… И заметает след
К моей солдатской полумёрзлой щели.
Метёт, метёт… И не увидишь света,
И не увидишь друга в двух шагах.
Вот через этот безответный мрак
Я двинусь в путь, лишь тьму прорвёт ракета.

Георгию Суворову суждено было ещё увидеть начало снятия блокады города, который он полюбил всей душой. Он мечтал о будущем, о том, как будет вспоминать, вернувшись на родину, и первый ленинградский праздничный салют двадцать седьмого января 1944 года, и всё, что происходило с ним и его друзьями «на берегах Невы» в эти годы их военной молодости:

Когда-нибудь, уйдя в ночное
С гривастым табуном коней,
Я вспомню время боевое
Бездомной юности моей.
Вот так же рдели ночь за ночью,
Кочуя с берегов Невы,
Костры привалов, словно очи
В ночи блуждающей совы.
Я вспомню миг, когда впервые,
Как миру светлые дары,
Летучим роем золотые
За Нарву перешли костры.

…Предчувствовал ли он, предугадывал ли свою гибель?.. Годы и годы спустя об этом обострённом предчувствии смерти у Суворова будут говорить и Тихонов, и Наровчатов.

Во всяком случае, всё это «поколение двадцатилетних» знало, что смерть бродит буквально в нескольких шагах от них («а до смерти четыре шага»), это поколение было готово в любой момент к смерти за Родину… Трагическая, горькая страница истории поколения. Николай Тихонов напишет: *«... если поэту даны предчувствия, то он предчувствовал свою гибель, но мрака не было у него на сердце…»*

Как удивительно точно и верно сказано: *«... но мрака не было у него на сердце…»*

Пришёл и рухнул, словно камень,
Без сновидений и без слов,
Пока багряными лучами
Не вспыхнули зубцы лесов,
Покамест новая тревога
Не прогремела надо мной.
Дорога, дымная дорога,
Из боя в бой, из боя в бой…

И строчки, созданные поэтами этого поколения, эту «походную жизнь» поколения, у которого «не было мрака на сердце», с осознанием того, что она в любой момент может внезапно прерваться, — они не могли эту жизнь по соседству со смертью не передать, не отразить искренне, полно и убедительно. Не оттого ли порой о том или ином последнем стихотворении погибших, навеки «оставшихся двадцатилетними» поэтов военного времени мы говорим: «Эти строки стали своего рода завещанием поэта, обращением поэта к нам, живым, к тем, ради которых он погиб…»?

Есть такое стихотворение и у Георгия Суворова. Оно вошло во все антологии поэзии военных лет, его чаще других суворовских стихов читают на вечерах поэзии Великой Отечественной, свои размышления об этом стихотворении оставили практически все, кто писал о поэте и его судьбе. Больше того, это стихотворение относится к тем буквально нескольким только стихотворениям, написанным участниками войны (есть такие строки и у Константина Симонова, и у Николая Майорова, и у Семёна Гудзенко, и у Павла Когана, и у Сергея Орлова…), которые без всякого преувеличения можно считать обращением ко всем нам — читателям и двадцатого, и двадцать первого века — от лица всего фронтового поколения…

«Эпиграфом к судьбе всего нашего поколения» назовёт эти суворовские стихи Михаил Дудин, к которому они и были обращены.

«Поразительной эпитафией... всем безвременно погибшим на фронте» назовёт это *«сложенное Суворовым за несколько дней до смерти стихотворение»* Сергей Наровчатов.

Леонид Решетников называет эти строчки лучшими стихами Суворова, которые *«переросли значение стихов как явления чисто литературного и стали выражением физического и нравственного подвига поколения. Эти слова написаны не только Воином, но и Поэтом»*.

Удивительные, поистине бессмертные стихи…
Ещё утрами чёрный дым клубится
Над развороченным твоим жильём.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнём.
Ещё ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций

И в них восторженные соловьи.
Ещё война. Но мы упрямо верим,
Что будет день — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.
Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а всё-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло!..
В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей.

Последние строки этого стихотворения выбиты на памятнике на братской могиле в Сланцах, где покоятся останки поэта…

Пожалуй, никто не написал об этом стихотворении лучше, чем его друг Сергей Наровчатов, не успевший попрощаться с ним в медсанбате, где Суворов лежал, умирая от ран:

«Все лучшие черты поэзии Георгия Суворова нашли выражение в этом стихотворении. Это стихи огромного душевного и духовного простора. Прощальные слова уходящего навек человека, они сказаны как бы вполоборота на медленном неостановимом шагу. Первые строфы ещё звучат надеждой, что широкий мир откроется равно всем, но последние четверостишия звенят уже пронзительной нотой расставания. Меня всего буквально переворачивает от провидческих строк: „Мой милый друг, а всё-таки как быстро, как быстро наше время протекло“…»

И дальше Наровчатов пишет:

«В последних стихах Георгия Суворова разлита такая мудрая и всепобеждающая сила, что трудно поверить в принадлежность их молодому человеку, почти мальчику. В стихах заключена скорбная самооценка всего поколения, и строки „Свой добрый век мы прожили как люди — и для людей…“ — можно назвать поистине великими. Ведь в самом деле, великие слова свойственно произносить не только великим людям. Вряд ли политрук Клочков, обратившийся к бессмертным 28-ми со словами: „Велика Россия, а отступать некуда, позади — Москва“, — ощущал себя великим человеком. А он и впрямь был великим тогда, и великими остались его слова. Так и с Суворовым…»

И наконец, Наровчатов говорит о том, что в полной мере можно отнести к судьбе стихов и поэзии всего военного поколения, к которому его друг и он сам принадлежали. Замечательно точные слова:

«… наше поколение не выдвинуло гениального поэта, но всё вместе оно стало таким. И великие слова, сказанные Георгием Суворовым накануне своей смерти, принадлежат всему поколению…»

Ещё одно не забытое, к счастью, сибиряками имя, имя родившегося и росшего в Красноярском крае воина и поэта, — гвардии старший сержант Борис Андреевич Богатков. Когда он погибнет на Гнездиловских высотах на смоленской земле, поднимая своими стихами взвод автоматчиков в атаку, ему ещё не успеет исполниться и двадцать один год… И конечно, подавляющая часть его стихов оставалась в лучшем случае в рукописи или в памяти однополчан и друзей. Только несколько успел он опубликовать при жизни в газетах и журналах Ачинска, Новосибирска, Москвы…

Буквально по крупицам собраны были стихи Бориса Богаткова и воспоминания о нём, а потом изданы в 1973 году в Новосибирске в виде составленного другом Богаткова журналистом Н. Мейсаком и поэтом Л. Решетнёвым сборника. Сборник этот был назван ими очень просто, точно и горько: «Единственная книга». А в 2016 году в Красноярске вышел составленный писателем Александром Астраханцевым ещё один сборник красноярских поэтов-фронтовиков: «На линии огня». В нём тоже представлена полновесная подборка стихов Бориса Богаткова разных лет. Некоторые стихи Богаткова вошли и в другие антологии поэзии военных лет и поэзии Сибири двадцатого века.

…Когда листаешь страницы воспоминаний и рассказов о сержанте и поэте Богаткове, почти сразу убеждаешься: это был подлинный сын своего времени, своей эпохи. Один из лучших и типичных представителей своего удивительного, большей частью погибшего на Великой Отечественной поколения.

И действительно, вот одно из самых его ранних, 1940 года, стихотворений, «Майская ночь». Ты читаешь его — и в сердце сразу оживает когда-то увиденное и услышанное, звучит «Москва майская»: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля…» Вслед за хроникальными фигурами счастливых физкультурников, идущих майским парадом по Красной площади, всплывают в памяти начальные кадры бессмертного художественного фильма Михаила Калатозова и Сергея Урусевского «Летят журавли», в которых счастливые Вероника и Борис (тёзка Богаткова!) возвращаются домой по ещё не проснувшейся Москве…

Я по улице спящей шагаю.
За углом репродуктор поёт.
Разукрашены здания к маю.
В звёздном небе парит самолёт.
Ветер свеж, как дыхание милой,
ночь тепла, как улыбка её.
И любовью с огромною силой
наполняется сердце моё.

Ныне в жизни встречается часто:
путь открыт нам, и цели ясны —
сочетанье природы и счастья,
сочетанье любви и весны.
Чувством этим, могучим и свежим,
я обязан — поэт молодой —
и любимой моей — самой нежной,
и стране своей — самой родной.

Он действительно был достойным сыном своего времени, а ещё и — безупречно порядочным и добрым, мужественным человеком. Называемый порой «сибирским Горьким» писатель Афанасий Коптелов таким рисует Бориса Богаткова: *«Сероглазый, светловолосый, немножко медлительный, он был на редкость простым, мягким и задушевным человеком. О нём говорили: „Скромный, как красна девица“. К этому можно добавить:* честный, как сама правда (выделено нами. — *Г. М.*)».

Как и у почти всего его поколения, довоенная судьба Бориса Богаткова не была простой, прямой и лёгкой. Родился в 1922 году в селе Балахта Ачинского уезда, в крепкой интеллигентной семье. В семье трое детей. Мать — учительница, отец — политработник. Борис — самый старший. С детства пристрастился к чтению, читал запоем, особенно любил стихи. Но наступает 1931 год, смертельно больная мать попадает в больницу. Журналист Дмитрий Шеваров приводит текст записки матери из больницы. Его и сейчас нельзя читать без волнения: *«Милый мой мальчик, золотой мой Бориска, мы уже никогда не увидимся, прощай, воробышек мой. Я хочу, чтобы ты не плакал, никогда в жизни. Будь хорошим комсомольцем, мой Боря. Будь хорошим человеком, родной мой соколик»*.

Отец постоянно ездит в служебные командировки. Девятилетнего мальчика забирает к себе родственница матери, Татьяна Евгеньевна Зыкова, живущая в Новосибирске, тоже учительница, заменившая ребёнку мать…

«Соколик Бориска» растёт, как и завещала родная мать, хорошим комсомольцем и хорошим человеком. Ещё он часто вспоминает отца, долгие ачинские вечера, когда отец рассказывал о своей комсомольской молодости. В Московской области, куда в 1939 году Борис переедет после окончания новосибирской десятилетки к сестре отца, будут написаны многие его ранние стихи, в том числе и эти строчки:

С завистью, большой и затаённой,
на отца смотрел я потому,
что наган тяжёлый, воронёный
партия доверила ему.
Вечерами зимними при лампе
он рассказывал, как их отряд
атакующей кулацкой банде
указал штыками путь назад;
как в сугробы падали бандиты,
чёрной кровью прожигая снег,
как взвивался пулями пробитый
красный флаг над сотней человек;
как партийцы шли вперёд бесстрашно
сквозь свинец и ветер, а потом
зло скрестили в схватке рукопашной
взгляд со взглядом, штык с чужим штыком.
Наизусть я знал рассказ подробный.
Всё же каждый вечер мне опять
вдруг казались неправдоподобны
стулья, шкаф, и лампа, и кровать.
Все они куда-то исчезали,
завывала в комнате пурга,
и передо мною проплывали
тучи дыма, флаги и снега…
Вспоминаю с гордостью теперь я
про рассказы своего отца.
Самому мне Родина доверит
славное оружие бойца…

Всю свою короткую жизнь он хотел быть бойцом и поэтом…

Стихотворение об отце, названное «Совершеннолетие», опубликует «Комсомольская правда». «Возьмёт разбег, далеко пойдёт Борька…» — ещё в Новосибирске говорили о нём друзья, молодые литкружковцы. А в Москве его принимает в свою поэтическую студию при «Комсомольской правде» не кто-нибудь, а сам Павел Антокольский! И когда в 1940-м Борис поступит на вечернее отделение Литинститута имени А. М. Горького (а днём будет работать в Москве на Метрострое), сам Алексей Толстой установит для талантливого студента и перспективного поэта персональную стипендию своего имени…

Он хотел быть бойцом и поэтом…

В сороковом году ему исполнится восемнадцать. Меняется постепенно тематика стихов, появляются новые мотивы. Всё прочитанное и любимое из русской поэзии — и Пушкин с Лермонтовым, и комсомольские поэты двадцатых, и, конечно же, самый любимый, Маяковский, — всё это так или иначе отзывается в новых строчках, без которых он свою жизнь уже не представляет. Вот как в этом, взятом для публикации журналом «Смена», стихотворении «Сквозь ливень»:

Сквозь ливень

Мелькнули молнии несколько раз.
Всё настойчивей грома удары
Повторяют прохожим приказ:
«Освободить тротуары!»
Старушечка, опуская веки,

Походкой дрожащей
Через улицу спешит к аптеке.
Вошёл гражданин в магазин ближайший.
И вот уж, побитый каплями первыми,
Красный флаг, что спокойно висел,
Вдруг, как что-то живое, с нервами,
Весь рванулся навстречу грозе.
С шумом на город, притихший, серый,
Дробясь об асфальт, уходя в песок,
Дождевые прозрачные стрелы
Густо льются наискосок.
В футболке, к телу прильнувшей компрессом,
В брюках блестящих, потяжелевших
Шагаю ливню наперерез я,
Почти спокоен, уверен, насмешлив.
Лучше так вот шагать всю жизнь,
Чем, грозу переждя,
Вслед за теми послушно плестись,
Кто прячется от дождя.

(В одном из вариантов этого стихотворения оно завершалось так:

И не видит душою праздною,
Как во всей красоте и силе
Сверкает и свищет полотнище красное,
Омытое ливнем от будничной пыли…)

«Наперерез ливню», «навстречу грозе» — так его лирический герой, который под ливнями «почти спокоен, уверен, насмешлив…», мечтал прожить свою жизнь. Они все «с детства не любили овал», они все упорно «рисовали угол»…

И совсем рядом с этим стихотворением, которое не только Маяковского, но и Багрицкого, и Блока, и нашего земляка Петра Казачкина заставляет нас невольно вспомнить, почти рядом, через год появляется совсем другое, полное скрытой нежности, мягкой боли, ностальгически-иронической рефлексии и, одновременно, интонаций почти пророческих, появляется стихотворение, названное автором «Остатки детства»:

Остатки детства

Хоть становлюсь я угрюмым, упорным,
меня иногда, как прежде,
влекут в дымное небо кричащие горны,
знамёна, стреляющие на ветру.
Но это случается реже, реже.
И, видимо, скоро в последний раз
почудится мне оружия скрежет
и блеск ненавидящих вражьих глаз.
Каменных стен огромные брусья.
Крепость в дыму, крепость в огне.
И, возглавляя отряды, мчусь я
на безупречно белом коне.
Что там на башне — не флаг ли белый
или порхнул от выстрелов дым?
Проломы в стене — не ловушка смелым,
они — триумфальная арка им!
Мой скакун пролетает над бездной.
Рвы за спиною.
Вперёд! Вперёд!
Мечей обнажаемых шёпот железный,
ворота вдруг распахнулись!.. И вот —
качнув головой, улыбаюсь устало:
Борис, Борис, довольно сражаться.
Ведь тебе ни много ни мало —
уже почти девятнадцать.

Эти строчки были написаны в подмосковных Вешняках в сорок первом. Когда? В апреле, может быть, или в мае, в начале июня… Вся прежняя жизнь, всё трудное, но всё же счастливое детство в эти стихи, как в походный чемоданчик «длиной в полметра», уместились. И все мечты «соколика Бориски» — «о подвигах, о доблестях, о славе», мечты о летящем над бездной прямо к триумфальной арке «безупречно белом коне» — он знает, видит, предчувствует это, — все они к нему придут, «видимо, скоро в последний раз»…

(Судя по содержанию ещё одного стихотворения, написанного тогда же в Вешняках, всё же это был май, май 1941 года…)

Значит, всего пара десятков листков календаря отделила эти строчки от другой, чёрной, хоть и воскресной, июньской даты.

И от другой жизни, в которой он всё равно останется прежним, «честным, как сама правда».

В ней не будет белых коней над бездной. Но будет всё то, о чём грезило его поколение: Подвиги. Доблесть. Слава… И ещё: Боль. Страдания. Смерть…

Эта, совсем короткая, меньшая часть жизни поэта и воина Бориса Богаткова начнётся с других строчек:

Наконец-то!

Новый чемодан длиной в полметра,
Кружка, ложка, ножик, котелок…
Я заранее припас всё это,
Чтоб явиться по повестке в срок.
Как я ждал её! И наконец-то
Вот она, желанная, в руках!..
…Пролетело, отшумело детство
В школах, в пионерских лагерях.
Молодость девичьими руками
Обнимала и ласкала нас,
Молодость холодными штыками
Засверкала на фронтах сейчас.
Молодость за всё родное биться
Повела ребят в огонь и дым,
И спешу я присоединиться
К возмужавшим сверстникам своим!

Этим строчкам предшествуют ещё два стихотворения сорок первого года, названия которых полностью выражают всё их содержание: «Годен!» и «Добровольцы».

Он, конечно же, в самые первые дни войны пошёл, не мог не пойти в военкомат. Просился в лётчики. Не взяли. Определили в авиационные техники. «Как, быть в тылу?..» И он снова просится — направить его в самую гущу войны, в пехоту.

У остановившегося во время начавшейся бомбардировки военного эшелона Борис вытаскивает на себе прямо под бомбами раненого друга (опять всё как в фильмах…). И — тяжелейшая контузия, госпиталь, полное снятие с воинского учёта, отправка в глубокий тыл.

…И вспомнил ты вид из другого жилья:
разбитые блиндажи,
задымленные поля
срезанной пулями ржи.
Плохую погоду —
солнечный день,
когда, бросая густую тень,
хищный «юнкерс» кружил:
чёрный крест
на белом кресте,
свастика на хвосте.
«Юнкерс» камнем
стремился вниз
и выходил из пике.
Авиабомб пронзительный визг,
грохот невдалеке;
вспомнил ты ощутимый щекой
холод земли сырой,
соседа, закрывшего голой рукой
голову в каске стальной,
пота и пороха крепкий запах…
Вспомнил ты, как, небо закрыв,
бесформенным зверем
на огненных лапах
вздыбился с рёвом взрыв…

В Новосибирске он работает в «Окнах ТАСС», «воюет с фашистами словом», создаёт стихи, поэмы и сатирические куплеты для газет, для радио. И, несмотря на категорические запреты врачей, снова рвётся на фронт, тайком ходит на курсы снайперов. И добивается своего. К 1943 году его зачисляют в прославленную в дальнейшем 22-ю Сибирскую добровольческую дивизию. Старший сержант Богатков назначается командиром взвода автоматчиков.

И наступил тот, последний, не прожитый до конца день его жизни — одиннадцатое августа 1943 года, когда командир автоматчиков старший сержант Борис Богатков пал смертью храбрых, поднимая свой взвод с красным флагом в руке в третью за тот день атаку песней своей дивизии, которую написал за несколько дней до своего последнего боя.

…Песню вслед за командиром подхватили его бойцы:

Всё, гвардеец, в боях изведай —
Холод, голод, смертельный риск —
И героем вернись с победой

В славный город Новосибирск!..

Через несколько десятилетий другой красноярский поэт, из другого поколения, который в том сорок третьем году только ещё пошёл в школу, как наяву увидит августовский миг сорок третьего года, когда была взята, наконец, нашими неприступная до того высота 233,3:

«И шагнул поэт навстречу смерти, и запел… через открытое поле, каждый сантиметр которого простреливался перекрёстным огнём, шёл, не пригибаясь, как на смотру, белокурый поэт в форме сержанта, и шёл за ним его взвод — нет, уже батальон! — нет, уже полк! — шли, надвигались на врага поющие цепи, и пули с воем шарахались прочь... Зачем же ты оглянулся, поэт?.. Оглянулся — и не заметил, как исподтишка, подло ужалил тебя выстрел, как с хрустом, навылет, пробил твою грудь свинец…»

В своей легендарной книге «Добрая воля Сибири» Вячеслав Назаров приводит несколько писем, отправленных Борисом Богатковым другу в Новосибирск. Они дают нам драгоценное, хоть и скудное, представление о том, как жил и развивался поэт Борис Богатков на войне.

Вот он (так и остался романтиком!) просит прислать ему *«стихи Шелли, Китса… и, если можно, Шиллера. Очень хочется подержаться за его романтические крылья»*. А вот просит друга помочь: *«Где бы найти книжицы по пейзажу? По композиции? Блаженствую: могу заниматься литературой по ночам. Башка, ясно, гудит, но ничего — лучшие времена не за горами! Будем слушать лекции не под вой снарядов, а под лепет берёзок или, скажем, весенних черёмух…»* А вот, за несколько дней до смерти, радуется тому, что написанное им хоть и не доделано ещё до конца, но оказывается востребованным однополчанами: *«У меня много начато и не окончено. „Андрюшку-миномётчика“ вовсю поют по всему корпусу. Недавно слышал песню в исполнении агитбригады соседней части. В душе бьётся гимн нашей дивизии. Ну, пока! Гвардейский привет! Борис Богатков»*…

Из недоделанного и недописанного — всё же дожили, дошли до публикации отдельные строки и строфы, которые наизусть запомнили оставшиеся в живых друзья. Однажды Борис услышал, как немцы на губной гармонике играют бетховенского «Сурка». *«Они не смеют, не*

должны к Бетховену прикасаться!» — воскликнул он. И родились стихи, из которых осталась в памяти у друзей эта строфа:

Звучит «Сурок», летит орбитой вальса
гармоники отзывчивая медь.
Стреляй наверняка. Но постарайся
бетховенскую песню не задеть.

А вот строчки из полностью сохранившихся стихов сорок второго года. В них подлинная, не декларативная любовь к России, которая на минуту оказалась вся здесь, рядом с поэтом, превратившись в маленький русский лесок, занятый проклятым врагом. И — команда, которую ждут рядом с этим леском гвардейцы, простая и ясная: «Вперёд!»

Метров двести — совсем немного —
отделяют от нас лесок.
Кажется — велика ль дорога?
Лишь один небольшой бросок.
Только знает наша охрана —
Дорога не так близка.
Перед нами — «ничья» поляна,
А враги — у того леска.
…Впереди — города пустые,
Нераспаханные поля.
Тяжко знать, что моя Россия
От того леска не моя…
…Ливень пуль, сносящий пилотки,
И оживший немецкий дзот…
Только бы прозвучал короткий,
Долгожданный приказ: «Вперёд!»

А вот — стихи, обращённые к любимой девушке, второй (последний…) раз в декабре 1942-го провожавшей его на новосибирском вокзале на фронт.

Начало — простое и ясное, всего лишь — короткая зарисовка проводов на фронт. Сколько таких коротких прощаний видела Россия — тысячи, сотни тысяч, миллионы?..

У эшелона обнимемся.
Искренняя и большая,
солнечные глаза твои вдруг
затуманит грусть.
До ноготков любимые,
знакомые руки сжимая,
повторю на прощанье:
«Милая, я вернусь».

И внезапное — как прозрение, как предвидение, как завещание, исполненное какого-то потрясающего душу, подлинного гуманизма, мудрой и мужественной, взрослой человечности, — окончание этого короткого стихотворения, этого прощания…

Я должен вернуться, но если…
Если случится такое,
что не видать мне больше
суровой родной стороны, —
одна к тебе просьба, подруга,
сердце своё простое
отдай ты честному парню,
вернувшемуся с войны.

«Почему ты лежишь один посреди России?..» (И тоже ведь — Борис…)

Борис Андреевич Богатков был посмертно награждён за свой подвиг орденом Отечественной войны I степени, имя поэта было внесено навечно в списки его дивизии, в Ачинске и Новосибирске в честь него названы центральные улицы, на них установлены памятники Борису Богаткову. Его имя было присвоено школе, где он учился, и одной из библиотек Новосибирска. Имя поэта внесено на мемориальный памятный камень поэтам-фронтовикам в Омске.

Но главное, конечно, — оставленные им нам стихи. Стихи, объясняющие нам, родившимся спустя десятилетия после великой Победы, природу героизма русских людей — рабочих и моряков, крестьян и учителей, пахарей и поэтов — на той Великой, на той подлинно Отечественной войне…

…Не жизнью —
Патронами дорожа,
Гибли защитники рубежа
От пуль, от осколков мин.
Смолкли винтовки…
И, наконец,
В бою остались: один боец
И пулемёт один.
В атаку поднялся очередной
Рассвет. Сразился с ночною мглой.
И отступила мгла.
Тишина грозовая. Вдруг
Моряк услышал негромкий стук.
Недвижны тела.
Но застыла над грудою тел
Рука. Не пот на коже блестел —
Мерцали капли росы.
Мичмана — бравого моряка —
Мёртвая скрюченная рука.
На ней живые часы.
Мичман часа четыре назад
На светящийся циферблат
Глянул в последний раз
И прохрипел, пересилив боль:
«Ребята, до девяти ноль-ноль
Держаться. Таков приказ».
Ребята молчат. Ребята лежат.
Они не оставили рубежа.
Напоминая срок

Последнему воину своему,
Мичман часы протянул ему:
«Не подведи, браток!..»

…Среди написанных памяти Бориса Богаткова стихотворных произведений есть и посвящённые ему стихи новосибирской поэтессы Елизаветы Стюарт, с которой они переписывались в короткий фронтовой период жизни Бориса. Стихотворение начинается и заканчивается простыми — как стихи самого Бориса, как любовь его поколения к Родине, как вся Поэзия — строчками:

Всё испытай — лишенья и страданья.
Запомни всё, чем эти дни полны.
Пойми, что значит ожидать свиданья,
Отложенного до конца войны.
Почувствуй тяжесть вымокшей шинели
И жар в глазах на третью ночь без сна,
Когда бойцы щепоть махорки делят
И с ног, как пуля, валит тишина.
Пройди по развороченным дорогам,
Чужое горе, как своё, измерь
И руку друга павшего потрогай,
Чтоб вновь и вновь возненавидеть смерть…
…Мы вместе жили, погибали, бились.
И мы войдём в бессмертье навсегда,
Как после боя вместе мы входили
Во взятые обратно города.
…И ещё, и ещё имена…

Анатолий Седельников — ещё одна судьба, оборванная войной, ещё один безвременно ушедший от нас поэт. Родился в 1919 году в Туруханске, учился в классе у И. Д. Рождественского, закончил в Красноярске девятнадцатую школу (сейчас она носит его имя), рано начал писать стихи, мечтал о поступлении в Литинститут…

Тоже — достойный сын своего поколения. Гордившийся тем, что он — «умевший косить крестьянин», людям «в глаза говоривший только правду»:

Я из рода людей, что не любят хвалы
И в глаза говорят только правду.
Я живу на земле, как мне сердце велит,
Сын Отчизны, крепостного правнук.
Я — крестьянин и горд, что умею косить,
Знаю запахи хлеба и пота.
Я рождён для того, чтобы людям служить,
Чтобы делать на совесть работу.
Я рождён для того, чтобы песню сложить
Про мою дорогую Россию.
Ради этого стоит, по-моему, жить,
Делать жизнь ещё лучше, красивей.

Командир разведгруппы, младший сержант, отдавший свою жизнь, чтобы приблизить победу.

Ни песен не было, ни разговора,
А люди шли и толпами, и врозь.
Двенадцать дня. У рупора весь город,
Вот с этого, пожалуй, началось.
Война… Под плач, под маршей переливы
Мы все спешили, будто под набат.
Но мимо всех спокойно, молчаливо,
Не торопясь, куда-то шёл солдат,
О чём он думал, эту весть встречая?
Он шёл, курил, смотрел на облака,
А перед ним, размеренно качаясь,
Как ласточка, летела тень штыка…

«Я чувствую, что скоро придётся уехать на фронт, — пишет он в своём дневнике, в учебном лагере под Иркутском, через два дня после начала войны. — *Сегодня я хочу отправить эту тетрадь вместе с фотографиями и стихами Н.* [жене]... *Когда-нибудь я продолжу свой дневник, и маленькая книжечка будет заполнена новыми стихами»*.

На фронте он будет успевать писать свои стихи на попадавшихся ему листках бумаги. Стихи его запоминали, знали его фронтовые друзья. *«Про то, что он пишет стихи, знали лишь самые близкие товарищи. Он их часто нам читал на привалах. Некоторые из них мы знали наизусть...»*

Ещё в сентябре 1941 года его полк попал в окружение. Поэт переживёт нацистский плен, бежит из него, станет партизаном, будет вместе с друзьями организовывать масштабные диверсии против неприятеля. Проявит себя как талантливый военный («обладал врождёнными качествами военного разведчика»), будет за свои подвиги при жизни награждён орденом Ленина, после смерти — орденом Отечественной войны I степени. Одиннадцатого ноября 1944 года поэт погибнет в разведке на польской земле, близ города Лутутув. Обстоятельства гибели остались неизвестными. Ему, как и Георгию Суворову, только-только исполнилось двадцать пять…

Вот одно из последних стихотворений Анатолия Седельникова 1944 года. В публикациях о нём даже встречается упоминание, что поэт прочитал его друзьям перед уходом на последнее боевое задание. Так ли, нет ли — но оно из разряда тех самых, последних, предсмертных, обращённых к будущим поколениям стихов поэтов-фронтовиков.

Называется стихотворение просто: «Родине»…

Родине

Пусть не иссякнет теплота,
Которой ты меня согрела.
Пусть будет вечной сила та,
Которой ты поила тело.
Благословлённая земля,

Навеки будь благословенной!
Твои долины и поля
Топтать не будет враг презренный.
А если в огненном аду
Меня настигнет пуля злая,
Я верным сердцем припаду
К тебе, как капля дождевая.

Один из немногих выживших на войне поэтов-сибиряков, вернувшийся домой, на красноярскую землю, инвалидом после нескольких тяжёлых ранений, Пётр Коваленко (Виктор Астафьев считал его одним из лучших поэтов-фронтовиков России) всю свою долгую жизнь будет помнить о погибших друзьях, помнить о войне и писать те стихи, которые они сами уже никогда не напишут…

И чей-то стон,
И чей-то крик души
Меня в который раз навылет ранит.
Я слышу павших голоса: «Пиши!..» —
И с песнями иду, живые, с вами.
И годы, словно мины, шелестят,
И глаз я не смыкаю до рассвета.
Да если б я не жил судьбой солдат,
То никогда не стал бы я поэтом!

И ещё строчки-воспоминания о них обо всех, навсегда оставшихся вчерашними школьниками, обо всех них, ставших потом героями — павшими и, как сказал ещё один писатель-фронтовик, «вечно живыми»…

Мы ушли из школы
В маршевые роты.
От доски — в окопы,
В родинках чернил.
Не росой июльской,
А солдатским по́том,
Не водой, а кровью
Я в боях их смыл…

И ещё одно — стихотворение? — нет, реквием Петра Коваленко:

Вы знаете, что я убит?
И перед вами только камень,
Искусно вытесан руками
Из серых плит.
Вы знаете, что я убит?
И изваяньем из бетона
Стою один среди газонов,
А жизнь летит…
Вы знаете, что я сожжён
В горячих топках Майданека?
И тощий прах мой чёрным снегом,
Кружась, ложится на пион.
Я в каждой веточке весны,
В дыханье каждом, в каждой песне.
Я здесь — незримо, с вами вместе,
У постамента тишины.
Я — струйка Вечного огня,
Цветок, упавший к изголовью,
Росой обрызган, словно кровью,
В разгаре дня.
Я весь в горенье и в любви,
Я камнем стал, чтоб жили вы!

Эссе десятое

«… а третьего не дано. „Третье“ наступает потом!..»

(Стихи сороковых — пятидесятых годов двадцатого века)

Первый послевоенный, 1946 год. Одиннадцатого июля президиум правления Союза писателей СССР принял решение о создании нескольких региональных отделений Союза, в их числе — Красноярского. Новая писательская организация во главе с ответственным секретарём Сергеем Сартаковым начала свою многолетнюю работу. В её состав, кроме Сергея Сартакова и Николая Устиновича, вошли журналисты и поэты Игнатий Рождественский и Казимир Лисовский, чуть позже — Лия Гераскина, а потом и — возвращавшиеся или переезжавшие в Красноярский край после войны литераторы новых поколений.

Члены Союза стали постоянными участниками возродившегося в 1944 году в местном книжном издательстве «Красноярского альманаха»; только теперь он получил новое название: «Енисей». Книги Сартакова, Устиновича, Рождественского и Лисовского регулярно включались в план выпуска печатавшихся в Красноярске в послевоенный период изданий, наряду с важной и нужной советскому обществу общественно-политической, социально-экономической литературой.

Большинство же знакомых и полюбившихся нам поэтов конца тридцатых — начала сороковых с фронта не вернулись… А судьба ряда других, оставшихся в живых литераторов складывалась по своим, не связанным напрямую с литературой, законам…

Первый послевоенный год — хотя и счастливый (только что Победой закончилась страшная война), но — трудный.

В знаменитом многосерийном документальном телецикле «Летопись полувека», подготовленном на ЦТ к пятидесятилетию Великого Октября, свой фильм о 1946 годе «Мирное время» режиссёр Игорь Беляев начал кадрами, снятыми с самолёта, пролетающего над разрушенными в войну советскими городами — одни стены остались от многоэтажных домов, а где-то и стен не оставалось… Предваряет эти кадры —

первый после войны мирный Новый год: ёлка 1946 года в Москве, скудно одетые, но счастливые дети 1946 года, простенькие, но такие дорогие для этих детей ёлочные игрушки 1946 года… Мальчик, «сын полка», рассказывающий о судьбе своих погибших на войне родителей. И ещё — клоун с грустными глазами, играющий в кадре на губной гармонике (к этому образу режиссёр потом будет возвращаться в своём фильме)… Мирное время…

Но будут ли они легче, те наступавшие после этого первого, послевоенного, годы? 1948-й, 1951-й, 1953-й?..

Первый послевоенный год, который советской литературе станет памятен по наступившему вскоре после создания Красноярской писательской организации месяцу: августу 1946-го. Двадцать первое число. Знаменитое, только через несколько десятилетий отменённое Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“». То самое, антиахматовское, антизощенковское, антитихоновское, антиписательское, по всему Союзу объявившее начало борьбе, в частности, против «пустой, безыдейной поэзии»…

По существу, оно коснулось судеб и творчества всех российских литераторов и всех писательских организаций и издательств, новых ли, старых ли… Как покаянно писал по поводу другого постановления ЦК (их в оставшиеся сороковые годы вышла целая серия, целый цикл — вожди боролись с «ошибочным» репертуаром драматических театров и «порочными» кинофильмами, с «сумбуром вместо музыки» и, наконец, с «антипатриотическими группами театральных критиков») вошедший в руководство Союзом писателей, любимый читателями военных лет поэт Константин Симонов, «мы все упомянуты в постановлении, даже если там нет наших имён»…

(А впереди ведь были ещё и послесталинские кампании против ославленного как «свинья в огороде» Бориса Пастернака, против «тунеядца» Иосифа Бродского, а ещё позже, после Хрущёва, — кампании против Солженицына, против Синявского и Даниэля…

И не одному, и не двум, и не трём «местным» поэтам — в Новосибирске ли, в Иркутске ли, в Красноярске или Абакане — впору было вслед за опальным Пастернаком твердить как молитву:

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.
Тёмный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, всё равно…)

А в 1946-м в Сибири последовавшие после августа основные «идеологические репрессии» коснулись, прежде всего, остававшегося литературной столицей региона Новосибирска, хотя соответствующие покаянные собрания и обличительные статьи в газетах были организованы во всех более-менее крупных городах и областях Сибири.

Так или иначе, постановление ударило по большинству крупных, настоящих имён. Полной мерой тогда досталось сибирским собратьям Анны Ахматовой, выдающимся сибирским поэтам-лирикам — только-только переехавшему из Омска в Москву Леониду Мартынову и продолжавшей работать в Новосибирске Елизавете Стюарт…

Партийные критики прицельно били по недавним, таким востребованным фронтовым читателем, «военным» стихам Е. Стюарт, не находя в них ничего, кроме якобы «безнадёжной тоски, горя и слёз». Это писалось и говорилось о поэте, недавно создавшем такие — да, пронзительно горькие, но и — полные веры в светлое послевоенное будущее строки:

…Забудь о смерти, если это нужно,
Забудь о ранах, если длится бой,
И если нужно — брата по оружью
От вражьей пули заслони собой.
Когда ж и смерть желанной показалась,
Когда вперёд и шагу не ступить,
Преодолей внезапную усталость,
Чтоб с новой силой оставаться жить.
Пойми, что значит горечь отступленья,
Когда уходишь со своей земли,
И вместе с нами на полях сраженья
Ты, наконец, победу раздели.
Твоя судьба должна быть с нашей схожа.
И если ты всё испытал, тогда
Мы скажем: да, он вместе с нами прожил
Суровые и грозные года!..

Стихам Елизаветы Стюарт, как и «сестре моей» этих стихов, ахматовской лирике, отказывалось в праве на место в «созидательной, оптимистической советской литературе». Не о таких ли мгновениях жизни будет вспоминать сама Стюарт спустя годы «ночами без сна»?..

Бессонница. Твержу стихи на память.
Одно, другое, третье — без конца…
Ночь прижимается к оконной раме
И глаз не сводит с моего лица.
Чего ты хочешь, ночь?
Чего ты хочешь,
Заглядывая в глубину квартир?..
Клокочет мир.
И, войны вновь пророча,

Грохочет растревоженный эфир…
Не спится.
Я твержу стихи на память.
Одно…
Другое…
Третье…
Всё тесней
Ночь прижимается к оконной раме.
Пугает мраком…
Я не верю ей!

А «одним из последних успевший подышать воздухом поэтического обновления начала XX века» Леонид Мартынов вынужден был, с 1946-го начиная, опять надолго замолчать как поэт и зарабатывать на жизнь переводами. И только после смерти Сталина, спустя почти десять лет, он вновь вернётся к своим читателям, вернётся, как возвращается к нам однажды дальнее, но мощное эхо…

Эхо

Что такое случилось со мною?
Говорю я с тобой одною,
А слова мои почему-то
Повторяются за стеною,
И звучат они в ту же минуту
В ближних рощах и дальних пущах,
В близлежащих людских жилищах
И на всяческих пепелищах,
И повсюду среди живущих.
Знаешь, в сущности, это не плохо!
Расстояние не помеха
Ни для смеха и ни для вздоха.
Удивительно мощное эхо.
Очевидно, такая эпоха!

…Но тогда, в 1946-м, «такая эпоха» не только ещё не наступила, но и подумать-то о ней было невозможно. Не случайны, наверное, строки 1948 года из частично опубликованной переписки Сергея Сартакова с его коллегой и другом Афанасием Шадриным: «… Что тебя одолевает апатия, мне не диво. Я и сам проходил через такую полосу в жизни и вынес ощущение: сломи её насильно, с мукой, с жестокостью для себя — захлестнёт, затянет, сделает обывателем… Говоря библейскими примерами, здесь не без дьявола. Борись, Апанас, борись. Жги на жаровне руку, но не поддавайся соблазну, человек должен быть беспокоен, покой ему — в смерти, а смерть искать не надо: она и так неизбежна,— надо искать, как уйти от неё…»

…Строчки, как будто, специально написанные для того, чтобы можно было взять их эпиграфом к следующей части нашего рассказа, связанной с не публиковавшимися по понятным причинам, с потаёнными страницами настоящей поэзии, рождавшейся в конце сороковых — начале пятидесятых на красноярской земле.

Страницы этой потаённой поэзии связаны с Красноярским краем как с «местом каторги и ссылки», которым бывшая Енисейская губерния продолжала оставаться и в послевоенные годы.

Страницы эти, созданные политическими заключёнными и политическими ссыльными, открывались читателю, как правило, только спустя несколько десятилетий после окончания и заключений, и ссылок авторов этих страниц.

Так, только в конце восьмидесятых — начале девяностых стало возможным для советского читателя прочесть написанное когда-то на берегах Енисея (тогда ещё — только прозу и письма) Ариадной Эфрон, дочерью одного из самых великих русских поэтов двадцатого века — Марины Ивановны Цветаевой.

Ариадна Сергеевна Эфрон. Искусствовед, художник, переводчик, мемуарист. А поэтом себя дочь Цветаевой не именовала. Поэтом — на все времена и от Бога — всю свою жизнь она считала свою мать, публикации творческого наследия которой она посвятит все, без остатка, оставленные ей Богом после выхода на волю годы: целых два десятилетия.

Но были в её жизни, до наступления этой долгожданной свободы, несколько тяжких, страшных, окончательно надломивших её здоровье, но не сломивших её личность, роковых лет, которые она не по своей воле провела в нашей Сибири. Вот тогда-то и были написаны ею эти дошедшие до нас сквозь время, уже в 2000-м, стихи. Видимо, тогда, в сороковых-пятидесятых, без стихов, без целительной помощи поэзии (а жить поэзией её с малолетства приучила её гениальная мать),— без стихов в Туруханске выжить Ариадна Эфрон не могла…

Это удивительные шестнадцать сохранившихся и опубликованных к настоящему дню стихотворных произведений дочери Цветаевой… В них — всё: и боль неволи, и самые разные люди, которые её в ссылке окружали, и душевная высота автора, и не оставивший её Бог. И — понятная в той ситуации и безнадёжная, кажется, мечта о невозможной свободе. «На свете счастья нет, но есть покой и воля…»

И ещё в этих стихах — удивительная, казалось бы, для нас, с учётом того, где и когда эти стихи были написаны, восхищённая любовь к Енисейскому Северу.

В 1995 году журнал «Новый мир» опубликует подготовленные цветаеведом Анной Саакянц дневниковые записи Ариадны Эфрон, относящиеся к наступившей уже в стране очередной «другой» эпохе — к июлю 1965 года. В 1965-м, спустя десять лет после окончания своей

туруханской голгофы (и за десять лет до своей смерти), Ариадна Эфрон решается снова плыть в Туруханск, вместе с А. Саакянц и со своей подругой, которая была с ней рядом все её неполные шесть или семь туруханских лет, Адой Шкодиной.

Напечатанный в «Новом мире» путевой дневник Ариадны Сергеевны Эфрон — сам по себе исполнен поэзии. Для сибиряков (а Эфрон после Туруханска называла себя завзятой, «почти коренной» сибирячкой) — поэзии особенно важной: ведь всё, о чём Эфрон пишет, — наша малая родина. «Всё — вне: времени (часа), времени (века), движения; как бы в подвешенном состоянии, только вода несётся ниоткуда и в никуда…» — это о начале её пути по Енисею в 1965 году. Пути — почти паломнического: «Собственно, это была не поездка, а своего рода паломничество», — так скажет она потом в письме к одной из своих бывших сокамерниц.

И этому же адресату незадолго до смерти напишет приводимые публикатором дневника слова, которые и объясняют для нас природу этого противоречивого, не то — двойственного, не то — тройственного, отношения дочери Цветаевой к Приенисейскому Северу, открывшемуся ей в её бессрочном, как определено было тюремной властью, в вечном поселении на туруханской земле: «Конечно, наш Север манит нас и манить будет — нас, зла не помнящих, а только добро, великое добро и великую красоту природы — да и некоторых людей, встреченных нами в ту пору. Теперь, по прошествии времени, видишь, какой элитой человеческой мы были окружены в нашей эвакуации. Не говоря уж о том, что в лихую годину людям (не всем, конечно!) свойственно становиться элитой; сами обстоятельства требуют от человека выбора между высотой и низостью, а третьего не дано. „Третье“ наступает потом!»

До начала её туруханской ссылки в её жизни было уже много того, что могло бы само по себе стать темой для множества чьих-то поэтических циклов. Рождение в 1912 году в Москве, в семье поэта Марины Цветаевой и будущего белого офицера, а потом — агента НКВД Сергея Эфрона.

О своём детстве лучше всего она сказала сама, в одном, порой цитируемом, не туруханского цикла, своём детском, матерью когда-то, в той ещё жизни, опубликованном, коротком стихотворении:

Корни сплелись.
Ветви сплелись. —
Лес Любви.

Отъезд вместе с матерью после Гражданской войны за границу, сначала — в Чехословакию, а с 1925 по 1937 год — во Францию, где и получила спасавшее её потом в Туруханске специальное художественное образование. Репатриация в марте 1937 года в СССР, счастливая журналистская работа в родной стране. Рядом — любимый человек, потом — отец, потом — мать с братом… В 1939 году — арестована, на основании выбитых из неё показаний спустя некоторое время был арестован и отец, позже расстрелянный. Приговор обвинённой в шпионаже Ариадне — восемь лет исправительно-трудовых лагерей. С опозданием узнает она о самоубийстве в начале войны горячо любимой матери, потом — о гибели на фронте брата, как с опозданием узнавала об аресте и заключении сестры матери, Анастасии Цветаевой.

Через восемь лет освобождена, год с лишним живёт в Рязани. Недолго, но очень счастливо (любимица всех студентов) работает в местном художественном училище, преподаёт живопись. (К этому времени относятся такие её строчки о поэзии — к вопросу о поэзии в её жизни — из переписки с Борисом Пастернаком: «Поэзия сегодняшнего дня — это, на мой взгляд, сплошное „хлеб наш насущный даждь нам днесь“, и только один Маяковский владел ею вполне, — и она им. Но — не единым хлебом жив человек, даже в такие времена, когда хлеб — это всё… Велика и глубока сила поэта, и равна ей по величине и глубине только память читателя, о которой обычно поэты не имеют понятия…» (сентябрь 1948 года).)

И, двадцать второго февраля 1949 года, новый арест. Как ранее осуждённая, приговорена к пожизненной ссылке в Туруханский район Красноярского края, куда и прибыла этапом двадцать восьмого июля 1949 года.

«Из Красноярска ехали пароходом по Енисею, что-то долго и далеко, я никогда ещё в жизни не видела такой большой, равнодушно-сильной, графически чёткой и до такой степени северной реки. И никогда не додумалась бы сама посмотреть. Берега из таёжных превращались в лесотундру, и с севера, как из пасти какого-то внеземного зверя, несло холодом. Несло, несёт и, видимо, всегда будет нести. Здесь где-то совсем близко должна быть кухня, где в огромных количествах готовят плохую погоду для самых далёких краёв.

„Наступило резкое похолодание“ — это мы. Закаты здесь неописуемые. Только великий творец может, затратив столько золота и пурпура, передать ими ощущение не огня, не света, не тепла, а неизбежного и неумолимого, как Смерть, холода. Холодно. Уже холодно. Каково же будет дальше!

Оставили меня в с. Туруханске, километров 300–400 не доезжая Карского моря. Все хибарки деревянные, одно-единственное здание

каменное, и то — бывший монастырь, и то — некрасивое. Но всё же это — районный центр с больницей, школами и клубом, где кино неуклонно сменяется танцами…»

Это тоже — из переписки с Борисом Пастернаком, из письма от двадцать шестого августа 1949 года. Подробностей о том, что произошло с ней, Ариадна Сергеевна, конечно, Пастернаку не пишет: вместо «арестовали» — «завербовали меня сюда очень быстро»; вместо объяснения приговора — ироническое и вполне цензурное: были «нужны люди со специальным образованием и большим стажем, вроде нас с Асей»; вместо описания этапа — нейтральное: «… а ехала я до места назначения около четырёх месяцев самым томительным образом».

Их переписка — двух очень духовно близких, искренне преданных друг другу друзей — будет длиться почти до кончины Бориса Леонидовича. Она опубликована, эта переписка, в 1982 году — в Париже, а после начала перестройки — напечатана была и в России. Именно из неё можно узнать о многих и многих подробностях «туруханского бытия» Ариадны Эфрон, которые дополняются и расшифровываются рядом вышедших за эти несколько десятилетий, любовно и тщательно подготовленных специалистами отдельных изданий и довольно многочисленных журнальных публикаций об Ариадне Эфрон.

Бытовые и социальные условия, в которых жили А. Эфрон и её подруга, были неимоверно тяжёлыми, но всё же они выжили на суровой туруханской земле (сначала Ариадне Сергеевне удалось найти работу уборщицы в местной школе, а к январю 1950-го ей, «вечной поселенке», политически неблагонадёжной, просто посчастливилось перевестись на работу «почти по специальности» — художником районного Дома культуры, клуба то есть, с кино и непременными танцами).

Когда-то её мать написала бессмертные стихи о своём «письменном верном столе», который для Цветаевой чаще всего был «виртуальным», условным. В одном из ранних писем к Пастернаку Эфрон пишет о мечте о своей комнате, где можно было бы закрыться и работать и которой «за 36 лет жизни у ней никогда не было»… И вот, чуть позже, через год, как великое счастье — маленькая, но своя избушка на самом берегу реки, которую удалось им с Адой Федерольф-Шкодиной купить, в том числе благодаря материальной помощи всё того же Пастернака.

«Представьте себе маленький домик на берегу Енисея, под крутым обрывом, настоящий отдельный домик — одна светлая и довольно большая комната, крохотная кухонька с плитой, маленький чуланчик и маленькие сени, вот и всё. Три окна, на восток, юг и запад»…

…Пастернак много и от всего сердца помогал ей, это была буквально спасительная помощь — и неизвестно, что было здесь важнее, помощь материальная или духовная. Да и возможно ли было их тогда разделить?..

«Я получила всё, посланное тобой, и за всё огромное тебе спасибо. Стихи твои опять, в который раз потрясли всю душу, сломали все её костыли и подпорки, встряхнули её за шиворот, поставили на ноги и велели: живи! Живи во весь рост, во все глаза, во все уши, не щурься, не жмурься, не присаживайся отдохнуть, не отставай от своей судьбы!..» (Вспомним снова строчки из письма Сартакова Шадрину, предварявшие эту часть нашего рассказа…)

«Пастернак спасал мне жизнь…» — так она сама однажды скажет об этой дружбе.

Деньги, книги и письма…

«Здесь облака часто похожи на твой почерк, и тогда небо — как страница твоей рукописи, и я бросаю коромысла и читаю её, и всё мне делается хорошо…»

Разговор двух поэтов, разговор, как один из них и предлагал однажды своему другому, случайно-неслучайному собеседнику, «о жизни и о смерти»…

Подборка из шестнадцати написанных в Туруханске стихов Ариадны Эфрон была опубликована в журнале «Новый мир» на самом излёте двадцатого века, в 2000 году, когда открылся для исследователей закрытый ранее по воле самой А. Эфрон архивный цветаевский фонд («… В небе — сохатый бьёт копытом», публикация Р. Б. Вальбе, послесловие Е. Эткинда).

Удивительные стихи.

Мотивы, образы и ритмы народной поэзии органично сплетаются в них с ярко и метко увиденными и запечатлёнными деталями жизни (жизни не людей чаще, а — той скудной и студёной природы заполярного Севера, в которой только «снега, снега, везде снега»):

На избах — шапки набекрень,
И пахнет снегом талым.
Вчера пуржило целый день,
Сегодня перестало.
…На солнце вспыхнула сосна
И замерла, сияя.
Вот и до нас дошла весна
В последних числах мая.

Возникающие только в конце цикла, возможно — в самом конце «туруханской эпопеи», в не датированных публикатором стихах, закрытые прежде, может быть, даже от самой лирической героини, в подсознание изгнанные ею образы и детали той, прежней, до страданий, до арестов, той, подлинной, жизни смыкаются в этих стихах с так же скрытой от самой себя, подавляемой

в себе, подспудной, неизбывной тоской о воле, о возвращении…

В этом смысле очень эмоционально сильным, задевающим какие-то глубинные, потаённые струны в читательском сердце оказывается первое из опубликованных, написанное в первый, самый тяжкий, надо полагать, год туруханской ссылки, стихотворение.

Оно сравнительно невелико по объёму, представляет как бы один миг из жизни обречённого на вечное поселение человека, но обозначает, вмещает в себя целую судьбу и является многослойным и, безусловно, композиционно завершённым. Увиденный в какой-то момент жизни (может быть, несёт школьная уборщица Ариадна Эфрон в эту минуту тяжеленное ведро с водой с реки, может быть — собирает в охапку только что расколотые ею для школьной печи дрова) «кадр»: птицы летят на родной для них, на вольный юг…

Птичий клин в небе. Он пронзительно-точно запечатлён с помощью образа из времён недавней страшной войны: уподобленный «солдатскому письму», «кадр» этот пробуждает целый ворох чувств и ассоциаций.

Улетают свободные, «милые», погостившие хоть недолго на северах (спасибо им за это!), вольные птицы…

А возникший образ солдатского (значит, по определению — не-вольного) треугольника продолжается «сургучёвой печатью солнца красного» на этом письме (тоска и тревога через намеченную ассоциацию с «казённым домом» растёт в сердце читателя).

Улетает птичий клин. А что же остаётся тем, кто провожает сейчас этих птиц взглядом, кто не волен в своей жгучей мечте улететь?.. «Нам останется ночь полярная, изба чёрная, жизнь угарная…»

И — вечный на ментальном уровне, из русских сказок её детства вдруг возникший скорбный финал, очистительная развязка: «Лучше трижды оземь ударюсь я, птицей серою обернуся…»

(Нет, не случайны были фольклорные мотивы и образы в поздних поэмах такого изысканного, такого тонкого, такого «серебряного» поэта, как Марина Ивановна Цветаева… Вспоминается вдруг прочитанное когда-то — о Марине, Але, фольклоре и Казанове: «Аля в курсе всего, что пишет её Марина. Она знает, кто такой Казанова, она знает пьесы „Приключение“, „Феникс“, знает, что есть поэмы „Царь Девица“, „На Красном коне“, „Егорушка“. А сколько стихов, написанных матерью в эти холодные, голодные годы, знает она! Аля часто первый слушатель, а порой и советчик, она всегда рядом».

И ещё — написанное уже самой Ариадной Эфрон: «Марина мне рассказывала о его [Казановы] детстве… и о его старости: как над ним все смеялись и уже никто не являлся (это было в Богемии). Марина рассказывала, а я бросала в воду камешки и слушала поезда… Жизнь мне его предстаёт так: чёрная молния. Смерть мне его предстаёт так: восхищён метелью. И больше всего я помнила глаза. Это было, кажется, в 1919 году».)

Казанова, чёрная молния и «снега, снега, вечные снега» вокруг ссыльнопоселенки Эфрон. И солдатским письмом — птичий клин в небе… Это было в 1949 году…

Солдатским письмом треугольным
В небе стая.
Это гуси на сторону вольную
Улетают.
Шёлком воздух рвётся под крыльями.
Спасибо, что хоть погостили вы.
Летите, летите, милые!
На письме — сургучёвой печатью
Солнце красное.
Унесёте его на счастье вы —
Дело ясное.
Нам останется ночь полярная,
Изба чёрная, жизнь угарная,
Как клеймо на плече позорная,
Поселенская, поднадзорная.
На такую жизнь не позарюсь я,
Лучше трижды оземь ударюсь я,
Птицей серою обернуся,
Полечу — назад не вернуся —
Погодите, я с вами, гуси.

А потом, наверное (уже наступил год 1950-й), было постепенное привыкание, пресловутая «притерпелость», да и как ни крути — а этот Север многие сердца, не в пример ей — гораздо менее поэтические, — да, Север и не такие сердца брал в полон…

Енисей сливается с Тунгуской,
Старший брат встречается с сестрою.
Та течёт полоской синей, узкой,
Тот — широкой полосой седою.
По груди широкой, богатырской
Стороны чужой, земли сибирской
Пролегают лентой орденскою.
Две реки идут одной рекою,
Две реки идут одной судьбою,
Так, как нам не велено с тобою.
И железные проходят зимы,
И чудесные проходят вёсны
Над моею жизнью нелюбимой,
Над чужой землёй орденоносной.
Над чужбиною.

И сердце читательское вдруг кольнут эти последние три строки 1950 года: «Над моею

жизнью нелюбимой, над чужой землёй орденоносной. Над чужбиною».

И в стихах 1951 года снова будут такие вот плавные переходы от восхищения дивной, от человеческого зла свободной природой — ко всё той же немыслимой жажде: от этого зла неволи — к свободе.

В этих стихах каждое время года на пустынных туруханских просторах обретает свой облик и своё фольклорное почти значение. Любимое теперь — весна: «Появилась дрожащим комочком, необсохшим цыплёнком…» Зима — про неё так: «Первой страницей зимы открывается день белой страницей». И вот — поистине бесценное «на северах» короткое полярное лето. С цветаевской интонацией и с цветаевской щедростью написано на белой, как снег, странице художником Туруханского районного Дома культуры это бесценное лето в тайге:

В тайге прохладной
Ребячьей радостью,
Ребячьей сладостью
Встречают ягоды.
Черничные заросли,
Брусничные россыпи.
Мол, живите до старости,
Мол, ешьте досыта!
Мол, кушайте, други!
Мол, счастливы будьте!
Мол, только пригубьте!
Мол, не обессудьте!..

А дальше, с цветаевской же бескомпромиссностью, — ответ (словно это продолжая: «Не надо мне ни дыр ушных, ни вещих глаз. На твой безумный мир ответ один — отказ»):

…Не хочу вас, заросли!
Не желаю, россыпи!
Не хочу — до старости!
Не желаю — досыта!
Мне б яблочка российского разок куснуть,
В том доме, где я выросла, разок уснуть!

«Всюду — жизнь»… И среди туруханского цикла Ариадны Эфрон появляются стихи, в которых твёрдой рукой мастера оказываются, на века уже теперь, начертаны портреты жителей Севера, портреты-сканы их дум, их чувств, их радостей и потрясений… К маленьким шедеврам, публикация которых не только бы тому, советскому ещё альманаху Красноярской писательской организации «Енисей» могла бы сделать честь, можно отнести, к примеру, «Праздник», «Ночь — а звёзды — рукой подать!» или это: «Ах, и белы моей земли снега…» Невозможно удержаться и не привести хоть несколько строчек из этого последнего стихотворения, как бы монолога от лица старика — коренного жителя Севера:

…Я помню, как певала мать
и ветром вторил ей Таймыр
о том, как безысходна гладь,
о том, как безнадёжна ширь
снегов, снегов зимы моей,
снегов, снегов земли моей —
снега, снега, везде снега,
ей ветром вторила тайга…

И ещё — самый финал этого большого и удивительно искреннего, неповторимого по силе проникновения в самую душу героя стихотворения:

…Где вы, земли моей снега?
где вы, зимы моей снега?
Лучами вымыты снега,
лучами выжаты снега,
в озёра вылиты снега.
Необратима и горда
восставших рек кипит вода,
восстав от ледяного сна,
вся к солнцу тянется тайга —
конец снегам, пришла весна,
корнями выпиты снега.

И конечно же, к шедеврам же (но только для того, советского краевого «Енисея» совсем не подходящим!) можно отнести стихи, в которых прошлое наконец-то настигает автора, соединяясь в этом «настижении» с пустынной и безлюдной туруханской землёй — и «Ночную молитву», и стихи об улочке её детства, о Борисоглебском переулке:

Мой первый шаг! Мой первый путь
Не зреньем узнаю, а сердцем.
Ты ждал меня! о, дай вздохнуть,
Приотвори мне детства дверцу!..

Когда они были написаны? Неизвестно. Но думается всё же, тогда, когда воздух свободы уже коснулся её и миллионов советских людей груди — то есть после пятого марта 1953 года. Тогда только, в ожидании неминуемой реабилитации и неминуемого окончания шестнадцатилетнего кошмара её арестов, тюрем и ссылок, могла она, наверное, позволить себе начать душой и мыслями возвращаться — и в детство, и к любимой и единственной её Марине, и в «растоптавшую» их обеих Москву:

Я искала тебя всю ночь,
И сегодня ищу опять,
Но опять ты уходишь прочь,
Не дозваться и не догнать.

Не остыли твои следы,
Звук шагов твоих слышу я,
Но идёшь, не задев земли,
Но идёшь, не смутив воды,
Ненастигнутая моя.
Веретёнами фонарей
Отражается ночь в реке,
Не сожму я твоей руки
В опустевшей своей руке.
Край одежды твоей ловлю,
Между пальцев — клочок зари.
Знаешь ты, как тебя люблю,
Хоть со мною — заговори!
Иль земная чужда печаль?
Но в какой же тогда тоске
Возвращаешься по ночам
К растоптавшей тебя Москве?

Это стихотворение без названия впору тоже было бы назвать «ночной молитвой» или повторяющимся из ночи в ночь сном — ведь только в них, во снах и молитвах, можешь ты вернуться, вернуться и увидеть, «край одежды ловя», самых дорогих и близких тебе, единственных твоих людей — то есть тех, кого у неё к тому времени уже практически не осталось.

Да и не случайно завершающее туруханский цикл стихотворение так и начинается — с вопроса самой себе: что это, сон или явь, явь или всё же сон?.. (И как удивительно в этом полусне-грёзе ночная Москва написана: все, все приметы советской эпохи — и «пустые глазницы окон», и печатающий свой вечный шаг караул, и «в небе забытые флаги», — а взор-то на всё это направлен иной: взор, взгляд, «как метель», той, с Борисоглебского 1919-го, кажется, года переулка, жившей в нём большеглазой девчушки…)

Вправду? иль, может быть, снится
Чёрная эта река?
Окон пустые глазницы,
Фонарей золотые ресницы,
Лунных домов бока?
Площадью тёмной, сонной
Караул печатает шаг,
Плещется опалённый
В небе забытый флаг.
Если ты сон, то вещий.
Так я приду домой.
Смолоду мне обещан,
Матерью мне завещан
Город — мой!

После почти двухлетних хлопот о реабилитации она всё же состоялась. И деньги на дорогу домой были собраны. Был 1955 год. Совсем не скоро, но однажды они всё же появятся — свой угол, своя комната, свой дом. Стихов своих больше, видимо, не будет — они кончатся после прощания с Красноярским краем. Будут вечные переводы чужого (но ставшего тут же — её), будут собирание цветаевского наследия и первые долгожданные цветаевские публикации. И та паломническая поездка 1965 года в Туруханск, с которой мы начали рассказ об Ариадне Сергеевне Эфрон, дочери Марины Цветаевой.

…Тогда же, в середине 1950-х, домой, в до боли родной Канск, вернётся ещё один репрессированный поэт, прошедший почти теми же лагерными дорогами, тоже выживший на них и оставшийся, несмотря на исковерканную полностью судьбу, человеком.

Любовь Рубцова. Биография коротка и незатейлива. Она, увы, типична для советского человека, озарённого в двадцатых социалистическими мечтаниями, в тридцатых пытавшегося взлететь — и в предсороковые опалённого за это кострами репрессий.

Детское, отроческое, юношеское кредо всего этого поколения (не забудем здесь восторженных писем о новой, советской стране, которые писала в 1937-м из Москвы европейски образованная современница и почти ровесница Любови Рубцовой по фамилии Эфрон) — кредо это было просто и ясно:

Жить гордо, светло! Не в пустяшных забавах —
в исканиях! Быть человеком везде,
где б ни были мы: на вершинах ли славы,
в обычном ли, будничном нашем труде.
Родилась в 1922 году, родители — большевики,
организаторы колхозного движения. С детства
любила стихи — и читать, и писать.
И было в том своё очарование, —
То вдруг взлететь под самый небосвод,
То в диком, первобытном ликованье,
Оглохнув, камнем падать в жерло вод…

Семиклассницей в 1938 году в Канске, будучи убеждённой комсомолкой и секретарём школьной комсомольской организации (любимая книга — «Овод»), обратилась в органы НКВД, чтобы вместе с одноклассниками защитить арестованных школьных учителей литературы, осмелившихся рассказывать своим ученикам о творчестве Сергея Есенина и Александра Блока. Была вместе с поддержавшими её друзьями арестована по обвинению в создании контрреволюционной группы и распространении антисоветских листовок, осуждена на десять лет исправительно-трудовых лагерей.

В стихотворении, названном «Родина», она спустя годы напишет (и, как в стихах Эфрон, снова и снова будет возникать вечная тема бессонницы и счастливых и кошмарных снов):

Дала ты солнце мне в наследство,
Всю землю в кладах и садах,
Но — как стряслось, что, скомкав детство,
В мою судьбу вошла беда?
Вошла весной, да не с весною,
С её хмельным блаженным сном…
И твердь земная подо мною
Вдруг заходила ходуном.
Сквозь пляску головокружений,
Тропой, где каждый шаг тернов
Чредою взлётов и падений,
Красивых снов и пробуждений
От не сбывающихся снов, —
Я шла на ощупь, как слепая,
В ожогах от чужих костров,
Ценой жестокой покупая
И трудный хлеб, и горький кров…

Как и у Эфрон, тоже шестнадцать лет тюрем, лагерей, поселений. Сочинённые ею стихи старалась держать в памяти (бумаги, чтобы записать их, не было). В лагере была ударницей труда, в лагере же заболела туберкулёзом, последующие поселения добавили болезнь сердца. Здоровье было безвозвратно потеряно.

Мучительно вспоминала о начале своего и подруги с другом крестного пути (юные школьные исследователи красноярской поэзии с горечью цитируют эти пронзительные, без знания подробностей судьбы — кажущиеся очень красивыми, строки):

Мы осыпаны звёздами. Звёзд — не пройти!
Ах, черёмуха! Снова она
Занесла, позазвездила наши пути,
Кружит головы нам белизна.
Но у звёзд, как у памяти, грани остры.
Лепестки их в сердца проросли…
В белоснежные — снежные звёзды-костры
Две девчонки с утра забрели.
Две смешные… Да так и запутались в той
Кутерьме ослепляющих звёзд…
Ах, брести б по колено в пыльце золотой.
До конца уж брести, в полный рост…

По возвращении в родной канский дом сначала зарабатывала на дому шитьём. Потом попыталась начать публиковаться и найти (это с неоконченным-то школьным образованием и навеки испорченной биографией!) какую-то работу. И работала в качестве внештатного корреспондента, и публиковалась (но под псевдонимами) в местной газете «Власть Советов». Как вспоминали её тогдашние канские коллеги, «по характеру была очень ранимой, чуткой, никогда ни словом не обмолвилась о своей беде, выполняла задания всегда с отдачей, она торопилась быстрей реализовать себя».

Начавшаяся публикация её стихов стала возможной благодаря нескольким обстоятельствам. Прежде всего, это, конечно же, наступление послесталинских послаблений в жизни страны и общества. Как сообщает автор одного из очерков о судьбе и творчестве Любови Рубцовой, В. Шанин, талант её открыл учитель литературы и поэт из города Иланского Павел Мостовской (ещё одна судьба и ещё один поэтический дар, ожидающие своего исследователя!), отправивший поразившие его стихи неведомой до того миру поэтессы «самому» Казимиру Лисовскому. И — состоялась публикация стихов «бывшей зэчки» в «Литературной газете»! Лисовский писал: «Искренность, предельная искренность — вот основные черты творчества Л. Рубцовой…» И добавлял: «Главное — есть поэт большого сердца, честный и умный».

В одном из своих стихотворений поэт Рубцова так сказала, тоже честно и просто, обращаясь к своей спутнице, выручавшей её столько лет, — к своей пятерне:

Ты умела неплохо грузить и рубить,
ты лопату умела как надо держать!
Двух вещей не умела ты — слабого бить
и врагам — даже ласковым! — руки их жать.

После этих всех вдруг чудом состоявшихся публикаций в местной и центральной прессе и по настоятельным рекомендациям новосибирских писателей в план Красноярского книжного издательства вошли несколько поэтических сборников Л. Рубцовой, вышедших последовательно в 1958, 1960 и 1962 годах. Тиражи их были по тем временам совсем крохотными — три-пять тысяч экземпляров. Так и выпускалась поэзия немаститых начинающих авторов в местных издательствах. Но это были её, Рубцовой, настоящие книги, пусть и тоненькие, в бумажных обложечках…

Как подтверждают все, кто её помнил, была она неприхотливым и очень порядочным человеком. Ей хватало на день куска хлеба и стакана воды, да ещё пачки «Беломора», да ещё места, где можно было бы приклонить на ночь голову. Говорят, любимым её «спальным ложем» был дерматиновый диванчик в книжном издательстве, на котором провела она несколько месяцев своей жизни, когда готовилась её первая книжечка…

Размышляя о своей жизни во втором своём сборнике, она обращается к этой самой жизни, обещая ей в будущем немыслимые дары:

…У чужого огня не любила я греться,
хоть и брал до кости острый ветер порой…
Ты сквозь пламень и лёд прогнала моё сердце,
Опалила их странно влекущей игрой.

Научась не бояться ни блазну, ни сглазу,
сквозняки презирая, над болью смеясь,
запрокинув лицо, я ловила всё сразу:
щедрость вешних дождей, листьев тонкую вязь.
И томленье кукушки по песне неспетой,
и стыдливый восторг молодых соловьих…
Упоённой влюблённости, жадности этой,
знаю, хватит на десять на жизней моих.
Лишь бы людям со мною терпенья хватило,
лишь бы миру большому прийтись «ко двору»!
Ты сама этот мир красоты мне открыла,
чтобы я научилась любви и добру.
Жизнь моя!.. Так гони меня снова и снова,
ты неси меня в самую кипень огня!..
Может быть, я ещё золотые подковы
из стихов отолью тебе, верность ценя!

И, может быть, главное, что позволило её стихам быть напечатанными на стыке пятидесятых-шестидесятых,— это соединение в них трёх качеств.

Искренности, которую отмечал Лисовский.

Природного лиризма, который сразу же, во все времена, бывает понят, почувствован и услышан читателем.

И — той самой гражданственности, которая всегда была востребована обществом (и про которую в те же примерно годы новый, знаменитый уже поэт из нового и знаменитого молодого поколения напоминал в своём прославленном стихотворении-манифесте, как будто её, Рубцову, и имея при этом персонально в виду: «В ней [в России] суждено поэтами рождаться лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства, кому уюта нет, покоя нет…»).

Горько и мучительно-искренне начинавшееся стихотворение Любови Георгиевны Рубцовой «Родина», процитированное нами в начале повествования о ней, ведь так с непритворной, преданной, искренней любовью к своей земле заканчивается:

…Я шла к тебе тропой окру́жной,
сквозь ропот трав и хруст ветвей,
чтоб каплей маленькой, да нужной
кипеть и жить в крови твоей.
О родина моя, Россия…
Слова заветные коплю
не для того, чтоб всех красивей
пропеть тебе своё «люблю!».
Любить легко… О, я бы спела!
Но… словно хворь, в душе таю,
что мало, мало я успела,
чтоб заслужить любовь твою!

А ещё, пожалуй, помогло ей «пробиться» в достаточно ограниченное и определяемое соответствующими инстанциями число местных печатаемых авторов то качество, которое никогда не вызывает отторжения издателей в России. Которое непременно находит мгновенный отзыв в душе читателей из молодых поколений. Назовём это качество социальным оптимизмом, что ли…

Последний рывок в высоту

Землю стужей лютою сковало…
На берёзу, выбившись из сил,
Опустился снегирёк усталый,
Цепенело веки опустил.
Всё, конец… Позёмкою зловещей
Бедолага, кажется, отпет…
Больше на ветру не затрепещут
Смёрзшиеся крылышки… Но нет!
Чуя смерть, в отчаянном усилье
Снегирёк с надсадою привстал,
Поднял коченеющие крылья,
В вышину рванулся — и упал…
Пусть рывок последний и напрасен,
И похож скорее на мольбу,
Но прекрасен — чёрт возьми! — прекрасен,
Славя жизнь как вечную борьбу!

Это стихи из последнего её сборника, 1962 года. В 1963 году она, наконец, переберётся из Канска в Красноярск, а в 1966 году, незаметно и тихо, как жила, уйдёт в возрасте сорока четырёх лет, прожив отпущенные ей немногие годы со всё тем же отроческим «оводовским» искренним убеждением:

…Но если бы и заново начать
могла я жизнь — с не траченною силой.
я начала бы так же сгоряча
и поспокойней доли не просила б.
Всегда искать, стремиться в новый путь,
дышать, дышать восторженно и жадно,
снегам и ливням подставляя грудь,
подхлёстывая сердце беспощадно.
Ведь счастье — не жемчужина в горсти,
оно в нежданных встречах, в расставаньях,
в неутомимой жажде познаванья,
оно в пути, оно всегда в пути!
Его спокойным сердцем не найти!

…А ещё в 1956 году в каталоге выпущенных Красноярским книжным издательством книг впервые появится вдруг новое поэтическое имя — прибывшего в 1954 году по распределению из Москвы выпускника, нового заведующего краевым методическим кабинетом культпросветработы Зория Яхнина.

Ещё через год — возникнет на обложке первой её книжечки имя коренной ленинградки, журналистки «Красноярского комсомольца» Майи Борисовой.

В 1960-м — выйдет первый поэтический сборник выпускника МГУ, режиссёра краевой телестудии Вячеслава Назарова.

Это были первые новые для поэтической Приенисейской Сибири имена.

Это было начало новой для Сибири и всей России поэтической эпохи…

Это стучалась в окна и двери их будущих читателей долгожданная оттепель…

Та самая, в которую самый её, пожалуй, знаменитый представитель, уже выше цитированный, скажет те самые, знаменитые слова: «Поэт в России больше, чем поэт…»

…Поэт в ней — образ века своего
и будущего призрачный прообраз.
Поэт подводит, не впадая в робость,
итог всему, что было до него…

ДиН СИММЕТРИЯ · 1824 г.

Евгений Баратынский

Хлябь морская

Завыла буря; хлябь морская
Клокочет и ревёт, и чёрные валы
Идут, до неба восставая,
Бьют, гневно пеняся, в прибрежные скалы.
Чья неприязненная сила,
Чья своевольная рука
Сгустила в тучи облака
И на краю небес ненастье зародила?
Кто, возмутив природы чин,
Горами влажными на землю гонит море?
Не тот ли злобный дух, геенны властелин,
Что по вселенной розлил горе,
Что человека подчинил
Желаньям, немощи, страстям и разрушенью
И на творенье ополчил
Все силы, данные творенью?
Земля трепещет перед ним:
Он небо заслонил огромными крылами
И двигает ревущими водами,
Бунтующим могуществом своим.
Когда придёт желанное мгновенье?
Когда волнам твоим я вверюсь, океан?
Но знай: красой далёких стран
Не очаровано моё воображенье.
Под небом лучшим обрести
Я лучшей доли не сумею;
Вновь не смогу душой моею
В краю цветущем расцвести.
Меж тем от прихоти судьбины,
Меж тем от медленной отравы бытия,
В покое раболепном я
Ждать не хочу своей кончины;
На яростных волнах, в борьбе со гневом их
Она отраднее гордыне человека!
Как жаждал радостей младых
Я на заре младого века,
Так ныне, океан, я жажду бурь твоих!
Волнуйся, восставай на каменные грани;
Он веселит меня, твой грозный, дикий рев,
Как зов к давно желанной брани,
Как мощного врага мне чем-то лестный гнев.

Иса Айтукаев

Мой Дагестан, моя Сибирь

Первое, чем у меня интересуются, узнав, что я живу в Красноярске, — это про национальный парк «Столбы», достопримечательность Саянских гор, сиенитовые скалы, каким-то образом принявшие облик исполинских великанов, животных и мифических существ.

Но, к своему стыду, несколько десятков лет живя в этом прекрасном, разделённом великой рекой Енисей на две части городе, я с глубоким сожалением признаюсь, что ни разу не сподобился там побывать.

Из окна своего дома это заповедное место я видел ежедневно. И часто давал себе зарок, что в ближайшие выходные дни непременно там побываю.

Аналогичная ситуация и с тем, что, когда узнают, что я чеченец из Дагестана, многие восклицают: «О, у вас там такое прекрасное высокогорное озеро Казеной!» Ну не бывал я и там!

С женой на Кавказ мы поехали вместе впервые. За два с половиной десятка лет как-то никак не получалось. Сначала не позволяло финансовое положение семейного бюджета, а когда начали появляться мало-мальски лишние деньги, старались отдохнуть за границей, где круглый год лето.

Потом военные действие в Чечне отбили охоту.

Только на Кавказе стало относительно спокойно и боевые действия окончательно завершились, Татьяна загорелась поехать со мной в мой очередной отпуск на мою родину:

— Полмира объездила, а в Чечне и Дагестане ни разу не была. Да и родных твоих давно не видела.

Встретили её, конечно, как родную. Все мои родные — от родителей, братьев и сестёр до многочисленных родственников и односельчан — по многу раз бывал у нас в гостях в Сибири.

В аэропорту Махачкалы она была единственная, кого встречали с шикарным букетом пышных алых роз. Не принято у чеченцев дарить цветы.

Когда у чеченца спрашивают, почему он никогда не дарит девушке или жене цветов, он с усмешкой отвечает: «Какая щедрость — траву дарить?!»

Сибирякам это трудно понять, с такими ценами за букет. На Кавказе эти розы на каждом шагу — всех видов и оттенков.

О, как я любил в детстве гулять по улицам Хамавюрта: от каждого двора тянуло плещущимся благовонием душистых пионов и уснащённых ароматом бутонов роз.

Даже закрыв глаза, шагая по улице, можно было определить, чей дом ты проходишь в данный момент. Каждый хамавюртовец старался, чтобы его цветы отличались от остальных. Какое-то негласное соперничество, неофициальный культ цветов. Иногда казалось, что в мире нет таких сортов роз, как в нашем селе.

Таня хоть и засмущалась таким поступком несентиментальных кавказцев, но, с восторгом приняв, обняла дурманящую охапку роз от Ризвана, которого не видела лет пятнадцать.

— Ой, Ризван, как ты повзрослел! — узнала она своего любимчика и потеребила его белый, как снег, от седины чуб.

За разговорами не заметили, как пролетели два часа в дороге, и мы оказались дома в объятиях моих братьев, сестёр и племянников, которых у меня… ой как много!

Октябрь на Кавказе обычно месяц тёплый и даже жаркий, но нам не повезло. Год выдался не ахти — неделю лили проливные дожди.

Я был огорчён: кроме как съездить в гости к родственникам, что-либо другое никак и не запланировать. А так хотелось показать жене красоту Кавказских гор. Как-то даже немного неловко, когда она увидела, что наше селение находится на равнине, а горы очень далеко.

— Какие же вы горцы? — смеялась она. — Вы степняки. Красноярцы больше горцы, чем вы.

И правда, все мои земляки, прилетая в Красноярск, удивлённо усмехались, увидев Саянские отроги:

— Это мы-то горцы?!

На седьмой день, хоть и было облачно, погода сжалилась над нами. Солнце не пекло, но периодически баловало своими тёплыми лучами. И когда вдали показался бело-серебристый, со своими снежными вершинами Кавказский хребет, жена, изумлённо уставившись на это великолепие, тихо прошептала:

— Вот бы туда… в горы съездить…

Я понимал, что это далеко, несмотря на то что визуально казалось — рукой подать, но загорелся желанием сделать приятное Тане.

Через пару-тройку дней уже улетать, а мы, кроме как у тётки в соседнем селе, нигде и не были.

Мой младший брат, Ильман, на мой порыв что-то пробубнил, из чего я понял: его это не вдохновило. Но Руслан, его старший сын, меня поддержал охотно:

— А что, дядя, давайте я повезу вас!

Руслан начал сборы, несмотря на недовольные вздыхания и сопение отца. Но Ильман, с юных лет привыкший безапелляционно меня «опекать», когда я приезжаю, не мог уступить прерогативу даже сыну.

— Ты же желал поехать на Казеной,— как бы между прочим заметил он.

Зная его характер и понимая, что он сейчас начнёт настаивать на этом, я согласился:

— До хребта мы сегодня однозначно не доберёмся. Было бы неплохо на Казеной…

Братишка сразу взял инициативу на себя и начал складывать необходимые вещи в багажник.

— Хамзату надо позвонить,— твёрдо изрёк он, набирая номер телефона друга.— Он бывал в тех краях и хорошо знает дорогу.

Я опять согласился. Хамзат — парень весёлый, душа компании. Едва найдётся город или село в Чечне и Дагестане, где он не бывал. Они одноклассники и неразлучные друзья, да и в дороге он надёжный товарищ.

Пока шли сборы и ждали Хамзата, солнце решило побороться с тучами и не уступать в лидерстве, начало припекать, и мы сняли лёгкие курточки и положили их в багажник. Погода в горах изменчива, может от плюс тридцати опуститься до плюс пятнадцати. Случается, что может не только резко полить дождь и побить градом, но и летом целый день валить снег.

Хамзат задерживался, и когда он вошёл во двор, брат ворчливо пробубнил:

— Ты через Миндерлу, что ли, шёл?

Мне стало смешно, что он употребил красноярское выражение.

— А что это означает — через Миндерлу? — решил узнать я у брата.

— Не знаю,— стал пояснять он.— Милиционеры из Красноярска на блокпосте так выражаются. Что-то матерное, наверное.

— Это селение под Красноярском,— засмеялся я.— У нас так говорят, когда человек долго задерживается.

До города Шали, некогда самого большого селения в мире, как утверждали сами шалинцы, получившего статус города совсем недавно, мы доехали спокойным ходом за час. Почаёвничав в кафе, тронулись на Харачой, за которым заканчивалась равнина и начинались горы.

— Немного напоминает Красноярск,— съязвила Таня.— А то степь да степь кругом…

На въезде в село остановились у памятника одиноко сидящему у дороги горцу и пасущемуся рядом коню.

— Это знаменитый абрек Зелимхан Харачоевский,— начал рассказывать Хамзат Татьяне.

— Можешь не утруждать себя,— перебил его Ильман.— Она наслышана о нём не меньше тебя.

Напившись родниковой воды из рядом бьющегося источника, коих в этих краях очень много, и налюбовавшись родовым селом неуловимого абрека, мы тронулись дальше. За селом закончился асфальт и начиналась дорога из белого гравия, но хорошо укатанная и ухоженная, без пыли и ямок.

— Видишь вон те облака? — обратился Хамзат к гостье, указывая на небо.— Скоро мы окажемся выше их.

Таня недоверчиво посмотрела на меня, я кивнул утвердительно.

— А сколько ещё километров до озера? — поинтересовалась жена.

— Чуть больше тридцати.

— О, скоро доедем! — обрадовалась она.

— Я бы так не сказал,— улыбнулся Руслан.

— В смысле? Объясни,— удивилась Таня.

— Это не объяснить, это нужно видеть! — как будто объявляя тост, воскликнул Хамзат.

Если описывать то, что оказалось впереди, я бы напомнил слова Ленина: «Шаг вперёд, два шага назад». А чтобы приблизительно объяснить красноярцам, как доехать до озера, то это как бы раз пятьдесят прокатиться из Красноярска в Емельяново и обратно.

Такого серпантина я не видел ни в одной стране, где я бывал.

Крутые спуски, подъёмы, опаснейшие повороты за поворотами. Казалось, что за очередным изгибом дорога закончится и мы полетим в пропасть или в конце каждого подъёма — в небо.

— Н-да, ясно, почему враги годами бились и не могли захватить Чечню,— мотая головой, сказала Таня.— Тут и Сусанина не надо, здесь сами горы — Сусанины.

Благо, что Ильман за рулём, его «десятка» под ним на этих каскадах — как конь под жокеем. Дорога не позволяла отвлекаться ни на секунду, братишка точно вжился в руль.

Вспомнились его слова, когда я получил водительские права и учился ездить: «Ты станешь настоящим водителем тогда, когда почувствуешь, что ты не в машине, а на ней. Она под тобой, а не ты в ней». Я только через несколько лет понял, что означали эти слова.

Через час, после очередного взвоза, решили немного перекурить.

— Голова уже кружится от этой карусели,— глубоко вздохнув, улыбнулся Ильман.

— Тётя Таня, посмотрите вниз,— позвал Руслан к краю косогора.

— Это те самые облака? — удивилась жена.

Под нами, закрывая горные ущелья, медленно проплывали бело-голубые ватные овечки, лошадки и стаи больших птиц.

От Харачоя до озера — эти три десятка километров — мы ехали более двух часов. Ни одного села, только как клубок — лента дороги.

Вокруг только девственные зелёные горы, заросшие травой, дикими цветами, кустарником и изредка невысокими деревьями.

Нас на протяжении всего пути удивляла газопроводная труба, проложенная через все эти ущелья и пропасти. Куда она идёт? Только когда подъехали к озеру и увидели одиноко стоящее строение типа альпийского шале, поняли и были ошарашены: ради этого домика потрачено столько труда и средств!

Мы проживаем в центре краевой столицы в частном секторе, в городе с миллионным населением, и обогреваемся углём.

Военные действия в Чечне закончились буквально год назад, а следов руин и разрухи не видно нигде. Всюду газифицировано, электроосвещение, асфальтировано, и кругом чистота, даже окурка нигде не увидишь.

Говорят, что водители автобусов и такси из соседних регионов, подъезжая к Чечне, предупреждают пассажиров, чтобы не вздумали выбросить в окно даже обёртку от конфет, и выдают всем пакетики под мусор.

Рассказывают, что какой-то депутат из соседней республики на подъезде к Грозному выбросил на обочину из окна своей машины пустую пачку сигарет. А через пару километров его остановили сотрудники ДПС и заставили идти за своим сором. А когда он стал возмущаться и кичиться, что он депутат народного собрания республики, ему спокойно указали: «Вот и увезёшь свой мусор и выбросишь у себя в парламенте».

— Эх, вот бы вашего Рамзана нам в край в аренду на два-три месяца, чтобы порядок навёл, — мечтательно промолвила жена.

— Не в руководители дело, — заметил я, — а в людях.

Когда в аэропорту Махачкалы после посадки, покурив на припортовой площади, я стал искать, куда выбросить свой окурок, таксисты, коих основная масса на таких местах, начали интересоваться, что или кого я потерял и ищу. Узнав причину моего метания, засмеялись:

— Э, земляк, ты в Дагестане, бросай там, где стоишь!

Потрясённый таким отношением и предложением, я не нашёл что сказать и тихо прошептал:

— Это мой Дагестан…

Озеро мы увидели издалека, как только поднялись на последнюю вершину. Среди альпийских лугов перед взором простиралась сине-бирюзовая гладь, расстеленная на несколько километров в сторону заснеженных куполов Кавказского хребта.

— Вау! — чуть ли ни одновременно закричали все.

Картина действительно была неописуемая. Не зря его называют «жемчужиной Кавказа», «загадкой Кавказа». Самое большое высокогорное озеро не только на Кавказе, но и в Европе.

Даже российский император Александр Второй, наслышавшись о великолепии озера, приезжал в 1871 году полюбоваться им. А дорога со стороны Дагестана, построенная по его указу, до сих пор называется Царской.

Легенд и сказаний, как оно появилось, несколько.

В одной говорится, что на месте озера в очень давние времена находился большой и процветающий аул Казеной, где люди забыли законы гостеприимства. Ангел, явившись в образе нищего, попросился у жителей на ночлег, но его отовсюду прогоняли, и только бедная вдова, живущая на окраине села, пожалела нищего и впустила в свой дом. Утром ангел открылся вдове и посоветовал ей покинуть аул, чтобы сберечься от катастрофы, которая постигнет это место. Только вдова ушла за пределы аула, произошло землетрясение, всё провалилось под землю, и образовалось озеро. Эта легенда сохранилась как напоминание людям о законах гостеприимства.

Другая легенда, романтическая, о том, как парень по имени Козен из высокогорного аула и девушка Эйза из равнинного села любили друг друга и в скором времени планировали пожениться. Но однажды, соскучившись по своей невесте, парень пустился в путь, пошёл сильный ливень, конь оступился на узкой горной тропе и вместе с всадником сорвался, и они полетели в пропасть и разбились. Эйза, убитая горем, перебралась на место гибели возлюбленного, построила небольшую саклю и каждый день приходила к трагическому обрыву и горько плакала. От её нескончаемых слёз, как ручейки, стекающих в ущелье, образовалось озеро, по-чеченски — «ам».

Возможно, потому чеченцы называют этот водоём и Козен-Ам, и Эйзан-Ам.

Ходила молва, что это ущелье превратилось в пристанище скорбящих по погибшим мужьям и женихам вдов и невест со всей округи, и таким образом образовались близлежащие сёла и хутора.

Только мы подъехали к озеру, как небо нахмурилось, набежали чёрные тучи и полил дождь, и нам пришлось укрываться в рядом стоящем недостроенном гаражном боксе.

Пока мы перекусывали, устроив из пустой бочки столик, тучи так же внезапно исчезли, и солнце в считанные минуты не оставило и следа от зябкости.

Вода в озере была студёная, и о купании не могло быть и речи, но Таня не удержалась:

— Как можно?! Купалась в трёх мировых океанах, а тут даже ноги не намочить?!

Она сняла босоножки и, по щиколотку войдя в озеро, закричала:

— А-ай! Помнишь, купались в марте в Гибралтарском проливе?

Я тоже не удержался. Разувшись, по колено, закатав штанины, полез по колено.

— Ого! Не май месяц! Бр-р-р-р… — вскричал и я.

Скинув обувь, ребята полезли за нами, но в ту же секунду выскочили как ошпаренные, с вытаращенными глазами.

— Вы, сибиряки, совсем ненормальные? — покрутил палец у виска Хамзат.

Пока очередная туча, надвигающаяся на ущелье, не накрыла нас, мы заскочили в машину и двинулись в обратную дорогу. Но туча преследовала нас почти полпути до Харачоя.

Руслан, севший за руль, ехал осторожно и аккуратно: моросило, и кое-где стелился негустой туман.

Заметив с противоположенной стороны ущелья скалистые горы, жена попросила племянника остановиться, благо и дождик закончился, и погода прояснилась.

— Посмотри, — изумлённо прошептала жена, — это же как наши «Столбы», и даже намного больше и интереснее.

— Вон там — похож на старика, — согласился я.

— А та скала — горец с бородой и носом с горбинкой, — подхватил Хамзат.

— А эта — на горянку.

Проезжая каньон, мы ещё несколько минут только и обсуждали: «А эта… а вот та…» — когда Руслан остановился и предупредил, что мы на последней вершине и скоро доедем до Харачоя.

Панорама потрясала: сверху предгорье выглядело как снежные заструги, а за ней равнина — не вспаханная, не засаженная за годы войны жёлто-коричневая аравийская пустыня, а за тобой — величавые, гордые, неприступные снежники.

— Лучше гор могут быть только горы… — восторженно сказала Татьяна.

— А ты обзывала нас степняками, — упрекнул Хамзат.

— Тётя Таня! — хитро улыбаясь, позвал Руслан. — Хотите, я вам покажу фокус?

Он снял ручной тормоз машины, стоящей на подъёме под углом тридцать градусов, и она медленно покатилась вверх.

— Это как? — не веря своим глазам, сказала жена. — Такого же не может быть!

Удивлены были и мы, и поэтому каждый садился в автомобиль и лично отпускал «ручник», не веря этой аномалии.

Чтобы окончательно убедиться, что Руслан нас не разыгрывает, Ильман достал из багажника пустую пластиковую бутылку и положил её на землю. Бутылка также медленно двинулась в гору.

Дабы совершенно рассеять наши сомнения, когда мы расселись по местам и тронулись дальше, Руслан выключил двигатель, поставил рычаг коробки передач на нейтральное положение, убрал ноги с педалей:

— Ну как, всё не верите?

Вместо того чтобы скатиться назад, машина спокойно двигалась вперёд.

— Да-а, — задумчиво начала Татьяна. — Я с юных лет не могла понять стихотворение Лермонтова о злом чечене, ползущем на берег и точившем свой кинжал. Как это возможно одновременно ползти на берег и точить кинжал? Все люди в мире с горы скатываются, а чеченец, наоборот, в гору катится. Многим поразила меня Чечня, но это сверх моего понимания…

…Ах да, на «Красноярских Столбах» я так и не побывал. До сих пор любуюсь ими из окна.

Владимир Балашов

Белые туманы Тимптона

Дневник экспедиции

Предложение поехать в Якутию на изыскания для новой гидростанции было для меня неожиданным, поскольку к этому времени я уже несколько лет находился на пенсии. Кроме того, нигде в СМИ не попадалась на глаза информация об этой проектируемой ГЭС. Хотя, если разобраться, лишь о строящихся гидростанциях много пишут издания всех уровней, а о начальных изысканиях, как правило, и местные-то журналисты мало что знают. Вот и не мудрено, что я узнал о ней только «по случаю», ибо где наши Саяны — и где далёкая Якутия.

В прежние времена любая экспедиция формировалась основательно: пока возводилась база изыскателей, коллектив специалистов всех профилей тщательно подбирался из других, разбросанных по стране, подразделений института «Гидропроект». Желающих поработать на новом объекте всегда было предостаточно, и, как правило, они прибывали со своими приборами и оборудованием. Теперь же старые традиции порушил вахтовый метод, да и преемственность практически утрачена, так что собирают специалистов «с миру по нитке». К примеру, я и Юра Спиридонов из почти вымершей когорты профессиональных гидроизыскателей — существовала когда-то такая достаточно распространённая и в определённой мере элитная профессия. Теперь мы уже старая гвардия: именно по возрасту, но, конечно же, не по опыту. Поэтому поездом везём с собой с Саян всё необходимое для работы: и геодезические приборы, и ноутбуки, и навигаторы, и рации, да и остальную походную амуницию с расчётом на весь летний сезон. На месте нам гарантированы только фронт работ и два помощника из Санкт-Петербурга…

Только вертолётом можно долететь

Что остаётся после человека на Земле? Принято считать, что, в первую очередь, память о нём. Но как долго будет жить людская память: тысячелетия, века или всего лишь годы? И кто должен помнить: всё благодарное человечество, ученики, коллеги, друзья, близкие родственники? Наверное, самое важное всё-таки — это память детей, которые сменят его на нашей планете? Только вот возможные недоработки в детском воспитании — это как брак, который никогда не ценится, и признательность потомков значима лишь в том случае, если они станут лучше нас. Так что как ни крути, а запомнится и то, что ты сделал полезного для ближайшего окружения, и то, что для всего человечества. Масштабы, конечно, несравнимые, но в памяти людской одинаково значимые…

Мой спутник и коллега по профессии Юра Спиридонов по этой железнодорожной трассе едет не впервой, поэтому достопримечательности за окном знает хорошо и охотно делится познаниями. Однако разговор вертится больше вокруг Якутии, куда устремлены, как писали в передовицах газет нашей молодости, наши «трудовой порыв и душ высокое стремление». Я-то в Якутию еду впервые, и над этими территориями прежде довелось пролетать лишь в самолёте. У него же ещё свежи воспоминания трёхлетней давности об изысканиях на реке Тимптон, да и более ранние — когда он работал в экспедиции на Вилюйской ГЭС, а потом на изысканиях по притоку Вилюя реке Черко.

И вот, в очередной раз за долгую изыскательскую деятельность, мне приходится пересекать значительную часть нашей бескрайней страны. Причём теперь это можно сделать после Тайшета не только по Транссибу, но и по БАМу. И, в зависимости от этого, дальнейший путь по Амуро-Якутской магистрали продолжится либо из Тынды, либо из Сковородино. Название конечного пункта командировки — Чульман — мне ни о чём не говорит, а вот город Нерюнгри, который расположен по соседству, всегда был на слуху. Не столько из-за его местоположения в Республике Саха, сколько из-за звучного названия. В переводе с эвенкийского оно якобы означает «река множества хариусов». Вообще-то Нерюнгри — ровесник нашего родного Саяногорска, то есть в статусе города очень молод. Но, по большому счёту, если сравнивать названия, то и «Саяногорск» звучит очень даже неплохо.

Мы с Юрой можем считать себя коренными саяногорцами, поскольку город строился на наших глазах и не без нашего участия. И если я всё-таки бывший ленинградец, то Юра даже родился

в горняцком посёлке Майна, который теперь входит в состав Саяногорска. А в общем, не так уж и важно, где ты родился, ведь зачастую случай совершает в человеческой судьбе неожиданные повороты. Так, свою изыскательскую деятельность Юра начал в удалённой экспедиции за баранкой УАЗа. А потом, вернувшись домой, так бы и продолжил, наверное, трудиться шофёром — но в Саянской комплексной изыскательской экспедиции номер семь «Ленгидропроекта», что базировалась в родном посёлке Майна, не оказалось вакансии. Зато требовались рабочие в топографическую партию. Не берусь судить, какого высококлассного водителя потеряла экспедиция, ибо во всём Юра доходил до высочайшего профессионализма, но геодезия неожиданно приобрела воистину уникального специалиста. Не сразу, конечно, ибо, многому научившись у коллег, недостающие знания он приобрёл уже на курсах техников-топографов-геодезистов в Ленинграде. А дальше, как утверждается в известной шутке, среднее соображение зачастую лучше высшего образования. Действительно, в средней школе мы получаем одинаковые знания, а вот дальнейший рост — это уже личное дело каждого. Так и Юра в области производства и обработки высокоточных геодезических измерений вскоре сумел превзойти многих опытных инженеров. Да и в области прикладной геодезии тоже. Недаром поучаствовал даже в разработке сложной отечественной геодезической программы «Кредо» — то есть сводил воедино сырую теорию разработчиков с собственной многолетней практикой…

В поезде, особенно в самом начале поездки, пейзажи за окном то и дело приковывают взгляд. Вблизи от Красноярска населённые пункты вдоль железной дороги встречаются довольно часто, однако обжитость района вовсе не радует, ибо едва ли не возле каждого посёлка красуются свалки. Выражаясь современным языком, налицо настоящий «экологический беспредел». Куча всего: строительного мусора, пластика, бумаги, пищевых отходов… Кто-то легкомысленно вывалил самосвал, рядом повторил другой лентяй — и пошло-поехало! Невольно подумалось: где же все те защитники природы, которые так активно борются с гидростроительством? В гидроэнергетике-то плюсы и минусы компенсируют друг друга, а здесь одни лишь минусы для природы. Про эстетику вообще говорить не приходится. А ведь сотни пассажиров ежедневно лицезрят эту «красоту»! Значит что-то не так в головах и помыслах этих «защитников природы»?

Такие вот невесёлые мысли возникают в голове. Потому, наверное, что в посёлке энергетиков Черёмушки ежегодно организуется уборка енисейского берега и окружающих территорий, собираются даже построить бетонную набережную, благоустраивают скверы. А ведь сколько страшных прогнозов было высказано природозащитниками во время строительства Саяно-Шушенской гидростанции, даже вспомнить страшно!

По мере удаления от Красноярска поселения всё реже, а вот следы человеческой деятельности продолжают наводить на грустные мысли. «Разруха — она в головах», — утверждает профессор Преображенский в романе Булгакова «Собачье сердце». Можно и нужно, конечно, гордиться трудовым подвигом строителей БАМа, но сколько же безобразных шрамов оставили они вдоль железной дороги. Выбирали грунт из многочисленных котлованов — да так и оставили не просто ямы, а ямищи, не сделав элементарной рекультивации. И то, что бульдозерист мог сделать за несколько часов, природа будет сглаживать и «зализывать» десятилетия. А пассажирам поездов всё это время придётся «любоваться» на дело рук нерадивых своих собратьев. Но, может быть, глядя на это безобразие, кто-то задумается и начнёт благоустройство своего двора, своей улицы, своего посёлка либо города? А то иногда создаётся впечатление, что строят города и промышленные объекты какие-то враги природы, инопланетяне-человеконенавистники…

В городе Нерюнгри нас, согласно договорённости, ожидает машина, чтобы доставить в посёлок Чульман, в котором и находится перевалочная база комплексной изыскательской экспедиции номер тринадцать. А уж дальше, до площадки будущей Канкунской ГЭС — а это ещё полторы сотни километров вниз сначала по речке Чульман, а потом по Тимптону, — нужно добираться вертолётом. Кроме нас, в таёжный лагерь направляется, как стало известно от встречающих, большая группа проектировщиков из Санкт-Петербурга во главе с главным инженером проекта гидростанции.

И вот почти час летим над покрытой бурыми пятнами-проплешинами, неприглядно унылой и непривычно плоской поверхностью. Как же разительно этот пейзаж отличается от бескрайней саянской тайги с её зеленью, причудливыми скалами и белопенными ручьями! Так что воспользоваться висящим у меня на шее фотоаппаратом «Canon» даже не возникло желания. Не скрашивают эту монотонность и редкие лиственницы, и вспыхивающие солнечными искорками крохотные озёрца. Лишь изредка нарушают топографическое однообразие извилистые ручьи, обрамлённые узкими полосками кустарника. А ещё не заметно ни малейших следов человеческой деятельности — только сходятся и расходятся, образуя сложную паутину, звериные тропки, указывающие, что здешний мир всецело принадлежит диким животным.

Далее вертолёт летит над рекой: то ли над Чульманом, то ли уже над Тимптоном. Замысловатые петли-меандры реки несколько разнообразят вид

внизу, и эта беспрестанно петляющая по довольно широкой террасе серебристая лента вызывает невольный вопрос: а что же мешает реке течь по кратчайшему пути? Возможно, это как-то связано с частыми перекатами, отмеченными белой пеной? Ведь не по собственной же прихоти? То там, то тут проглядывают на её берегах белые пятна — это не растаявшие до сих пор наледи. Некоторые из них так и не исчезнут до конца короткого лета, сохраняя зимний холод. Окружающие долину горы покрыты редкими лиственницами, через полупрозрачные кроны которых проглядывают серые скалы и пилообразные хребты. В общем, нудное однообразие, на которое и смотреть-то неинтересно, не то что фотографировать. В отличие от нашей густой и ярко-зелёной саянской тайги, скрывающей почти всё, находящееся под кронами, сквозь здешние голые лиственницы видно каждый камень. Подумалось даже: трудно, должно быть, спрятаться от вертолёта местному зверью? Которое, кстати, я так и не заметил на протяжении всего полёта.

Наконец наш Ми-8 делает круг над районом изыскательской базы и устремляется вниз — к домикам-ульям на левом берегу речки Тимптон. По вырубке, зажатой между рекой и подножьем горы, хаотично разбросаны рубленные из лиственницы квадратные балки́, разноцветные цистерны, несколько жилых вагончиков и транспортная техника. Медленно и осторожно вертолёт садится на сооружённую из брёвен квадратную площадку-настил, отмеченную по углам красными флажками. Всё, мы наконец-то на месте!

Вертолёт загружен, как говорится, под завязку: в салоне, кроме нашего геодезического оборудования, множества сумок и рюкзаков, уйма каких-то ящиков и мешков. Как оказалось, это продукты для здешней столовой. И сразу возле вертолёта собирается человек двадцать: из прилетевших, встречающих и добровольных помощников поварихи. Местные таскают ящики и мешки с продуктами в столовую и в соседствующий с ней погреб-морозильник, устроенный в вечной мерзлоте. Питерцев же ведут к двум жилым вагончикам, где им предстоит заночевать. А вот нам, геодезистам, отводят пустующий стандартный бало́к на краю лагеря, возле которого возвышается штабель длинных ящиков с выбуренными цилиндрами-кернами скальной породы.

Едва закончилась разгрузка, как главный инженер проекта предлагает воспользоваться вертолётом, чтобы сделать рекогносцировочный, то есть обзорный, полёт над альтернативными створами будущей плотины. Нам с Юрой тоже интересно посмотреть на место будущей работы и, возможно, даже наметить кое-какие вершины и скалы для закладки пунктов долговременного геодезического обоснования.

Вертолёт взлетает и берёт направление вниз по течению Тимптона. Первый створ, отмеченный довольно заметной просекой, буровыми станками на ней и изрытой гусеничной техникой площадкой возле воды, оказался совсем недалеко, а вот копёр-треножник бурового станка, установленный на следующем створе, я даже не сразу разглядел. Это и немудрено, поскольку никакой заметной просеки в лесу и среди кустарника не просматривалось от слова «абсолютно». Да, похоже, что эти лесные дебри доставят нам с Юрой немало «счастливых» эмоций и незабываемых дней!

Вертолёт снова приземлился в лагере, а потом улетел восвояси, оставив нас между зелёными вершинами и голубой речкой. И с чавкающей бурой жижей под ногами. Эту противную грязь нам придётся месить весь сезон, поскольку под травой лишь она, да ещё вечная мерзлота — многометровая и многовековая толща мёрзлого грунта с линзами льда.

Вечером полноправно ужинаем в столовой. Благодаря свежему привозу продуктов, меню очень даже разнообразно — почти как в ресторане. Повариха Любовь Васильевна собирает индивидуальные заказы на завтра: на завтрак и на обед. Похоже, перспектива похудеть нам с Юрой здесь точно не грозит!

Наши соседи — олени и медведи

Изыскательские дороги, изыскательские судьбы… В чём измерять их: в километрах, в годах, в построенных гидростанциях? Проще, наверное, всё-таки в ГЭС. Не все они при этом были построены, но ведь качество изысканий, мера ответственности, затраченные усилия всегда одинаковы. Специфика нашей профессии в том и состоит, что текущую изыскательскую работу невозможно представить в далёкой перспективе — ибо никому не ведомо, построят, в конце концов, этот объект или нет. Но каждый раз множество специалистов начинают работы с первого колышка, а заканчивают техническим проектом: предварительным — и впоследствии отвергнутым, или же окончательным — и уже детальным. Именно потому изыскательская биография складывается как из возведённых гидростанций, так и из тех, к проектам которых вряд ли когда-нибудь вернутся.

Первую ночь в балке́ спалось просто ужасно: и выданное со склада шерстяное одеяло оказалось «кусачим», и местные комары всю ночь грызли новичков немилосердно. А произнесённая жутковатым голосом фраза из ночного кошмара прозвучала вообще угрожающе: «Каждую ночь будет тебя будить вой пикирующих комаров». Не иначе, это пообещал мне сам здешний комариный бог? Открыв глаза, я ужаснулся во второй раз: яркий

дневной свет проникал в бало́к через многочисленные щели в стенах. Накануне было просто не до того, чтобы обратить на это внимание. Как оказалось, балок до нас был необитаем, срубили его ещё зимой, а с приходом тепла фундамент подтаял — и его так перекосило, что лиственничные брёвна разошлись.

Перед тем как идти завтракать, зашёл на склад, чтобы взять марлевый полог на дверь и паклю для заделки щелей. Вечером, после работы, придётся тщательно законопатить всё, что возможно, — чтобы последующие ночи не оказались самыми яркими из многочисленных тимптонских впечатлений. Острослов-кладовщик, выслушав мои жалобы, выдал два мешка пакли и очень образно выдал прогноз на будущее:

Если вас укусят раз —
вы, быть может, вскрикнете.
Раз укусят, два укусят…
А потом привыкнете!

Утро, учитывая, что это лишь начало якутского июня, очень даже тёплое, и, главное, почти нет зловредных комаров. В столовой все места за длинным столом уже заняты, поэтому приходится ожидать в очереди. Но это, как заверила повариха, временные трудности — до отлёта проектировщиков. Тут же трутся три довольно упитанные собаки: Соболь, Умка и Чапа. Они дружно бросаются к каждому выходящему в расчёте получить порцию угощения. Это если не отвлекутся на шустрых бурундуков, которые безбоязненно снуют прямо под ногами. Правда, при появлении собак они тут же взмывают на близстоящие деревья или на крышу столовой. Говорят, что у собак есть и другие, главные обязанности: они отгоняют по ночам слишком любопытных медведей.

После завтрака экспедиционные рабочие выгружают ящики с керном из металлической волокуши, что возле нашего балка́, и раскладывают в длинный ряд. Вскоре собирается большая группа из приехавших проектировщиков и местных геологов, чтобы пересмотреть выбуренные образцы. Ведь по этим каменным цилиндрам можно судить о составе и трещиноватости будущего основания плотины. Пояснения дают местные: главный геолог Ирина Красовская и инженер-геолог Юрий Кузьмин. Он якут — и, как мы успели убедиться, единственный представитель коренной национальности в лагере. А главный инженер проекта — или попросту гип — Васильев Александр Васильевич бывал, оказывается, и на нашей Саяно-Шушенской гэс. Правда, я в это время уже не работал, а занимался на пенсии литературным творчеством.

Из разговоров становится ясно, что основные параметры гидростанции уже определены: мощность — более двух миллионов киловатт, а высота плотины — ориентировочно двести восемь метров. В общем-то, вырисовывается довольно мощная, даже по современным меркам, гидроэлектростанция. Вот только пока ещё не ясно, будет плотина каменно-набросной или бетонной. Более практичный вариант упирается в отсутствие поблизости необходимых запасов песка для производства бетона. А мелководная, с множеством перекатов река Тимптон в качестве транспортного пути для его доставки вообще не подходит. В результате вчерашнего осмотра сверху гип наметил ещё два альтернативных створа ниже по течению, так что буровикам, геологам и нам, геодезистам, работы значительно прибавилось.

Итак, по нашим расчётам, если конечно не внесёт серьёзные коррективы погода, жить нам здесь предстоит до средины или даже до конца августа. Техническое задание предусматривает большой комплекс измерений: создание высокоточной геодезической сети, разбивку дополнительных и привязку нескольких десятков уже пробурённых скважин. А ещё множество менее объёмных, но не менее значимых работ — ведь первичные изыскания включают, как почти всегда заведено у проектировщиков, альтернативные створы и площадки. И, кроме того, нужно привязать к будущей строительной площадке вероятные подъездные дороги, карьеры камня, галечника, суглинков и песка, площадки под посёлок изыскателей и под городок будущих эксплуатационников. Это уже на удалении от створов и в основном наверху, где плато.

Основные же трудности даже не в том, что до самой удалённой точки добрый десяток километров, что перепад высот от реки до верхней террасы составляет почти километр, а в отсутствии на площадке будущего строительства не только всесезонных дорог, но даже охотничьих троп. За исключением звериных тропок, конечно. А ещё в невозможности преодолевать многочисленные перекаты на моторной лодке, не говоря уже о крупном катере. Значит, снова, как когда-то в отчаянной молодости, всё необходимое придётся таскать на себе. Ишачья работа — это ещё мягко сказано! Правда, руководство экспедиции клянётся вскоре доставить в лагерь двух обещанных помощников и персональную лодку с мощным мотором. Якобы из Санкт-Петербурга и якобы не позднее чем через пару недель. Пока же придётся работать вдвоём, да ещё и переплывать с берега на берег на дежурной моторке — то есть в значительной степени зависеть от планов других обитателей лагеря. А значит, терять драгоценное время.

Пока проектировщики заняты своими делами, просим забросить нас на этой самой дежурной лодке к месту работы. Собственно, начинать можно практически от лагеря, но лучше всё-таки с дальнего конца, чтобы минимизировать зависимость

от транспорта. В рюкзаках у нас топоры, пробойники и молотки, а также гвозди, сухой цемент, краска в тюбиках и, собственно, те самые марки из нержавеющей стали, запас которых Юра выточил на токарном станке ещё в Майне. Начинать сложный производственный процесс нужно с создания многоярусной триангуляционной сети. Именно многоярусной: нижние пункты располагаются по берегам у воды, следующие ярусы — на склонах, причём верхний должен располагаться выше гребня будущей плотины. А потом заложим марки ещё и на вершинах окружающих гор — это уже для привязки площадок стройматериалов и для связи с существующими пунктами государственной триангуляции. Поэтому схема триангуляционной сети и полигонометрических ходов растянется более чем на десяток километров. И полазать по окрестным горам нам придётся «от души».

Начинаем с левого берега, поскольку здесь уже есть несколько закреплённых пунктов, на которых Юра выполнял подобные измерения ещё в 2007 году. Возле каждого на скале, кроме номера, крупные надписи белой краской «ЛГП» — то есть «Ленгидропроект». Сколько же тысяч таких маркировок сделал я в Саянах с 1971 до 1996 года, пока Саянская экспедиция номер семь не закрылась!

Для начала решаем подновить старые пункты у воды и заложить дополнительные. Отыскав подступающую к воде скалу с площадкой, подходящей для установки прибора, выдалбливаем пробойником отверстие и, залив цементом, заглубляем марку с металлическим клином. Это двойная страховка, чтобы жуткие перепады температур, ледоходы и дождевые паводки не нарушили устойчивость центра. В дополнение нужна хорошо заметная надпись масляной краской на ближайшей вертикальной поверхности. Потом ставим веху с распорками и делаем контрольное определение координат по GPS-навигатору — чтобы потом долго не искать. Точность навигатора, в зависимости от количества принимаемых спутников, может составлять всего несколько метров, и этого вполне достаточно, чтобы найти заложенную марку даже в глухой тайге.

Внизу всё вокруг выглядит более насыщенным и зелёным, чем вчера сверху, с вертолёта. Возле воды теснится густой кудрявый кустарник, а под ним высокая трава с таёжными цветами. Пена с речных перекатов образовала в небольших заливчиках белые узоры — этакая причудливая графика на воде. При желании можно увидеть и спиральные галактики, и неведомых животных, и забавные рожицы. На узких же песчаных косах иная графика: встречаются цепочки следов коренных обитателей — косуль, северных оленей, а то и медведей. Про всякую лесную мелочь я уже и не говорю, ибо разнообразных следов на песке множество.

Конечно, при ближайшем рассмотрении здешняя тайга существенно отличается от нашей, от саянской. Вот по кромке подступающего к воде берега щедро цветёт брусника — и это не редкие цветочки, как у нас, а настоящие букеты из длинных розовых кистей. Может быть, мы даже дождёмся урожая, то есть ягодного пира в конце августа? Пушистые же ветки встречающихся кедров усыпаны созвездиями красных шариков — это завязи будущих шишек, которые на стланиковом кедре растут не поодиночке, а целыми гроздьями. Правда, вырастают здешние шишки размером всего лишь с перепелиное яйцо или чуть больше, но тем не менее мелкие орешки необыкновенно вкусны, о чём знают и белки, и бурундуки, и крикливые кедровки, и медведи-лакомки. Жаль, что урожай здесь будет лишь в следующем году, ведь плодоносят стланиковые кедры раз в два года

По береговым склонам над кронами лиственниц живописно возвышаются многочисленные скалы-останцы, причём самых невероятных форм. Одни похожи на башни полуразрушенных старинных замков, другие — на застывших каменных великанов, обитателей этих самых замков. Вот на этих скальных останцах и будем искать площадки для закладки марок второго и третьего ярусов геодезического обоснования.

Мы находимся как раз напротив основного створа, когда туда причалили две лодки с проектировщиками. Буровые работы на том берегу завершены, на площадке возле воды лишь не убранное пока ещё оборудование: вагончики, разнокалиберные ёмкости для горючего, соскладированные буровые трубы. Выше по склону площадка с неработающим буровым станком, большой палаткой с торчащей из неё печной трубой и уже знакомый штабель из ящиков с выбуренными кернами. Ещё выше на тонкой линии просеки просматриваются ещё две давно оставленные площадки. Конечно, если створ выберут в качестве окончательного, то скважин по просеке прибавится — их станет в несколько раз больше.

Ближе к вечеру к нам приплывает дежурная лодка, чтобы доставить в лагерь. Там, возле настила, в ожидании вертолёта уже собралась с вещами проектная группа. Вскоре вертолёт выныривает из-за кромки гор и забирает городских гостей, чтобы доставить в Чульман. А дальше их ожидает Санкт-Петербург — когда-то родной для меня город Ленинград, или попросту Питер. Но проектировщикам не придётся пересекать в поезде более половины страны, поскольку в соседнем с Чульманом городе Нерюнгри функционирует аэропорт.

Физический и погодный факторы

Почти каждое утро, выходя из своего «геодезического» балка́, мы окунаемся в плотный белый туман. Сквозь него невозможно разглядеть

ни окружающих гор, ни монотонно шумящей где-то по соседству реки. А тем более невозможно предугадать, то ли белая пелена вскоре рассеется, проявив, словно цветную фотографию, окружающий пейзаж с безоблачным синим небом и зажатой в узком каньоне рекой, то ли туман превратится в нудно моросящий противный дождь…

Конечно же, современные методы геодезии трудно сравнивать даже с теми, что существовали всего полтора десятка лет тому назад. Так, в нашем распоряжении электронный тахеометр «Лейка», способный выполнять лазерные измерения расстояний с точностью до миллиметров, и спутниковые приёмники глобальной позиционной системы, определяющие координаты с точностью до нескольких сантиметров. Так что, как шутит Юра: «Геодезия — самая работа для пенсионеров: установил треногу с приёмником над знаком — и отдыхай час-полтора, пока тот считывает информацию». Однако высокие точности требуют и столь же высокой квалификации, ведь процессу сопутствует множество всяческих «но». Но надо чётко сориентироваться, где закрепить геодезический знак, чтобы потом к нему, даже в процессе строительства, удобно было привязываться. Но надо определиться с оптимальным временем суток для наиболее качественных измерений — ибо количество и расположение спутников над узким речным каньоном может оказаться недостаточным для требуемой точности. Но надо рационально выстроить конфигурацию расположения новых долговременных знаков и грамотно вписать их в государственную геодезическую сеть. А потом ещё надо ввести все поправки при обработке результатов измерений и при уравнивании совмещённых систем…

Это техническая сторона процесса, но ведь надо учитывать и так называемый человеческий фактор, ибо знаки предусматриваются на трёх разных уровнях: вдоль воды, на склонах и по верху речного каньона, то есть на плато. А это уже порядка восьмисот метров выше уровня реки! Если внизу помехой являются скальные прижимы и превратившаяся летом в чавкающую грязь мерзлота, то на крутых склонах оплетает ноги ягодник и подстерегают предательски подвижные осыпи-курумники. Да и на плато нас ожидают непролазные заросли стланикового кедра, нагромождения крупных камней и многочисленные болотца. А в придачу ко всему этому — неисчислимые полчища комаров, мокреца и мошки. Даже возле реки — стоит остановиться для передышки, как противоэнцефалитный костюм тут же становится «лохматым» от насевшей живности. И если при общении по рации услышишь, как твой собеседник закашлялся, — это означает, что он слишком глубоко вдохнул «кисель» из воздуха и насекомых…

Чтобы не лазать по склонам лишний раз, закладку марок совмещаем сразу с геодезическими наблюдениями. Спутниковые приёмники каждый раз должны располагаться в форме треугольника, иногда даже очень вытянутого — но иначе трудно оценить полученную точность и невозможно правильно распределить возникающие плановые невязки. Таким образом, постоянная точка с приёмником находится в лагере, прямо возле нашего балка́, второй приёмник — у меня, а главный прибор — в ведении Юры.

Закрепив марку на присмотренной заранее скале, устанавливаю над ним приёмник, замеряю рулеткой высоту и жду Юриного сигнала. Из портативной рации, что находится в нагрудном кармане, должен прозвучать его голос: «Готов? Тогда включай прибор». И вот тогда можно заниматься обустройством площадки, надписями на скале и открытием видимости на реку — ведь сигнальную веху потом нужно будет отыскивать и с других точек. А после этого, поскольку процесс определения координат занимает больше часа, можно уже сфотографировать окружающие пейзажи с рекой внизу. По окончании процесса измерений буду перебираться на другую точку, где всё повторится абсолютно в том же порядке. И так, если позволяет погода, весь световой день.

Слой из жёсткой травы и сплошного ягодника, стелющихся поверх подстилки изо мха, «играет» под ногами, словно пружинный матрац. Балансируя на нём, особо опасаешься скрытых подо мхом глубоких трещин. Ведь если провалишься глубоко и потеряешь равновесие, то рискуешь сломать что-нибудь из конечностей — поэтому при ходьбе приходится постоянно об этом думать. Любая травма осложнит работу, а серьёзная вообще чревата большими проблемами. От постоянного напряжения к вечеру выматываешься, конечно, до предела, но хорошая погода подстёгивает — в здешнем регионе июнь с июлем довольно дождливые месяцы, поэтому если зарядят дожди, то невозможно даже предсказать, на сколько суток.

В ритме максимальной нагрузки работаем уже третий день. Сегодня с раннего утра опять поднялся на точку, что от реки располагается более полукилометра по высоте. Но это только по высоте, а так, с обходами осыпей, с зигзагами на крутяках, с карабканьем по скалам, набегает уже не один километр. И вроде бы всё повторялось как вчера, а спустился — и неожиданно ощутил невероятную усталость. Не выспался, что ли? До начала подъёма к следующей точке надо пройти по речной косе километра полтора — понемногу вошёл в ритм, и как будто полегчало.

Вот он, следующий подъём: высоко по склону, как раз напротив, возвышается нужная мне скала. Подниматься решил не по просеке створа, а по тропке, проложенной к недавно расчищенной

вертолётной площадке, куда ещё только предстоит заброска бурового станка. Пролез сквозь завал срубленных деревьев, выбрался на расчищенную площадку… И тут заложило уши, будто от резкого перепада давления! Попробовал традиционные методы: зевал, зажимал ноздри и дул, — ничего не помогает. Прошёл вверх по склону ещё пару десятков метров и с ужасом ощутил, что мне не хватает кислорода для дыхания. От осознания этого или по какой-то другой причине, сердце бешено заколотилось. Упал на мох, ожидая худшего, — однако через пару минут сердцебиение прекратилось. Вроде бы всё прошло? Прошагал ещё метров двадцать — и приступ в точности повторился. А главное — непонятно, в чём дело. На аллергию от запаха багульника, который в жаркую погоду может одурманить, не похоже, ведь когда отдохну, то снова дышится нормально. Или это инфаркт, первых признаков которого я, за неимением предшествующего опыта, попросту не знаю? Но тогда не должно сердцебиение так уж быстро проходить…

Связываюсь по рации с Юрой, объясняю ситуацию. Его ответ меня сразу успокаивает:

— Да у меня сегодня на первом подъёме, правда, уже наверху, нечто похожее происходило. Думаю, что мы слишком большую нагрузку организму дали. Нужно было для начала несколько дней внизу поработать, для адаптации.

Сразу вспомнилось, как в Саянах, возле вершины горы Гладенькая, куда трассировали линию электропередач для горнолыжной базы, я когда-то тоже ощутил резкое ухудшение физического состояния. Стоило ускорить шаги или подниматься вверх по склону, как через некоторое время наваливалась усталость и начинало учащённо биться сердце. Я тогда подумал, что просто-напросто заболел, но опытный рабочий-скалолаз пояснил, что так сказывается высокогорье. Действительно, мы тогда работали на высоте более полутора километров над уровнем моря, плюс крепкий зимний морозец с ветром. В таких случаях даже для опытных альпинистов требуется адаптация в несколько дней. Хотя и резкая смена часового пояса тоже может накладывать свой отпечаток. Так, прилетая из Сибири в Ленинград или Москву, я всегда на третий-четвёртый день ощущал упадок сил и головную боль. А потом всё проходило.

Посоветовавшись, решили работу на сегодня прекратить. Рюкзаки накрыли от вероятного дождя полиэтиленовой плёнкой и спустились вниз. Вызвали по рации лодку…

Вчера вечером чувствовал себя полностью разбитым и, честно говоря, побаивался, что буду так же себя ощущать и утром. Но, проснувшись, кроме некоторой вялости, вчерашних симптомов не почувствовал. Накануне сделали с Юрой соответствующие выводы и решили чередовать подъёмы с работой внизу, возле реки. Однако волей-неволей, но с утра нужно идти в гору, поскольку там наши рюкзаки с приборами.

Вопреки опасениям, поднялся без особых проблем. Совсем рядом с закрывающим рюкзак полиэтиленом появилась за ночь куча медвежьего помёта, которой вчера вроде бы не было. Это, как я понимаю, косолапый выразил своё крайнее пренебрежение, если не сказать больше! Как-никак он здесь хозяин и авторитет, а мы пришлые. Хорошо ещё, что рюкзак не тронул! А то, помнится, когда сплавлялись на резиновом плоту по порожистому Кантегиру и однажды довелось ночевать в избушке, то оконные рамы мы доставали с чердака. Оказывается, медведи попросту вышибали их, разбивая стёкла вдребезги, чтобы обследовать внутренности избушки после очередной группы туристов.

Воду для чая набираем в крохотном ручейке позади нашего «геодезического» балка́. Она слегка желтоватого цвета, и когда кто-нибудь идёт с ведром на ручей, то вслед звучит: «Пошёл за пивом?» Это, конечно же, далеко не наша чистейшая енисейская вода, но всё-таки и не как в Тимптоне — та имеет вообще коричневатый оттенок. И привкус от неё во рту ещё тот! Оно и понятно: ручьи собираются с протаявшего верхнего слоя почвы — а это и болота, и лиственно-травяной перегной. Тем не менее в местной газете «Нюрка», которую кто-то принёс в столовую, прочитал относительно тимптонской воды нечто невообразимое. Газета, правда, ссылается на некий источник «пн», который, похоже, хорошо известен местным жителям.

«Мерзлотная вода уникальная: в ней нет солей тяжёлых металлов, она близка по составу человеческой крови, поэтому очень полезна. А сейчас источники планируют затопить водохранилищем Канкунской гэс. В результате изменится хрупкий гидрогеологический баланс, и родники исчезнут. А они, представьте, не замерзают даже в сильные морозы. Нашлись же „мудрецы“, решившие строить в Южной Якутии каскад гэс, угробить источники, краснокнижную тайгу, территорию эвенкийских общин, где выпасаются олени. Какая в этом экологическая целесообразность?»

Меня давно удивляет, что вокруг любого проекта сразу же появляются такие вот «защитники» природы. Сколько же возмущённых статей было в газетах разного статуса вокруг строительства той же Саяно-Шушенской гэс! Не боятся выказать не только свою некомпетентность, но и полнейшую безграмотность. Насчёт схожести болотной воды с человеческой кровью я вообще молчу. Такая вода в любом болотце бескрайней тундры. Незамерзающие источники тоже не уникальны — это вода из глубины скальных трещин, куда не проникает морозный воздух. А водохранилище — это узкая полоска воды, зажатая между обрывистыми берегами. Потому-то и требуется

плотина двухсотметровой высоты, чтобы объём водохранилища стал более-менее приемлемым. Надеюсь, что мои слова звучат более убедительно для непосвящённых читателей, чем голос неведомого источника «ПН».

Вот и закончилась первая неделя нашего пребывания на Тимптоне. Пока всё идёт по плану, но, как признался Юра: «Староват становлюсь для работы в горах. Три года тому назад и горы здешние были как бы пониже, и подъёмы положе».

Действительно, пора, наверное, начинать себя беречь — седьмой десяток обоим пошёл. Но куда денешься, если опытных изыскателей становится всё меньше и большинство ушли в другие структуры, а молодёжи нужно время для приобретения опыта? Да ещё эти тендеры, когда каждый последующий этап изысканий может выиграть другая организация. Поэтому ни одна из них, как было ранее заведено, не готовит кадры на перспективу. Вот и оказались такие, как мы, пенсионеры с Саян в глубине Якутии. Причём пенсионеры глубокие, поскольку наработанный изыскательский стаж сделал нас таковыми в пятьдесят пять!

Трудовые дни и творческие вечера

Ветер гонит над тимптонской водой пьянящий аромат тайги. В нём терпкий запах багульника, сладковатый — кедрового стланика и тонкий букет ароматов таёжных цветов. Дышишь этим живительным бальзамом и никак не можешь вдоволь надышаться — это ведь не бензиновая вонь и не затхлые миазмы городских улиц. Здесь, среди бескрайней тайги и поющих свою нескончаемую песню ручьёв, стараешься не думать о каждодневных тяжёлых подъёмах и полчищах свирепых комаров, ибо они вскоре забудутся, а вот окружающим пейзажам суждено навсегда запечатлеться в памяти, в воспоминаниях. И пусть руки, ноги, всё тело натружены работой, наполнены усталостью, но одновременно отдыхает от городского ритма и освобождается от балласта проблем душа! Ведь здесь, как и сто, как и тысячу лет назад, человек ощущает себя неотъемлемой частью врачующей душу и тело природы…

Пока не прилетели помощники, работаем на небольшом удалении от реки. Постепенно фронт работ приблизился к лагерю — а потом распространился и дальше, вверх по течению Тимптона. Удалённые и труднодоступные участки будем осваивать уже с прибытием санктпетербуржцев, а то и так грубо нарушаем все мыслимые правила техники безопасности, разделяясь на маршрутах. Есть, правда, и рации, и навигаторы, но если что-то случится, то помощи придётся ждать довольно долго. А ведь в таких случаях иногда всё решают минуты.

В полукилометре от лагеря расположен гидрологический поперечник с перекинутым через реку тросом, к которому цепляется лодка, чтобы через определённые расстояния делать промеры глубины и замерять скорость потока воды. Кроме замеров уровня воды несколько раз в день, гидрологи периодически определяют и расход проходящего через гидроствор речного потока. Эти замеры в совокупности нужны для вычисления объёма проходящей через поперечник воды при разных уровнях. И всё это для определения годового водостока — то есть для вычисления оптимального объёма будущего водохранилища.

По донельзя разбитой гусеничной техникой дороге добираемся до водомерного поста. Юра неожиданно сворачивает к посеревшему от дождей настилу с остовом когда-то стоявшей на нём палатки.

— Здесь я в две тысячи седьмом году жил, — поясняет он. — Тогда никаких балков ещё и в помине не было.

На самом берегу приютилось жилище гидрологов: стандартный бало́к из свежеошкуренной лиственницы, навес для гидрологического оборудования, большая поленница дров и тарелка спутниковой антенны на высоком шесте. Встречает нас сначала дружелюбная собака, а потом и её хозяин. Эту хаски с разными глазами — один голубой, другой карий — мы встречали как-то возле столовой. Однажды она даже пришла к нашему балку́, чтобы познакомиться с вновь прибывшими.

— Слишком уж доверчивая у вас охрана, — замечаю я, кивая в сторону хаски.

— Молодая ещё, — поясняет гидролог. — Тут на днях начала ночью в дверь ломиться и лаять. Открываю. Нюрка шмыг мимо — и под нары. А метрах в десяти медведь стоит. Я сам от неожиданности чуть следом под нары не залез.

— Что это косолапого к жилью-то потянуло? — интересуется Юра. — Съестное учуял, наверное?

— Нет, похоже, просто мимо шёл. Решил полюбопытствовать хозяин тайги.

Внутри балка́ двое широких нар и стол от окна между ними. Одни нары застелены, вторые из-за временного отсутствия напарника используются в качестве сиденья. На столе у самого окна ноутбук со звуковыми колонками. Внутри, насколько это возможно, наведён порядок. В общем, вполне нормальное и обжитое пристанище нетребовательного одинокого мужчины. Тайга — не город, здесь не нужно ничего лишнего!

Возвращаясь назад, собираем возле дороги спелые янтарно-жёлтые ягоды морошки. Клюква ещё зелёная и мелкая, но к концу лета и её будет довольно много.

Ещё дальше, уже в полутора километрах выше нашего лагеря, в Тимптон впадает полноводный ручей Курунг-Хоонку. Он, похоже, и дал название посёлку Канкунский, обозначенному на карте где-то в тридцати километрах выше по ручью.

Это ближайший населённый пункт, образованный в 1950 году как центр добычи слюды. А вот следующий ближайший для нас населённый пункт — это уже Чульман. Когда-то Канкунский насчитывал две с половиной тысячи жителей, но в 2002 году, согласно Интернету, в нём проживало всего четыре человека. И оттуда есть прямая дорога длиной в несколько сот километров до автотрассы «Лена» и до параллельной ей железной дороги.

Устье ручья Курунг-Хоонку — наш очередной район работ. Здесь база буровиков: избушка, примитивная баня, жилой вагончик и гусеничная УГБ — установка глубокого бурения. Сейчас обитателей в лагере нет, лишь доносится гул двигателя установки, работающей где-то неподалёку. Здесь верхняя граница площадки изысканий, так что наша геодезическая точка с координатами просто необходима. Сначала привязываем её и пройденные скважины, а потом закрепляем ещё одну точку — подальше в логу. Позднее рассчитываем использовать её для связи с государственной высотной сетью, репер которой, судя по карте, находится в нескольких труднопроходимых километрах. Каких-либо троп вдоль ручья в этих необжитых местах попросту нет, поэтому и оставляем привязку на потом, когда прилетят помощники.

Возле впадения ручья в Тимптон на карте чёрным прямоугольничком отображено жилище — правда, с пометкой «нежил.». Похоже, теперь это и есть приватизированное жилище буровиков? Судя по карте, распадок довольно значителен по площади, но погода настолько хмурая, что солнце в качестве ориентира на небосводе не просматривается — и потому в густых зарослях трудно ориентироваться. Только окружающие горы позволяют более или менее определяться с направлением движения. Но дальше от устья лес становится почти прозрачным: стволы лиственниц не толще полутора десятков сантиметров, а чахлая хвоя лишь на самых верхушках. И много сухих деревьев, да и живые-то выглядят словно бы больными или после пожара. Если бы не чашеобразные кусты стланикового кедра, то подобное редколесье и лесом-то неправомерно называть. Создаётся впечатление, что деревья здесь с самого рождения борются за жизнь, многие не выживают. Хотя это и немудрено, поскольку корни их под слоем мха весь год то в мерзлоте, то в воде. Когда наступаешь на этот податливый мох, то под слоем воды ощущаешь твёрдый лёд и вечный холод. Удивительно, как в таких жёстких условиях эти лиственницы вообще растут! Зато о выживании здешних обитателей природа позаботилась сполна: ковром цветёт брусника, встречаются сочные ягоды голубики и морошки, и даже рьяно алеет на мху прошлогодняя клюква.

В предчувствии похода вдоль ручья, накануне я изготовил рыболовную снасть: вырезал длинное удилище и весь вечер, используя медвежью шерсть, вязал мушки-обманки для ловли хариусов. Но вот ходить по заросшему кустарником берегу с длинным удилищем, да ещё и без катушки, оказалось испытанием не для слабонервных. Удилище то и дело застревает, леска цепляется… В общем, рыбалка не оправдала мои сладостные ожидания! И то ли найденные крючки оказались крупноватыми, то ли у здешней рыбы свои особые пристрастия насчёт мушек, но было всего лишь несколько неуверенных поклёвок. Единственного вытащенного хариуса я вечером отдал лагерному персидскому коту Уле.

А когда выходили назад к устью, то ориентировались на высокую скалу, что просматривалась поверх вершин деревьев на противоположном берегу Тимптона. Она удивительно напоминала голову индейца в профиль: прямой нос, выступающее надбровье и головной убор из перьев. Вот только где Канада — и где Якутия! Иногда призадумаешься, случайно или намеренно природа либо сам Создатель оставляют в разных уголках Земли свои загадочные творенья, о назначении которых приходится только гадать.

Повседневная жизнь нашего изыскательского лагеря не отличается особым разнообразием. После плотного завтрака в столовой, где меню зависит от того, давно ли прилетал вертолёт, мы отправляемся в очередной «геодезический» маршрут, буровики уплывают на смену в район створов, а геологи разделяются — кто-то на лодке уплывает с буровиками, кто-то пешком отправляется на месторождения стройматериалов. У гидрологов своя, как бы совсем отдельная от остальных жизнь возле гидроствора. Даже в столовой они появляются не каждый день.

Мы, как правило, обедаем тоже вдали от лагеря, но к ужину в семь часов вечера стараемся подтянуться. Развесив мокрую от дождя или пота одежду, переодеваемся — и в столовую. Ведь здесь можно узнать новости: о сроке прилёта вертолёта, о новых заданиях, полученных из Чульмана по спутниковому телефону, или о вновь забредшем в лагерь гидрологов медведе. Телевизоры есть, но пока не работают — не отлажен терминал связи, и неизвестно, когда его отладят. Так что развлечений не так уж и много: можно хоть каждый день топить баню, можно читать скопившуюся после забывчивых предшественников небольшую, но очень интеллектуальную библиотеку, можно через ноутбуки, которые есть у каждого специалиста, просматривать фильмы на компакт-дисках. Правда, из-за экономии горючего электроэнергию включают вечером только на два-три часа, но нам, привилегированным геодезистам, давно обещан индивидуальный бензиновый электрогенератор. А вот любители природы могут побродить с удочкой или пособирать морошку с голубикой

на варенье. Брусника и клюква поспеют только к концу августа, но тогда уже будут нередки и заморозки по вечерам, да и мы с Юрой к тому времени, надеюсь, улетим в свою солнечную и тёплую Хакасию.

На двенадцатый день нашего пребывания небо прохудилось и разразилось сыростью. Но не летним звенящим ливнем, а опустившейся между гор нудной серой моросью, на которую даже через оконце балка́ тоскливо смотреть. А ещё задул холодный пронизывающий ветер, словно бы скатившийся с невидимых ледников. Вот уж точно никакой не летний, а тем более не июньский дождь! Так что с труб всех балков и вагончиков порывами ветра весь день срывается сизый печной дым. Якутия-я-я, одним словом!

Юра почти все вечера занят обработкой измерений и уравниванием разрастающейся сети пунктов, я же пишу давно задуманную повесть. Здесь, вдали от телевизора и рутины цивилизованной жизни, работается просто замечательно. А главное, что больше и заняться-то нечем, так что в данной обстановке едва ли не каждый второй готов заняться литературным творчеством — была бы капелька таланта, а темы и прототипы героев найдутся. Неудивительно, что Владимир Арсеньев, Григорий Федосеев и Олег Куваев, проработав годы в экспедициях, стали известными писателями.

Уходя год тому назад на пенсию — хотя по законодательству мог уйти ещё на пять лет раньше, — я надеялся полностью погрузиться в литературное творчество. Но, как оказалось, работа в течение последних десяти лет руководителем пресс-службы СШ ГЭС сыграла со мной злую шутку: вскоре понял, что не могу избавиться от журналистских «штампов штампычей», незаметно проникнувших в мой язык. Литературная «ломка» продолжалась несколько месяцев, причём без особого успеха. И тут поступило предложение поехать на сезон в Якутию! Я согласился не раздумывая, в надежде, что привычная «полевая» обстановка вернёт и привычные философские мысли. Даже специально купил ноутбук, рассчитывая вечерами и в дождливые дни работать над давно начатым историческим романом. Вот только особой надежды на Интернет и на поиск в нём нужной информации не было, поэтому взял с собой и рукопись когда-то набросанной, но так и не доведённой «до ума» фантастической повести «Безбилетник». И вот, на фоне первозданной природы, в отрыве от информации и средств её доставки, снова начало что-то получаться.

В отличие от прежней жизни, где, в общем-то, ненужные телевизионные новости полностью занимали вечера, здесь тянет на элементарное человеческое общение. Нередко беседую за долгими чаепитиями с геологом Юрием Кузьминым. Он единственный здесь якут и крайне интересная личность: увлекается йогой, много интересного может рассказать о шаманизме и обычаях коренного населения. Единственный его грех — это тяга к спиртному, поэтому Юра причислен руководством лагеря к невыездным. Частый гость в нашем балке́ и главный геолог Ирина Красовская, появляющаяся с очередными производственными заданиями или за консультацией по программированию GPS-навигаторов. Но главное, как мы поняли, — это тяга поговорить с достаточно редкими здесь «свежими» людьми. Вот жили же раньше люди без телевизоров, и, как мне кажется, интереснее жили, общались каждый вечер, тянулись друг к другу душой. Человеку свойственны коллективизм и общение, а не уютный персональный диван перед телевизором с потоком не особо-то и нужной информации.

Плюсы и минусы гидроэнергетики

Плотина будущей Канкунской ГЭС рассматривается проектировщиками в двух вариантах: каменно-набросная и бетонная. Их оси уже отмечены на обоих берегах, и, проплывая мимо на моторной лодке, я каждый раз пытаюсь мысленно нарисовать эти плотины. Но воображение почему-то пасует. Не потому ли, что за бортами лодки громко бурлит мелководный Тимптон, а выступающие из воды серые валуны напоминают расположившуюся на отдых отару овец? А ещё, отступив на безопасное расстояние от непредсказуемой воды, величественно застыли на склоне настоящие голубые ели, вершины которых, словно новогодними игрушками, украшены бесчисленным количеством крупных шишек. И, поравнявшись с затёсками на стволах нижних деревьев, успеваю разглядеть лишь на какой-то миг узкие просеки створов, круто уходящие вверх. Они прорезают частокол лиственниц и теряются где-то там, на крутых зелёных склонах. А оттуда, с выступающих хребтов и вершин гор, уже много тысячелетий смотрят вниз причудливые скалы-останцы. Одни напоминают башни полуразрушенных крепостей, другие — фантастические гигантские скульптуры. Не нужно какого-то особого воображения, чтобы разглядеть в них не только животных и птиц, но и лица древних идолов. Приветствуют они людей или, наоборот, осуждают вторжение разрушительного технического прогресса в их мир? Трудно понять, ведь они молчат, как молчали и при появлении на этих берегах первобытных охотников, ещё полностью зависимых от природы и от их покровительства.

Во время работы в пресс-службе СШ ГЭС мне часто приходилось писать о плюсах и минусах большой гидроэнергетики. Вот и сейчас наши вечерние разговоры с геологами нередко сводятся к подобным рассуждениям. С одной стороны,

строительство гидростанции в здешней «тмутаракани» обойдётся, как говорится, в копеечку — ведь даже сейчас доставка вертолётом персонала, продуктов, снаряжения, горючего, да и переброска бурового оборудования со створа на створ требуют немалых затрат. А потом начнутся детальные изыскания на выбранном створе, прокладка десятков километров подъездных дорог, строительство посёлков, разработка карьеров, транспорт, бетонное хозяйство и, наконец, само строительство в столь суровых условиях. Ну, положим, затопление ложа будущего водохранилища в этом узком каньоне не нанесёт сколь-нибудь серьёзного ущерба ни природе, ни тем более отсутствующему местному населению… А с другой стороны, появятся новый благоустроенный посёлок изыскателей и работа на период строительства для тысяч людей, возникнут транспортные коммуникации, новые предприятия, начнётся разработка полезных ископаемых… Что греха таить, европейская часть страны уже во многом истощила себя, и перспектива экономического развития нашего государства — здесь, в Сибири и на Дальнем Востоке. Но для каждой новой ГЭС история яростного противостояния сторонников и противников начинается заново, как это было когда-то и в родных Саянах…

Дожди здесь, похоже, не бывают кратковременными. Два дня погода была «нелётной» как для нас, так и для воздушного транспорта. Мы ждём вертолёт по двум причинам: должны прибыть ленинградские помощники с лодкой, а ещё обещанный персональный бензогенератор. Это наша привилегия до конца командировки, поскольку электроэнергию в лагере из-за экономии горючего даже в дни вынужденного безделья включают лишь на несколько часов, да и то по вечерам. А без неё аккумуляторы наших ноутбуков «тянут» недолго. Тем более обидно, что таёжная Муза стала посещать меня всё чаще — практически каждый вечер.

Небо просветлело, но вертолёт, согласно сообщению из Чульмана, нужно ожидать лишь вечером. В горы, пока не прибыли помощники, лучше не лезть, поэтому на очередной фронт работ решили направиться на лодке и вниз по течению. Во-первых, нужно отыскать указанный на карте и весьма удалённый репер, во-вторых, попутно заложить ещё три марки, гармонично дополняющие схему развиваемой геодезической сети.

Причалили чуть выше непреодолимого даже после таких дождей переката. А до искомого репера ещё километров восемь по галечниковым россыпям и узким песчаным косам. Ходьба по мокрым камням и подвижным валунам, как оказалось, утомляет ничуть не меньше, чем карабканье по склону,— ведь, перепрыгивая с камня на камень, каждый раз рискуешь поскользнуться и потерять равновесие. Поэтому походка идущего впереди Юры со стороны выглядит как повторяющиеся балетные па — в исполнении комика-пародиста, конечно.

Да, сегодня, похоже, не мой день! Внешне казавшийся устойчивым, камень под сапогом качнулся — и я потерял равновесие. Если бы он просто качнулся, ничего страшного бы не произошло — так случается часто, но валун провернулся вокруг оси на двух других камнях. И я, естественно, рухнул плашмя, успев только выставить перед собой руки. И тут же ощутил острую боль в правом колене. Соображая, как же такое могло произойти, почувствовал, как под брючиной побежала по ноге кровь. Кое-как поднялся и заковылял дальше, ещё не представляя до конца, чем мне всё это может грозить.

Идущий впереди Юра оглянулся и встревоженно спросил:

— Ты как, в порядке?

— Да вроде бы. Коленку, правда, ободрал до крови.

Сел на камень, замотал кровоточащую ссадину бинтом, и мы двинулись дальше. Вскоре вроде бы разошёлся, и боль отступила, только сильное жжение напоминало о травме. Но после короткого перерыва на обед поднялся всё-таки с трудом. Нога то плохо сгибалась, то, наоборот, предательски подгибалась. Через какое-то время боль опять отпустила и как бы затаилась. А вот что будет завтра, послезавтра? Ведь я могу попросту подвести — особенно если долгожданные помощники так и не прилетят.

Вертолёт прибыл поздно, когда его уже и не ждали. Спешно высадились пассажиры, быстро выгрузили доставленное оборудование и продукты — экипажу ещё предстояло перенести буровой станок с одного створа на другой.

Наконец-то наш геодезический отряд в полном составе. Виталий — достаточно опытный геодезист из «Ленгидропроекта», а с ним Коля — студент какого-то вуза, решивший испробовать себя в таёжной жизни. Изыскательского опыта у студента ноль, зато налицо молодость и спортивная фигура, так что будет на кого завтра навьючить самый тяжёлый рюкзак! А вот обещанный электрогенератор нам так и не доставили!

С утра снова накрапывает дождь, поэтому решили переоборудовать ставший уже обжитым бало́к под новых жильцов. Вместо пятых нар сделали большой стол для работы — до этого Юра довольствовался столиком на крохотной кухоньке. Мы с ним к некоторым неудобствам за две недели попросту привыкли, а вот вновь прибывшие взглянули на уют «цивилизованными» глазами. Предложили даже обтянуть полиэтиленовой плёнкой стены, поскольку сыплющийся из всех щелей мох постоянно приходилось стряхивать с одеял. В общем, как при каждом переезде в новое жилище, начали с простого благоустройства, а закончили капитальным ремонтом балка́.

Потом, несмотря на моросящий дождь, спустили на воду привезённую лодку-дюральку и расконсервировали мощный японский мотор, который, к всеобщему удивлению, Виталий завёл практически сразу. Правду сказать, он и сам этому несказанно удивился! Так что завтра поплывём на своей лодке и в удобное для нас время, не согласовывая маршруты с буровиками или геологами. Наступает полная свобода действий, тем более что связь с лагерем осуществляется через дежурную рацию круглосуточно. В общем, пришли наконец-то свобода и самостоятельность — две желанные составляющие экспедиционной жизни.

Всю ночь шёл проливной дождь, который прекратился только перед завтраком. Крыша балка́, как оказалось, на такой ливень тоже не была рассчитана, так что придётся заняться и её ремонтом. Накануне был сообща расписан план работ на несколько дней вперёд, который не хотелось нарушать из-за такой мелочи, как окружающая сырость. Тем более что намечены измерения на трёх высоко расположенных точках и, по крайней мере, после такого дождя не жарко будет карабкаться вверх! Ко всем трём точкам будем добираться одновременно, причём вновь прибывшие, как и предписывает инструкция, пойдут вдвоём.

Ещё рано, солнце не успело выползти из-за гор, чтобы подсушить траву и кустарник. Когда-то привезённый мне в подарок из Красноярска настоящий альпинистский — то есть анатомический — рюкзак не давит на плечи, но болтающийся тяжёлый штатив постоянно цепляется за ягодные кусты и выступающие изо мха корни. Попробовал перевернуть — стал цепляться за ветки над головой, что ещё хуже. Сверху то и дело низвергаются потоки воды, и вскоре не только одежда промокает насквозь, но и в берцах начинает хлюпать. А ведь это ещё только начало пути! Но самое неприятное — это комары, которые вьются вокруг, настырно лезут в нос и в рот. Скольких я уже раздавил, а ещё больше, наверное, проглотил, ведь стоит глубоко вдохнуть воздух, как в горле оказывается сразу несколько штук. Не знаю, можно ли к ним привыкнуть и не замечать? Они и в тайге, и в лагере, и в балке́ — днём грызут, ночью грызут, даже в беспокойных снах присутствуют. В балке́ пытаемся спасаться от них вонючими китайскими спиралями, которые каждый раз поджигаем перед сном. Комары надолго замирают на потолке, и, если не лень, основную часть их можно перебить. Оставшиеся же в живых будут мстить в темноте до самого утра.

И вот, судя по навигатору, наконец-то осталась последняя сотня метров по крутому склону. Впереди сквозь деревья просматриваются серые скальные останцы. На котором-то из них мне и предстоит заложить очередную марку. Координаты подходящей для конфигурации нашей сети точки сняли вчера с карты, так что ошибиться невозможно. И под ногами уже не пружинящий матрац изо мха, а вполне неподвижная каменистая поверхность, А вот и подходящая площадка! Вокруг висит туман, закрывающий всё вокруг, кроме ближайших лиственниц. Однако спутниковой системе видимость не нужна, а вот в прежние времена это был бы попросту бесполезный подъём — и пришлось бы терпеливо дожидаться открытия видимости.

Когда уже закладывал марку, снизу донёсся звук мотора. Это моторист Виктор привёз буровиков после завтрака на нижний створ. Вот так, в сравнении, сразу осознаёшь преимущество собственного транспортного средства. Пытаюсь связаться с другой командой по рации. Не отвечают — значит, ещё не поднялись до своей скалы. Устанавливаю над заложенной маркой приёмник на штативе, замеряю высоту… Всё, теперь остаётся только ждать, когда Юра выйдет на связь. А пока можно развести костёр и обсушиться и потом, уже в комфортном и благостном состоянии, попить чайку, выполнить внешнее оформление точки.

Через туман понемногу прорисовываются окружающие вершины и даже лента Тимптона с преодолевающей течение лодкой. Это Виктор уже возвращается в лагерь. А вокруг открывается такая красота, что глаз не отвести. Поднимаясь вверх по логам, туман выделяет в первую очередь ближние планы. Сначала соседние скалы-останцы, а потом и противоположный берег. Вон, примерно на такой же высоте, словно бы группа башен крепостной стены, выстроившихся цепочкой по хребту. А лиственница с густой вершиной на одной из них напоминает поднятый на флагштоке штандарт. На которой-то из них завтра буду закладывать очередную марку…

Вскоре туман открывает весь извилистый Тимптон. Слева, из-за последнего видимого поворота, выглядывает часть нашего лагеря — до него километра четыре. Ближе, уже на моём правом берегу, видны следы былой деятельности буровиков. Они недавно перебрались на верхний створ, который прямо напротив меня: хорошо просматриваются квадрат вертолётной площадки и часть какого-то сооружения, прикрытого деревьями. А ещё ниже по реке пенным водопадом белеет устье бурного ручья. Дальше Тимптон круто поворачивает вправо, устремляется на юг — где-то там впадает в реку Алдан.

Стоя на краю отвесной скалы, невольно ощущаешь себя птицей, парящей высоко в небе. И то: внизу серебристая лента реки с искрящимися на солнце перекатами, по сторонам зелёные горы, украшенные каменными исполинами, а над головой бескрайний простор голубого неба…

Но вот и Юра вышел на связь, нужно включать спутниковый приёмник. Потом слушаю его

разговор с Виталием. Всё, можно уже разводить костёр и обсушиться, вскипятить чай — в моём распоряжении где-то час. Успеваю напиться чаю с бутербродом, когда Юра снова выходит на связь. Пора сниматься и идти на нижнюю точку. Вниз, как это ни парадоксально звучит, часто идти труднее, а главное, опаснее. Ведь запросто можно поскользнуться на замшелом камне или сорваться с мокрой валежины. Но всего опасней спускаться по стелющемуся сплошным ковром ягоднику, под которым мох скрывает глубокие трещины и пустоты между камнями. Провалится нога в такую пустоту, а ты по инерции продолжишь перемещаться вперёд — и всё, запросто можно вывихнуть, а то и сломать ногу. И так, напоминанием, моё ободранное колено отзывается болью на каждую хлещущую ветку.

Наконец вижу через листву близкую реку и выбираюсь из кустов на каменистую косу — вместе с роем комаров. Спешно установив штатив с приёмником над точкой, спасаюсь от кровососов на обдуваемом ветерком камне, окружённом водой. Мысленно перебираю в памяти ближайшие планы. Если завтра закончим измерения на противоположном берегу, то предстоит уходить уже всё дальше и всё выше. Правда, небо продолжает хмуриться, так что далеко идущие планы строить не стоит. Всем известна шутка: «Не смешите Бога своими планами на завтра!» Но в каждой шутке только доля шутки, а остальное — это ведь печальный жизненный опыт.

Дождь, однако, так и не собрался, так что утром, как и планировалось, поднимаюсь по центральному профилю самого нижнего створа. Это почти тропа — во всяком случае, профиль давно и основательно натоптан. Что и немудрено, ибо по нему ходили геодезисты, геологи, геофизики, не говоря уже о вездесущих медведях. От людей на просеке затёски, вешки и колышки пикетажа, от зверей — неглубокие «закопушки», солидные ямы между корнями и продукты переработки пищи. А ещё встречаются укороченные гильзы патронов шестнадцатого калибра, использовавшихся геофизиками для микровзрывов. Каждый надолго оставил здесь свой персональный след!

На точке включаю рацию и снова убеждаюсь, что поднялся первым. Это радует, а то каждый вечер терзаюсь опасениями, что ушибленное колено может в конце концов подвести. Сегодня закончилась уже третья неделя, как мы с Юрой прибыли на Тимптон. Не скажу, чтобы надоело, но иногда уже представляю, как через пару месяцев вернусь домой, где практически нет комаров, где можно спать под одной лишь простынёй, где в саду дожидаются зреющие ароматные яблоки. И не только они, но и другие фрукты, ягоды, овощи. Какая же там благодать! Её начинаешь особенно ценить при долговременном отрыве. А пока сижу высоко на отвесной скале с «дневниковой» тетрадью и бью ею самых агрессивных из комаров. Их трупы тут же деловито растаскивают снующие вокруг муравьи — хоть какая-то видимая польза от этих крылатых вампиров.

Ночью хлестал настоящий ливень, так что снова протекла крыша. На наше счастье, течь появилась только на кухне, и всё обошлось подставленным под водяную капель ведром. А вот в Тимптоне уровень подскочил сразу на несколько метров — и это означает, что сверху скатится очередная порция разнообразной рыбы. Так уж получилось, что наша база расположена между двумя перекатами, и когда мы сетями вычерпываем на нашем участке всю крупную рыбу, приходится ждать дождевого паводка с рыбным пополнением. А вообще-то её здесь оказалось не так много, как ожидалось.

Сегодня, по сравнению с предыдущими днями, работа физически очень лёгкая: связываю высокоточной нивелировкой реперы двух водомерных постов. Один расположен возле жилища гидрологов, второй — ещё в полукилометре ниже нашей базы. На нижний водпост каждый день ходит девушка-наблюдатель и утверждает, что последнее время за ней следит из кустов медведь. Медведь ли это? Хотя его следов в районе водомерного поста оказалось довольно много.

Несмотря на здешнюю глухомань, следы тех же оленей вдоль реки встречаются редко. Они, должно быть, предпочитают плато, где обильно растёт ягель, да и луж с талой водой предостаточно. А вот вольготно чувствующие себя медведи буквально затаптывают на песчаных косах наши следы. Трудно судить об их размерах, но возле одного такого следа я сравнил отпечаток своего резинового сапога сорок первого размера — и мой след оказался всего лишь на пару сантиметров длиннее. Думаю, что расклад внешних габаритов тоже не в мою пользу: медвежьи когти оставляют более глубокие выемки, чем каблуки моих берцев. Так что сами посудите: приятно такое соседство или не очень? Косолапые повсюду оставляют кучи экскрементов, раскапывают ореховые запасы бурундуков прямо на просеках, нисколько не смущаясь присутствием людей. За эти земляные работы их здесь и прозвали «лохматыми геологами»…

На границе развиваемой нами сети наткнулись на избушку-зимовье. Срубленная из довольно толстых стволов лиственницы, она приютилась рядом с впадающим в Тимптон белопенным ручьём. Сейчас охотникам здесь делать нечего, но с первым снегом завезут на снегоходе продукты — и на всю зиму станет избушка вполне уютным жилищем. Зимой она, должно быть, выглядит ещё более живописно, даже сказочно. Даже сейчас просится на художественное полотно под названием «Якутское жилище Бабы Яги». И вообще, зимой здесь, должно быть, очень даже красиво…

Зовут, зовут нехоженые тропы

Что неудержимо влечёт определённую категорию людей в изыскательские экспедиции, причём не только в бесшабашной молодости, но и всю долгую неустроенную жизнь? Один мой знакомый, пожилой геолог, как-то признался: «Люблю я свою профессию! Люди платят бешеные деньги, чтобы попасть в самую что ни на есть глухомань, хлебнуть по полной экстрима — а нам за это ещё и приличная зарплата полагается». А с другой стороны, это ведь долгие месяцы тяжелейших полевых сезонов, порой даже нескольких лет, проведённых на затерянной в тайге изыскательской базе. Значит, не только новизна окружающих пейзажей и слияние с природой влекут людей — этим-то успеваешь насытиться всего за несколько дней или недель. И так же останутся ярчайшие впечатления, долгие воспоминания… И уж точно не бытовые условия привлекают, которые в экспедициях очень далеки от привычного городского комфорта. А значит, манит что-то другое, более весомое и более значимое для человека. Может, непреодолимое желание вырваться из серой обыденности, стремление испытать себя на крепость характера, на несгибаемость воли? Наверное, каждый ищет в экспедициях что-то своё, и потому не услышишь даже двух одинаковых ответов…

Сегодня впервые поднимаемся значительно выше, чем наши самые высокие точки обоснования, — нужно привязаться к пункту государственной триангуляции «Пурга». Это изнурительный маршрут на весь день. На своей лодке мы на этот раз плыть не рискуем, поскольку после дождей уровень воды в Тимптоне скачет непредсказуемо. Просто привязанную лодку может бить о камни, а при худшем раскладе она вообще может затонуть. Оттащить же подальше от воды из-за огромных скользких камней тоже непросто. Так что под перекат нас доставил дежурный Виктор — и уплыл на базу. А когда вечером спустимся, то просто вызовем транспорт по рации.

Пройдя с полкилометра вдоль кипящего по всей ширине белой пеной переката, перебираемся через покрытый такими же пенными шапками ручей и начинаем подъём. Круто, потому идём галсами, друг за другом, и с трудом вытаскиваем ноги из толстого мохового ковра. Из-за частой смены направления приходится постоянно останавливаться и перевешивать штатив с плеча на плечо. В конце концов идущий позади Виталий перехватывает его у меня, чтобы дать отдохнуть. Но вскоре сам начинает отставать — так что отбираю у него этот неудобный, но давно уже ставший для меня привычным штатив.

Возле самой вершины нас встречает кольцо высоких каменных останцов. Будто якутский таёжный дух строил здесь когда-то давным-давно стену вокруг своего жилища, в котором полом послужила горизонтальная и очень ровная каменистая площадка. Но до завершения дело у него не дошло — крышей этого жилища до сих пор является небо.

Оставив Виталия с Колей закладывать марку, мы с Юрой идём дальше, ориентируясь по навигатору. Среди камней и лиственниц нам предстоит отыскать деревянную пирамиду. Склон уже не такой крутой, а дальше вообще начинается бескрайняя терраса, поросшая стланиковым кедром и лиственницами. Под ногами сплошным ковром стелется брусничник — такого его обилия в нашей саянской тайге просто не встретишь. И везде похозяйничал медведь: разрыты муравейники, перевёрнуты камни и валежины, под которыми он искал бурундучьи припасы. Но вот наконец-то и посеревшая от дождей, покосившаяся от древности пирамида. То есть то, что от неё осталось: настил прогнил, приборный столик рассыпался. Рядом валяется целая охапка металлических костылей, которыми скрепляют брёвна. Скорее всего, пункт когда-то возводился в конце полевого сезона и самым последним — отсюда и соответствующее название: «Пурга».

Названия триангуляционным пунктам дают чаще всего сами геодезисты — насколько им хватает фантазии. Как и небольшим ручьям. К примеру, ручей на карте, мало чем отличающийся от других точно таких же, носит название Икс. Не думаю, чтобы оно издавна укоренилось среди местных охотников-якутов — слишком уж далеко слово от традиционного охотничьего быта. Да я и сам грешен: когда-то в родном посёлке Майна разбивал участки под индивидуальное строительство на территории бывшей базы экспедиции и написал на схеме: «Переулок Изыскательский». А на схеме застройки возле здания бывшего рудоуправления вписал: «Улица Соколовского» — в честь первооткрывателя месторождения медной руды. Так, судя по табличкам на домах, эти названия и закрепились навсегда.

Устанавливаем над центром в основании пирамиды прибор, и Юра вызывает по рации парней. Они тоже установили над только что заложенной маркой приёмник, поэтому включаем их — и можем готовить таёжный чай. Дугообразные сухие ветви стланиковых кедров, торчащие из моховой подушки, удивительно напоминают серые рёбра каких-то крупных животных, умерших давным-давно. Словно бы мы находимся на древнем кладбище динозавров. Зато в костре сухие «рёбра» горят очень хорошо, так что скоро вода в котелке закипает. На поверхности плавает более десятка наваристых комаров — так что пьём настоящий якутский чай.

Через час, закончив измерения, возвращаемся к парням. Как раз напротив скалы с заложенной

маркой, на противоположном берегу, видно устье ручья Курунг-Хоонку. На удивление полноводный, он просматривается по распадку на несколько километров. Прямо через устье проходит тракторная дорога: направо — к нашему лагерю, налево — тянется сначала над рекой по склону, потом выписывает зигзаги по логу и исчезает где-то вверху его. Дорога эта должна вести в посёлок Канкунский, иначе вообще непонятно куда и зачем проложена.

А пейзаж отсюда открывается просто великолепный: изгиб реки, высокая скала на переднем плане и устье широкого ручья на противоположном берегу. Достаю из рюкзака свой «Canon» и снимаю, снимаю… Дело в том, что значительная часть фотоснимков оказывается подпорченной комарами, особенно если на переднем плане оказывается не один, а сразу несколько. Выглядят этакими фантастическими пятнами: продолговатое, сужающееся в талии нечто с торчащими в стороны длинными щупальцами-лапами. Если пятно оказывается на фоне неба, то ещё можно потом попытаться удалить, в противном же случае снимок безнадёжно испорчен.

На подъёме постоянно смотришь вниз, под ноги, зато на спуске перед глазами открывается простор — и обращаешь внимание на детали окружающего пейзажа. Так, мёртвых деревьев на склоне не меньше, чем живых. И снова задаёшься вопросом: то ли давнишние пожары стали виновниками их гибели, то ли высушили ветры и студёные морозы? А может, сказывается то, что расти им доводится на почти голых камнях? И вообще, в который раз удивляюсь, как здесь, на мерзлоте и камнях, выживают растения и животные!

С каждым днём работаем всё выше и всё дальше от реки. Сегодня поднимаемся вверх по склону прямо от нашего балка́. За миллионы лет река прорезала глубочайший каньон шириной в пару километров, и нам до первозданной равнины предстоит подняться почти километр по высоте.

Оставляем Виталия с Колей на возвышающейся над деревьями скале — закладывать марку, а сами идём дальше, на площадку будущего посёлка энергетиков. Потом продвинемся ещё, насколько это возможно, чтобы при вертолётной заброске не наматывать лишние непредсказуемые километры. И надо поторапливаться, потому как после полудня недостаточно навигационных спутников над головой, а от их количества напрямую зависит точность определения координат. Да, среди гор выполнять работы, связанные со спутниками, очень непросто.

Едва заканчиваем измерения на площадке будущего посёлка, как начинается дождь, как всегда неожиданно. Просто это какой-то неправильный дождь, ведь утром барометр показывал высокое давление — а мы привыкли доверять приборам. В общем, к балку́ спускаемся с Юрой снова промокшие до нитки. Издалека заслышав нас, внизу залаял Соболь, который теперь постоянно ошивается возле нашего балка́ — видимо, наша компания его устраивает больше, чем старожилы лагеря. Да и вкусные подачки, которые он получает от каждого из нас, тоже играют не последнюю роль. Юра в ответ зарычал по-медвежьи — и Соболь сразу умолк. Скорее всего, убежал к столовой, зная даже, что сейчас там никого нет. Под защиту поварихи, не иначе?

Но самое непонятное, что Виталий с Колей ещё не пришли, хотя спускаться им значительно меньше нашего. Неужели с ними что-то случилось? Пытаемся связаться по рации — безуспешно. И только минут через пятнадцать вдали показался Виталий. Почему один? Однако паника оказалась напрасной: позади из кустов выныривает и Коля. Ну слава Богу! А то за неопытных коллег всегда переживаешь больше и накручиваешь в голове разные страхи-ужасы.

Прошло уже три недели напряжённой работы. Работаем, если позволяет погода, «от и до» — то есть к вечеру выматываемся донельзя. Но сегодня, по всем прикидкам, предстоит самое трудное из восхождений, а именно на триангуляционный пункт «Терпеливый». Название происходит от соседствующего одноимённого ручья — если, конечно, и его название не возникло первоначально на карте стараниями геодезистов. Судя по отметке, подниматься нужно восемьсот метров от воды по каменистому хребту, потом ещё с километр по плоскогорью. Так что не только многообещающее название, но и сам предполагаемый маршрут настраивают на предстоящие нагрузки.

Поэтому и в столовой появляемся раньше всех. Потом быстро, но без суеты грузимся в свою лодку. Вода после дождей довольно высокая, поэтому с ходу проскакиваем мели и причаливаем в самом верху переката. Таким образом, пеший маршрут полноводье нам изрядно сократило, вот только при высокой воде к месту подъёма приходится пробираться не по бечёвнику, как обычно, а тайгой. Так что выигрыша во времени на самом деле не получается. Тем более что склон лога, по которому течёт Терпеливый, не только зарос кустарником, но и довольно крут. С другой стороны, что эти несколько сотен метров по сравнению с тем, что нам предстоит впереди?

Примерно на трети подъёма устанавливаем над заложенной ранее маркой штатив с приёмником. Оставляем его включённым, а сами карабкаемся дальше по каменистой гряде. По пилообразному скальному хребту передвигаться нелегко, но лога́ справа и слева сплошь заросли стлаником и карликовыми берёзками, через которые пробираться ещё труднее и утомительнее.

Неожиданно в зарослях заметили дикушу — каменного рябчика. Птица очень доверчива и из-за

этой доверчивости давно попала в Красную книгу. Среди охотников есть даже заповедь: стрелять дикуш только в самом крайнем случае. Вот если ты оголодал в тайге, а патронов уже нет, то можешь воспользоваться простой длинной палкой с петлёй на конце. Медленно накидываешь петлю глупой птице на шею — и добыча, а возможно, и спасение, у тебя в руках. Достаю из рюкзака фотоаппарат, а Юра обходит птицу с тыла, чтобы не убежала. Нет, мы вовсе не собираемся на дикушу охотиться — просто фотографируемся рядом с ней, в какой-нибудь паре метров. Почти что селфи.

И снова карабкаемся вверх: то по теряющейся на каменистом гребне звериной тропке, то напролом через кустарник. По тропе идти, конечно, легче, но она часто теряется среди скальных выходов или просто уводит в сторону. И повсюду следы здешней жизнедеятельности: то медвежьи «раскопы» среди камней, то кучки кабарожьего помёта. Похоже, этот несуразный маленький олень с клыками водится здесь в изобилии.

Наконец, промокшие от росы и пота, добираемся до нужных каменных останцов. И как будто идём вдоль галереи каменных скульптур. Изначально земная стихия создала причудливые заготовки, громоздя огромные камни один на другой, а скульптор под именем Время, не ставя своей целью добиться полной детализации, всего лишь подправил кое-что. Это наверняка был весёлый художник, потому и произведения его вызывают улыбку. Тут и округлый бегемот, и припавший к земле лев, и приготовившаяся к прыжку лягушка, и даже всадник верхом на перекормленном коне. Дети со своей неуёмной фантазией наверняка разглядели бы ещё кого-то, моя же фантазия уже не так изощрённа.

Сверяемся по навигатору — вот оно, нужное место! Координаты отдельной возвышающейся скалы сняты с карты, а иначе задача сориентироваться среди зарослей стланика, каменных завалов и разбегающихся от вершины распадков была бы не из простых. Здесь будет, согласно проекту, будущий карьер камня для отсыпки плотины. Оставляем Виталия с Колей закладывать марку и идём с Юрой дальше. Выше седловина: опять карликовые берёзки, стланик, каменные останцы. Стланик — это множество лохматых смолистых веток, растущих прямо из корня и наклонённых, как правило, вниз по склону. Так что продираться приходится «против шерсти» и не видя ничего впереди, а особенно под ногами. А ведь впереди могут быть и глубокая трещина между камнями, и приличной высоты обрывчик. Стоит лишь отвлечься на протаскивание цепляющегося за ветки штатива или просто на смахивание пота с кончика носа — и, как говорится, огребёшь по полной. Да ещё и торчащие сухие ветки норовят уткнуться в не зажившее ещё колено. Так что зевать не приходится!

Едва выбираемся к высокой двухъярусной пирамиде, как на нас накатывает пелена тумана с дождём. Деревянная пирамида, как и все предыдущие, на ладан дышит — от старости частично уже развалилась. Так что, откапывая под ней марку-центр, то и дело поглядываем вверх, чтобы не прилетело что-нибудь тяжёлое по загривку! Юра устанавливает прибор, даёт команду на включение Виталию… Всё, теперь можно обсушиться, если, конечно, удастся развести костёр в этакой сырости.

Но солнце вскоре пробивает своими лучами плотную туманную пелену. Такая вот непредсказуемая и неправильная погода на Тимптоне, такие неправильные дожди при высоком атмосферном давлении. Срочно, пока видимость снова не исчезла, Юра выполняет угловые измерения — я же принимаюсь за разжигание костра. С сожалением констатирую, что трёхлитровую ёмкость с водой для приготовления чая я тащил в рюкзаке напрасно — чистейшей воды здесь предостаточно в выемках на каменных плитах. Используя весь свой таёжный опыт, костёр я всё-таки разжёг. А когда вскипел ароматный чай и из рюкзака извлечены нехитрые, но калорийные припасы, жизнь кажется прекрасной. Как поётся в одной из песен популярного барда Юрия Кукина: «Здесь таёжные запахи, а не комнаты затхлые…» Действительно, после дождя в воздухе насыщенный запах кедра и багульника, а под ногами живой ковёр брусничника. Жаль, что мы уедем до того, как ягоды нальются красным живительным соком, — а значит, всё это богатство достанется птицам и медведям.

Здешний густой стланик не только труднопроходим, но и выглядит пугающе. Когда видимость в его густых дебрях составляет всего три-пять метров, а под ногами, кроме уже пустых шишек, встречается медвежий помёт, пусть даже и не совсем свежий, то остаётся надеяться лишь на то, что у здешних косолапых хорошие слух и нюх. А главное, что они не жаждут встречи с людьми. Так что стараюсь особо не углубляться в кедровые заросли, а бреду с фотоаппаратом вдоль них. Неожиданно в полусотне метров с громким «хохотом» взлетают две крупные птицы: коричневатый окрас, более светлые крылья… Да это же белые куропатки в летнем оперении! Значит, где-то поблизости притаился и их многочисленный выводок.

Наконец прибор подаёт сигнал, что цикл измерений закончен, можно собираться в обратный путь. Итак, ещё одна привязка сделана, ещё один день нашей командировки позади.

После дождя ещё большее внимание начинают обращать на нас комары. За каждым тянется шлейф из них — этакое светящееся в солнечных лучах и словно бы пульсирующее облачко. Те, что предпочитают не лететь, а путешествовать на нас, сплошь облепляют одежду и рюкзаки. Открытые же участки тела нестерпимо зудят,

причём неизвестно, от чего больше — от укусов или от нанесённой мази-репеллента. Такое вот каждодневное испытание на терпеливость!

Лодка лежит на камнях, поскольку за время нашего отсутствия уровень воды упал где-то на полметра. Дружно стаскиваем её, грузим рюкзаки, запрыгиваем сами. И тут самый молодой и неопытный, то есть Коля, совершает роковую ошибку — отталкивается шестом от берега, хотя лодочный мотор ещё не запущен. Стремительное течение несёт нас в кипящий перекат, Виталий несколько раз безуспешно дёргает тросик стартера, потом кричит:

— Держите лодку!

Выхватываю у растерявшегося Коли шест и что есть силы упираюсь в каменистое дно. Удалось чуть притормозить перед грядой валунов и пенными струями, перекатывающимися через них, — и тут, наконец, мотор оглушает окрестности своим рёвом. Слава Богу, обошлось!

В столовую приходим последними, когда все поужинали, а мокрую одежду стаскиваем с себя в балкé уже в сумерках. Сушить будем завтра — сегодня не до того. От сытости, что ли, на всех навалилась усталость, так что даже с залетевшими немногочисленными комарами воевать нет желания. Скорее, скорее в сухую и уютную постель…

Шрамы на лице природы

Существует интересный парадокс: каждый из нас по отдельности ратует за сохранение природы, а сообща мы её методично уничтожаем. Зачастую не особо задумываясь о собственной роли в этом процессе. Как-то мне с коллегой-изыскателем довелось очутиться в такой таёжной глуши, что словами трудно описать, — есть ещё немало таких мест по нашей матушке-Сибири. Оказались там, конечно же, не без помощи вертолёта. Осмотревшись, коллега восторженно заявил: «Возможно, мы первые люди на этом кусочке Земли! И оставим здесь первые человеческие следы. В наше время, как мне кажется, это уже такая редкость!» А потом мы наткнулись на две пустые бутылки из-под водки. Увидев их, товарищ даже расстроился: «Не то обидно, что не мы первые, а то, что им другого места не нашлось, чтобы водки выпить. Эти бутылки и нести-то сюда пришлось за десятки, если не за сотни километров». Так что вот он каков, экологический парадокс!

Развешенная на улице одежда за ночь, конечно же, не высохла. Да и погода с утра очень неконкретная: густой вязкий туман, через который солнце вообще не видно. Так что отправляться в дальний маршрут по горам рискованно, а работы поблизости уже практически все переделаны. Поэтому решаем заняться бытовыми проблемами, то есть топим печь, ремонтируем крышу, стираем одежду и развешиваем её на просушку уже в балкé. Виталий пошутил, что у нас здесь три главных занятия: лазаем по горам, сушимся и спим.

Сегодня последний день июня, но я впервые натянул шерстяной свитер. С севера дует всё усиливающийся ветер, который, похоже, не только уносит туман, но и гонит к нам несметные полчища голодных комаров. Даже вчера, на горе, их вроде бы было поменьше. С каждым из нас они «просачиваются» в балóк, так что пришлось даже днём поджечь спираль, предназначенную для борьбы с этими кровососами. Неизвестно, из чего её прессуют китайцы, но мы уже подметили, что и на людей дымок действует наркотически: сначала лёгкое головокружение, потом наступает лёгкая эйфория. Комары, правда, прекращают полёты и неподвижно замирают на потолке, где их легко перебить хлопушкой. Но возникло предположение, что и мы к концу сезона будем так же замирать в самых нелепых позах. Ведь коробок с этой китайской отравой на складе ещё предостаточно.

После обеда сидим с геологами на крыльце и показываем в бинокль установленные на пунктах геодезического обоснования вехи. Сразу следует шутка, что эти кресты поставлены нами в память об уже «почившей в Бозе», не будучи ещё построенной, Канкунской ГЭС. Есть, оказывается, и среди нас знатоки церковнославянского языка. Но ведь и в самом деле — слишком уж много неопределённостей с этим проектом: и с размещением строительных площадок, и с финансированием, Мы, геодезисты, до сих пор работаем как бы вслепую, поскольку задания то и дело меняются. Так что геодезические планово-высотные пункты могут понадобиться совсем в других местах, а не там, где мы их закрепили. Конкретно лишь то, что гидростанция здесь практически не наносит ущерба природе: места безлюдные, лес никакой, а животных и птиц откровенно мало. Где и строить, если не в таких пустынных местах? Правда, эта плотина будет лишь верхней в каскаде, если со временем возрастёт потребность в электроэнергии. Но это уже, скорее всего, даже не при нашей жизни…

Второй день отдыхаем — теперь уже вынужденно. Вчера стирали и сушились, а ночью пошёл-таки дождь, который продолжает моросить. В балкé прохладно, поэтому топим печь. Занимаемся мелким ремонтом одежды и геодезических принадлежностей, то и дело пьём чай и кофе, своевременно ходим в столовую. Больше и делать-то нечего, поскольку электричества нет, а обещанный нам электрогенератор доставлен пока лишь на склад экспедиции в Чульмане. Даже литературным творчеством не больно-то займёшься, поскольку заряда аккумулятора в ноутбуке хватает всего на пару часов. Хорошо ещё, что в моём мобильном телефоне

оказалась папка с бардовскими песнями. Поместил его в жестяной тазик — звук стал довольно громким. Тут же родилась шутка, что мы создали конкурента «Мегафону» под названием «Тазофон». Слушаем душещипательные песни о бродягах, об экспедициях — то есть о нас. Когда-то в студенческом общежитии Ленинградского института авиационного приборостроения я наслушался их до такой степени, что сменил будущую оседлую профессию авиационного инженера на бродячую геодезиста-изыскателя. Правда, с тех пор ни разу об этом не пожалел.

Всё когда-нибудь да кончается — вот и дождь закончился. Рано утром плывём в своей лодке на ручей Курунг-Хоонку, где начинается дорога, которая от устья ручья уводит по горам в тот самый, сохранившийся лишь на карте, посёлок Канкунский. Это, будем надеяться, последний серьёзный подъём для нас, а потом на плато нас должен будет забросить вертолёт. Причаливаем на противоположном от лагеря, обжитом людьми берегу ручья. Именно здесь намечена площадка будущего гравийно-песчаного карьера, поэтому временно сконцентрировано хозяйство буровиков: жилища, цистерна с горючим, буровые трубы для УГБ.

Едва устанавливаем над точкой приёмник сигналов, как снова начинает неуверенно накрапывать дождь. Но не возвращаться же назад, в лагерь? Надоело уже бездельничать, и мы, в душе надеясь на лучшее, направляемся вверх по заветной дороге. Здесь, на выклинивании, она выглядит не то чтобы некрасиво, а просто ужасающе: за несколько лет трактора разрушили верхний почвенный слой, и мерзлота начала активно таять. Потом почва сползла с дождевой водой вниз по склону, и образовался многометровой ширины карьер с обрывистыми берегами, по дну которого сбегает невзрачный ручеёк. Так вот оборачивается человеческое вмешательство в царство вечной мерзлоты! Единственное, что идти по дороге всё-таки легче, чем по мху.

Далее, на склоне, тракторная дорога уже каменистая, поэтому выглядит поприличней. Да и окружающий пейзаж завораживает: среди выступающих из тумана лиственниц крутая-прекрутая дорога красноватого цвета уводит прямо в молочное небо. И на сыром от ручейка грунте то и дело встречаются отпечатавшиеся оленьи и медвежьи следы, говорящие о том, что не только нам тут удобно ходить.

По пути увидели брошенные металлические сани для вездехода и металлические же нарты для «Бурана», прислонённые к дереву. Наверное, следы завоза оборудования в наш лагерь? А наверху, на перегибе рельефа, очередная вертолётная площадка. Чего только на ней нет: и ящики из-под оборудования, и буровые трубы, и пластмассовые ёмкости, и немало другого мусора. Связано это с давнишними поисками слюды или уже с изысканиями под проект ГЭС? И, возможно, всё это натворили наши коллеги? Конечно, это ведь не собственная квартира и даже не личный садово-огородный участок…

Оставив Виталия с Колей закладывать марку, идём с Юрой дальше, на пункт государственной триангуляции. Судя по карте, до деревянной пирамиды ещё пара километров. Дорога представляет собой две заполненные водой глубокие колеи, по которым идти просто невозможно, А между ними мягкий грунт громко чавкает, засасывая обувь до самого льда. Юра вспоминает, что два года тому назад здесь было совсем сухо. Но, возможно, дело вовсе не в глобальном потеплении, а просто в этом году выпало больше дождей?

Впереди неожиданно взлетает крупный тетерев-глухарь и усаживается неподалёку. Судя по нему, лесные жители с прошлого охотничьего сезона уже подзабыли о людях, поэтому не очень-то нас боятся. Вокруг дороги расстилается ковёр цветущей брусники, среди которого белые полянки ягеля, на ветках стланика созвездия почти налившихся кедровых шишек — они ещё зелёные, и их не так много.

А вот и почерневшая от времени деревянная пирамида. Она тоже на грани разрушения: визирный цилиндр покосился и держится на честном слове. Сворачиваем с дороги и направляемся к ней через густые заросли стланика — точнее сказать, с трудом продираемся сквозь переплетение веток. Стланик здесь вдвое выше человеческого роста, и кругом валяются сухие прошлогодние шишки. Ясно, что уже без орехов, которые вышелушили бурундуки и кедровки. Да и встречающийся старый медвежий помёт говорит об ореховом пристрастии косолапых.

После завершения измерений возвращаемся к парням — и вниз. Погода к этому времени окончательно наладилась, поэтому спускаться даже комфортно. И быстро, поскольку вверх Виталий поднимался с частыми остановками из-за недавно прооперированного колена. А спускается теперь довольно резво, да и меня колено почти не беспокоит.

Неожиданно впереди взлетает дикуша, а следом и её многочисленный выводок. Птенцы разлетелись, а мамаша уселась возле самой дороги и внимательно разглядывает проходящих мимо людей. И даже не собирается улетать, несмотря на то что между нами всего несколько метров! Очень уж доверчивая или, возможно, очень уж глупая птица!

Лагерь встречает нас приятной новостью: завтра прилетит вертолёт. Если доставят всё, что было заказано, то ещё через три-четыре дня предстоит наша заброска на плато. И это будет пик наших работ в предусмотренном заданием объёме.

Наконец-то прибыл долгожданный инверторный генератор мощностью один киловатт. Он довольно экономичный, расходует всего шестьсот граммов бензина в час. Ну, теперь-то мы полностью автономны в смысле потребления электроэнергии! И, конечно же, прибыло снаряжение временного пользования на тот дальний участок: спальные мешки, палатка, тент, посуда.

Мы уже который вечер тщательно готовимся к этой вертолётной заброске: отмечаем на карте характерные возвышенности и вносим в навигаторы координаты будущих «периферийных» марок. Ксерокопии карты будут вручены каждому персонально, чтобы потом не возникало «дурацких» вопросов и путаных ответов на них. Сроки работ точно не определены — то есть с момента вертолётной заброски и до «победного». Скачивать данные с приёмников и производить вычисления предстоит при помощи ноутбука, батареи которого заведомо не хватит, а повторная заброска вертолётом может попросту не уложиться в смету. Так что в случае недостатка точности измерений всё придётся тащить туда уже на себе! Значит, все измерения необходимо обработать на месте. А значит, придётся брать с собой и наш электро-бензогенератор. Кроме того, на сроки могут наложить свои коррективы и погода, и сложность маршрутов, и уйма непредвиденных сдерживающих факторов.

Ближе к вечеру главный геолог Ирина Красовская долго и безуспешно пытается дозвониться по спутниковому телефону до Санкт-Петербурга. Дело в том, что дальнее месторождение стройматериалов главный инженер проекта собирался перенести поближе или хотя бы уточнить его местоположение. До уже намеченного нам придётся тащиться от места высадки восемь непростых километров — и это только в один конец. То есть придётся ночевать где-то без палатки и спальников.

Но это всё завтра, а пока за стеной монотонно тарахтит генератор — проходит тестовую обкатку. И я наконец-то могу заниматься повестью в любую свободную минуту и даже допоздна. Дождь вроде бы начинает понемногу стихать. Может быть, он уже весь вылился за эти несколько дней?

Утром, после завтрака, под всё так же моросящим дождём переносим упакованное снаряжение на вертолётную площадку, накрываем брезентом и уходим в бало́к. А вечером, так и не дождавшись транспорта, всё перетаскиваем назад. Завтра процесс повторится…

Людей здесь не встретишь

Есть страны настолько густо заселённые, что там необычайно трудно уединиться. И есть степные территории, на которых каждого встречного видишь едва ли не за десяток километров — и с большой долей уверенности сможешь предположить, что́ он «потерял» в этом безлюдье. А ещё есть места на нашей планете, где много дней, а то и месяцев не встретишь никого, как бы ты этого ни хотел. И если всё-таки случайно пересекутся пути, то очень трудно будет даже предположить, с какой целью этот человек здесь оказался: вдали от населённых пунктов, от дорог и от других людей. Именно таковы окрестности якутской реки Тимптон.

Завтра исполняется месяц, как мы высадились на Тимптоне. С утра опять сидим на вертолётной площадке под непромокаемым тентом. Горизонт сер и уныл — идёт обложной дождь. И такое ощущение, что комары со всей округи тоже собрались под этим спасительным тентом. Как только устаёшь отмахиваться и замираешь на несколько мгновений, противоэнцефалитный костюм тут же начинает обрастать живым серым «ворсом» Коричневая кофта Виталия на спине словно бы проросла короткой шерстью — даже смотреть на такое не хочется!

Как и было обещано, вертолёт на этот раз возникает на горизонте ровно в десять часов. Видимо услышав небесный гул, тут же появляется геолог Ирина и суёт Юре изменённую схему. Слава Богу, успела, а то пришлось бы долго и нудно вводить коррективы по рации! Да ещё будет ли там устойчивая связь? Но, выходит, напрасно мы накануне снимали координаты точек, и старательно заносили их в навигатор? Теперь всё это придётся повторять уже на месте!

Грузимся. Вертолёт взлетает и сразу начинает резко набирать высоту. Вот уже и кромка коренного берега. С одной стороны в иллюминаторах круто уходящий вниз склон и узкая лента Тимптона, с другой — уныло-монотонная зелёная равнина с редкими деревьями. По ней сходятся и расходятся те же загадочные многочисленные тропы: то ли оленьи маршруты, то ли русла весенних ручьёв. С мерзлотой ведь дело обстоит так: стоит раз нарушить моховой ковёр, как летом увеличивается глубина протаивания вековой мерзлоты. Прошёл один олень — появится едва заметная канавка, прошло стадо — уже узкое извилистое русло с водой, а где ходят постоянно, там летом побежит ручей в полметра глубиной.

Покружив, пилоты наконец-то выбирают место для посадки — и очень медленно, буквально по сантиметрам, снижаемся. Из мохового одеяла везде выступают крупные камни, и стоит колесу попасть в щель между ними, а винту накрениться… В общем, лучше даже не представлять всех возможных последствий!

На всякий случай двигатель не глушат, поэтому быстро-быстро выбрасываем на мох всё снаряжение и отбегаем в сторону. Когда вертолёт улетает, обнаруживаем в куче своих вещей мешок с меховыми спальниками пилотов — кто-то выбросил

в суматохе. Да-а, будут ещё разборки с вертолётчиками по поводу этих спальных мешков!

Находим неподалёку, среди больших камней и кустов акации, более или менее ровную площадку под палатку. Вырубив всё торчащее, переносим вещи и приступаем к обустройству лагерного быта. Пусть жить нам здесь придётся всего несколько дней, но некоторый комфорт не помешает. Тем более что снова начинает накрапывать дождь. Осмотреться можно и потом, а пока приходится торопиться.

Когда установлена палатка и натянут тент, можно полюбоваться и на окружающую природу. Хотя, честно говоря, смотреть не на что. Там, где предполагаемый Тимптон, непроницаемо-белый «кисель» тумана не вмещается в речной каньон и выпирает горбом, над которым висят обрезанные серые вершины дальних гор. Таким образом, туман образует как бы ещё один, промежуточный, хребет. А в другой стороне наша выцветшая палатка с пристыкованным к ней голубым навесом — будто длинная несуразная лодка плывёт по просторам неподвижного зелёного океана.

Вечером, после ужина, долго сидим у костерка. Ведём не очень связный, зато в меру философский разговор ни о чём. Как когда-то в долгой и незабываемой экспедиционной жизни: в Казахстане, на Дальнем Востоке, в южной Сибири… А теперь вот и в Якутии.

Утром, слава Богу, выглянуло солнце. Ночью было довольно прохладно, и сейчас от земли, насколько видит глаз, поднимается пар. Что ни говори, а это всё-таки первая декада июля. Хотя местные и говорят, что июнь в Якутии — ещё не лето, а июль — уже не лето. После лёгкого завтрака отправляемся в свой первый маршрут. Всё время приходится держать ухо востро, поскольку после дождя довольно сыро: где-то подо мхом звучно чавкает вода, а где-то он норовит предательски соскользнуть с гладкой поверхности камня. И тогда неожиданно падаешь на этот камень, выставив руки вперёд, а следом догоняет увесистый штатив — и больно бьёт по спине или по затылку. Так что неизвестно от чего одежда намокает больше: от росы или от постоянного напряжения.

Если бы не навигатор, то найти предварительно намеченные точки закладки было бы крайне проблематично. Да и назад, к лагерю, вернутся по этой равнинной, поросшей стлаником и акацией местности стало бы тоже непросто. Так что без спасительных навигаторов каждодневно предстоял бы маршрут под названием «Тропой Сусанина». По оленьим тропам, как оказалось, идти всё-таки легче, вот только они постоянно расходятся, петляя и уводя в сторону от нужного направления.

Закрепляя в больших камнях и возвышающихся скальных останцах марки, прокладываем полигонометрический ход к намеченному на карте месторождению и площадкам будущих посёлков. Я с уголковым отражателем на раздвижной штанге иду впереди. После того как Юра выполняет измерения на мой отражатель, высматриваю в бинокль возвышенность или хотя бы линию прямой видимости — и ухожу дальше. Если бы не рации, проблем было бы тоже предостаточно, а так всё просто: место найдено, видимость есть, остаётся сделать пробойником неглубокое отверстие в большом плоском камне и закрепить в нём марку. Устанавливаю над ней штангу с отражателем и, пока Юра проводит измерения, изготавливаю веху с подпорками, делаю белой краской надпись на камне. Возле каждого пункта оставляю небольшой костерок — чтобы идущие следом Виталий с Колей могли немного обсушиться. Да и ориентироваться по дыму легче.

Это сверху, с вертолёта, местность выглядит до унылости однообразной, а вблизи моховой ковёр поражает своими яркими красками. На зелёной «лохматой» подстилке белые шарики оленьего ягеля, веточки брусники и клюквы, крохотные цветочки с резными соцветиями-звёздочками, маленькие «ушки» каких-то ярко-красных грибов, узоры лишайника на проглядывающих сквозь мох камнях. И всё это природа скомпоновала так, как не сможет ни один дизайнер. Остановился, направил объектив фотоаппарата под ноги, сделал снимок — и вешай потом в рамке на стену квартиры или на фотовыставке. И наверняка не найдётся такого зрителя, который равнодушно пройдёт мимо, ведь даже самый талантливый художник-пейзажист всего-навсего копирует мастера, то есть природу.

Неожиданно пересекаю старую вездеходную дорогу. Сколько же вокруг неё наломано, накурочено, нагажено! То, что я описывал вокруг дороги от устья ручья Курунг-Хоонку,— это, как я теперь понимаю, были просто «детские игрушки». А здесь кучи выбуренного керна возле скважин, разбросанные буровые трубы, сработанные буровые коронки, пустые бочки и канистры. А рядом вырублена вертолётная площадка величиной с аэродром, на которой целая куча большущих бочек с маркировкой «Лукойл». Вот так бывает: поверх потрясающего природного ковра-гобелена набросана жутковатая картина с названием «Следы человека» или «Апокалипсис природы»!

Справились с заданием всего за два дня — правда, работали от зари до зари, поскольку давно убедились, что здешняя погода всегда непредсказуема. Завтра утром уходим в лагерь, унося с собой, кроме приборов, нужные в дальнейшей экспедиционной жизни вещи. Всё унести просто нереально, поэтому руководство разрешило списать палатку, тент и малоценные мелочи. На всякий случай упакуем и накроем тентом — в надежде, что когда-нибудь всё заберёт вертолёт. Среди прочих,

кстати, и меховые спальные мешки вертолётчиков. А уж за ними-то они наверняка прилетят, если даже придётся отклониться от утверждённого маршрута. Чтобы не таскать понапрасну, геодезические принадлежности и топоры оставили сегодня на точке, которая расположена как раз на нашем пути в лагерь. Это примерно посредине между палаткой и Тимптоном.

Ужинаем с освещением — завели электрогенератор. Сливать бензин, то есть вредить экологии, не хочется, а тащить горючее назад нет ни смысла, ни чьих-то физических сил. Генератор с самого начала решено было возвратить в лагерь, ибо уже не представляем жизнь без постоянного наличия электроэнергии в балќе. Ко всему хорошему привыкаешь очень быстро, и возвращаться потом в «пещерный век» уже не хочется.

Настроение у всех отличное, даже весёлое. Вот и сейчас, разглядывая отражение своей бородатой и покусанной комарами физиономии, за неимением зеркала, в чашке из нержавейки, изрекаю:

— Дожил, уже физиономия в чашку не влезает!

И все долго хохочут над шуткой. Это смех облегчения, ведь всё прошло удачно: работы на плато завершены, и, слава Бору, все целы и здоровы. Даже погода установилась и не предвещает дождей. Будем надеяться, что хотя бы на завтра.

В последний раз созерцаем здешний вечерний пейзаж. Когда через частокол почти голых лиственниц на горизонте неожиданно проступает цепочка розовеющих в закатных лучах облаков, то рука непроизвольно тянется к фотоаппарату. Ибо только небо и может изменить, может оживить здешнее однообразие. Сколько потрясающих пейзажей с облаками я видел в степи под Байконуром, когда, казалось, это расплавленное золото стекало за быстро темнеющие сопки! Сколько огненно-красных восходов и закатов наблюдал я из палатки в степях Тувы, Хакасии и над отражающим их зеркалом Байкала! Не это ли одна из причин, что, приехав домой из очередной командировки, с нетерпением ждёшь другую? Потому что там, в степи или в тайге, сам воздух пахнет иначе и время течёт по-другому. Там и жизнь совсем другая: более яркая, более насыщенная и как будто более значимая…

Утром сложили на подстилку из кедровых веток и накрыли тентом то, что оставляем здесь. Основательно придавили края тента большими камнями — это от ветра и от любопытных медведей. Хотя что им эти камни? Правда, есть надежда, что вертолётчики всё заберут раньше косолапых: во-первых, мешки у них в подотчёте, во-вторых, меховые стоят довольно дорого.

Нести генератор доверили самому молодому и самому спортивному — то есть Коле. Это вовсе не говорит о том, что наша поклажа намного легче, ведь впереди нас ждут ещё штативы, топоры. Коля рванул было впереди всех, но его тут же направили в конец цепочки, поскольку генератор, даже через рюкзак, невыносимо воняет бензином. До чего же чутким и избирательным стало у всех обоняние после протяжённой жизни в тайге! Ну, у меня и Юры — это понятно, но питерец Виталий, похоже, тоже начал выпадать из когорты горожан…

Через пару часов вышли наконец-то на бровку коренного берега. А дальше путь ведёт вниз, где опять подвижные осыпи-курумники, предательски скользкий мох на камнях, оплетающий ноги ягодник, цепляющие кустарники и поваленные деревья. Подмечаем, что в районе лагеря над Тимптоном висит мрачная туча, из которой тёмной наклонной полосой идёт проливной дождь. Глядишь туда — и небо снова кажется низким, снова возникает иллюзия, что часть облаков висит ниже нас. Хотя это и немудрено, ведь мы на целых восемьсот метров выше уровня Тимптона!

И тут же, в начале спуска, натыкаемся на свежий медвежий «раскоп». По этому поводу Юра даже вспомнил анекдот:

— Человек заблудился в тайге, кричит: «Есть здесь кто-нибудь? Отзовитесь, а то мне страшно». Медведь хлопает его по плечу: «Ну я здесь. Что, легче стало?»

До лагеря, казалось бы, недалеко, но спуск кажется бесконечным. Наконец где-то внизу залаял Соболь. Значит, почти пришли. Как же хорошо снова очутиться среди людей, в столовой или в уютном балќе!

Погода с утра настоящая летняя: тихо, солнечно. Тем не менее решили устроить день отдыха, поскольку в сроки заведомо укладываемся, да и веский повод есть — сегодня мой день рождения. Пусть не юбилей, но как-никак, а шестьдесят один год стукнул. С утра протопили баню, потом приготовили нехитрое угощение из свежепойманной рыбы. Не зря же я вёз из Майны и тщательно хранил всё это время литровую бутылку водки «Немиров». Да и гости неожиданно подтянулись — это геологи Юра-якут, Ирина и Ольга с устья Курунг-Хоонку. В общем, получился даже небольшой таёжный праздник с тостами и подарками. А ведь при каких только обстоятельствах не приходилось мне встречать свои дни рождения: даже в самолёте, даже в поезде. Иногда не то что угощению, а обыкновенному хлебу был рад — если пришлось застрять где-то в глухой тайге. Правда, бывали и грандиозные юбилеи с множеством гостей и богатым столом. Но больше запоминаются именно такие: в небольшом кругу коллег и с таёжными деликатесами. Таковых в моей жизни было, конечно же, намного больше.

Оставляем здесь сердца частицу

Время — странная субстанция: когда дни загружены до предела, насыщены событиями, работой, то они летят незаметно. И наоборот,

дни, которые и вспомнить-то нечем, будто ты их проспал беспробудным сном, тянутся и тянутся… В общем, несмотря на трудные маршруты, частые дожди и яростные атаки комаров, полтора месяца нашей работы на площадке будущей Канкунской ГЭС промелькнули как несколько ярких дней.

Сегодня наш очередной маршрут: вверх по бурному ручью Курунг-Хоонку. На карте указан высотный репер примерно в пяти километрах от устья, который Юра и собирается включить в сеть геодезического обоснования. Идём все четверо, да ещё увязалась с нами собака гидрологов Нюрка. Попытались её прогнать, но безуспешно.

Преодолевали эти пять километров мы целых три часа. И было на непростом маршруте всё: густой кустарник-ивняк по террасе, кипящее пеной мелководье под обрывистым берегом, высокие скалы, круто обрывающиеся в глубину. Маршрут явно не для собаки, но Нюрка так и не повернула назад, а вместе с нами карабкалась по камням, преодолевала водный поток, поднималась по крутым склонам. Несколько раз я даже думал, что она сорвётся и скатится вниз, но Нюрка всё выдержала. Что и говорить, настоящая изыскательская собака!

Потом долго кружили по террасе в предполагаемом районе закладки. Репер искали на скалах и в выступающих камнях — всё безрезультатно. Пока я не обратил внимание на замшелый и трухлявый сруб из брёвен, размером примерно два на два метра. Разгрёб слой мха посредине… Так вот он, искомый центр! Непонятен только смысл закладки якоря в мерзлоту и сруб с «термослоем» изо мха, когда рядышком возвышается монолитная скала. Это объяснимо на равнинной местности, но здесь… Не иначе, производители работ включили в смету дорогостоящую закладку, чтобы подзаработать. Ведь расценка на грунтовый репер в районе мерзлоты, по сравнению со скальным, просто несравнима.

На обратном пути азартным взглядом рыболова оцениваю многочисленные ямы под скалами и водовороты за большими камнями. Наверняка в них жируют многочисленные хариусы — мечта любого рыболова. Сколько их можно здесь надёргать на мушку-обманку! Но, опять же, придётся тащиться сюда с удочкой… Проще, а главное, намного безопасней рыбачить в устьях ручьёв, впадающих в Тимптон. Если, конечно, будет на это время. Пока же его попросту не хватало.

В небольшом ельнике наткнулись на грибы-боровики. Поистине сказочный вид: над головой лапы голубых елей, а под ногами крепкие, как на подбор, коричневатые шляпки на толстых белых ножках. Мы с Юрой застанем такие ещё по приезде в таёжную Майну, а вот горожанин Виталий ринулся собирать. И набрал-таки, с нашей помощью, конечно, приличный по объёму полиэтиленовый пакет.

Утром в балке́ густой грибной аромат: над печкой сохнут нанизанные на проволоку грибы. Это Виталий готовит таёжный презент для своих друзей в Санкт-Петербурге.

Из работ остались необъёмные, и к тому же все поблизости от лагеря. Так что утром Юра с Виталием отплыли вниз по течению, где, в соответствии с новым заданием, предполагается заложить и отнаблюдать две дополнительные точки, а я с Колей — это уже по просьбе гидролога — буду связывать нивелировкой два расположенных в паре километров друг от друга водомерных поста. Рейка и нивелир у гидролога нашлись, но в таком ущербном состоянии — просто ужас! Геодезист на его месте со стыда бы сгорел. И я часа полтора занимаюсь ремонтом и поверками, а потом ещё с полчаса объясняю смысл предстоящей работы Коле. Тоже, скажу вам, непросто, недаром техников-геодезистов готовят месяцами, не говоря уже о пятилетнем обучении инженеров. Закончив работу, снова натыкаемся на россыпь боровиков и опять набираем целый пакет — это для Виталия.

Уже который день в нетерпении подгоняю время — жду вечера, чтобы засесть за ноутбук. Я его и брал-то его конкретно для работы над повестью, но в первые дни на Тимптоне никак не мог настроиться на творческую волну. Да что там дни — до этого были недели и месяцы в Майне, когда совсем не писалось! Это только кажется, что включил компьютер, нащупал клавиатуру — и пошло-поехало… А ведь я и на пенсию-то ушёл для того, чтобы полностью окунуться в литературное творчество, поскольку за время работы руководителем пресс-службы Саяно-Шушенской ГЭС лишь строил планы, делал наброски. Единственное, это довёл «до ума» и книжного издательства ранее написанные рассказы и повести. А ведь до этого, в экспедициях, так хорошо и легко писалось! Параллельно с написанием повестей и рассказов начал тогда выстраивать даже сюжет большого исторического романа-эпопеи. Но, как оказалось, пенсия — это не панацея: за время работы в пресс-службе журналистские штампы выхолостили литературный язык, и куда-то улетучился «писательский угар». И оставалась единственная надежда, что возврат в экспедиционный быт вернёт и прежние «философские» размышления, и краски в описании природы, людских характеров… Однако полной уверенности всё равно не было, потому-то, кроме флешки с набранным романом, прихватил на Тимптон и бумажную рукопись фантастической повести «Безбилетник». Написана она была давным-давно, ещё в самом начале моего «писательства», поэтому требовала серьёзной доработки. Почему именно её? Да просто жанр фантастики менее требователен, чем

жанр исторической прозы, требующий огромного количества справочного материала… И вот долго отсутствовавшая Муза наконец-то нашла меня посреди тайги и стала нашёптывать нужные слова, мимоходом подсказывать точные фразы, навевать во сне яркие образы и сюжетные повороты. За эти дни в повесть я погрузился достаточно глубоко, а далее, надеюсь, начнёт писаться и роман. Теперь главное — это не останавливаться!

С утра отправились с Юрой по Тимптону — искать репер, что в пяти километрах выше устья Курунг-Хоонку. Три года тому назад Юра пытался его отыскать, но безуспешно. Попробуем ещё раз, иначе придётся идти на следующий, который уже в двенадцати километрах. Тогда открывается даже перспектива ночёвки где-то на берегу — для этого случая берём запас продуктов и котелок.

С нами опять увязалась Нюрка, на этот раз ещё и с Умкой. Ручей Курунг-Хоонку в устье совсем обмелел, так что переходим на другой берег в резиновых болотных сапогах. Собакам же приходится плыть, но, как говорится в таких случаях, охота пуще неволи. Пока переобуваюсь в берцы и кладу сапоги на приметный камень, Юра пошёл устанавливать на ранее заложенной марке штатив с приёмником. Возвратившись, с удивлением делится увиденным: буровики уже с утра «косые». Интересно, что они пьют? Ведь вертолёта давно не было, да и вертолётчикам строго-настрого запрещено доставлять «горючее для внутреннего употребления».

До нужного нам поворота реки дошли без проблем: галечниковая коса обнажилась, камни обсохли на солнце, местами они частыми паводками уложены так плотно, что напоминают булыжную мостовую. Правда, солнце их основательно нагрело, поэтому Нюрка то и дело забегает в воду, чтобы остудить лапы. Умка же с самозабвенным лаем гоняет по кустам бурундуков или белок.

На подходе начинаем тщательно обследовать всю береговую полосу, но ни затёсок, ни металлического сторожка́ с табличкой, ни следов краски нигде не видно. Лишь отпечатавшиеся на песке цепочки медвежьих следов: прошла медведица с медвежонком. По следам видно, как он то и дело скакал вокруг матери — играл, как и все малыши.

Нахожу под берегом надувную резиновую подушку. Надеюсь, что это не свидетель трагедии, а просто водные туристы когда-то потеряли. Пройдя так с полкилометра, спускаюсь к воде, чтобы напиться, — и неожиданно вижу застрявший среди камней тот самый ржавый металлический угольник с приваренной пластиной. Наверняка это сторожок искомого репера, вот только на какое расстояние могла его протащить вода? Прохожу три десятка метров в предполагаемом направлении — и вот он, репер! Заложен по «халтурному» принципу — то есть просто в углубление на большом валуне. Что же это за халтурщики прокладывали нивелирные ходы высотного обоснования по Тимптону? На марках надпись «ГУГК» — то есть Государственное управление геодезии и картографии. Ну что ж, везде, даже в столь серьёзной организации, встречаются не слишком ответственные сотрудники.

Из-за большого расстояния, а может, из-за гор между нами и лагерем, связи нет. Такой расклад тоже предусмотрен, и теперь придётся ждать назначенных шестнадцати ноль-ноль, когда Виталий, по предварительной договорённости, включит приёмник сигналов в лагере. В ожидании «часа икс» варим обед на берегу, напротив урочища Четыре Брата. Название наверняка дала характерная четырёхглавая скала на склоне. Где-то там, за гребнем, находится и триангуляционный пункт с таким же названием.

Неожиданно из-за поворота выплывает, как привидение, резиновый катамаран. Кто же это? Неужто первые водные туристы, которых мы видим за всё время командировки? На катамаране двое бородатых мужиков и девчушка — похоже, дочь кого-то из них. Приветственно помахав руками, туристы направляют своё плавсредство в нашу сторону и причаливают рядом с костром.

Знакомимся. Они из Белоруссии, из города Витебска. Старший, Дмитрий Глинка, заводила, в Сибири уже не в первый раз и всюду таскает с собой брата — переводчика с иностранных языков, а также дочь Дарью. Признался, что любит именно дикие места, а не «красивые, но в фантиках». Как и следовало ожидать, оказался противником гидростанций, «которые губят эту самую дикую речную красоту». Ну что ж, из его уст звучит, по крайней мере, достаточно логично. Собираются сплавляться до Курунг-Хоонку, а потом разобрать катамаран — и по тракторной дороге идти до посёлка Канкунский. Если там не найдут транспорта, то пойдут дальше. Отчаянные, однако, люди! Что-то мне не очень верится в наличие людей и транспорта в том далёком посёлке, а пеший переход оттуда до железной дороги займёт немало тяжелейших дней.

Сегодня работаем опять рядом с лагерем: гоним, выражаясь языком геодезистов, по берегу нивелирный ход для привязки временных водомерных постов уже на вынесенных створах будущей плотины. По пути наблюдаем, как возле столовой повариха Любовь Васильевна гоняет веником бурундуков. Они настолько обнаглели, что проскальзывают под москитной сеткой в помещение и беспардонно хозяйничают на кухне. Один даже утащил вилку с намотанной промасленной тряпочкой, которой повариха смазывает сковороды. И даже изгнанные на улицу, далеко не убегают, а рассаживаются поблизости на ведре, на заготовленных чурках дров и даже на собачьих чашках. Что-то не видно

Соболя с Умкой и Чапой, которые быстро загнали бы воришек на ближайшие деревья.

После обеда всей командой отправляемся на лодке выносить оси двух новых, добавленных проектировщиками створов плотины. Пеньки спиленных у воды деревьев оформляем как реперы и затёсками отмечаем направление просек, которые потом будут прорублены вверх. Какое-никакое, а разнообразие — смена привычной деятельности для нас. Рубить настоящие просеки, по которым будут таскать буровое оборудование, — это уже задача местных рабочих.

А вечером в гости пришли вчерашние белорусские знакомцы-туристы. Напоили их кофе, к которому они приложили две белорусских шоколадки «Мишка на поляне» — из тамошней серии «Забытый вкус детства». Где только, оказывается, они не побывали, по какой глухомани не лазали. Прямо не туристы, а мазохисты какие-то! Но, если вдуматься, каждый сам выбирает, каким образом повысить уровень адреналина в крови. В знак уважения подарил им недавно изданную книжку стихов замечательной землячки-поэта Нади Герман. Ничего, что с посвящением мне, — надеюсь, после моего возвращения она ещё одну подарит.

Учитывая, что на днях прилетит вертолёт, надумали попытаться пристроить на него белорусов, а то ведь придётся им тащиться десятки, если не сотни, километров с тяжеленными рюкзаками. Как представили это, самим неуютно стало. Да и у них после нашего предложения нет прежней решимости осуществлять ранее намеченное.

С утра опять дождь — как же он надоел! Но, словно услышав наши проклятия, к обеду неожиданно выглянуло солнышко. Подождав, пока немного обсохнет трава, направляемся на новые створы, ведь нужно закрепить на них ещё и верхние точки.

Юра с противоположного берега корректирует меня по рации. Вот она, наконец, точка, где будет гребень плотины! Срубаю дерево и оформляю пенёк в форме репера. Рядом пишу на затёске масляной краской «Створ бет. пл.» — то есть «Створ бетонной плотины». Вот так и я вношу очередной свой штрих в будущее строительство! Потом спускаюсь вниз по склону, чтобы закрепить на линии створа ещё пару реперов. А то ещё отклонятся буровики и помянут нас потом недобрым словом! Слышу, как Юра разговаривает по рации с ребятами — они на соседнем створе предполагаемой насыпной плотины. А завтра всё в точности повторится, только уже на противоположном берегу.

Вечером снова в гостях белорусы. Сообщаем, что начальник экспедиции по фамилии Перехода по рации категорически запретил брать чужаков на борт вертолёта. Мол, как бы чего не вышло, а отвечать придётся ему. С одной стороны, его можно понять, а с другой, жалко белорусов! Успокаиваем, что созвонимся по спутниковому телефону с Санкт-Петербургом и, учитывая старые производственные связи, надеемся, что удастся договориться.

Утром глянул в календарь — началась уже третья декада июля. Вертолёт пообещали на завтра, так что с утра едем работать: как и намечали, занимаемся другим берегом. Как-то незаметно втянулся в здешние физические нагрузки, от которых за последние годы попросту отвык. Теперь крутые подъёмы уже не особо напрягают, поэтому всё больше деталей замечаю вокруг. То, как в лесу пахнет грибами, как часто встречаются кустики спелой голубики. Теперь это уже не изнурительный подъём, а приятная прогулка с таёжными лакомствами на всём маршруте. И хочется побольше впитать впечатлений, тем более что пребывание здесь неуклонно близится к концу. Если, конечно, проектировщики не придумают ещё чего-нибудь… Вспомнилось даже, как геолог Ирина, увидев нас с Юрой, выбирающихся из вертолёта в первый день, произнесла с досадой: «Да что они, помоложе никого не нашли?» А вот вчера в столовой, оценив проделанную нами работу, опять не удержалась: «Ну, вы монстры!» Своеобразный, конечно, но, как я понимаю, комплимент.

Вертолёт наконец-то прилетел. И даже взял на борт совсем было приунывших туристов. На радостях Дмитрий поклялся в дальнейшем поддерживать с нами постоянную связь через Интернет. Хочется верить, но чего только не обещают люди в подобных случаях! Для нас же главное, что вертолётчики не привезли никаких новых заданий, так что срок окончания нашей командировки достаточно конкретен.

Прилетела новая смена буровиков и рабочих — и вечером народ в лагере гулял «по-чёрному». Да, на временные работы в экспедицию контингент устраивается, как правило, соответствующий: бывшие интеллигентные люди, или попросту «бичи». Правда, наслышан, что название произошло от какого-то иностранного слова, но во всех экспедициях его понимают именно так. Поразмыслив, мы даже в столовую не пошли, а сварили уху из попавших в сеть налима, хариуса и крупного ерша. Такая вот настоящая тройная уха. И даже решили распечатать сохраняемую на прощальный вечер бутылку водки, которую привёз с собой Виталий. Гулять так гулять — мы ведь тоже не «рыжие», а нормальные мужики!

Электричество в лагере электрики отключили на этот раз уже после полуночи. Но спокойно поспать нам не удалось — истошно залаяли Соболь с Умкой. Утром выяснилось, что в лагерь, к столовой, приходили два молодых медведя-пестуна. Побродили возле столовой, раскидали пустые коробки — и, не найдя ничего съедобного, удалились восвояси.

После нескольких ясных дней вновь зарядил дождь. Он поливал, не стихая, целые сутки, так что крыша посреди балка́ протекла, и по полу в сторону кухни побежал ручеёк. Дорога до столовой сразу превратилась в рыжее месиво, а трактор-трелёвочник, который вёз доски в лагерь гидрологов, намертво увяз в разлившемся крохотном ручейке. Видимо, в верховьях дождь был соответствующий, поскольку уровень воды в Тимптоне разом подскочил аж на одиннадцать метров. Ещё вчера не впечатляющая мощью река теперь ревела и бесновалась, неся древесный мусор и вырванные с корнем деревья. Так что даже сомневающимся стало понятно: несколько таких дождевых паводков вполне способны заполнить будущее узкое водохранилище глубиной в две сотни метров.

Мутная вода разом скрыла все косы и прибрежные кусты, подступила к кромке обрывов, к деревьям. Ясно, что старательно расставленным нами понизу вехам пришёл «кырдык» — так выражались коллеги в моей первой, казахстанской, экспедиции. Вода подошла к самой бане, и теперь не нужно включать насос, а воду можно черпать прямо возле крыльца. Вот только одно плохо: она коричневого цвета и с мелким песком. Со стороны гидроствора доносятся громкие хлопки, напоминающие выстрелы, источник которых я определил не сразу. А это, оказывается, течение натягивает перекинутый с берега на берег стальной трос, и он, периодически выпрыгивая, оглушительно бьёт по воде. Да, на стихию воды можно смотреть бесконечно, она кого угодно впечатлит!

Серое небо опустилось совсем низко, и горы как будто тоже стали значительно ниже. Создаётся ощущение, что тучи висят всего-то в сотне метров над головой. Такая погода действует на настроение, причём разлагающе — ничего не хочется делать, даже писать. А ведь последнее время именно дожди располагали к литературной работе: заведёшь генератор и под звук дождя весь день набираешь на клавиатуре ноутбука страницу за страницей. Юра такие дни посвящает обработке измерений и периодическому переуравниванию создаваемой сети. А Виталий с Колей молча читают книги из местной «библиотеки», стараясь меня не отвлекать. Как можно убедиться, писательский труд иногда вызывает-таки уважение у окружающих!

Геолог Ирина попросила привязать скважины на месторождении песка за Курунг-Хоонку. Точно не знаю, входило ли это в программу наших работ, но здесь, на Тимптоне, она начальник, а мы подчинённые. Тамошние буровики живут за ручьём постоянно и в лагере практически не появляются. Во всяком случае, я их здесь не встречал, изредка можно увидеть лишь геолога Ольгу. Она питерка и, видимо по тамошней моде, частично, насколько можно видеть, покрыта татуировками. Такой экстравагантной женской моды я, честно говоря, не понимаю, хотя и приемлю. Каждая женщина старается обратить на себя внимание в меру возможностей и фантазии.

Вода в Курунг-Хоонку остаётся светлой и в самом устье не смешивается с мутной водой Тимптона: чётко просматривается граница двух водных стихий. А по всей пойме вдоль Тимптона манит множество голубых кустиков спелой голубики. На песке у воды встретились следы медвежонка, но почему-то рядом нет следов мамы-медведицы. Должно быть, пасётся на ягоднике. Не дай Бог столкнуться с ней нос к носу!

Ближе к вечеру, неожиданно для всех, прилетел внеплановый вертолёт. Как оказалось, его арендовала какая-то фирма под названием «Меридиан». На борту трое томских геодезистов с такой же, как у нас, спутниковой системой. Откровенно обрадовались, узнав, какую работу мы здесь уже проделали, и рассчитывают получить материалы измерений через Санкт-Петербург. Ну, это их проблемы, нас не касающиеся! А вскоре проплыли мимо два катера на воздушной подушке — то ли биологи, то ли экологи. Как выяснилось, берут пробы воды по всему Тимптону. Что-то зачастили на Тимптон к концу сезона природозащитники и разные прочие специалисты!

По заданию — теперь уже главного геолога Ирины — нужно вынести около шестидесяти скважин на новых створах. Снимаем их координаты с карты-задания и вводим в навигаторы. Это могли бы сделать и сами буровики, но у нас и навигаторы посерьёзней, и время выноса можем подгадать с максимумом спутников над каньоном, да и квалификация у нас, мягко говоря, повыше.

С утра моросит дождь, но всё равно плывём на створы. Просто в памяти предыдущие затяжные дожди и то, что сегодня последний день июля. Не дай Бог, в ближайшие дни погода будет ещё хуже, как это уже не раз бывало! Юра с Виталием высаживаются на левом берегу, а я с Колей — на правом. Мне скважин выносить поменьше, но зато они разбросаны. Поднимаемся вверх вдоль створа предполагаемой бетонной плотины, устанавливаем вехи на месте будущих скважин и пишем их нумерацию на затёсках. С кустов постоянно стекают на одежду изрядные порции влаги, так что приходится беречь от неё и навигатор, и рацию. А вот мошкаре дождь нипочём, лезут в рот и в нос, кусают все открытые участки тела — оба ежеминутно кашляем или чихаем, сморкаемся или отплёвываемся. Даже по рации говорить проблемно, ибо верхняя губа стала «деревянной» от постоянных укусов.

До обеда вынесли и закрепили сторожка́ми примерно половину скважин. Несмотря на усиливающийся дождь, решили сегодня продолжить начатое, ведь никто не знает, сколько дней будет длиться такая погода. Так что после плотного обеда

натягиваю, поёживаясь, сырой противоэнцефалитный костюм и резиновые сапоги вместо набухших влагой, потяжелевших берцев. Радует перспектива, что вечером переоденусь во всё сухое, согреюсь чаем возле тёплой печки и засяду за повесть. После таких вот физических и климатических испытаний пишется, как правило, особенно хорошо. Может, потому что начинаешь сильнее любить жизнь?

Утром окружающий пейзаж представляет собой всё ту же безрадостную картину: моросит дождь, над самыми головами висит туман. Он словно бы зацепился за берега, и под плотной пеленой — притихший Тимптон, а над пеленой — словно бы обрезанные вершины гор. Более прозрачный слой тумана расположился вокруг, за ближайшими лиственницами, словно бы раздумывая, пора выползать из укрытия или ещё нет. Его, как дикого зверя, пугают, может быть, дымящие трубы балков или поникшие красные флажки на углах вертолётной площадки? А ещё застрявший и как бы пригорюнившийся ярко-красный трелёвщик? Похоже, трактор расположился там надолго — рядом с несколькими недавно установленными, ещё не обжитыми и не потемневшими десятиместными палатками, за которыми теперь не разглядеть серую крышу жилища гидрологов. И унылый пейзаж этот абсолютно безлюден. Хотя и в хорошую-то погоду людей в лагере можно увидеть только на встрече вертолёта да во время работы столовой. Собак и то повстречаешь чаще.

Кстати, собак в лагере скоро будет пять — сучка Чапа ощенилась. Решено оставить одного чёрного мордастого щенка, для которого заботливая мамаша уже вырыла глубокую нору в песке возле столовой.

К ужину совсем похолодало, даже привычных бурундуков-воришек и сеноставок-шадаков не видно. Неужели и в самом деле уже начало якутской осени?

А утром наконец-то закончил многострадальную повесть «Безбилетник». Конечно же, дома ещё предстоит правка, но это уже мелкие мелочи. Думаю, что за несколько дней в комфортной обстановке подготовлю её к публикации — и сразу же засяду за роман. Скорей бы уж! Геодезические работы полностью завершены, осталось только дождаться вертолёта. Понемногу пакуем личные вещи. Юра со смехом показывает надпись на мониторе теодолита: «Батарея сдох». Такая надпись говорит либо о «хорошем» знании русского языка японскими изготовителями, либо об их чувстве юмора. Будем всё-таки надеяться на второе. Правда, несмотря на пугающие слова, заряжать аккумулятор уже нет смысла.

Когда делать нечего, по закону подлости устанавливается такая нужная прежде солнечная погода. Вертолёт за нами должен прилететь лишь завтра, поэтому, чтобы занять время, я решил постирать кое-какую одежду в Тимптоне. Не заталкивать же грязную в рюкзак! Спускаюсь с обрывистого берега к воде — и натыкаюсь на совсем свежие медвежьи следы. Прошёл медвежонок, причём опять почему-то один. Уж не случилось ли чего с его мамашей?

Мы собрались в обратный путь и морально, и материально, то есть всё разложили по рюкзакам, сфотографировались по очереди и компанией на крыльце «геодезического» балкá, потом на фоне лагеря. И даже решили вечером в столовую не ходить, а сварить «прощальную» уху. В ней всё, что попалось в сеть: ленок, хариус, налим, каким-то образом попавший в Тимптон во время паводка карась и четыре ерша. Это уже даже не тройная уха, а из пяти сортов рыбы. Когда ещё придётся поесть такой ушицы в хорошей компании?

Долгожданный вертолёт так и не прилетел. Как выяснилось, по двум причинам: во-первых, буровики не успели подготовить вертолётную площадку на новом створе, куда надо перетащить оборудование, ну а во-вторых, налетел такой ветер, что о-го-го! Порывом сорвало крышу с дизельной и отнесло на несколько десятков метров. Оттуда пронеслись мимо нашего балкá очумевшие Умка с Соболем. Соболь с разбега нырнул под вагончик геологов, а Умка промчалась дальше. Как оказалось, примчалась в лагерь буровиков, переплыв даже Курунг-Хоонку. И только Чапа, должно быть, отсиживалась в своей норе. Надеюсь, что это не мы так разозлили здешнего Духа ветра, а те, кто обслуживает дизельную.

Прощание с Тимптоном

А в последнюю ночь накануне нашего отлёта плотный туман снова подкрался вплотную к «геодезическому» балкý. Будто что-то живое и донельзя любопытное вслушивалось в наши разговоры, пытаясь выяснить: зачем два с половиной месяца тому назад прилетели на вертолёте эти люди, зачем лазали они по всем окружающим горам со своими непонятными приборами, и что они замышляют на будущее — доброе или злое? А может, туман просто захотел попрощаться с нами, как со старыми добрыми друзьями?..

Наконец-то мы дождались вертолёта. Он доставил неких экологов, которых необходимо срочно забросить на плато. Но сначала вертолётчики, как и предполагалось, приземлились в нашем лагере, чтобы выяснить судьбу своих спальных мешков. Причём обошлось без ожидаемых отрицательных эмоций, поскольку так и осталось неясным, кто же их в суматохе выгрузил. Поэтому мы с Юрой летим с ними, чтобы заодно забрать и все оставленные нами вещи.

Обжитая нами площадка экологов вполне устроила, поэтому великодушно оставляем им

стол, стулья и кое-что из посуды. А заодно и ящик с оставшимися «долгоиграющими» продуктами. Нам для них ничего не жалко!

Прибывшие перетаскивают свои пожитки, а мы с Юрой, спешно побросав в вертолёт свои, наблюдаем за происходящим через иллюминаторы. Пока прибывшие таскали многочисленные вещи от вертолёта и складывали в кучу, возле неё сидел на тюке интеллигентного вида старичок в очках, в резиновых сапогах и в тёплой куртке с накинутым капюшоном. А на лице его была написана такая безысходность и безнадёга, что мы с Юрой, переглянувшись, расхохотались.

В Чульман вылетели уже после обеда, попрощавшись со всеми и особенно с поварихой, которая столько дней кормила нас своими замечательными в кулинарном отношении блюдами. Откармливала прямо-таки по-домашнему, так что мы с Юрой, несмотря на серьёзные физические нагрузки, даже поправились.

Когда всё позади, невольно начинаешь подытоживать проделанную работу и отрезок прожитой жизни. Все намеченные работы мы закончили в срок, к очередному плановому прилёту вертолёта. Трудно ли было? И да, и нет! Как признался Юра, с годами рюкзак становится всё тяжелее, а горы всё выше. Но ведь выше становится и ответственность за природу, за качество выполненных работ. Конечно, первые дни было тяжело физически, но потом втянулись, и стало как всегда — как и прежде. Через какое-то время трудности забудутся, а останется в памяти ощущение, что было интересно работать, что природа была необычной и целительной и что мы прошли этот участок жизненного пути достойно…

Пейзаж за иллюминатором теперь воспринимается уже как-то по-другому. Здешняя природа стала мне ближе, что ли? Вверх по течению Тимптона окружающие горы выполаживаются, порогов становится меньше. Ох и рыбы тут должно быть! Ведь на участке нашего лагеря она пополнялась только после очередного паводка, а между ними путь рыбе преграждали мелководные пороги. Но эти эмоции уже не имеют никакого отношения к прошедшей командировке!

Внизу сменяют друг друга большие серые пятна курумников и зелень низин в окружении лиственниц. Потом начались как бы искусственно спланированные и выровненные откосы из мелких камней, обрамляющие «корыто» речной поймы с извилистыми меандрами реки. А потом пошла равнина, иссечённая пересекающимися «дорогами». И то: один раз проехала машина — появился след, проехала два-три раза — возникли две глубоких колеи. А кто тут проезжал: охотники, рыбаки?.. Да кто их знает!

Пролетели над группой высотных зданий, в одном из которых гостиница комплексной изыскательской экспедиции номер тринадцать, где мы дожидались вертолёта два с лишним месяца тому назад. Потом внизу возникли разом полуразломанные самолёты, ржавый дорожный и строительный транспорт, какое-то непонятного назначения железо. А вот наконец-то и бетонная взлётная полоса старого аэродрома.

Нас ожидает машина-вахтовка, чтобы отвезти в Чульман. Несмотря на многоэтажные высотки, когда-то перспективный посёлок умирает. Прежде здесь работал домостроительный комбинат, жили строители БАМа, теперь же, если не начнётся строительство Канкунской ГЭС, у него нет абсолютно никаких перспектив развития. Значит, есть надежда, что мы с Юрой сыграли и в его будущем далеко не последнюю роль.

Потом вахтовка доставляет нас на железнодорожный вокзал Нерюнгри. Мы ожидаем поезд на Сковородино. Утром будем там — чтобы дожидаться поезда на Красноярск. А оттуда десятого августа поедем на междугородном автобусе в давно ставший своим Саяногорск. Какие, оказывается, приятные по своему звучанию названия родных населённых пунктов! Но всё это уже не имеет никакого отношения к Тимптону и к экспедиции, напомнившей мне о прежней жизни. О такой непростой и вместе с тем такой незабываемой изыскательской жизни.

Владимир Петров

Иерусалимские заметки

• • •

Тюмень отпускала с болезнью. Затяжная, холодная весна делала своё дело. В горле першило, донимал противный насморк, выступал холодный липкий пот. Ну как тут ехать в дорогу? Да ещё какую! Таблетки нужны, таблетки! Так, от простуды — антигриппин. От давления — сердечные. От желудка, поджелудки, печени… Обезболивающие — да! Корсет для поясницы. Воротник Шанца для шеи. И ещё вот эти, ибо диарея — не лучший друг паломника. Йодовый карандаш и немного пластыря. Всё, аптечка собрана и уложена в старую косметичку жены.

Пора ехать в аэропорт. Сажусь в такси. В машине весело болтает какое-то молодёжное радио, и между прочим ведущий говорит: «Старость — это когда косметичка превращается в аптечку!» Ушам своим не верю. Да откуда он узнал?! Ну, всё же поехали!

• • •

Москва, Шереметьево. Сижу в кафе у накопителя. Какой-то парень громко разговаривает на английском. Резкий, трескучий его голос внезапно открывает для меня чуждый, непонятный, враждебный мир. Прославил Господа за то, что Он дал мне свой угол, мною часто неоценённый, где я могу молиться.

• • •

Наш сектор аэропорта на время превратился в маленький Израиль. Ребе разных возрастов и одеяний, их ребецины с кучей детей и «мирские» евреи. Всё это снуёт, галдит, спит и молится. Независимость полная. Некоторые путешественники расстелили туристические коврики на полу и спят ничтоже сумняшеся. Такое впечатление, что не они у нас, а мы у них. Ну что тут скажешь? Шалом, Исраэль!

• • •

Наконец-то наше воздушное судно причалило к долгожданной пристани — аэропорту Бен-Гурион в Тель-Авиве. Что нас ждёт? Какое богатство? Какое сокровище? Семь дней на Святой земле! Душа поёт: «Направи мя по словеси Твоему!»

Внезапно на переходе из «рукава» в терминал радость встречи прерывают люди в оранжевых жилетах дорожных рабочих. Однако лопат, дымящегося асфальта и катка рядом не видно. Требуют паспорт, спрашивают, на сколько дней и зачем прибыл в Израиль. Понятно. Служба безопасности. Мой лихой мусульманский вид в греческой скуфейке навёл их на раздумье. Не бойтесь, братья-иудеи! Румын я, румын! А может, и болгарин…

• • •

Ну вот и всё. Досмотры, паспортный контроль пройдены. А вот и наш гид — монахиня Горненского монастыря Благоцветущая. Выходим к автобусу. Снова этот горячий, пряный ветер, вечно цветущие бугенвиллеи, земля с красноватым оттенком. Дышу полной грудью и чувствую, как меня в панике покидают бациллы и вирусы холодной тюменской весны.

• • •

От недосыпа и усталости от перелёта какая-то окаменелая тупость. Даже мыслишка глупая: «Зачем я снова здесь? Что мне тут надо?» Вышел во двор русской гостиницы в Вифлееме. Сильный прохладный ветер. Небо в облаках, похожих на мелкую водную рябь. Золотисто-огненное. Внизу зажигаются огоньки поселений. Слышен приглушённый шум улицы. Скоро запоют минареты. Там, вдали, справа от меня, виден Иерусалим, а если обернуться назад, на горизонте виднеются горы Маоав. Это уже Иордания. Снова я здесь. Снова это небо, этот воздух, эта земля, и снова это как сон: сердце не вмещает.

• • •

Крестный путь. Идём со стороны Львиных ворот. У каждого паломника крест, большой или маленький, из оливкового дерева. Почти все сосредоточены, тихо читают Иисусову молитву, но одновременно краем глаза следят за товарищами по группе, чтобы не отстать и не потеряться, ведь вокруг движется великая толчея Старого города. По неширокой улице идут одновременно местные жители — арабы, какие-то школяры разных

возрастов, полицейские и армейские патрули израильтян, сотни паломников и туристов. Сквозь эту густую толпу пробираются мотоциклисты, легковые автомобили, небольшие грузовички. Маленький зелёный трактор с прицепом, деловито урча, медленно ползёт по каким-то своим делам, дополняя всю эту картину. Шум, треск, гам. А дальше? Дальше — сплошной восточный базар с его пестротой и яркостью, зазывалами-торговцами, маленькими попрошайками и ловкими карманниками.

Несколько лет назад, когда впервые проходил этот путь, меня всё ужасно раздражало и возмущало: ну как так?! они не понимают святости момента! Но потом однажды пришла странная мысль: а ведь тогда, две тысячи лет назад, было точно так же. Богочеловек шёл в своём смирении, вставая и падая под тяжестью креста. С Ним рядом была горстка людей, любящих Его, а вокруг бурлила жизнь Иерушалаима. Римские солдаты, толпы ненавистников, случайные прохожие, зеваки, торговцы, ослы, лошади, верблюды, овцы, шум, гам, хохот. Все торопились: приближался Пейсах. Но Тайна Спасения совершалась в Тишине и Милости.

• • •

В храме Гроба Господня светло и прохладно. Лёгкий сквозняк. Очередь в Кувуклию. Толпа паломников меня греет и слегка давит. Слева эфиопы или ещё какая-то африканская церковь. Сзади православные арабки поют пасхальные стихиры на своём языке. Справа наш брат русский гудит: «Христос воскресе!» Впереди тоже «дванадесять язык» молятся каждый по-своему. Тянемся все, как дети, к Славе Воскресения Христова и, наверное, все так же вместе пойдём на Суд: ни различий, ни чинов, ни наций.

• • •

Стою на Голгофе. Нужно возвращаться и догонять группу, но не хочется. Не хочется прерывать состояние некоего внутреннего покоя и тишины. Вдруг с правой стороны ко мне подходят две молодые женщины. Протягивают клочок бумаги, вернее, в несколько раз сложенную записку, и начинают о чём-то спрашивать, как я понял, на итальянском языке. Очевидно, они приняли меня за греческого монаха. «Я татарин на лицо, да с фамилией хохляцкой»,— поется в песне, однако за грека, как оказалось, меня принять можно. Объясняю им, что я русский и ничего не понимаю. Это мало действует. Тогда начинаю спрашивать жестами: «Вам это нужно?» — «Нет».— «Или вот это?» — «Нет».— «А что тогда?» Положение глупое. Раздражаться нельзя, посылать тоже. Во-первых, святое место, во-вторых, иностранки, ну и в-третьих — женщины. Между тем итальянки продолжают вопрошать, причём с таким видом, будто я намеренно прячу от них какое-то сокровище. И тут внезапно каким-то шестым чувством ясно понимаю, что им нужно. «А-а-а,— говорю восторженно,— пойдёмте покажу!»

Сходим с Голгофы. Иностранки смиренно следуют за мной. Проходим мимо Камня помазания. Выходим ко Гробу Господню. Там, как всегда, благостно, несмотря на приглушённый шум от паломников. С левой стороны Кувуклии царит полумрак. Мерцают свечи. Слабые их огоньки освещают мраморные плиты стены. И в стыках между ними видны точки и тире из разноцветных записок. Розовые, жёлтые, но большей частью белые письма Богу или телеграммы Христу. С каких пор начала работать эта небесная почта, не знаю, но она действенна. «Вот,— говорю,— девочки, ваше прошение нужно положить сюда». Настойчивые паломницы были удивлены и обрадованы. Тревога прошла. И в душу вновь вернулась благость Божья. Мы обнялись как родственники и попрощались. Уходя, я подумал: «Хорошо, что небесный почтамт был мне известен». Ещё бы, я сам отправлял отсюда три телеграммы: одну свою и две — от знакомых.

• • •

Храм Рождества Христова на реставрации. В нём ещё холодно, и этот холод исходит от пола, стен и колонн. Он накопился за зимние месяцы, а исчезнет только тогда, когда на улице воцарится сорокаградусная жара, и всё каменное строение прогреется и будет источать приятную прохладу. А сейчас тепло только в одном месте — в самой пещере Рождества. Паломники, спустившись по ступеням в нижнюю церковь и земно поклонившись месту рождения Спасителя, занимают всё пространство маленького храма. В конце Часов становится душно, и греки включают вентиляцию. Шум от неё значительный. Поначалу он мешает, но уже минут через десять-пятнадцать его перестаёшь замечать.

Служат на трёх языках — греческом, арабском и русском. «Кири, элейсон», «Яраб, ирхан», «Господи, помилуй» сопровождают всё священнодействие. На этот раз, убоявшись духоты, нашёл себе место на выходе из Святой пещеры, у самой верхней ступеньки. Мать Благоцветущая, позаимствовав стул из армянского придела, предложила его мне. Этим была достигнута определённая степень комфорта. Прислонившись к светло-серому, с прожилками, мрамору портика, слушал Божественную литургию. Прикасаясь пальцами к холодным, изящно вырезанным тонким колоннам, думал: «Сколько же побывало здесь паломников? Сколько прошло судеб? Сколько вознеслось

молитв? И я как песчинка в этой вековой толще». Здесь соединились Время и Вечность.

Эти раздумья были прерваны вопросом, вернее, ощущением вопроса, исходившим от человека субтильной наружности и арабской национальности. Он говорил на английском языке какого-то местного бейтлехемского диалекта. Мне было понятно только «хелп ми». «Хелп ми» сопровождалось движением пальцев, означающим «мани». Полез в потайную сумочку-кошелёк и вручил ему «файв долларс», но проситель не унимался и мягко выставил «уан хандред». Я слегка опешил, ибо за «уан хандред» и сам бы мог лепетать «хелп ми». «Нет, — говорю, — браток, вот тебе еще „файв", итого будет „тен долларс", и иди себе с миром». Культурный неимущий не обиделся, аккуратно взял купюру и тихо удалился. Правду говорят, что ни один приличный храм не обходится без нищих и юродивых, особенно на Святой земле. Но уже вынесли чаши со Святыми Дарами. Пора было приобщаться Святых Христовых Таин.

• • •

Не знаю, смогла бы преподобная мати Мария Египетская перейти через современный Иордан. Везде километры заграждений из колючей проволоки и надписи на трёх языках: «Осторожно, мины!» Лишь неширокая асфальтированная дорога ведёт к месту Крещения Господа. Автобусы медленно преодолевают это пространство. Тут запах войны и тревоги кружится вместе с придорожной пылью. Вооружённые патрули с рациями, видеокамеры в зарослях речного тростника всегда напоминают: это государственная граница. Однако разноязычным паломникам привольно: молятся с радостью и плещутся с веселием в струях иорданских. Можно с края купальни как следует потянуться ближе к середине реки и потрогать эту самую границу между Израилем и Иорданией. Можно в пустую бутылку взять на благословение молочно-кремовой, чуть солёной воды священного Иордана. Можно на берегу пособирать камешки. Можно незаметно рукой залезть под колючую проволоку и сорвать веточку невысокого серебристого растения, которым, по преданию, питалась мать Мария. Даже попробовать его на вкус. Бархатистый, слегка солёный, как сам Иордан или слёзы Преподобной. Удивительно всё это.

К вечеру поднялись на Каранталь. Конечно, это не Синай с Джебель-Муса, но всё же. По традиции вышли на смотровую площадку-балкончик. Внизу простиралась величественно-прекрасная панорама библейских мест — долина Иерихона, Иордан, зеркало Мёртвого моря. Горы Моавитские в лёгкой дымке-мареве. Ожившая, доступная святая древность. Вдруг на каменной лавке балкончика замечаю девчушку неизвестного рода-племени. Серенькая курточка, серенькие джинсы, обесцвеченные волосы со стрижкой а-ля пацан. Руки от запястий до локтей покрыты узорами татуировки. Следы тату видны и на лице, захватывают часть шеи и уходят на спину. Показываю ей знаками: «Хочу с тобой сфотографироваться». В ответ — радостное удивление. Включаю старенький «Олимпус», вытягиваю руки как палочку для селфи, делаю фото. Показываю ей: «Посмотри, как здорово!» Она в секунду настраивает свой мобильник и щёлкает затвором. Улыбаемся, довольны друг другом. На какие-то полминуты становимся как родные брат и сестра. Она благодарит на английском, я тоже что-то отвечаю, но надо торопиться. Бегу догонять группу, а сердце мне говорит: «Это новая Мария. Она переходит через свой Иордан».

• • •

Четверг, вечер. Канун пятницы. Мулла отпел положенное. Где-то недалеко от гостиницы гремит музыка. Диск-жокей в такт мелодии и барабанному бою речёвками и подпевками подбадривает танцующих. Азартно, весело. Местная молодёжь отдыхает. К полуночи внезапно всё стихает. Вифлеем погружается в сон. Правду говорят, что арабы — они как дети: шумные и порывистые.

• • •

Вышли на автобан Тель-Авив — Яффо. Впереди нас ждут храм Апостола Петра, гробница святой праведной Тавифы и церковь Георгия Победоносца. Погода отменная. Царствуют солнце и пряный тёплый ветер со свежими нотками Средиземного моря. «Благорастворение воздухов», да и только. А между тем кругом кипит (а как же иначе?) трудовая жизнь Израиля. Грузовики, легковушки, фургончики, военные джипы и, конечно же, байки с мотороллерами. Спешит, бурлит и дышит полной грудью Эрец Исраэль. Внезапно почти на середине пути затор, пробка. Стоят все пять или шесть рядов автомашин. Впереди мигают проблесковые маячки патрульных автомобилей. Полицейские обоего пола мечутся по дороге. Неужели бомбу нашли? Ан нет, тротилом тут не пахнет. На обочине за ограждением колышется толпа религиозных парней в широкополых шляпах. Орут, прыгают и потрясывают разноцветными плакатами с крупными надписями на иврите. Вдруг одна группка богомольной молодёжи прорывается на проезжую часть, становится на колени, перегородив дорогу, и выражает полную готовность быть раздавленной автотранспортом. Но не тут-то было, стражи порядка не дремлют. Кого пинками, а кого за руки, за ноги удаляют восвояси. Путь свободен. Смущённые и ошарашенные, спрашиваем у водителя:

«Чего хотят эти парни? За что борются?» Он не отвечает, очевидно, читает плакатные надписи. Потом говорит спокойно: «В армии служить не хотят. Протестуют против военной службы». — «Как же так?!» — взыграло от возмущения наше русское сердце. Сулило оно отщепенцам тюрьму и каторгу.

Одновременно нахлынули воспоминания. Заполярье. Первый патруль по «точке» в минус пятьдесят четыре градуса, когда в конце дежурства вместе с маской от холода снял кожу с подбородка. Или купание роты в местной речке Оленёк. Сверху жара под тридцать, а на дне, под тонким слоем песка, вечная мерзлота. Или спонтанный способ обогрева в кузове ГАЗ-66 с тентом при минус двадцати пяти градусах. Когда понял, что замерзаю, предался безудержному мату и им грелся почти час, пока не прибыли в расположение части. Или бессмертная фраза старшины: «Ваша задача не боевое дежурство, а выжить в тяжёлых условиях Заполярья!» И много, много ещё другого, что способствует переходу от мальчика к мужчине. И подумалось вдруг: а что если взять всех этих ревнителей иудейского благочестия и собрать в отдельные религиозные батальоны? Призвать к ним лучших отцов-командиров и раввинов. Пусть десять часов в неделю изучают Танах, поют молитвы, укрывшись талитом, а остальное время — «ать-два, ать-два, горе не беда, шла в поход пехота, брала города», и, как говаривал Иван Кузьмич Миронов, «да будет солдатом, а не шаматоном». От этого никому не станет обидно, и любимый Эрец Исраэль сможет спать спокойно.

Впрочем, я не еврей и советовать евреям не намерен. А через сорок минут нас уже встретил святой воин Георгий Победоносец. Пластинчатый доспех, кованый щит, короткое копьё. Он был молод, благороден и умён. Таким и остался навеки.

● ● ●

Проезжаем блокпост. Девчонка в военной форме. Почти полный боекомплект. Под кепи наскоро собранные резинкой каштановые волосы. Бронежилет закрывает грудь, живот, спину и поясницу. Винтовка М-16 почти в половину её роста. На правом бедре пристёгнута кобура с солидным пистолетом, на поясе баллончик с газом, наручники и ещё что-то небезобидное. Досматривает автомобили с напарником — рослым пацаном в кипе. Останавливает их плавным движением руки, как будто тормозит такси. Ноготки пальчиков украшены маникюром: лёгкий перламутр с полоской серебра по краю. За смену эти пальчики проверят, наверное, больше сотни багажников, столько же паспортов, и, может быть, потускнеет перламутр, сотрётся серебро, но под бронежилетом не перестанет биться сердце женщины, готовое дать жизнь и готовое отдать жизнь.

● ● ●

Вечер. Горненский монастырь. Сижу на лавочке возле Казанской церкви. Группа ушла на всенощное бдение в собор Всех Русских Святых. Через динамики доносятся отзвуки песнопений. Надо собраться, встать и идти на службу, но нет сил. Над головой едва шумят кронами кипарисы. Солнце не печёт, как днём, а нежно согревает своими лучами. Теплота, покой и благолепие. Наверное, деревенский кот на завалинке так же млеет и щурится от удовольствия, как я сейчас. Не ровён час, замурлыкаю. Однако совесть не дремлет: «Хоть бы правило почитал! Чего сидеть праздно?» Да, это точно — ночью литургия на Голгофе. Да где бы его взять, это правило? Молитвослов на тумбочке в гостинице. Лавка, церковная лавка! Надо идти туда. Купить какой-нибудь недорогой. Пошёл. Осматриваю книжные полки — нет, дешёвых нет. Так, ещё раз проверить. Вдруг вижу в уголочке, на нижнем стеллаже, молитвослов. Маленький, красочный, недорогой — долларов за восемь. Беру в руки. В нём бумажная закладка. Открываю: «Правило ко Святому Причащению». Глазам своим не верю! Трепет и ужас! Оказывается, здесь все уже знают — кому, когда и что нужно. С тех пор прошёл почти год, а закладка осталась на том же месте. Как-то неудобно лезть своей рукой в Таинственное.

● ● ●

Вечер, ветер, звёзды, полная луна. Внизу загораются огни Вифлеема — жёлтые, белые, зеленоватые, изредка красные. Справа — Иерусалим. Сзади, вдали, за контуром Иродиона, мерцает Иордания. Как же ты мала географически и как же велика духовно, Святая земля! Уже завтра я буду смотреть на другое небо, ходить по другой земле, а сегодня я ещё могу видеть тебя, дышать твоим воздухом, слышать твой голос. И на сердце только одно прошение: не покидай меня, пребудь со мной!

● ● ●

Ну вот и всё. Расставание просто. Смотрю на тебя, Святая земля, через иллюминатор. Всё та же жара, тот же красноватый цвет грунта, тёмная зелень растений. Тело самолёта дрожит от нетерпения. Ещё минута — и понесут его двигатели по взлётной полосе. Лёгкий толчок — и тугой, раскалённый воздух примет на себя серебристо-светло-серую птицу. С лёгким разворотом пойдёт она в сторону Средиземного моря. Под крылом блеснёт стёклами домов Тель-Авив, блеснёт и исчезнет. А дальше? А дальше бирюзово-голубая

гладь моря сольётся с такой же безоблачной гладью неба. Как зачарованный буду смотреть я на всё это и на время забуду тебя…

«С вами говорит командир корабля. Через несколько минут наш самолёт совершит посадку в аэропорту Рощино города Тюмени. Погода в Тюмени хорошая, плюс один градус тепла».

Нечто о православном фетишизме

Я подобрал их в Хевроне, за храмом Праотцев и Святой Троицы. Один с дороги, а другие два, недолго поискав, с обочины. Они были как три родных брата. Величиной с небольшой кулак и весом около трёхсот граммов. Припорошённые белой пылью, сияли восхитительным нежно-кремовым светом. Их твёрдость и шероховатость уютно ложились в ладонь. Нагретые солнцем, они долго хранили тепло. Заботливо завёрнутые во влажные салфетки, они прошли через две границы на дне старого дорожного чемодана и, наконец, пришли сюда как Память, как Награда, как Любовь. В скором времени тот, что с дороги, ушёл к другу. А ещё через семь месяцев ушёл его брат, взятый с обочины, — к девочке, поражённой тяжёлым недугом. И только вот этот остался пока здесь. Из светло-кремового он превратился в красно-коричневый. Тепло рук, слёзы скорбей и молитвы сделали его таким. Но он по-прежнему помнит Трёх Путников у шатра, праотца Авраама, праматерь Сарру под молодым зелёным дубом в роще Мамвре, помнит и молчит, этот камень из Хеврона.

ДиН СИММЕТРИЯ · 1824 г.

Антон Дельвиг

Я Нестор между вами…

Романс

Друзья, друзья! я Нестор между вами,
По опыту весёлый человек;
Я пью давно; пил с вашими отцами
В златые дни, в Екатеринин век.

И в нас душа кипела в ваши леты,
Как вы, за честь мы проливали кровь,
Вино, войну нам славили поэты,
Нам сладко пел Мелецкий про любовь!

Не кончен пир — а гости разошлися,
Допировать один остался я.
И что ж? ко мне вы, други, собралися,
Весельчаков бывалых сыновья!

Гляжу на вас: их лица с их улыбкой,
И тот же спор про жизнь и про вино;
И мнится мне, я полагал ошибкой,
Что и любовь забыта мной давно.

Разочарование

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

К ней сны младые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Весёлых песен не заводят
И сладких слов не говорят.

Её один удел печальный:
Года бесчувственно провесть
И в край, для горестных не дальный,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенесть.

Ирина Каренина

По линии любви — по линии обстрела

* * *

Не иметь ни гроша —
Да очнётся душа.
Тут и там звездопад:
Поглядите, летят!
Что за звёзды летят!
Ах, как звёзды летят!

Сколько блёсток на них,
Полировки на них!
А твой бедненький стих
Ныне в сонме дурных,
Жалких, кухонных, прошлых,
Зачем-то живых,
Оболваненных, замордованных,
Вот таких как есть, обворованных, —
Уж куда ему до полированных!

Ни при этих, ни тех
Нам не светит утех:
Что отчизны дымок,
Что в гортани комок —
С этим старым добром
Попивать себе бром,
Тихо кашляя серебром.

Лучше слушай кота:
От усов до хвоста
Кот — сама милота,
Муркота, мягкота.
Ах, пушистый живот,
Утешительный кот…
Ну а кто голосит там,
Горланит и пьёт,
Кто там деньги считает,
Болит за народ,
Косоглазит, пролазит,
На мельницу льёт —
Тех судьба приберёт,
Всех судьба приберёт.

* * *

Не все нам проживать в аду
И горькую тянуть беду,
Соломку обнимать губами
Прозрачную. В бокале хлад,
И лёд, и пьяный виноград,
И пламень.

А жизнь не вечна и светла,
Как из прозрачного стекла,
Как из гранёной сладкой льдинки,
И зубы ноют от неё,
И сердце теплится твоё,
И мерно крутится пластинка.

Романс пронзительный допет,
Бравурный бред сошёл на нет,
Усталые смолкают ноты…
Докончишь партию свою
И, может, выдохнешь в раю.
Мой друг, не плачь, ну что ты, что ты…

* * *

У акулы болú — у меня заживи,
У меня прекрати, говорю.
Пусть отвалится корка засохшей любви
К мартобрю, мартобрю, мартобрю.

Пусть отпустит, отмается это и то,
Как же горько я утомлена!
Пусть из шкафа я новое выну пальто,
Оттого что настала весна,

Оттого что я больше не помню обид,
И живу, своих бед не кляня.
И нигде ничего-то теперь не болит,
И ничто не тревожит меня.

Рапунцель 2.0

Главное — вовремя пойти на сделку
С причиной и следствием,
Предложить размен,
Добровольно надеть ошейник,
Взять на себя сколько вытянешь, сколько получится.
Обещала — не стричь никогда волос,
Не обрезать памяти,
Не облегчать своей участи:
Оберег тому, кто когда-то любил меня.
Жив будет, цел будет
Тот, кого я когда-то любила,
Тот, кто давно не любит меня.

Мимо, мимо, все беды,
Мимо, мимо, все пули,
Растите, растите, волосы,
Пригибайте голову тяжестью,
Тянитесь за мной плащом.
Что ещё?
Заплетайтесь змеиными косами,
Оплетайте нить судьбы накрепко:
Чем вы длиннее, тем дольше линия жизни.

Что бы ему ни грозило — на мою голову.
Что бы ни наболело — на мою голову.
Что бы ни блазнило — на мою голову.
Пока змеями вьются волосы,
Тот, который давно не помнит меня,
Дышит,
Живёт,
Дышит,
Живёт,
Дышит,
Живёт.

● ● ●

Дела идут, конторе не до писем,
Я пью вино болезни вопреки.
Мои темны безрадостные мысли,
Как тёмное течение реки.

Кругом беда, ей ни конца ни края,
Она то в лоб приходит, то в обход.
Не виноват, щенок мой погибает,
А кто виновен, тот себе живёт.

Не виноваты, погибают дети,
Напитан кровью во степи ковыль.
Как больно, больно, больно жить на свете —
И разлететься в атомную пыль.

…Допей вино. Срывается музы́ка.
То холод нас мертвит, то смертный зной.
И звёзды разбиваются от крика,
Наполненного жуткой тишиной.

● ● ●

…Так дай им Бог — без нашего надрыва
Лететь по жизни, лёгкий крест неся.
Всё лирика, но им — глядеть счастливо,
Об руку самокруток не гася.

Другим и юным — всё, чего хотели,
А нам — дышать пожарищем родным.
Под звоны элегической капели
Восходит к небу наш табачный дым.

Ау, сорокалетние повесы,
Измученные, жёсткие принцессы,
До гроба вам короны не снести,
Как головы когда-то не сносили,
Но выжили, но — ладно — жили-были,
И лучше вас по свету не найти.

Какая жизнь — она была сурова,
То хлеба не хватало нам, то крова,
Но мы рвались из сил в последний бой,
И всякого нам выпало с запасом:
Царевен лупцевали по мордасам
И гениев гоняли на убой.

Не жалуемся — нас не приучили,
Как не учили требовать наград.
Мы жили… нет, и правда — жили-были,
Про нас ещё такое сочинят!

Нам всё дано: и каменное слово,
И воздух, беспечален и жесток,
Как горькой папиросы Гумилёва
Последний и отчаянный глоток.

● ● ●

Завтра встанем рано-рано,
А пока считай баранов,
И овечек, и мышей,
Всех, кто гонит нас взашей,
Палачей считай и катов,
Змей, людей и прочих гадов,
И древесных, и морских,
Деревенских, городских,
Богомольных и безбожных,
Всех великих и ничтожных,
Приживалов, и царей,
И людских поводырей.
Баю-бай, усни, душонка,
Жалкая, как у мышонка,
У летучего малышки, —
Чем ты хуже птички, мышки?
Палка, палка, огуречик —
Разнесчастный человечек…

● ● ●

Что тебе-то по мне горевать? —
Не делили с тобой мы кровать,
Ну а дружба не впрок нам.
Мне-то что горевать о тебе? —
А и Б не сидеть на трубе,
Не заглядывать в окна.

А гляди ж: тяжела голова,
Проще стали скупые слова —
Отзвучали, затихли…
Нам с тобой недостало любви,
Неудачливый мой визави.
Что ж ты просишься в стих мой?

Может, были б и мы спасены,
Кабы не эта ярость войны,
Не словесная бойня,
Не горячая, мутная взвесь,
Не пустая, горластая спесь,
Не грядущие войны.

Всё распродано, что ни возьми,
В этой подлой эпохе людьми
Затруднительно зваться.
Голос правды, срываясь, хрипит.
Человек обессилел и спит,
И его не дозваться.

● ● ●

Не в тот проклятый год, а в этот несчастливый
Я снова прохожу по линии любви,
И солнце мне поёт, и зацветают сливы,
И всё вокруг твердит: «Живи, живи, живи…»

И снова счастья нет, но розы я сажаю
Взамен погибших роз — и снова жду тепла.
Ах, нынче не меня до дому провожают,
Но жизнь ещё горит, она как ночь светла,

В ней есть ещё приют меж вишен и магнолий,
В трепещущем саду, под райским ветерком.
Отброшены слова, и позабыты роли.
Лети, моя душа, скуластым мотыльком!

Пока дрожала ты, вымалчивая горе,
Ну кто тебе помог? Все были ни при чём
И путали слова, но не бол́и в укоре:
Ты знала наперёд, и кто, и что почём.

Беда моя, и ты помалу отболела,
Из тьмы не проступай, тревожа и кляня…
По линии любви — по линии обстрела —
Я снова прохожу, и целятся в меня.

● ● ●

…Как взвоете, как взлюбите меня —
Примерно так, как раньше невзлюбили,
Чёрт знает в чём придирчиво виня:
И что с того, что родилась в Тагиле,
Что каторжная кровь в висках гудит,
Как отраженье гула заводского,
Что сердце с перебоями в груди
То замирает, то вприпрыжку снова? —
Я не умру, Вы слышите? Вполне
Ещё я проскриплю и год, и двадцать.
И что с того, что весь мой мир в огне
И с Вами мне не светит целоваться?
Гиперборея снежная моя,
Таёжный кряж, приют горнозаводский
Не выдаст, и пускай годами я
В чужих краях болтаюсь по-сиротски,
А всё же плоть от плоти старых гор,
Камней их — самоцветов, малахитов.
Куда уж Вам — до этих вот опор,
В кору земную до предела вбитых,
В такую уходящих глубину,
Что и огнём не спалишь безвозвратно,
Что всё переживут — любовь, войну,
И это вот, ах, будь оно неладно…

● ● ●

Просила: мол, не поминайте лихом.
Но разве же иначе помянут?
…Прошла гроза, на небе тихо-тихо,
И ветер скручен в присмирённый жгут.

И кажется: не вырваться из круга.
А времена всё хлеще, всё темней.
Уйди в себя, забейся в пятый угол
Во Внутренней Монголии своей.

Предвкусие беды и катастрофы,
Предчувствие душевных мук и смут:
От Мегапеи до Йокнапатофы
Нигде, нигде, нигде тебя не ждут.

Затихло небо — мир не затихает.
Земная жизнь опять полна обид.
И только слово молча полыхает —
И как-то по-особому болит.

Евгений Харитонов

Между мною и войной

На могиле солдата

Скоро май, и знамёна парада
Растекутся по русской земле.
Мне припомнилась нынче ограда
На могиле солдата в селе.

Неприметная вроде бы с виду.
Проржавела. А дед говорил:
«Если рыжая, значит, обиду
На кого-то солдат затаил».

А солдат, как нарочно, весною
Прикрывает могилу травой,
Чтоб его обошли стороною,
Не тревожили сон вековой.

Чтоб не клали на холмик конфеты,
Рукава перед тем засучив.
Лишь кукушка лесная всё лето
Прилетает к нему и молчит.

За Отчизну отдавший все силы,
Не просивший взамен ничего!
…И шагает парад по России
В честь великой Победы его.

Когда закончится война

В тот самый день, когда закончится война,
В веках восславив подвиг русского солдата,
В календаре возникнет Памятная дата,
А вместе с ней родится горькая вина —

За то, что мать давно смирилась с сединой,
За тех друзей, кому война сомкнула веки,
За вдовий плач соседки где-то за стеной,
За хмурый взгляд из глаз прохожего-калеки.

За то, что мы сирот упрятали в приют,
За каждый дом, от рук фашистов пострадавший,
И за торжественный над площадью салют,
Когда в стране немало без вести пропавших.

Засыплет время все воронки во дворах,
И сердце рваное с утратами смирится,
Как вдруг в сознание ворвётся дикий страх,
Что это всё однажды может повториться.

В землянке

Разрывы с каждым днём становятся всё ближе.
Укрылись под землёй и просто ждём рассвет.
Пригревшийся у ног щенок консерву лижет,
Как будто до войны ему и дела нет.

Буржуйка горяча. Кипит походный чайник.
Товарищ у стены сопит который час.
Пугливый мотылёк, прибившийся случайно,
Притих на потолке, уставившись на нас.

Не хочется вставать, гнетёт усталость тело.
Вот так бы и сидел в землянке на пеньке.
Да только есть приказ, а по-простому — дело,
Которое решит лишь палец на курке.

Допит горячий чай, докурена махорка.
Прижат бронежилет застёжками к груди.
И слышно, как рассвет, коснувшийся пригорка,
Невольно говорит: «Ну что, боец, иди!»

Не встретишь на войне судьбы своей афишу,
И нечем усмирить волнение в душе.
Сползают небеса от боя к бою ниже,
Да так, что их рукой касаешься уже.

• • •

Между мною и войной —
Меньше часа по прямой.
От войны и до меня —
Залп ракетного огня.

Здесь, на западе страны,
Сёла в коконе войны.
И с разорванным лицом
Хата матери с отцом.

Желание

Когда я ждал звезды падения,
Просить желая снисхождения
Не для себя, а для России —
Все звёзды разом погасили.
И даже светлый шар луны
С небес скатился за холмы,
Как будто кто-то дал мне знать:
Не всё позволено желать.

* * *

У костра бойцы сидят,
Разговор не клеится.
Поутру был жив бурят,
А теперь… Не верится.

Разгорается в груди
У солдат пожарище.
Хоть буди, хоть не буди —
Крепок сон товарища.

Что ни день, то на краю —
Так всегда с разведкою.
Скольких он спасал в бою
Верной пулей меткою.

А теперь в одном строю
Павших в ополчении.
Нынче даже не поют
Соловьи вечерние.

Хоть огонь костра погас,
Парни не расходятся,
За бурята, за Донбасс
Тихо Богу молятся.

Мальчик

Танки без у́стали твердью
Жалят извилистый луг.
Мальчик, не тронутый смертью,
Плачет, глотая испуг.

Всюду глазницы воронок.
В огненном зареве лес.
Мальчик погибших сестрёнок
Просит спуститься с небес…

В папиных стареньких берцах
Он в неизвестность пойдёт.
Жалости в маленьком сердце
Больше никто не найдёт.

Люди моего времени

Не всё мы в этой жизни видели —
Планету всю не обойти.
А значит, многих не обидели
На том непройденном пути.
Мы людям боль несём по глупости,
Не знаем даже, как любить.
И столько в нас скопилось грубости,
Что взглядом можем удавить.

* * *

Село на краешке Руси.
Обычный дом. Печурка. Столик.
Мужик жене: «Не голоси!
Вернётся наш сынишка Толик.

Чего расклеилась с утра?
Приснилось, может, что, дурёха?
Налить водички из ведра,
Пока опять не стало плохо?

Ну хватит, милая, сполна!
Услышат местные „сороки“.
Да тьфу… Подумаешь, война —
На пару месяцев мороки.

Придёт и женим наконец
Его на Зинке из аптеки.
Наваришь к свадьбе холодец…
Давай суши на щёчках реки.

Успеешь, милая, внучат
Утешить ночью в колыбели.
Они ещё перекричат
Всех нас у новогодней ели!»

Не слыша слов, рыдала мать,
К своей груди прижав иконку,
Не зная даже, как сказать,
Что им прислали похоронку.

Вторая осень

Шагал сентябрь по выгоревшим тропам,
Звучал ветро́в унылый контрабас,
Как вдруг волна промчалась по окопам —
Снаряд взорвался где-то возле нас.

Зажглась свечой трофейная «буханка»,
Накрыла пыль позицию плащом.
И вновь снаряд из вражеского танка
Вцепился в землю огненным клещом.

Седой старлей отстреливался матом,
Не веря в то, что взвод наш обречён.
Гуляла осень в платье желтоватом.
Вторая осень… Сколько их ещё?

Алёна Бабанская

Ветер, птицы…

* * *

Я слышу голос ветра,
И я смотрю наверх,
Как он срывает с веток
Орех, ещё орех.
Потом гляжу под ноги,
Где прячутся в траве,
Как я, один из многих, —
Орех, ещё орех.
Недалеко до снега
На южном рубеже.
И все орехи с веток
Осыплются уже.

* * *

Ах, веселись, веселись, веселись,
Пялься, пока не ослепла:
Каждая жизнь превращается в слизь,
Лёгкую горсточку пепла.
На кураже проходи виражи,
Бегай по вечному кругу —
Каждая смерть превращается в жизнь:
Бабочку, рыбку, пичугу.

* * *

Ты неси меня, душа,
От хвалы и злата
Напрямик, а там большак
Хорошо укатан.
Даже слышу я, как снег
Падает без звука.
Пусть оттают по весне
И любовь, и му́ка.
Только лёгкие шаги,
Ароматы детства.
Оглянуться не моги:
Что туда глядеться?

* * *

А птицам холодно, небось,
И голодно до жути,
Когда в мороз земную ось
Они крылами крутят.
Где воздух режет, как стекло,
И холодней, чем выше,
Они летят! И им тепло!
Я это ясно вижу.

* * *

Человек выходит к снегу,
Заплывает за буйки
В эту кипенную реку —
А куда же без реки?
Ни конца у ней, ни края
От небес и до земли.
Я давно в неё играю,
Мне других не завезли.
Снег слетает, нескончаем,
Ниоткуда в никуда,
Ничего не означает —
Просто мёрзлая вода.

* * *

Ненасытное око глядит на холмы
От весны до весны, от зимы до зимы,
Там, где заяц-беляк, и лиса, и фазан,
Как охотник сказал.
Там, где солнце сияет и туча плывёт,
То ли снег, то ли лёд.
Там, где Дон не замёрз,
Но замедлил свой бег,
То ли день, то ли век.
Там и сердце, сбиваясь,
Замедлит свой ход —
То ли жар, то ли лёд.

* * *

Я слышу тишину большую,
И в ней окрестные шумы.
Пусть это всё не по фэн-шую,
Не нарушают тишины
Шипение по автостраде,
Гудение на МЦД,
Незваные стихи в тетради,
Работа, ругань и т. д.
Как будто всё проходит фоном,
Кричи — не до кричишь до дна.
И только колокольным звоном
Царит над миром тишина.

* * *

С ближней берёзы кар —
И такой же сверху.
Наше дыхание — пар,
Мы проходим сверку.
Белкой по древу мысль,
А куда — не знаю.
Будто бы это жизнь
Без конца и края.
Узкою тропкой в след —
Хоть ползи, хоть бегай.
Падает белый свет
Бесконечным снегом.

* * *

Кромешная темень и дождь проливной.
Всё это вовне происходит со мной.
Ворона взлетает и крыльями хлоп.
Податливый тает и тает сугроб.
И это, как счастье и горе,
Нельзя отменить и ускорить.
Мне жизни осталось на четверть, на треть,
Мне только осталось смотреть и смотреть.
Но я как в замедленной съёмке
Иду по оттаявшей кромке.

* * *

Какое солнце новогодья,
Какое света половодье
И фиолетовых теней
С решёткой веток на стене!
Как дует ветер на свободе,
Как всё приходит и уходит,
Рожденье, радость и беда —
Всё исчезает без следа.
Как облака меняют форму —
Драконы, рыбы и грифоны
Проносятся, смотри, смотри,
Сияют розовым внутри.

* * *

Ах, Боже, как непостижимо
Всё то, что на моём веку:
Бурана сжатая пружина,
С ней галки кружатся вверху.
Ты тоже слышишь этот клёкот
И наблюдаешь виражи:
Как ходит ветер в небе блёклом,
Ветвями дерево дрожит.

* * *

Это мутное небо осеннее,
Эта мелкая морось,
И добро здесь, и зло во спасение,
И Коломна, и Боровск.
Почему же всё так добродетельно,
Так печально и горько?
Не волнуйся, мы только свидетели,
Мы участники только.

Марат Валеев

Аромат сенокоса

Валенки подшитые

В селе Пятерыжск на северо-востоке Казахстана, в котором наша семья прожила с середины пятидесятых до середины восьмидесятых, главной зимней обувью как у взрослых, так и у детей были валенки (мы их обычно называли «пимы»). Морозы в этих краях порой достигают до минус сорока градусов, а то и ниже, что и неудивительно: рядом Западная Сибирь. Причём у родителей валенки были двух видов: рабочие и выходные, в которых они ходили в сельский клуб на киносеансы или редкие концерты и в гости.

Это была самая оптимальная обувь для зимы: тёплая, нескользкая. Валенки изготовлялись в валяльном цеху Железинского райбыткомбината из так называемой давальческой шерсти, то есть заказчик привозил накопленную овечью шерсть и сдавал её в мастерскую, из которой и валялись (раскатывались, отсюда ещё одной название этой уникальной зимней обуви) катанки.

Уже будучи сотрудником районной газеты, я однажды пошёл в этот цех за репортажем о работе валяльщиков. И был неприятно поражён тем, как трудно в этом помещении дышать от большого количества войлочной взвеси в воздухе, назойливого запаха мокрой шерсти, хотя в нём и была вентиляция. Определённо, это производство относилось к вредным. И вот здесь сотворялись очень приличные валенки, которые заказывали жители не только Железинского, но и других районов Павлодарской и даже соседней Омской областей.

Однако как бы ни были они хороши, подошвы у валенок, сожалению, со временем стирались и истончались, вплоть до появления в них дыр. И чтобы не допустить этого, истоптанные уже катанки, а то ещё и новые, подшивались вырезанными из голенищ старых накладками. После чего валенки могли послужить своему хозяину ещё не одну зиму. Этим ответственным делом у нас занимался отец. У него всегда были наготове моток дратвы (специальной прочной нити, которая смолилась путём протаскивания её через кусок вара) и шило.

Из моих детских впечатлений запомнилась одна жуткая картина, связанная как раз с подшивкой валенок.

Случилось это ещё в далёкие пятидесятые годы, зимой. Мы тогда жили в небольшой саманной мазанке на две комнаты. Дальняя была отведена под горницу, она же — родительская спальня, а другая, с печкой, была и кухней, и детской. Детей тогда у родителей было двое — я да мой младший брат Ринат, и спали мы с ним на одной койке.

И вот однажды рано утром я просыпаюсь от запаха табачного дыма и поскрипывания табуретки. Отец, с папироской в зубах, сидел у топящейся печи и при свете керосиновой лампы (в ту пору в селе была дизельная электростанция, и электричество она производила только с шести утра до двенадцати ночи) и перед уходом на работу подшивал чей-то валенок.

Я, не высовывая голову из-под одеяла, в щёлочку с интересом наблюдал за ним. Отец, засунув левую руку с дратвой глубоко в валенок, правой протыкал подошву и наживлённую к ней войлочную накладку, цеплял крючком шила дратву и продёргивал её наружу.

На плите дребезжала крышка закипающего чайника, мама хлопотала у стола, накрывая для отца завтрак. За моей спиной мирно посапывал братишка, на белёных стенах шевелились большие тени родители. А за заиндевелым окном было всё ещё темным-темно, и голая кленовая ветка, раскачиваемая ветром, иногда царапала стекло.

Эта умиротворяющая семейная идиллия вскоре сморила меня, и я стал засыпать. Как вдруг отец негромко вскрикнул и выругался.

— Ни булды, Хасян? — Что случилось? (родители между собой всегда говорили по-татарски, пытались и с нами, но мы, понимая их, отвечали на русском, давало знать о себе постоянное общение с русскими ребятишками) — всполошилась мама и подскочила к отцу.

Я тоже живо выбрался из-под одеяла и сел, не отрывая глаз от происходящего и ещё не понимая, что же произошло.

— Кит миннян! (Отойди от меня!) — скомандовал матери отец (она, побледневшая, стояла рядом), на секунду замер, потом глубоко вздохнул и резко рванул правую руку в сторону, сморщился и вынул левую руку из валенка.

Большой палец был весь в крови, она обильно, почти ручейком, закапала на пол. Мама вскрикнула и пошатнулась.

— Да ладно тебе,— буркнул отец, положил валенок на угол печки и, подойдя к рукомойнику, стал омывать окровавленный палец.

Оказалось, что он нечаянно подставил в валенке палец под шило и проткнул его. А шило ведь было с крючком, и вытащить его, мягко говоря, было не так-то просто — только сильно рванув в сторону и вырвав клок мяса, что отец и сделал.

Мама метнулась в горницу, вернулась с белым чистым носовым платком. Она туго перемотала отцов палец, и платок тут же заалел, промокнув от крови. Я по-прежнему сидел молча, вытаращив глаза.

— Ну чего ты, чего? Испугался, что ли? Ерунда, мне не больно совсем. Спи давай, рано ещё,— отец потрепал мой чубчик здоровой рукой и… уселся пить чай.

А потом, сняв повязку и подождав, пока мама обильно польёт ранку йодом и снова перевяжет её, он отправился на работу, возить корма для коров на ферму.

Тогда мне всё это показалось необычайным, страшным. Но со временем, подрастая и наблюдая за отцом, я понял, что вот такие мужские поступки, связанные с преодолением боли, с жёсткой решимостью в необходимых случаях — для него дело привычное, о чём говорило обилие шрамов на его теле. Я и сам однажды ножом вскрыл себе сводившую меня с ума от боли опухоль на десне (дело было на даче, где ждать медицинской помощи было неоткуда). И ничего, лишь прополоскал рану водкой — и выжил. Бывали и другие случаи, вспоминать о которых не хочется, да и не время.

Вернёмся к валенкам, они же пимы. Как только палец на руке отца немного зажил, он довёл работу с ними до конца, а потом взялся за другие. Так что наша семья, благодаря сноровке отца, всегда ходила зимой в хорошо подшитых валенках. А я вот не умею этого делать. Хотя уже и не надо…

Кормилица

Увидел в интернете фото самодельной маслобойки. Точно такая же штука, похожая на очень узкую и высокую деревянную бочку, была и в нашем доме. Молока у нас было достаточно, и из полученной из него сметаны мама в такой вот маслобойке вручную сбивала масло.

Процесс этот был длительный, на производство домашнего масла, по-моему, уходил не один час, поэтому, устав сама чухать деревянной рукояткой с укреплённой на ней деревянной крестовиной-поршнем вверх-вниз или когда ей просто нужно было переключиться на какую-то другую работу, мама перепоручала на некоторое время, как старшему из детей, сбивание мне.

И тогда я начинал, сначала лениво, а потом — поддавшись нетерпеливому азарту (чем скорее собью масло, тем скорее уйду на улицу!), двигать отполированной до тусклого блеска сбивалкой всё быстрее и быстрее. Наконец на крестовину начинала налипать зернистая желтоватая масса, а молоко в маслобойке становилось водянистого цвета.

Тогда я кричал матери, прибирающейся дома:

— Ма, кажется, готово!

Мама приходила, вынимала поршень, одобрительно кивала:

— Почти. Побей ещё минут десять…

А через десять минут она отпускала меня и сама начинала священнодействовать: чисто вымытыми руками сбивала полученную массу в жёлтый, аппетитно пахнущий комок весом где-то с килограмм, может быть, и оставляла его плавать в миске с холодной водой.

И какой потом получался вкусный бутерброд из этого домашнего масла, тонко пахнущего тёплым коровьим дыханием, ароматом степных и луговых трав! И такое масло мама могла сбивать в любое время, но главным образом — как только чувствовала, что её дружная семья уже доедает прежний янтарный комочек масла и пора бы запастись новым.

Но это ещё не всё в моём увлекательном (так же?) рассказе. Ведь, прежде чем получить сливки для дальнейшего производства из него масла, надо было перегнать молоко через сепаратор. А в те годы (конец пятидесятых — начало шестидесятых) этот чудо-агрегат в деревне был далеко не у каждого.

Во-первых, стоил он довольно дорого, во-вторых, его надо было заказывать через наш сельский магазин, далее через совхозный, ещё дальше — через районный и областной сельхозпотребсоюзы, и затем ждать месяцы, а то и годы, когда это чудо сельхозпромышленности попадёт по разнарядкам в наш Пятерыжск.

У нас сепаратора не было, и ещё у дюжины соседей тоже. А вот у живущей через несколько домов от нас Коробовой тёти Нюси-письмоноски (так её называли — нетрудно догадаться почему) сепаратор имелся. И она, прогнав своё молоко, разрешала и соседям проделать эти нехитрую операцию с надоем от своих Маек, Зорек, Март.

Соседки с разных сторон шли к дому тёти Нюси по улице, залитой мягким золотистым светом неспешно уходящего на запад солнца, с полными вёдрами, накрытыми марлей (чтобы пыль не попала, мошка не упала), после вечерней дойки. Кто-то из женщин неторопливо вращал рукоятку мерно зудящего агрегата, и из блестящих металлических желобков с одной стороны тоненькой, ослепительно-белой струйкой сбегали в банку или бидончик сливки, а в посудину покрупнее

с громким журчанием лился самый настоящий ручей синеватого обрата.

А весь этот неторопливый зудящий звук работающего агрегата с тёмно-синей краской на боках, увенчанного пузатым алюминиевым накопителем молока, пересиливали громкие голоса и смех безумолчно болтающих женщин, в том числе и моей мамы, ещё молодой, улыбчивой, с короной тёмно-русых волос на аккуратной голове.

Это был самый настоящий женский клуб, в котором сельские матроны обменивались новостями, судачили, сплетничали. Откуда я это знаю? Да помогал маме то бидончик со сливками унести, то ведро с обратом, который благодарно выпивали или телята, если они были у нас в тот момент, или свиньи. Попутно, понятное дело, краем любопытного уха фильтровал всякие злободневные темы.

А дома мама ставила посудину со сливками в тёмное прохладное место, и очень скоро они превращались в густую, обалденно вкусную сметану, которую можно было есть вместо масла. И мама, видя, с каким удовольствием мы поглощаем это деревенское лакомство со свежим, щекочущим ноздри ароматом свежей выпечки хлебом или с румяными, как маленькие солнышки, оладушками, решала пока масло не сбивать, а дать слопать эту сметану нам.

Через несколько лет мама уже сама с гордостью и любовью перемывала блестящие чашечки своего сепаратора и сушила их на полотенце до следующей перегонки молока. Сначала это был ручной, а потом появился и с электрическим моторчиком, и уже не надо было с натугой нажимать самому на ручку привода агрегата, чтобы он со всё возрастающим жужжанием разогнался до полного хода, — это делала уже сама техника.

Бедная деревня на глазах богатела, и всего за двадцать лет — с шестидесятых по восьмидесятые — сельчане по зарплате, материальному благосостоянию и даже частично культурному досугу уже мало в чём уступали горожанам. Но счастье длилось недолго: страна рухнула в «катастройку», последствия которой мы уже никогда, наверное, не разгребём.

Вот о чём вспомнилось мне при виде фотографии этой скромной маслобойки-кормилицы…

Аромат сенокоса

А в прежние времена — ну, лет так с сорокпятьдесят назад — в эту пору у меня дома в Пятерыжске завершались последние приготовления к началу сенокоса на лугах. Большая вода к тому времени уже уходила, напоённая Иртышом пойма подсыхала и буквально вся покрывалась ярко-зелёным ковром — так бурно шло в рост луговое разнотравье.

Травозаготовителям надо было за несколько летних недель обкосить всю эту обширную площадь — от угодья Чипишки до Рощи, собрать скошенные травы в валки, дать немного подсохнуть, потом уже закопнить и оставить досыхать до «кондиции», когда всё ещё остро пахнущее разными травами и луговыми цветами сено уже можно будет вывозить с лугов к месту зимнего хранения, то есть на сеновал, где травяной урожай выкладывается с помощью стогометателей и опытных раскладчиков в гигантские скирды.

Сено тогда скашивали прицепными сенокосилками, на каждой было, по-моему, по одному двухметровому полотну, а прицепляли к трактору штуки три-четыре косилки, и получался, таким образом, широкозахватный агрегат, сразу выкашивающий метров шесть-восемь луговины. За рычагами трактора был обычный механизатор, а вот сенокосилками управляли пацаны! Начиная где-то с шестого или даже с пятого класса, нам разрешали работать, под строгим присмотром взрослых наставников, в кормозаготовительной бригаде. И мы, мальчишки, всей душой стремились попасть на эту работу.

А ведь к тому времени начинались каникулы, и, казалось бы, чего уж лучше, чем предаваться активному отдыху на живописной природе: на рыбалке, на водных процедурах на озере или на Иртыше. Но нет, нам хотелось поработать! И, скорее всего, по двум важнейшим причинам. Работа эта была уже фактически взрослая, и мы расценивали наш допуск в сенокосную бригаду как некое начало взрослой уже, самостоятельной жизни. И второе — всем хотелось заработать. Понятно, что зарплату нашу в конторе за нас получали наши родители. Но они уже не могли отказать нам в выделении определённых, честно заработанных нами, сумм на приобретение каких-то заранее спланированных покупок. Может, это были коньки. Может, велосипеды, спиннинги. Не важно что — важно, что на заработанные тобой деньги!

И те мальчишки, кому свезло работать на сенокосилках, сами их ремонтировали и готовили к покосу у территории склада. Помню, какие важные были Генка Шаламов, Колька Кутышев, Сашка Карпенко, звякающие гаечными ключами у своих косилок. На них, кстати, не каждому разрешали садиться: там нужны были определённая сноровка и сила, чтобы вовремя ручным рычагом поднять и опустить брус с полотном косы, не слететь с жёсткого железного сиденья во время косьбы.

Мне сначала доверили работу… помощника повара. Я ездил на телеге в Рощу за хворостом для кухни, рубил этот хворост, подносил воду из Иртыша (стан обычно располагался на берегу реки). Из поварих помню тётю Нину Коробову, тётю Олю Таскаеву, очень добрых и весёлых женщин.

А какая была красота вокруг полевого стана! Везде кудрявые заросли тальника, по зелёному

ковру луга то там, тот тут ползает техника — пыхающие дымком из выхлопных труб трактора с сенокосилками в прицепе и перекликающимися на них мальчишками, с граблями, пресс-подборщиками, «кораблями» копнителей.

А рядом плещется уже хорошо прогревшийся Иртыш, иногда по нему с гулом пролетает «Ракета» или проползает буксир с баржей в прицепе, и пассажиры и речники с любопытством смотрят на оживлённейшую работу на лугу. А какой запах скошенных и начинающих подвяливаться под жарким солнцем луговых трав стоял всё это время в воздухе! Эти ароматы трав доплывали даже до села, и были они лучше всяких одеколонов и духов!

На следующий год и мне тоже доверили сесть на грабли. Работали мы в паре с трактористом Петей Ледовским (сыном Героя Советского Союза). Грабли были с захватом, если я не забыл, метров в шесть. И тут главное было приноровиться выкладывать валок ровной ниточкой, а не ломаной линией, иначе потом проблемы будут у пресс-подборщика — не вилять же ему по твоему кривому валку! Ничего, научился справляться, даже когда трактор шёл почти по берегу озера или курьи.

Работал также и помощники у «командира» пресс-подборщика Раиса Асадуллина. Моя задача сводилась к тому, чтобы отгрести вилами края валков от ляг и озерков метра на три-четыре, чтобы агрегат мог забрать всё сено и развернуться для захвата следующего валка. Тоже, в общем, несложная работа. Но дядя Раис был такой трудолюбивый, что, пока я готовил очередной валок, он уже «дышал» мне в спину рычащим двигателем своего мтз, так что мне надо было поторапливаться. Впрочем, благодаря ему я последним своим сенокосным летом попал в газету, причём — в областную!

Корреспонденты «Звезды Прииртышья» приехали на луг на «бобике», взяли сначала интервью у управляющего (тогда был, кажется, Кошевой А. И.), у бригадира Егора Михайловича Писегова, а те потом направили их снимать передовых механизаторов. Сфотографировали сначала дядю Раиса. Я же в это время скромно чертил вилами по траве, но меня тоже заметили. Дядя Раис сказал, что я его помощник и хорошо работаю. Тогда и меня сфоткали. А когда я увидел газету со своей фотографией, то ни фига не узнал себя — такое вот тогда было качество снимков даже в областной прессе. А вот дядя Раис хорошо получился, прямо как на картинке!

Впрочем, тогда газетная слава настигала многих передовиков сенокосной страды. Я попросил поделиться своими воспоминаниями о работе в бригаде одноклассника Володю Гончарова (остальных наших парней, увы, уже нету). И вот что он мне написал (привожу практически дословно):

«С пятого класса начал, много интересного было. Работал на граблях, Николай Конюшенко был трактористом. Как-то чуть на дядю Раиса не наехали — он прилёг отдохнуть на валок, да и заснул. Работал и на подборщике, в паре с Генкой Подкорытовым, он из Омска приезжал на каникулы. Тракторист был дядя Петя Тлембаев, ещё нас таскал Михаил Фёдорович Кутышев.

Про наше звено с Тлембаевым написали в районной газете, Генка её в Омск повёз, в школе показывал, как он летом помогал совхозу на сенокосе. Мы же ещё и денежки получали, что немаловажно (это точно, Вова!). Работали все до обеда, в самую жару, часов до четырёх, обед, потом купались. Михаил Фёдорович всех заманит плыть на ту сторону Иртыша, сам немного проплывёт — и назад, а мы, как дураки, рады стараться, кто дальше заплывёт».

В общем, замечательное это время было, сенокосное, очень трудовое, с одной стороны, а с другой — почти праздничное. Всегда работали с настроением, в общем порыве, с энтузиазмом. А наградой за то нам, всем пятерыжцам, становились полные сеновалы кормов для скота. И наше четвёртое отделение совхоза «Железинский» не только само без проблем зимовало с таким запасом кормов, но ещё и продавало излишки сена другим степным хозяйствам.

Уже после армии мне довелось ещё один сезон поработать на сенокосе. Я вернулся домой со специальностью электросварщика (получил её в стройбатовской учебке в Нижнем Тагиле) и был принят в штат тракторной бригады. И что удивительно, успел ещё раз захватить то почти детское очарование и ощущение романтики от живописнейшего вида иртышской поймы и хлопотливой, весёлой сноровистости моих земляков-механизаторов, какие я всегда испытывал, работая в детстве рядом и вместе с ними.

А теперь догадайтесь, куда я поехал в первую свою командировку как корреспондент районной газеты (меня в неё забрали буквально из тракторной бригады, как лучшего нештатного автора), когда редактор сказал, что нужен срочный репортаж на тему обеспеченности кормами из любого ближнего хозяйства?

Яблоки

Не знаю, как в наши дни, а в начале семидесятых прошлого века город Петровск, что в Саратовской области, имел в своих окрестностях замечательный фруктовый сад. Знаю об этом потому, что служил в том самом Петровске, и как раз в тех окрестностях, где располагался тот самый замечательный сад.

Наш славный военно-строительный батальон был передислоцирован сюда осенью из костромских лесов, где мы завершили решение одной важной военно-строительной задачи — строительство и сдачу ракетной площадки — и приступили

к реализации другой, не менее важной, на этот раз в саратовских степях. А именно — мы должны были построить военный городок для авиаторов.

И часть наша расположилась как раз на окраине Петровска, между уже обозначенной строительной площадкой для жилых и прочих объектов и аэродромом, на котором в летнюю пору учились летать курсанты авиаучилища на серебристых военно-транспортных самолётах «Ан» (номера этой серии «Ан» не помню, но сзади у них из хвостовой кабинки торчали пушки).

В общем, всё такое серьёзное и важное. Но мы при всём при том оставались девятнадцати-двадцатилетними пацанами, многие из которых так и не осознали до конца меру своей ответственности как военнослужащие и не прочь были побеситься, покуражиться, свалить в самоволку и так далее.

Сразу за взлётной полосой военного аэродрома виднелась невысокая ярко-зелёная стена петровского фруктового сада. Был уже конец жаркого июля, если говорить о времени, о котором я веду рассказ, и до нас дошли слухи, что деревья этого сада буквально ломятся от созревшего урожая самых различных фруктов. Правда, каких — мы не знали. А хотелось не только узнать, но распробовать этот урожай.

И вот я, сварщик той самой стройки военного городка, и мой помощник-слесарь рядовой Петров, в этот день работавшие в ночь, после завтрака были свободными, как птички, и потому решили совершить вылазку в сад. Авиаторы начинали свои полёты ближе к обеду, самолёты мирно дремали на своих стоянках, и вдоль них неспешно прохаживался часовой, поблёскивая примкнутым штыком автомата за плечом.

Мы с Петровым успешно, но не спеша, чтобы не привлекать чьего-либо внимания, пересекли взлётную полосу подальше от самолётов, пролезли через проволочное заграждение и дальше двинулись уже дробной рысью.

Сад со стороны аэродрома никак не был огорожен, не считая пропаханных какой-то техникой неглубоких рвов, и мы с Петровым вскоре углубились в его тенистые, благоухающие фруктовым ароматом аллеи. Матерь Божья, у меня было такое ощущение, что мы попали в рай! Яблони были усыпаны созревающими крупными, с одной стороны ещё зеленоватыми, а с другой уже застенчиво-румяными яблоками. Их было так много, что ветви гнулись под их тяжестью и, казалось, вот-вот надломятся.

А на соседней аллее другие деревца, также не очень высокие, но раскидистые, были разукрашены множеством алых шариков. Какие-то были покрупнее и посветлее, какие-то помельче и светились тёмно-алым оттенком. У висевших напротив солнца этих как бы покрытым лаком шариков можно было разглядеть на свет дробинки косточек. Множество таких алых плодиков уже валялось на траве. Это была вишня.

Я, выросший на северо-востоке Казахстана, впервые видел такой грандиозный сад, такое буйство цветов созревших плодов, вдыхал такие божественные ароматы. Не знаю, видел ли такое у себя в Удмуртии Петров, но мы, не сговариваясь, тут же начали срывать с низко висевших ветвей вишню горстями и заталкивать в рот.

Раздавленные нашими нетерпеливыми солдатскими зубами плоды орошали нам языки и нёбо прохладным сладким и в то же время терпковатым, вяжущим соком, и казалось, что мы не просто взахлёб глотаем эти изумительно вкусные мякоть и сок алых плодов, а впитываем их даже внутренними стенками наших щёк и пищеводов.

А затем мы принялись грызть крупные яблоки. Накануне прошёл дождь, и крутобокие румяные плоды были ещё покрыты капельками прохладной влаги. С каждым надкусом яблоки брызгались сладким соком, и мы с Петровым хрустели ими, неутомимо двигая челюстями и довольно подмигивая друг другу: какие, мол, мы молодцы, да, братан?

И когда мы уже насытились и кусать плоды стало несколько некомфортно от образовавшейся на зубах оскомины, мы расслышали приглушённые голоса и смех из глубины сада. Похоже, это вышли на работу сборщики урожая. Нам вовсе не хотелось, чтобы нас застали за несанкционированным поеданием плодов в государственном саду, и мы торопливо стали набивать яблоками пазухи гимнастёрок под самый ворот (от них нашим вздувшимся животам сразу стало зябко и щекотно), а также карманы солдатских шаровар, и даже загрузили ими пилотки с предварительно отвёрнутыми клапанами: ну надо же было угостить пацанов из нашего взвода! Затем наши обезображенные раздувшимися животами и карманами фигуры торопливо, насколько это было возможно, поковыляли из сада.

Выбравшись наружу, мы в нерешительности замерли недалеко от взлётной полосы: слышался рокот прогреваемых моторов самолётов. У летунов начинались учебные полёты. Обойти аэродром и при нормальной ситуации было бы непросто — надо было бы сделать крюк более чем в километр, а для нас с Петровым, каждому нагруженными с пято́к килограммов яблок, этот крюк вылился бы в долговременный поход.

И мы решили пересечь взлётную полосу — авось успеем до начала полётов. Но когда мы были уже на середине поля, первый из выруливших со стоянки самолётов грозно взревел всеми своими четырьмя двигателями, прибавил газу и лихо подкатил к нам. Мы с Петровым застыли на месте, не зная, что делать: то ли поковылять обратно в сторону сада, то ли поднырнуть под тускло блестящее дюралевое брюхо рычащего

самолёта и рвануть на ту сторону, к родным казармам. Но для этого надо было сбросить весь груз, а нам очень не хотелось расставаться с яблоками.

Пока мы размышляли, раскрылась дверца самолёта, и из его чрева по трубчатому трапу к нам спустился рослый офицер в рубашке с короткими рукавами и в фуражке с голубой тульёй. На плечах его красовались погоны с майорской звездой. Это, видимо, был инструктор лётчиков-курсантов.

— Кто такие? Почему гуляете по взлётной полосе? — проревел он, силясь перекричать работающие двигатели самолёта.

Майору положено было отдать честь, но мы были без головных уборов, так как в наших пилотках с развёрнутыми клапанами лежали яблоки, и мы просто вытянули руки по швам. Пилоток, однако, при этом не выпуская.

— Дак мы это… в часть к себе идём… яблоки вот… — вразнобой залепетали мы с Петровым.

— А? — приложил руку к уху и, ничего не поняв, с досадой махнул рукой.

Он, конечно, знал, что за воины перед ним стоят.

— А ну поехали! — неожиданно скомандовал майор. — Залазьте, залазьте в салон!

Он встал за нашими спинами и стал нас подталкивать к раскрытому дверному проёму самолёта. И мы, совсем очумев от такого поворота, застучали каблуками сапог по трапу. Взобравшись в сумрачное, неярко освещённое через небольшие иллюминаторы чрево транспортника, мы с Петровым уселись на продольные жёсткие лавки, расположенные по борту вдоль иллюминаторов, и стали с любопытством озираться по сторонам. Майор прошёл к открытой пилотской кабине, откуда на нас насмешливо посматривали курсанты-летуны в шлемофонах на головах, и что-то им скомандовал. Самолёт заревел и, качнувшись, тронулся с места.

Не знаю, как Петров, но я всего лишь второй раз в жизни сидел в самолёте. Первый раз это случилось в 1967 году, когда я после пятерыжской восьмилетки продолжил учёбу в Иртышской средней школе и после весенних каникул полетел из Железинки в Иртышск на кукурузнике, — из дома через Иртыш туда перейти было нельзя, так как лёд на реке уже основательно подтаял и можно было провалиться под него. И все десять минут лёту (лететь-то надо было всего с три десятка километров) тогда не мог оторваться от иллюминатора, вот так же неловко сидя боком на продольной лавке и влипнув носом в стекло. Сверху, с километровой высоты, я узнавал и не узнавал родные места — плавные извивы всё ещё заснеженной реки, луга, пока ещё местами тоже в пятнах серого снега, крохотные дома соседней Моисеевки на обрывистом берегу Иртыша и за ней — родного Пятерыжска. Помню, как у меня раз за разом всё ухало внутри, когда Ан-2 то и дело нырял в воздушные ямы над поймой реки.

Но сейчас-то мы не летели, а просто ехали. Прокатив метров с триста и подрулив к краю аэродрома, самолёт сбавил обороты ревущих моторов и остановился. Майор открыл дверку и жестом велел нам выйти из самолёта. Мы с Петровым неловко, стараясь не растерять выпирающие практически по всему телу из-под нашего обмундирования яблоки (они даже закатились за спину и удерживались туго затянутыми поясами), спустились по невысокому трапу вниз.

— Пошли, — скомандовал майор.

Не знаю, почему он к нам так прицепился. Не так уж часто наши пацаны разгуливали по аэродрому — нам там просто нечего было делать, у нас были свои объекты, совсем в противоположной стороне. Ну да, мы попались. Но чтобы кто-то ещё до нас — не помню такого. Хотя я просто мог и не знать. А майор, видимо, просто хотел раз и навсегда покончить с вольных хождением бойцов стройбата по действующему военному аэродрому, хоть и учебному.

Мы было прибавили с Петровым шагу, завидев родные казармы и намереваясь удариться в бега. Но майор цепко взял каждого из нас под руку и, оставаясь посередине, пошёл с нами к нашей казарме, к которой мы и вели его с удручённым видом и понурым шагом. Сопротивляться офицеру у нас, вымуштрованных хоть и в стройбатовской, но учебке, даже и в мыслях не было. Мы оба с Петровым провели полгода в Нижнетагильской ШМС (школе младших специалистов), где нас выучили: меня — на сварщика, его — на слесаря. Эта учебка славилась железной дисциплиной и зверской муштрой. Хотя зачем она была нужна, мне до сих пор остаётся непонятным, если оставшиеся полтора года мы элементарно вкалывали на военных стройках, причём — за зарплату, в чём и заключалась наша основная служба

Вот и казарма. Наличный состав роты в это время находился на объектах, и, к счастью, нашего позора почти никто не видел, за исключением дневального Зыкова, скучающего у тумбочки с телефоном, да нескольких освобождённых от работ заболевших солдат, валяющихся на койках. Глухо топая стоптанными каблуками кирзачей и распространяя вокруг себя аромат яблок — дневальный аж закрутил носом, — мы вели чужого майора к канцелярии нашего командира роты и молили Бога, чтобы его не было.

Дневальный неуклюже козырнул сопровождающему нас офицеру, тоже мотнувшему кистью руки у тульи своей высокой фуражки.

— Вы к кому?

— Рядовой, доложите вашему командиру, что я привёл нарушителей полётного режима, — сообщил майор.

— Чего? Какого режима? — в изумлении уставившись на нас, не по-уставному ответил Зыков.

Майор посуровел лицом и хотел, видимо, сказать что-то тоже суровое, но тут распахнулась дверь кабинета нашего комроты, и из неё вышел сам Срухов, наш командир. Это был красавец-кабардинец, горбоносый, с лихими усами, кудрявым чубом смолистого цвета, непокорно выбивающимся из-под козырька заломленной набок чернотульей фуражки.

Срухов тоже носил майорские погоны, как и наш комбат Федин. А дальше командования ротой его не продвигали из-за скверного характера. Срухов любил горькую, говорили, что именно из-за этого его турнули из ракетной части в стройбат. Он не признавал никаких авторитетов и однажды даже двинул по морде самому комбату (что уж там говорить про солдатские?). Чем и обрёк себя сидеть веки вечные на капитанской должности даже при погонах майора.

Сегодня Срухов был пьян лишь слегка, а потому почти учтив. Гневно сверкнув в нашу сторону белка́ми своих чёрных, навыкате, глаз в мелких кровяных прожилках, он вежливо предложил пройти майору-летуну в канцелярию, а нас остановил тем же неприязненным взглядом, в котором читалось: «Стоять, бояться!» Вслух же буркнул:

— Ни шагу отсюда, пока не позову!

Ну, нам с Петровым что? Велено стоять под дверью — вот мы и стоим, благоухаем ароматом яблок, распирающих наши карманы и пазухи гимнастёрок. А поскольку время было уже к обеду, народ возвращался с объектов в казарму, чтобы, слегка приведя себя в порядок, идти обедать. А тут мы стоим и сумасшедше пахнем яблоками.

Один подошёл: «Чего это у вас тут такое, а?» — другой, ну, мы и стали с Петровым раздавать уже нагревшиеся от долгого контакта с нашими разгорячёнными туловищами садовые плоды всем, кто проходил мимо, так как смекнули: у нас их всё равно отнимут в канцелярии и потом сожрут Срухов со старшиной Пасюком и взводными командирами. И уже через несколько минут яблок не осталось даже в наших пилотках, которые мы, как вы помните, использовали в качестве подручных носильных средств.

А за дверью канцелярии между тем разговор уже шёл на повышенных тонах: два майора орали друг на друга как резаные. Тут дверь распахнулась, на пороге показался майор Срухов с красным лицом.

— А ну войдите! — приказал он нам.

Мы с Петровым напялили опустевшие пилотки на головы, поправили сбившиеся гимнастёрки, дружно шагнули в канцелярию и, вскинув руки к виску, вразнобой отрапортовали:

— Товарищ майор, рядовой такой-то по вашему приказанию прибыл!

Другой майор, который летун, хмуро посмотрел на нас и скривил лицо, как будто мы его угостили кислым, незрелым яблоком.

— Прибыли они… — хмыкнул Срухов. — Красавцы! Что в саду делали? Кто вам разрешил туда пойти, э?

В это вопрошающее междометие «э?», в зависимости от ситуации, наш комроты вкладывал удивление, пренебрежение, угрозу. Сейчас Срухов нам явно угрожал.

Мы быстро переглянулись с Петровым, и я сказал:

— В каком саду?

— Как в каком? — изумился не наш майор. — В том, где вы яблок наворовали и с ними потом ковыляли по взлётной полосе, как беременные ишаки!

— Какие яблоки? — теперь эстафету «дуракаваляния» подхватил Петров.

Срухов, опытным глазом оценив обстановку, понял, что мы успели избавиться от вещдоков (хотя и сделали мы это не специально), и спросил, пряча улыбку в свои густые усы:

— Ну вот, а товарищ майор говорит, что вы шли с яблоками из сада и чуть ли не под его самолёт попали!

«Не даст нас в обиду этому летуну Срухов», — окончательно понял я и с убеждением сказал:

— Да мы просто с краю взлётной полосы стояли. У нас с Петровым смена в ночь, до вечера мы свободные, вот и решили сходить посмотреть, как самолёты взлетают и садятся. Какие красивые самолёты у вас, товарищ майор! Как серебряные, прямо горят на солнце. В жизни таких не видел. Скажи, Петров?

Я толкнул в бок стоявшего с задумчивым видом Петрова.

— Ага! — поперхнулся он. — Прям как эти… как гуси-лебеди…

— Какие, к чёртовой бабушке, гуси, какие лебеди? — вспыхнул чужой майор и обвёл нас всех поочерёдно недоумевающим взглядом. — Вы что меня, за дурака держите? Я самолично задержал на середине лётного поля этих двух гавриков, у них все карманы штанов и пазухи гимнастёрок, даже пилотки были забиты яблоками! Где, кстати, яблоки? Уже скинули, да? А вы их покрываете, товарищ майор… Эх!

И столько досады и обиды было в голосе, во всей обескураженной фигуре этого летуна, что мне даже стало немного жалко его. А с другой стороны — ну какого чёрта он к нам прицепился? Ну проехал бы мимо на своём задрипанном аэроплане, а мы бы прошли дальше, в свою часть, и всем было бы хорошо. Так нет же, нашёл в нас диверсантов. Яблоками мы бы его керосинку закидали…

— Ну как, будем считать, что инцидент исчерпан, товарищ майор? — примирительно кашлянул, разглаживая кренделькомсогнутого указательного пальца свои смоляные усы, комроты Срухов. — Никто по полю вашему не ходил, яблок по нему не таскал, да?

И он протянул руку летуну.

Авиамайор подумал с полминуты, снова оглядел нас всех троих изучающим взглядом, потом расхохотался и пожал Срухову руку.

— Ну вы, ребята, и молодцы! — только и сказал он на прощание и, козырнув Срухову, развернулся и вышел из канцелярии.

Мы с Петровым переглянулись и разулыбались, весьма довольные собой.

— Смирно! — гаркнул майор Срухов, как только за летуном закрылась дверь. — Да я вас!.. Да я ваших!.. Да вы у меня!..

Ошеломлённые, мы стояли, кинув руки по швам, и минут пять, не меньше, выслушивали, как разгневанный комроты словесно носил нас «по кочкам», ни разу не повторившись. Выдохшись, он завершил свою гневную филиппику почти миролюбиво:

— Ну чёрт с вами, топайте в роту! А чтобы вам было чем заняться в свободное от работы время, кроме как яблоки в садах околачивать, каждому — по три наряда вне очереди!

— А… — хотел было я что-то вякнуть в наше оправдание и тут же поплатился.

— По пять нарядов вне очереди! — рявкнул комроты, да так, что в окнах задребезжали стёкла.

— Есть по пять нарядов вне очереди! — дружно гаркнули мы в ответ в один голос. — Разрешите идти, товарищ майор?

Срухов уже шёл к столу и вяло махнул нам рукой: мол, валите к чёртовой бабушке, — и мы поспешили покинуть сей негостеприимный кабинет, памятуя, что наш комроты Срухов — личность непредсказуемая и вместо вполне безобидных (хотя и противных) нарядов вне очереди вполне мог закатать нас на «губу» (гауптвахту).

Конечно, про походы в сад мы забыли. Но когда только-только отпахали свои наряды вне очереди на кухне, на уборке казармы — в общем, куда нас направлял дежурный по роте или старшина, почти весь наш батальон в одно прекрасное воскресенье после завтрака отцы-командиры построили и повели… в тот самый сад. Где мы с огромным удовольствием помогли петровским садоводам убрать богатый урожай и привезли в часть несколько десятков ящиков честно заработанных отборных яблок. И казармы наши несколько дней буквально благоухали яблочным ароматом!

ДиН ревю

Анастасия Астафьева

Глафира и Президент

Москва: 2024

Это шестая книга в творческой биографии Анастасии Астафьевой, и она целиком посвящена теме русской деревни, причём деревни современной. В неё вошли повесть-притча «Глафира и Президент» и восемь новых рассказов, в которых жизнь сельского жителя 21 века показана самой простой, бесхитростной, повседневной. И всё же иногда в тихий, неспешный и понятный мир героев врываются удивительные, нелепые, а то и опасные персонажи и события, способные разрушить его или… Или нет?

Книга будет интересна широкому кругу читателей, но особенно придётся по душе тем, кто живёт в русской провинции и бесконечно любит свою маленькую родину. Эти простые истории, написанные чистым, прозрачным русским литературным языком, честность и вместе с тем тёплое, сердечное отношение автора к своим героям наверняка найдут отклик и у молодёжи, и у людей старшего поколения.

Анастасия Астафьева — один из лидеров движения «Новая волна деревенской прозы», манифест которого был провозглашён в мае 2023 года в Москве, а затем опубликован на страницах нескольких изданий. Задача движения — объединить авторов, неравнодушных к проблемам современного села и деревни, и помочь хорошей, талантливой литературе, посвящённой этой теме, найти своего читателя.

Михаил Смирнов

Пороги

Витьку Орлёнка, как говорится, с малых лет знала каждая собака в деревне. И не только в родной Ивановке, но и по всей округе. А Орлёнком обозвали, когда начал подрастать и стал походить на отца — молодца заезжего, усатого и чернобрового, смуглого и горбоносого, гордого красавца, который влюбился в деревенскую девчонку, и она ответила взаимностью, и родился он, Витька, — плод этой любви. Правда, развивался этот плод как-то не по-людски, можно сказать. Все нормальные люди, чеканя шаг, стройными рядами шагали в сторону светлого будущего, а его тянуло поперёк пройти. Все вдоль, а он поперёк бежит. Так и шёл по жизни не со всеми, где всё было расписано на долгие годы вперёд, а своей дорогой: кривой, ухабистой и тернистой, а потому — тяжёлой…

Витька не любил попусту болтать. Говорил, что каждый человек обязан следить за своим языком, а не трепать что ни попадя, потому что язык — это самое настоящее зло и от него все беды. Не любил много разговаривать, а вот песни пел. В основном невесёлые. Выпьет рюмку-другую, усядется возле окна, подопрёт щёку татуированной рукой и начинает петь. Всякие песни, но в основном тоскливые, про судьбу-судьбинушку и про матерей, которые ждут своих сыновей:

Здравствуй, мать, прими привет от сына.
Пишет он тебе издалека.
Я живу, но жизнь моя разбита,
Одинока, нищенски горька…

Поёт, а сам посматривает по сторонам, прохожих взглядом провожает. Взгляд тяжёлый. Зыркнет исподлобья — словно ножом полоснёт. Редкий человек выдерживал его взгляд. В основном отводили глаза, землю сверлили, пока с ним разговаривали. И торопливо уходили, облегчённо вздыхая и радуясь, что Витька Орлёнок не запсиховал, как частенько бывало, не стал свои блатные штучки-дрючки показывать, не стал кулаки в ход пускать или за ножик хвататься — кровь-то горячая, и характер шальной, а всего лишь отматерил — коротко, но со смаком. Непредсказуемый был. Не знаешь, чего от него ожидать…

Некоторые побаивались Витьку. А как тут не бояться, если он с малых лет по лагерям мотался? А возвращаясь в деревню, праздник для души устраивал. Неделю не просыхал. Спиртное рекой текло. С коньяка начинал и шоколадом объедался, а потом на водку и самогонку переходил, а когда пропивал последние деньги, ломился к соседям, а они носа не высовывали, чтобы не попасть под горячую руку. А немного оклемается после беспробудной пьянки — надвинет кепку на глаза, руки в карманы, и начинает вихляться по деревне, по сторонам глазеть, а другим показалось, что высматривает, что можно украсть. И если обворовали кого-нибудь, сразу слушок разлетался по всей деревне, что это Витька сработал, а больше некому. В деревне один бандит — это Витька Орлёнок. Значит, что ни случись, он виноват. А однажды Витька всего два-три дня на воле погулял и в пьяном угаре какому-то собутыльнику рожу набил, что за языком не следил; тот сразу в милицию побежал, и Витьку, вусмерть пьяного, опять забрали. Накрутили, что положено по закону, и отправили свежим воздухом дышать — кедры окучивать. Благо страна огромная, дорожка в лагеря проторена, а тайге конца и края не видно…

Раньше Витька не был таким. Правда, с малых лет горячим был, чуть что — сразу в драку кидался. Особенно если называли байстрюком. И тогда никого не жалел. Ему попадало, до крови били, но и он спуску не давал. Хватался за всё, что под руку попадало, и тогда — спасайся кто может. Мало ли что у него на уме — этого байстрюка? Шандарахнет камнем и отправит на тот свет. Боялись его, и поэтому друзей не было. Так и пошёл по жизни один…

А ещё Витьке нравилось сидеть на холмах, что были за деревней. Поднимется на холм, уставится куда-то вдаль и поёт. Наверное, в отца пошёл. Отец приезжим был. Бригада шабашников неподалёку работала. И один из них, чернобровый такой, смуглолицый и статный, нос с горбинкой, как у орла, да и характер орлиный, он повадился в магазин приезжать, где Шурочка работала, в те времена ещё девчонкой была несмышлёной. Вот этот орёл стал захаживать к ней. Зайдёт и начинает рассказывать про горы, что в небо упираются, про луга, на которых отары овец пасутся, про реки чистые, на дне которых каждую песчинку было видно, и про людей гордых и смелых, что

жили в том краю… О многом говорил, но чаще пел. Привалится к прилавку или усядется на подоконник и начинает тихонечко петь, и слова какие-то чудные, и мелодии непривычные, и поэтому завораживали песни, уводили за собой в дали дальние. Шурочка нарочито хмурилась, а сама слушала его, стараясь душой понять, о чём поёт, а потом не удержалась, к себе подпустила. Хотели свадьбу сыграть, но счастье недолгим оказалось. По осени, когда уж зимой потянуло, первыми морозами землю и речку сковало, беда приключилась. Машина, груженная лесом, перевернулась, а в ней орёл был. Придавило его. Не спасли. И похоронили тут же, на деревенском погосте. Сиротой был. Даже фотокарточки не осталось. Почернела Шурочка. Думали, умом тронется. Дни и ночи возле могилки проводила. А потом почуяла, что под сердцем ребёнок зашевелился. Родила мальчишку, когда время подошло. Чернявый малец, в отца пошёл. Горластый. Криком исходил, титьку требуя, а у Шурочки и молока-то не было. Видать, с горя перегорело. И она недолго протянула. Ну как недолго… Сынок уж в школу пошёл, а она, как выпадала свободная минутка, всё продолжала бегать на кладбище. Видать, сильно любила своего орла. Оставит Витьку у старой бабки Матрёны и на мазарки подаётся. Многие видели, как она сидела и разговаривала с ним, как с живым, про Витьку говорила и новости рассказывала, а потом плакать начинала. Сильно убивалась по нему. Обнимет могилку и плачет. И, наверное, простыла, когда начались осенние обложные дожди. В горячке заметалась, своего орла звала и всё жалела, что не удалось побывать на его родине, не увидела горы высокие и реки чистые, а потом замолчала. Сгорела. Так и похоронили рядышком с её орлом. Подошло время, и они встретились…

Бабка Матрёна забрала Витьку к себе. А куда же ещё — не в детдом же мальца сдавать? Забрала, а вскоре схватилась за голову. Ладно, когда несмышлёнышем был, вроде и забот таких не было, а стал подрастать — взыграла горячая кровь. Видать, выход искала, чтобы дурнину скинуть. А бабке Матрёне не удалось направить горячую кровь в нужное русло. И Витька с малых лет стал от рук отбиваться. Все в школу, а он мимо неё и на речку бежит, или по холмам лазил, а то в лес подавался. Бабка Матрёна за ремень хваталась, когда он домой возвращался. Хлестала, до крови полосовала, а он лишь губы до крови кусал, ни словечка, ни стона в ответ. Видать, уроки воспитания не впрок пошли. Соседи стали жаловаться, Витьку обвиняли, что сметану и молоко ворует, картоху подкапывает, а потом и куры с гусями стали исчезать. Долго терпели, а потом мужики выследили его, когда Витька с очередной добычей в землянку возвращался. И землянку-то сделал, что мимо пройдёшь и не заметишь. Под корнями поваленного дерева углубил яму, забросал сверху ветвями да всяким мусором и сделал лаз со стороны реки. Нырнёшь под дерево, раздвинешь ветки — и ты в землянке. А там… Чего только не было там, когда мужики сунулись. И чайник стоял, пара чугунков, лампа керосиновая, пара сапог, две-три поношенных фуфайки, а на топчане одеяло лоскутное, а напротив небольшой портрет Сталина, который был похож на его отца и на него — тоже, как говорили в деревне. Добротная землянка — зимовать можно, на долгое время рассчитанная. На берегу кострище, а рядом перья — это Витька ворованных кур и гусей ощипывал. Тут же по шеям надавали и бока намяли, а он ни разу не вскрикнул, до крови губы закусил и зыркал своими чернущими глазищами. Потом в деревню приволокли. Всем миром решали, что с ним делать. Хотели уж было в район отвезти, да бабы заступились, и участковый сказал, что нечего мальцу с малых лет по тюрьмам и лагерям жизнь портить. Сердобольные они. Простили… Но ещё раз накостыляли и предупредили: если поймают — спуску не дадут. Или на месте порешат, или отправится кедры окучивать, как говорили. Витька зыркнул на них чернущими глазами, буркнул под нос, небрежно повёл плечом, освобождаясь от рук, сплюнул под ноги, надвинул кепку на глаза и вихлястой походкой направился к дому. Вот и поговорили, называется…

С неделю Витька отлёживался и отсыпался. Школу-то давно забросил. Зачем школа нужна, если голова и руки работают, как он рассуждал. Считать и писать научился — этого хватит. И перестал ходить. А может, и к лучшему, что перестал. Ученики радовались, что Витька не появлялся в школе, без него спокойнее живётся: морды целы, и зубы на месте, и одёжка не рваная, — так они говорили, а для учителей — это головная боль, когда Витька Орлёнок показывался в школе. Дня не проходило без драк и хулиганства. А кого в школу вызывать и жаловаться на плохое поведение — бабку Матрёну? У них в доме хоть шаром покати, а кто убытки станет возмещать, ежели Витька чего-либо натворит? И учителя махнули рукой. А самому Витьке тем более школа не нужна. Жизнь всему научит, так он думал…

Научила жизнь… Первый раз, когда поймали, он отлежался дома. Отъесться не получилось на бабкиных харчах. С хлеба на воду перебивалась. Стал воровать, потому что жрать хотелось, даже ночью еда снилась. А когда поймали и отлупили, пришлось терпеть. За неделю все бока отлежал, потом не выдержал. Бабка Матрёна отправилась в магазин, а Витька с крыльца заметил, что сосед, дядька Иван, забыл закрыть погребку и куда-то помчался. Зажиточный сосед. Зимой снега не выпросишь. Всё в дом тащил, что под руки

попадало. Всё в хозяйстве пригодится. Открыто тащил, а соседи делали вид, что не замечают, а может, не хотели с ним связываться — горластый был и драчливый. А Витьку поймали — так накостыляли, что неделю отлёживался. До сих пор синяки не сошли. Витьке стало обидно. Почему одни воруют и живут припеваючи, а другие утащат на копейку — и за это наказывают? Он вышел во двор. Потоптался, осматриваясь по сторонам. На улицу выглянул. Сосед мелькнул вдалеке и исчез в проулке. И бабки Матрёны не видно. Видать, со старухами заболталась возле магазина. Витька постоял, озираясь и прислушиваясь, — наверное, решался, а потом скользнул через забор, прополз по траве и прошмыгнул на погребку. А там… Он зажмурился. Там солений-варений полон погреб, солонина в банках, мёд углядел, да в самой погребке ящик с салом стоял, и ещё всякой снеди было разложено по банкам да ящикам столько — аж глаза разбегались. У Витьки голова закружилась от голода и в животе заурчало. Прислонился к стенке, чтобы не упасть. Что-то звякнуло. Руку сунул в карман пиджачка — там бутылка спрятана. Видать, дядька Иван засунул. Витьке доводилось пробовать самогонку. Не понравилась. Горькая она и вонючая. А тут словно чёрт под руку толкнул. Приложился к бутылке. А много ль нужно голодному пареньку? Вполне хватило бы на пробку наступить. Окосел Витька. Всё же у бабки Матрёны жратва такая, что с голоду не помрёшь, но и сыт не будешь. Осмотрелся по сторонам и принялся хватать обеими руками всяко-разную еду и жрать. Да, жрать, по-другому не назовёшь. В обеих руках держал. Откусывал и отбрасывал в сторону — и снова тянулся к какой-нибудь другой еде. Всё хотелось попробовать. Всё, что в погребе нашлось. Он ни разу за свою короткую жизнь не видел столько припасов. Опять выпил и снова схватил кусок. Больше разбросал, чем съел. И осоловел с непривычки. Хотел было подняться, а ноги не удержали. Сунулся вперёд головой, уткнулся в какое-то тряпьё и уснул тут же, в погребке.

А вскоре дядька Иван вернулся. Наткнулся на Витьку, когда внутрь погребки заглянул. Обозлился. Столько продуктов извёл байстрюк, что можно было целый месяц от пуза жрать. За ногу выволок Витьку. Кнутом бил. Сильно. До крови, до костей рассекал кожу. А потом в раж вошёл, когда кровь увидел. И не посмотрел, что паренёк перед ним. За полено схватился. Пришибить хотел гадёныша. И убил бы, если бы старый Ерофей не заметил, когда мимо двора проходил. Вцепился в мальца. Собой прикрыл. Дядька Иван всё же успел несколько раз поленом вдарить, но досталось не Витьке Орлёнку, а стариковская спина приняла удары. Охнул старый Ерофей, захрипел и в беспамятстве повалился на землю. Дядька Иван перепугался, когда увидел старика немощного и рядом окровавленного, недвижимого Витьку. Думал, обоих порешил. Знал, что за такие дела сразу лоб зелёнкой смажут или свои же, деревенские, самосуд устроят — это ещё хуже. За верёвку схватился. Но повезло ему. Сунул голову в петлю, толкнул ящик и задёргался, засучил ногами, но тут соседи понабежали. Они услышали, как Витька Орлёнок вскрикнул, когда сосед Иван спину кнутом располосовал, потом старый Ерофей матюгался, но значения не придали, а кто-то увидел, что посреди двора стар да мал в крови валяются и хозяин с верёвкой носится. Смекнули, что беда пришла. Помчались. И вовремя. Ивана из петли вытащили. Самогонкой отпаивали. А старика и Витьку быстренько со двора уволокли. Лишь бы Богу душу не отдали…

И снова Витьке повезло. Дядька Иван не стал жаловаться. Испугался. Старый Ерофей пригрозил: если Витьку посадит, значит, он следом за ним отправится за сломанные рёбра. И тогда дядьке Ивану лежит прямая дорога лес валить. Никому не хочется попадать на казённые харчи. В общем, всё обошлось малой кровью…

Ну, малой кровью — это как сказать… Вскоре дядька Иван запил. Сильно и надолго. Может, испугался, что рано или поздно придётся отвечать по закону за старого Ерофея да этого байстрюка, которого за человека не считал, а может, что-то в башке помутилось, когда в петле закачался. Но с той поры, не просыхая, стал глушить самогонку. Жену выгнал из дому. И на хозяйство махнул рукой. Всё чаще и чаще стал в рюмку заглядывать. Старого Ерофея после переломов так скрючило, что взглядом в землю упёрся. Выйдет на улицу, усядется на скамеечку, чтобы на солнышке погреться, и зыркает по сторонам, а спина-то не разгибается. С кем начинает говорить, головёнку клонит на плечо, как птичка, словно пытается под крыло засунуть. Про себя молчал, а про Витьку при каждом удобном случае рассказывал, как спас его от неминучей смерти. Наверное, так и было, что спас. Витька Орлёнок всю зиму провалялся. Спина не заживала. До костей рассёк. Бабка Матрёна мазями мазала да примочки делала, лишь бы раны зажили. Осунулся Витька, исхудал. Кожа да кости остались. Больше лежал, чем на ногах был. Выйдет из дома, постоит на крыльце — и снова на старый диван. Ветром качало. Одни глазищи остались на лице. Как зыркнет — аж на душе нехорошо становилось. Соседи зайдут в гости, о чём-нибудь спросят, а Витька взглянет на них, да ещё с прищуром так, словно рентгеном просвечивал, усмехнётся, отвернётся к стенке и молчит. Опять посмотрит — и снова молчок. А если скажет, так это слово, как камень тяжёлый, на душу давил. И соседи стали обходить его: кто знает, что у него на уме?..

Наступила весна, и кровь заиграла. Витька Орлёнок стал потихонечку в клуб ходить, когда оклемался. Придёт туда, отдельно от всех сядет и смотрит на девчонок, а у самого сердце начинало колотиться. Бухало — аж в груди больно, когда перехватывал девчоночий любопытный взгляд. А как же не любопытничать? Паренёк не по годам повзрослел, если сравнить со сверстниками: сам высокий, лицо светлое, а брови густые и чернущие срослись на переносице, и глазищи чернущие, нос с горбинкой, как у орла, как у его отца был, и чёрный пушок появился на верхней губе. Витька взглянет на девчонок, а тех в жар бросало. Сами боялись его, слухи-то разные ходили, но в то же время тянулись к нему. Видать, всё хотели узнать, что в нём такого, отчего дух захватывало и ноги ватными становились, когда смотрел на них. Витька подмигивал девчонкам, намекая прогуляться вечерком, и они ждали его, но Витьку почему-то тянуло к Таньке Рощиной, что жила неподалёку. Правда, Танька фыркала, когда он звал прогуляться вдоль речки, где взрослые парни гуляли. Танька взглянет на него, подастся навстречу, словно прижаться хочет, а потом тряхнёт головой, засмеётся и бежит к дому. Дразнила его, зараза! Витька Орлёнок весь извёлся, всё думал, чем бы привлечь её внимание, слишком уж девка нравилась. Даже назло принимался с некоторыми девками любовь крутить. Прогуливался с ними вдоль речки, тискал в сумерках, когда никто не видит, а они отталкивали его, но в то же время сами прижимались. А Танька Рощина ни в какую не хотела гулять. И Витька разозлился. Решил удивить. И удивил на свою дурную голову… От правления угнал грузовик с пустыми флягами. Вовсю разогнавшись, пролетел мимо Танькиного дома, в окно высунулся, рукой размахивал и не усмотрел поворот. Как гнал на всей скорости, так и нырнул с обрыва в речку. Ладно, сам выкарабкался. Машина вдребезги, а пустые фляги долго по реке вылавливали. И здесь-то терпение у всех лопнуло. Окончательно и бесповоротно. Посадили Орлёнка…

И покатилась Витькина жизнь по колдобинам да под откос. А может, сам на себя махнул рукой, потому что хорошего не было в его жизни, если оглянуться назад, а посмотреть вперёд — там всё в тумане: густом, вязком и беспросветном. Получается, что и будущего не будет. После первой ходки последовала вторая, третья, а там и…

Освободившись в очередной раз, Витька Орлёнок ввалился в избу. Бабка Матрёна охнула, его увидев. Запричитала, обниматься кинулась. А потом принялась на стол накрывать, а Витька достал бутылку, чтобы возвращение отметить. И запил, как всегда. Несколько дней не просыхал. У соседки через забор брал самогонку и пил, словно последний день жил. А напивался — начинал песни петь:

Здравствуй, мама дорогая! Неужели
Не узнала ты родимого сынка?
В юности меня ты провожала, дорогая мама,
А теперь встречаешь старика.

Витька Орлёнок сидел и пел до тех пор, пока тут же, за столом, не засыпал. Проснётся и снова к бутылке тянется. Бабка Матрёна ругала его и соседке грозилась, что пожалуется участковому, что самогонкой торгует, а та лишь посмеивалась. А вскоре соседка закрыла свою лавочку. От ворот поворот дала, когда Витька сунулся за бутылкой. Он пригрозил, что подожжёт дом вместе с ней и самогонным аппаратом, а она отмахнулась. Не такое слышала от деревенских забулдыг. Привыкла… И пришлось Витьке тащиться в магазин. Думал, там похмелится, а продавщица выставила его. Матюгнувшись, Витька добрался до речки. Поплескался возле берега в холодной воде. Немного протрезвев, отправился в клуб. Всё времени не было, чтобы дойти: то сидел, то пил, то похмелялся, а очнётся, глядь — снова на нары угодил. Сунулся в клуб, думал, старых дружков повстречает, если можно так сказать, и с ними похмелится, а там уже другие сидят, время проводят, а его знакомцы давно уж переженились, семьи создали, некоторые отправились по белу свету счастье искать, а другие на мазарках лежат. У каждого свои пороги в жизни…

— Эй, что вынюхиваешь? — донёсся голос, и Витька Орлёнок увидел, как к нему направилась группа подростков. — Слышь, дядька, что надо?

— Да ему в глаз надо дать, — нетрезво хохотнул щупленький паренёк. — Видать, командировочного занесло. Гляньте, пацаны, как на наших девок зырит. Наверное, какую-нибудь снять хочет. Сейчас навешаем кренделей, сразу забудет сюда дорогу.

— Ты кто? — к Витьке подошёл крепыш и ткнул пальцем в грудь. — Что надо? Пошёл отсюда, пока рёбра не пересчитали!

И толкнул в плечо.

— Эй, малолетки, — не ожидая такого приёма, отшатнулся Витька Орлёнок. — На кого голос повысили, а? Падлы, распишу, как Бог черепаху!

И запсиховал. Выдернул из кармана выкидушку, щёлкнул лезвием и взмахнул перед лицами пацанов.

— Порешу, суки! — визгливо, с надрывом, закричал он и рванул рубаху на груди, только пуговицы разлетелись, и перед ребятами появилась худая грудь в многочисленных татуировках, и среди них два портрета — Ленин и Сталин. — Подходи…

И вжикнул ножом в воздухе.

— Пацаны, это же Орлёнок откинулся с зоны, — кто-то крикнул в клубе. — Мамка про него рассказывала. Сейчас всех поубивает. Это ж бандюга. Для него тюрьма как дом родной. Всю

жизнь по ним мотается. Сматываемся от греха подальше, пока на ремни не порезал!

В клубе раздались крики. В основном завизжали девчонки, когда увидели в руках нож, и толпа подалась в сторону выхода. Некоторые ребята, оглядываясь на Орлёнка, тоже поспешили выбраться из клуба. Ну его, правда, от греха подальше. Остались пьяные, которые даже не заметили, что происходит, и группа ребят, которые подошли к Витьке.

— Слышь, — не обращая внимания на нож, крикнул один из них. — Убери ножичек, пока руки-ноги не обломали. Не гони жути. Видали мы таких…

— Жути гонят только черти, а ты попробуй забери, — опять запсиховал Витька Орлёнок. — Первым будешь, кого на тот свет отправлю. Ишь вы, кони бздиловатые!

Рявкнул — и опять взмахнул рукой, целясь по лицам. Знал, что дурак не полезет, а умный начнёт вести переговоры.

Толпа отшатнулась. Никто не хотел попадать первым на тот свет.

Витька опять вжикнул ножом. Ребята отступили и потихоньку стали пятиться к выходу. Испугались. Отходили и матерились. Сильно, всяко — неумело. Витька Орлёнок — следом за ними. Пацаны отбежали и долго грозили, что подкараулят и все кости переломают, потом развернулись и куда-то направились. Видать, не успокоились. Наверное, искали приключений на дурные головы. Ну, у них всё впереди. Жизнь расставит по своим местам, и тюрем на всех хватит, если с головой не в ладах живёшь. Витька потоптался, оглядываясь по сторонам, рявкнул напоследок, что всех перережет, как кур, и неторопливо завихлял в сторону речки, привычно озираясь по сторонам. Долго сидел на берегу, курил и о чём-то думал. Наверное, пацанов вспоминал или себя в этом возрасте. Правда, он никогда не отступал первым… Потом вытащил полупустую сигаретную пачку и, вздохнув, поднялся. Пора возвращаться. Уже вечерело, когда он появился в деревне.

— Витенька, неужто приехал? — из-за забора донёсся женский голос, распахнулась калитка, и перед ним появилась молодуха в цветастом платье и платке, наброшенном на плечи. — А мне говорят, Орлёнок вернулся, гляжу-гляжу — не видно и не слышно. Думала, врут соседки, а оказывается, и правда появился. Никуда не выходишь. Сидишь один, как медведь в берлоге. Исхудал, Витенька, как посмотрю. Кожа да кости остались. Понимаю, не с курорта вернулся, а на бабкиных харчах не разжиреешь.

И она сочувствующе посмотрела на него.

Витька Орлёнок остановился. Нахмурившись, долго всматривался в знакомо-незнакомое лицо, закурил и пыхнул вонючим дымом.

— Исхудал, говоришь?.. Пайка такая, что гуляш по коридору, а отбивные по рёбрам, — прищурившись, брови сошлись в одну чернущую линию, сказал он, потом оглянулся и кивнул на пустынную улицу. — Слышь, где Танька Рощина? Что-то её не видно… — и тут же: — Зачем меня высматриваешь, а?

И взглянул подозрительно. Привык. Жизнь такая, что нужно всё и всех подозревать, если жить хочешь.

— Ну вот, стоишь с одной красавицей, а спрашиваешь про другую. Так не делается, Витенька. Я к нему со всей душой, а он… Никуда твоя Танька не делась. Замуж выскочила, пока ты сидел. Чуток пожили и разбежались. Она же гордая, сама не знает, что хочет, а принцы только в сказках бывают, — недовольно протянула молодуха, кокетливо повела плечиком, и словно ненароком платок съехал с плеча, обнажая гладкую кожу. — Я соскучилась, Витенька, поэтому и высматривала. Перевелись настоящие мужики в деревне, а орлы — тем более. Не знаю, чем себя занять долгими ночами — молодую, одинокую, да ещё в пустой избе…

И замолчала, вздёрнув подмалёванные бровки.

Витька Орлёнок невольно оглянулся — никто не видит, как они разговаривают. На улице никого не было. Лишь собаки, гавкая во весь голос, куда-то промчались, да одиноко пропел петух и замолчал.

— Эх, тяжёлый крест мне пал на долю, тюрьма всё счастье отняла. Подженитъся бы на тебе, да жизнь моя — тюрьма, — и тут же спросил: — Танька в деревне или уехала? — Витька взглянул на обнажённое плечо молодухи, аж жаром обдало, и запнулся. — Так это… — он гулко сглотнул — кадык ходуном заходил — и не удержался. — Так это… А выпить есть? Голова трещит. Это хорошо! В дом бы пригласила… Глядишь, нашли бы чем заняться. Ночь долга, а силы много…

И замолчал, взглянув на неё.

— На что намекаешь, а? — поджав чуть подкрашенные губы, сказала молодуха и потрепала его по коротким волосам. — Не успел появиться, а уже в гости набивается. Лишь бы соседи не увидели, а то быстро разнесут по всей деревне, а я девушка скромная, почти нецелованная…

Сказала, потупила глазки и чуточку отступила, освобождая проход.

Витька снова сглотнул. Сердце забухало. Опять оглянулся. Никого. Бросил окурок под ноги и прошмыгнул во двор. Калитка захлопнулась…

А утром, едва вернулся домой, нагрянула милиция. Обыск сделали. Потом его скрутили, в машину затолкали и умчались. А следом по деревне слух разлетелся, будто Витька Орлёнок командировочного зарезал. Сначала в клубе разодрался и за нож схватился, всех разогнал, потом пристал

к командировочному. С ним сцепился. Всего измутузил, живого места на человеке не осталось, но Орлёнку мало показалось, и он схватился за ножик, сунул командировочному под рёбра и в кусты толкнул. Там и нашли его, бедняжку. Выездной суд был. Даже на нём Витька говорил, что никого не убивал. И рядом не был, потому что весь вечер возле речки просидел. Но решили по-другому: а кто же, как не он? У Витьки статей — как блох у собаки. Тем более документы и пустой кошелёк во дворе нашли. Наверное, не успел избавиться от улик. Получается, его работа. Витьке Орлёнку что курица, что человек — всё едино. Зарежет и глазом не моргнёт. Посадили. Отправили кедры окучивать, как говорили в деревне…

Бабка Матрёна не дождалась внука. Да и какой внук, если почти сыном стал на старости лет? Единственная дочка умерла, оставив Витьку, и больше никого из родни не осталось. Взяла мальчонку, лишь бы в детдом не попал, а потом привязалась к нему. Пусть шебутной и неугомонный, пусть по лагерям мотается, но это же родная кровинка. Нельзя от родного человека отказываться, нельзя! Бабка Матрёна в одночасье померла. Вечером, как обычно, вышла ко двору. Всё сидела, Витьку вспоминала. Всё о маленьких радостях рассказывала. Вроде бы пустяки, а душа радуется. Говорит, а сама смеётся, и лицо светлое становится и доброе, а сама исподтишка слезу вытирает. Соскучилась по нему. Не верила, что он жизни лишил человека. Украсть — да, подраться — да, а вот зарезать — этого не сделает. Душой чуяла: не его работа. До последней минутки не верила. И соседи шептались, что это не Витька пырнул командировочного, а местная шантрапа подкараулила, но попробуй докажи. Не пойман — не вор, как говорят. И бабка Матрёна себя извела. И в тот вечер сидела, разговаривала с соседками, всё Витьку жалела, как один станет жить, когда она преставится. Он же неприспособлен к этой жизни, шагу со двора не делает, когда возвращается, потому что не знает её — жизнь-то, а до последнего своего часа мотаться по тюрьмам — это не дело. Нужно прибиваться к нормальной жизни. Всё плакала, а потом охнула, побледнела и ткнулась в забор. Замолчала. Соседки бросились к ней, затормошили, а она не дышит. Померла. Так и схоронили возле Витькиной матери да её орла. Так и лежат они рядышком…

— Бабоньки, что скажу… — в магазин заглянула Шурка Апраксина, первая сплетница на деревне. — Поднялась, чтобы выгнать свою Зорьку в стадо. Мимо Матрёниной избы иду, глядь, кто-то в окне мелькнул. Я подкралась, в щёлку заглянула, а там… — она замолчала, сделав большую паузу, и, округлив глаза, зашептала, оглядываясь на дверь: — А там чернявый мужик стоит посреди горницы, сам почти что голышом, только трусы на нём и ничего более, и весь синий-пресиний. Прям картинная галерея, как в городе. Не иначе, какой-нибудь заключённый сбежал и здесь спрятался. Увидел, что изба пустая, вот и пришипился, чтобы его никто не приметил. Отлежится, в другую одёжку переоденется и снова в бега подастся. Я нутром чую! — она гордо осмотрела покупательниц в магазине. — Вот думаю, нужно к участковому сбегать. Ему рассказать про беглеца. Глядишь, какую-никакую премию выпишут. А может, и медалью наградят. Ну, за поимку убивца…

И замолчала, поджав тонкие бескровные губы.

— Бабоньки, правда, а кто там может быть? — кивнув головой, сказала молодуха. — Изба давно пустует. Может, покупатель на неё объявился? Если так, лучше бы нашу избу взял, чем эту развалюху. У неё крыльцо провалилось и крыша протекает, а уж про забор и говорить нечего. А в нашей проживи ещё сто лет — и не рассыплется. И недорого бы запросили. Сбегать, что ли, свою предложить, авось и сторгуемся…

— Какой убивец, Шурка? — хохотнула разбитная бабёнка, и в сумке звякнула бутылка. — Рисунки углядела на нём, да? Так сейчас модно это. Ты б посмотрела на моего племяша, что в городе живёт. Ну, Флор… Фрол… Тьфу ты, не выговоришь без бутылки — Флориан, мать вашу разэтак! Вот уж имечко придумали, язык поломается, зато говорят, что красиво. Я что говорю-то… А, да… Так наш Флорка — это страсть Господня! Весь синий! У него даже на глазах наколки — и до самых пяток, а он, зараза такая, смеётся, говорит, что на причинном месте ромашку наколол, прям как живая, а теперь, мол, ждёт, когда пчёлки займутся опылением. Ишь, пасечник нашёлся! Видите, какая зараза уродилась! Я б глянула на его ромашку, да неудобно как-то. Всё же не молодуха…

И опять хохотнула.

Долго бабы обсуждали эту новость, гадая, кто же поселился в Матрёниной избе. Так бы до вечера простояли возле магазина, куда их выперла продавщица, чтобы не мешали торговать. Долго судили-рядили, если бы не тётка Зоя, которая пришла, чтобы соль купить. Вышла из магазина и нахмурилась, прислушиваясь к разговорам, где этого незнакомца уже обвинили во всех грехах, которые произошли задолго до его рождения, и успели будущие грехи на него записать.

— Вы, бабы, бестолковый народ, — сказала она, подвязывая косынку. — Я своими глазами видела, что в деревню вернулся Витька Орлёнок. Помните такого? Ну, Матрёнин внук, который от заезжего родился… Вот ты, Надька, должна знать. Ты же с ним любовь крутила, а тебя батя крапивой отхлестал, когда увидел, что Орлёнок твои титьки мял…

— Дура, что говоришь? — всплеснула руками дородная высокая Надька. — Что болтаешь-то?

Титьки мял… Ты бы за собой смотрела. Я помню, как все девки глазки строили Витьке. Он взглянет — аж в груди томление. Любая готова была под Орлёнка улечься. А сейчас корчат из себя незнамо кого…

И она неопределённо помахала в воздухе рукой. Наверное, это обозначало — незнамо кого.

— Да что уж скрывать-то? — пожала плечами тётка Зоя. — Ну, многих тискал — и что? Что было, то быльём поросло. Сколько лет прошло, как его посадили. А сейчас вернулся. Видать, выпустили…

— Да ты что! — перебивая её, воскликнула молодуха. — Мне мамка про него рассказывала. Тот ещё бандюга, оказывается! Бабоньки, как жить-то будем, а? Надо участковому сказать, чтобы выселили его или снова посадили. Там его место, на нарах, а не в деревне. Ох, бабоньки, бандит объявился! Теперь ни днём, ни ночью покоя не будет. Начнёт вихлять по деревне, всё высматривать да вынюхивать, а за пазухой ножик спрятан. Придётся все двери на запоры закрывать. Детей на улицу не выпустишь, да и сами без нужды со двора не выйдем. А ежли Витьку Орлёнка не прогнать, получается, он начнёт свои законы устанавливать в деревне. Превратит всех в кур-несушек. И будем ему золотые яйца нести, а слово против скажешь — сразу голову с плеч снимет. Ой, мамочка моя! Погибель пришла…

И она прикрыла рот ладонями.

— Дура, как есть — дура! — махнула рукой тётка Зоя, подхватила хозяйственную сумку и стала спускаться по выщербленным ступенькам. — Записали в убивцы… Не разобрались — уже го́ните из деревни. Совесть поимейте! Вы своими дурными бошками подумайте: куда Витьке Орлёнку податься, как не в деревню? Это ж его родина. Здесь он родился. На мазарках его мамка с отцом лежат и бабка Матрёна с дедом Назаром. Он же человек, а не собака бродячая. Один на белом свете остался. Дай Бог, чтобы наконец-то зажил по-человечески, а не так, как судьба распоряжалась — по тюрьмам да лагерям мотался. Не трогайте его, не лезьте к нему в душу. И так она заплёвана дальше некуда…

И направилась по улице, всё ещё бормоча что-то под нос…

Витька Орлёнок добрался до деревни поздним вечером. Присел на вершине холма. Сидел и курил, посматривая на деревню. Давно не был. Кое-где зажглись огни. Пятнышками света освещены окна. Улица в вечерних сумерках. Лишь возле правления и клуба горят фонари. Изредка доносился лай собак. Там мукнула корова, а в той стороне овечки проблеяли. Видать, потерялись. Витька сидел на холме и не знал, для чего он приехал. Казалось, ничего не связывает его с деревней. Ему сообщили, что бабка Матрёна давно уж померла, а кроме неё, больше никаких родственников не осталось. Один как перст, один в жизни, так и по жизни. Для чего приехал, что оставил здесь, где ему не рады, — он не знал…

Витька тенью промелькнул по проулкам, добираясь до дома бабки Матрёны. Изредка останавливался, когда слышал чьи-нибудь голоса. Пережидал, а потом снова пускался в путь. И тут же себя ругал, что прячется от людей. Он же домой вернулся. Он же ничего не своровал, никого не ограбил, а вернулся — и нечего скрываться, от всех прятаться. Да, правда, нечего… А пересилить себя не мог. Жизнь сделала таким. Чем меньше доверяешь, тем дольше проживёшь, как говорится. Наверное, так оно и есть… Годы по тюрьмам и зонам многому научили. И учителя хорошие попадались. Там ему было легче, а на воле он растерялся. Там всё и все были знакомы, там за каждым словом следишь, за каждым взглядом, и у каждого было своё определённое место, свой уровень жизни. В тех местах был порядок, а здесь… Он вздохнул. А здесь другая жизнь, более жестокая, как ему казалось, потому что законами крутят, как хотят, прав тот, у кого больше прав, и поэтому свобода была непонятной для него…

Витька Орлёнок подошёл к дому. Распахнул калитку — казалось, скрип услышала вся деревня. Поднялся на крыльцо, потоптался возле закрытой двери, сунул руку в щель над дверью, там обычно лежал ключ. Гляди ж ты, и сейчас на месте, словно бабка Матрёна до сих пор ждала его. Вытащил ключ. Покрутил в руках, а войти в пустой дом не решился, где его никто не ждёт. Закурил, прислушиваясь к вечерним звукам. У соседей зажелтело окно. Видать, кто-то зашёл в горницу. Потом вспыхнула лампа над входом, тускло освещая двор, и на крыльце появился тёмный силуэт. Наверное, в сарай или в баню пошли. Орлёнок пригнулся, чтобы его не заметили. И тут же чертыхнулся. Домой вернулся, а сам не хочет, чтобы его видели. Дождался, когда затихли шаги, и уселся на скрипучее крыльцо. Уселся, и закрутились бесконечные мысли в голове…

Как-то раньше не задумывался про эту жизнь. Делал что хотел. Брал что хотел. А сажали, так не расстраивался. Везде люди, и в тюрьме — тоже. Многое повидал, пока был за решёткой. И всегда оставался человеком. Так научили ещё с малолетки, когда он первый раз загремел за колючую проволоку. Жестокая школа — эта малолетка, но учителя хорошие попались. Научили, что при любых обстоятельствах нужно оставаться человеком. И он, что бы ни случалось, оставался. Потому что знал: если сорвётся, если не удержит себя в руках, значит, будет плохо всем, а в первую очередь — ему. Ну а то, что, вернувшись, он начинал отмечать освобождение, так каждый через это проходил. Свобода… К ней стремишься, будучи за колючей проволокой, а выйдешь

на волю — и теряешься, потому что перед тобой другая жизнь идёт, и люди не такие, какие раньше были. И поэтому не знаешь, что делать, чем заняться. Не знаешь, кому нужен, да и нужен ли вообще… И здесь-то начинаешь пить. От растерянности, что попадаешь в знакомо-незнакомый мир, о котором мечтал, но в то же время от которого отвыкаешь за долгие годы отсидки. И теряешься. И поэтому недалеко тот порог, через который переступить легче лёгкого — и снова для тебя весь мир сузится до размеров камеры или зоны, куда попадёшь, если переступишь порог, а вот вернуться, оставшись человеком, — это не каждому дано. И не каждый сможет выжить в этом свободном мире, где потеряться проще простого, да и сгинуть легче лёгкого. И Витька Орлёнок вернулся и не знал, что его ждёт на свободе…

Светало, когда он поднялся. Подхватил сумку и, потоптавшись, всё же открыл дверь и шагнул во тьму. У родины много запахов, но самые лучшие — в доме. И сразу потянуло сыростью, но в то же время сквозь неё пробились запахи чеснока и лука, едва уловимые запахи разноцветья: душица и смородина, иван-чай и берёзовый лист, — и ещё чем-то пахнуло, вроде знакомым, но в то же время уже подзабытым. Витька Орлёнок стоял в темноте и вдыхал. И, казалось, надышаться не мог, а потом шагнул и уткнулся лицом в фуфайку — её, многострадальную, ни с чем не спутаешь, а рядом жестяно громыхнул брезентовый плащ и ещё какая-то раздергайка. И под ногами ворох всякой обуви: стоптанные сапоги и ботинки, а вот обрезанные валенки — топтыши — это от бабы Матрёны остались, мягко шлёпнули галоши и ещё что-то… Да разве всё упомнишь, что было в прошлом и чего так не хватало в настоящем, а что его ждёт в будущем — он не знал…

Он сидел в горнице. Поставил на стол бутылку, рядом стакан с водкой, к которому не притронулся. Сидел, поглядывая по сторонам, а сам думал. Вспоминал прошлую жизнь. Да и какую жизнь, если её, можно сказать, и не было вовсе? Не увидел её — эту свободную жизнь, мотаясь по тюрьмам и лагерям. Как-то мимо прошла, промелькнула, а оглянулся — и вспомнить нечего. Хотя… Хотя он вспоминал Таньку Рощину. Никому про неё не рассказывал и себе не хотел признаться, а вот что-то в ней было такое, отчего сердце начинало бухать в груди, того и гляди выскочит. Витька поморщился и растёр грудь. Танька гордая и неприступная, а поэтому такая желанная. Конечно, были у него другие девки и бабы, и с заочницами переписывался. Правда, все они одноночки — и не более того. Некоторые бабы хотели, чтобы с ними остался, а он не мог себя пересилить. А может, и в мыслях не было, чтобы связать себя по рукам и ногам. Знал, что в этой свободной жизни он всего лишь случайный попутчик — это более правильно будет. Не успевал рассмотреть свободную жизнь, не успевал к ней привыкнуть, а уже опять возвращался в более привычные для него места, где он знал многих и его многие знали. Но часто слышал, что некоторые из тех, у кого были большие сроки или за плечами несколько командировок, освобождаясь, не оседали в городах, а уезжали поближе к природе; а ещё были такие, кто забирался в самую глухомань и там оставался отшельничать: в одиночестве, в тишине, в безлюдье — в природе. Скорее всего, именно этого не хватало за колючей проволокой, где душа радуется каждой травинке и тёплому солнечному лучу, муравью, что ползёт по земле, и каждому голубю, пролетевшему над головой. И казалось, что он — этот голубь — и есть сама свобода.

Голуби летят над нашей зоной,
Голубям преграды нигде нет.
Как бы мне хотелось с голубями
На родную землю улететь.

Витька не заметил, как запел. Тихо запел, для себя одного. А потом опять задумался. Ох ты, волюшка моя, воля! Как же ты ночами снилась. Как же хотелось на свободу, а в то же время страшился её. А в последние годы домой потянуло, раньше такого с ним не случалось. Для него домом была бескрайняя страна и знакомые, кто принял бы его, накормил и напоил, а дальше уж — что Бог на душу положит. А в последние годы стал деревню вспоминать. Странно это было и непонятно. Непривычно, лучше так сказать. Бабку Матрёну вспоминал с вечно хмурым лицом, её руки с распухшими суставами и единственную обувь — обрезанные валенки — топтыши, в каких она шлёндала как по дому, так и по улице. И природу вспоминал — это ещё больше его удивляло. Никогда не обращал на неё внимания. Речка — она и есть речка. И лес за деревней, что шагнёшь два шага — и заблудишься. Холмы вокруг деревни. Большие холмы, травой и ковылём заросшие. Луга в хмельном разноцветье. А черёмухи столько, что казалось — облака над деревней собирались. И дух, от которого голова кру́гом идёт. И это всё стало приходить к нему ночами. Душу бередило. И он ворочался до утра, вспоминая деревню и всё, что связано с ней…

И, вернувшись, Витька Орлёнок долго просидел на холме. Он слушал вечернюю деревню, звуки, что доносило ветром, а там протарахтел трактор и затих вдали, порыв ветра донёс полынную горечь, терпко пахну́ло влажной землёй, зашуршала трава, и зашелестела листва на берёзках. А он сидел и не мог наслушаться. Смотрел вокруг и не мог насмотреться. Хотелось вскочить, раскинуть руки, разбежаться, закричать, как в детстве бывало, и взлететь над деревней,

над холмами, над землёй… А раньше, когда освобождался, такого за ним не водилось. Или просто не видел этого — он не знал. А потом, во время последней отсидки, ему сказал один старый сиделец, который уж на ладан дышал, что придёт время — и его потянет на волю. Так потянет, что он будет дни и ночи считать, каждую минутку и секунду, чтобы выйти на свободу, и перед ним откроются дали дальние, аж дух захватывает, и он будет радоваться каждой травинке, каждому кусточку и птичке, что на ветке сидит. Но для этого нужно время, чтобы понять свою душу и принять решение. Постепенно подходишь к этим порогам. Пороги жизни, как назвал старик. Что бы ни случилось, нужно остаться человеком — это главный порог в жизни, через который нельзя переступать. Иначе, если перешагнёшь, но в то же время убьёшь в себе всё человеческое, тогда возврата не будет — в ничто превратишься. Но есть ещё другая сторона того же порога, и если сможешь его переступить и при этом остаться человеком, значит, ты перешагнёшь через себя, через всё плохое, что было в твоей непутёвой жизни, и тогда это плохое останется в прошлом, а ты уйдёшь, куда манит душа и подсказывает сердце. Ну а если не сможешь перешагнуть и начнёшь топтаться на одном месте, значит, так и останешься прежним собой и внутри себя. Витька часто вспоминал этого старичка. Да, наверное, он был прав, когда говорил про пороги. У каждого человека есть свои пороги, через которые можно и нельзя переступать, но не каждый сможет это сделать. Вся наша жизнь — пороги. По одним, как по ступеням, вверх поднимаешься, а по другим спускаешься. И чем ниже опустишься, тем меньше в тебе человеческого достоинства остаётся. А вот сможешь ли снова подняться — никто не знает, и ты — тоже. И эти пороги тянутся с самого рождения человека и до последнего его часа…

Витька поднялся. В предутренних сумерках подошёл к фотографиям, висевшим на стене. Как-то раньше не обращал на них внимания. Ну, висят у бабки Матрёны — и пусть висят, хлеба не просят, а сейчас потянуло к ним. Он стоял и смотрел. Вот бабка Матрёна ещё молодая. А это дед Назар, которого Витька не видел, но знал по рассказам бабки. Она говорила, недолго пожили. Дед Назар с войны вернулся. Болел. Весь израненный был, живого места не найти. Дочка родилась — Витькина мать. Понянчиться не успел, как умер. Осколок сдвинулся — и всё, нет человека. А вот две фотографии — это мать на них. На одной ещё в школе фотографировали, а на другой постарше. В газету снимали, как Витька помнил. Она стояла возле правления: нахмуренная и напряжённая, готовая заплакать. Так и вышла на снимке. А рядом с матерью портрет Сталина, вырезанный из газеты. Видать, и правда Витькин отец похож был на него. Много лет прошло, как матери не стало, и Витька стал забывать её. Проходят годы, и начинают стираться лица людей и события. Так, кружатся отрывки из прошлого, а воедино собрать эту мозаику не получается. Но в то же время никуда от воспоминаний не денешься. Так и будут они преследовать тебя до последнего дня, напоминая о прошлом…

И получается, что прошлого-то не было вовсе, так, одни обрывки воспоминаний — и всё на этом. Но всё равно что-то да остаётся. Он частенько вспоминал, как с бабкой Матрёной картошку сажал. То в одну ямку сразу две штуки бросит, то вообще мимо пройдёт, а сам ногой старается засыпать, чтобы бабка Матрёна не заметила, а она заметила, сломила ветку и навжикала ему. Нет, не больно, а смешно было. Она лупит, а он смеётся. Она ещё сильнее вжикает, а он громче заливается. Так и отпустила его. Посидела, посмотрела на него и тоже затряслась в мелком смешке, лишь морщинки разбежались возле глаз. Так и сажали картошку, то смеясь, то ругаясь, то снова закатывались. А в конце огорода, когда всё посадили, бабка Матрёна напекла картоху. Ух, до чего вкусная была! До сих пор вкус помнит. Но самое интересное, что в тот год картошки уродилось — уйма, как никогда, сказала бабка Матрёна. Наверное, смех подействовал…

Витька Орлёнок вздохнул. Н-да… Это было давно, а сейчас вернулся и растерялся. Нет, скорее всего, отвык за долгие годы от этой жизни. Ночами снилась деревня, а приехал — и места себе не может найти. Людей опасается. Не знает, как его встретят. Ну, понятно, что не хлебом с солью, не очень-то и рады будут. Да и кому радоваться, если никого не осталось?..

Потоптавшись, он вытащил рубашку. Сбросил одежду, в которой приехал. Переоделся. Постоял, осматриваясь, потом сунул бутылку в карман и огородами подался на кладбище. Слово дал себе: когда вернётся, на мазарки сходит, бабку Матрёну и родителей проведает…

Долго пробыл Витька Орлёнок возле могилок. Раньше бывал, но с бабкой Матрёной. Не любил сюда ходить. Здесь мрачно даже в солнечный день. Могилки между берёзами, а кроны широкие, солнце закрывают, и поэтому на кладбище всегда был зелёный полумрак. Он потоптался возле заросших и провалившихся могилок. Поглядел на другие, как у них сделано. Скинул рубаху и принялся наводить порядок. Пока траву повыдирал, пока землю притащил да подправил, глядит, солнце в зените, а он и не заметил. Всё переделал, осталось лишь оградки да памятники покрасить, и всё на этом. И бабке Матрёне нужно памятник поставить. Крест подгнил, едва держится. А у матери и отца даже фотографий нет. И Витька решил, что заберёт со стены снимок матери и фотографию Сталина,

съездит в ателье, закажет снимки на памятники и таблички сделает. Негоже, что они в безликих превратились…

Домой отправился и не смог пересилить себя. Не пошёл деревней, где много любопытных глаз, а завернул к речке. Скинул одежду. Поёживаясь, шагнул в воду. Охнул, скрывшись с головой. Вынырнул, отфыркиваясь, и сажёнками поплыл на другую сторону, как в детстве делал. Там была песчаная коса. Выбрался. Вздрагивая от холода, долго лежал на песке, подставляя под солнечные лучи худое, синюшное от холода и наколок тело. Лежал, о чём-то думая. Редкий раз вздрагивал, когда доносился чей-нибудь крик или гавкали собаки, а потом снова прижимался к тёплому песку, поглядывая по сторонам. Хорошо тут, как в детстве. Давно было. Так давно, что уж забыл многое, а всё равно память возвращает туда, хочет он этого или не хочет. Казалось, не было детства, мало светлых дней и событий, а всё равно тепло разливается в душе, когда вспоминает. И сейчас из этих прожитых лет смешными кажутся ссоры и драки с пацанами, когда до крови лупили друг друга, а потом ещё и дома доставалось, если приходили соседи, а они обязательно приходили и жаловались на него. Может, эти драки как-то закалили его и пригодились в жизни, когда не только словом, но и кулаками приходилось доказывать свою правоту. Всё может быть…

Он переплыл обратно. Натянул на мокрое тело одежду. Взглянул на солнце и зажмурился. Хорошо-то как! Донеслись детские голоса. Витька хотел было уйти, но раздумал. Немного отошёл в сторону, чтобы не мешать, уселся на краю обрыва, закурил и стал смотреть, как пацаны купались, о чём-то спорили, и не обходилось без подзатыльников. Гляди ж ты, как в нашем детстве, закрутил головой Орлёнок. Ничуть не изменилось. Всё так же, как в прошлом. Неподалёку взбрыкнул бело-рыжий телёнок и помчался по вытоптанному кругу на привязи. А Витька помнил, что у них даже козы не было. Бабка Матрёна болела. Ноги не шагали, как она говорила, и поэтому держала всего с десяток кур. А молочко, чтобы чай забелить, соседи приносили. А много ль нужно двоим-то? Всего ничего. Весна наступала, и Витька с пацанами переходил на подножный корм, как они смеялись. А ещё рыбу ловили. Пескариков или вьюнков с палец наловят и над костром жарят. Несолёные, но вкусные — страсть! А там ягоды и грибы начинались. Яблоки созрели, и картошка появилась. Правда, зимой туговато было. Одежда старенькая, дыра на дыре, валенки шиты-перешиты, и рукава почти до локтей, но не жаловался, словно так и должно быть. Гляди ж ты, а говорил, что детства не было. И Витька усмехнулся. Было. Какое-никакое, но было детство. А что по лагерям пошёл, так, видать, не по тем ступеням шагал, не через те пороги переступал, но всё равно, что бы ни случалось, всегда оставался человеком — это главное…

Уже на подходе к дому Витька увидел, что по двору ходит участковый. Видать, его дожидается. Орлёнок нахмурился. Зыркнул по сторонам. Никого не видно. Заскрипел калиткой. Уселся на ступеньку, достал мятую пачку дешёвых сигарет и закурил.

— Здоров был, — сказал участковый, снял фуражку и вытер вспотевший лоб. — Я уж заждался. Говорят, видели тебя. Пришёл, а тебя Митькой звали. Уже умызнул. Опять отмечаешь освобождение?

— Здоров, Петрович, — буркнул Витька старому участковому. — Я уж думал, тебя давно на пенсию списали. Сидишь дома и курочек разводишь, огурчики-помидорчики выращиваешь, и люди радуются, что самогонку не отнимаешь и плешь не проедаешь, а тебе всё неймётся. Что тебя принесло?

— Не ворчи. Мне ещё рано на пенсию. Не всех на путь истинный наставил, — устало сказал Петрович и достал папку. — Приехал, а кто отмечаться будет, а? — и тут же вздохнул, взглянув на старый дом и захламлённый двор. — Эх, жаль, что бабка Матрёна не дождалась тебя. Всё убивалась, как ты станешь жить. Мы за домом присматривали, чтобы никто не сунулся. Она ждала тебя. Каждый день возле двора сидела и на дорогу смотрела. Ждала…

— На кладбище был, — не поднимая головы, сказал Витька. — На могилки ходил. Некому присматривать. Пока убрался, пока порядок навёл — время пролетело, и не заметил. А потом на речку завернул. Искупался. Не поверишь, Петрович, словно в детстве побывал. На душе легче стало…

Вскинулся, сказал восторженно, а потом сник, закурил и замолчал, посматривая вдаль. Наверное, детство вспоминал, а может, свою непутёвую жизнь…

Участковый взглянул искоса, но промолчал.

Где-то зашумел трактор. Протарахтел мотоцикл. Промчалась стайка мальчишек. Наверное, играют. Старуха, в юбке до пят, в тёплой безрукавке и в тёплом платке, опираясь на клюку, остановилась напротив, приложила ладонь к глазам, долго смотрела на них, хотела было открыть калитку, но раздумала, лишь головой покачала, здороваясь, поправила платок и неторопливо зашагала по узкой заросшей тропке.

А Витька Орлёнок продолжал сидеть и смотреть вдаль. Отсюда, с пригорка, где стоял Матрёнин дом, хорошо было видно окрестности. Вдали темнела опушка леса. Большой он, этот лес, и густой. Опасно одному ходить. Заблудиться можно. Собирались по нескольку человек и шли туда за грибами и ягодами, постоянно перекликаясь в лесной

чаще. А перед лесом в обе стороны — бескрайние поля. Бывало, когда созреет хлеб, солнцем осветит — и поле золотом горит. Конца и края не видно, аж дух захватывает. А там речка протекает. Вроде небольшая, кружится между кустами да холмами, но быстрая и глубокая, а холодная — страсть! Зато вода чистая и рыбы много. И отсюда вся деревня как на ладони видна. Там школа находится. Вон в школьном саду яблони растут. Ближе к дороге магазин стоит и неподалёку клуб. Над правлением флаг полощет на ветру. Машины возле крыльца. Наверное, командировочных прислали. Работа всегда найдётся. По улице снова промчался мотоцикл и исчез в проулке. А там виднеется крыша дома, где Танька Рощина живёт…

— Что молчишь-то? — толкнул локтем участковый. — Зову, зову, а он не шевелится. Ты, случаем, не выпил?

И подозрительно повёл носом, принюхиваясь.

— На могилках выпил, — вздрогнув, сказал Витька. — Немного. Бабку Матрёну и родителей помянул. Думаю, памятник нужно поставить. Крест совсем повалился…

— А что-нибудь кушал сегодня? — неожиданно сказал участковый. — В пустой дом приехал.

Витька пожал плечами. Он не привык много есть.

— Ладно, помогу. Не отмахивайся, не в лагере. Ишь ты, сразу взъерепенился — с ментами дело не имеешь! Гляньте на него, какой гордый. И правда, весь в отца пошёл — этой гордостью. Здесь свои законы — деревенские. Поможем всем миром, и не трепыхайся. Выделю мешок картошки и ещё чего-нибудь соображу. К вечеру подвезём. На первое время хватит, а там что-нибудь придумаем, — хлопнул по колену Петрович. — Ну а как жить собираешься? Опять за старое возьмёшься? Пора бы остепениться…

— Как жить буду… — Орлёнок пожал плечами. — Наверное, по-человечески, если примут в деревне, — задумавшись, сказал он, всматриваясь вдаль, а потом ткнул пальцем: — Глянь, Петрович, как черёмуха цветёт, а запах — аж дух захватывает. Эх, красота! Ночами снилась…

И опять плечи поникли.

— Примут деревенские, — вздохнул участковый. — Никуда не денутся. Всё от тебя зависит. Человеком будь, а не…

Он замолчал и, приложив широкую ладонь к глазам, посмотрел вдаль.

Повсюду, куда ни глянь, над домами повисли черёмуховые облака, и запах — аж дух захватывало.

— У каждого человека свои пороги в жизни. Так люди и шагают по ним с самого рождения и до своего последнего часа. Вот и я свой очередной порог переступил, когда подошло время, — сказал Витька Орлёнок и не удержался, снова ткнул пальцем в цветущую черёмуху: — Эх, красота какая! Взгляни, Петрович…

А над двором кружилась стая голубей…

Виктор Кустов

Заглянуть в завтра

Барышня избалованная

Так она сама определяет свой статус — барышня избалованная… Я думаю, что это просто её мечта.

Она — ровесница новой России. Аккурат в августовский день 1991 года, когда Ельцин, взобравшись на танк, призывал противостоять прошлому, она и родилась. Прокричала в испуге, как делают все новорождённые, приходя в этот мир, и прильнула к материнской груди.

Потом счастливая мама и счастливый папа много дней и ночей кружились вокруг неё, не очень-то вникая в то, что происходит за пределами их маленького уютного мирка, хотя происходило там много всего разного.

Она уже своё отползала, сложила звуки в первые слова, стала вполне смышлёным ребёнком, когда в доме появилась сестричка.

Они все четверо жили всё в той же маленькой комнатке, всё так же экономя на всём, и мама радовалась, что родилась ещё одна дочь и сестра, а не мальчик — значит, не нужно будет покупать одежду: есть кому донашивать то, что не сносила старшая. Что касается папы, то он последнее время не очень был доволен тем, что происходило за пределами их дома, стал часто куда-то надолго пропадать, и однажды мама сказала, что он больше не придёт, потому что его забрала к себе другая тётя.

Ей было уже пять лет, и она уже кое-что понимала во взрослой жизни: в песочнице с ней играло немало сверстников, у которых какие-то тёти тоже забрали пап.

Много позже она разобралась, как это происходит, когда её мама привела домой чьего-то папу. Но с ним она прожила не очень долго. Он ей не нравился, он считал её совсем маленькой, а она уже ходила в четвёртый класс. Она становилась всё непослушнее и непослушнее и, наконец, стала жить у бабушки.

Бабушка жила в городе, а мама с чужим папой переехали в пригород, где у него была работа.

Ей было хорошо жить у бабушки с дедушкой. Бабушка помогала делать уроки. Правда, недолго, потому что уже в шестом классе они поменялись ролями: бабушка отстала от жизни, ничего не понимала в сотовых телефонах, верила рекламе, боялась интернета и новостей, которые её огорчали. Дедушка тоже не любил новости, и когда они становились особенно неприятными, уходил в гараж, в котором давно уже стояла на приколе его старенькая машина с оленем на капоте. В ней всегда было что-то неисправно, поэтому бабушкины просьбы куда-нибудь их свозить или просто покатать заканчивались, как правило, вызовом такси.

В восьмом классе она поняла, что дедушка просто боится ездить на машине по забитым транспортом улицам.

В восьмом классе она первый раз влюбилась.

Он учился в другой школе в одиннадцатом классе и гулял с ровесницей, живущей в одном подъезде с ней, — длинной, худой и некрасивой. Правда, он тоже не был красавцем: сутуловатый, длиннорукий, с тонкой шеей и девчоночьими кудряшками. Но когда они целовались, не обращая внимания на неё с подругами, она хотела сделать ей, а иногда и ему, что-нибудь плохое.

У мамы давно уже родился мальчик, сестра с отчимом жила дружно: они забыли о ней, она о них вспоминала редко.

После девятого класса хотела пойти в колледж, и тогда мама с сестрой приезжали на семейный совет и поддержали дедушку и бабушку, что колледж — это то же самое профессионально-техническое училище, в которое в советские времена шли бездари и неучи, а у неё всё-таки совсем нет троек, да и будущую профессию она ещё не выбрала.

Ну, решили так решили.

Ей было всё равно, тем более что жизнь у неё теперь была наполнена: у неё появился парень. А точнее, она разглядела своего соседа по парте…

После одиннадцатого класса набранный балл не позволил ей поступить туда, куда она хотела. Да и не только балл: бабушка и дедушка уже жили на пенсию, сводя концы с концами, машину продали за бесценок, за гараж, правда, дали что просили, но этих денег едва хватило бы на один год её жизни в столице. А маме и отчиму без неё надо было двоих подымать…

И она выбрала институт иностранных языков, находившийся в их городе.

Учиться в институте было необременительно. Плохо только, что парней — раз-два и обчёлся.

На самого захудалого — дюжина желающих. В кафешках, куда она с подругами заходила посидеть за чашечкой кофе в надежде на неожиданное знакомство, мужчин тоже было мало, и, как правило, все заняты.

Русик зацепил её возле остановки, проезжал мимо.

Русик был кавказец.

Вообще, она нравилась горцам: в меру сдобная, светловолосая, с искрящимися глазами и голосом, который весело переливался.

Тогда она отшила этого наглого парня: ей хотелось, чтобы за ней долго и красиво ухаживали. Как, к примеру, её преподаватель, по возрасту почти дедушка ей, но, как говорили подруги, запавший на неё серьёзно. Он не позволял себе ни фамильярности, ни грубости, не использовал её зависимость от него. Впрочем, она училась неплохо, и придраться к ней было трудно. Он называл её своей любимой ученицей, пророчил большое будущее, познакомил с женой — моложавой и спокойной женщиной (которая понравилась ей больше, чем он), часто водил в кафе, говоря, что в неофициальной обстановке ему легче передавать ей своё понимание не только науки, но и жизни. Но она догадывалась, что он просто подкармливал её, зная, что стипендии хватает лишь на несколько чашек кофе, а иных источников дохода у неё нет.

Она всё ждала, и боялась, и не могла себе ответить на вопрос: как поступит, когда он попытается её изнасиловать? Иного слова она не могла подобрать, потому что была ещё девушкой и ждала своего принца. Но он всё не осмеливался и не осмеливался это сделать, и, наконец, она взяла инициативу в свои руки, стала называть его папенькой, потому что своего родного отца за это время уже совсем забыла, чмокать в щёку, а иногда и в губы при встречах и расставаниях. И в конце концов он был вынужден играть эту роль по всем правилам, чем даже снискал со стороны коллег, которые находили прежде их отношения аморальными, уважение.

Надо сказать, что несколько раз она увлекалась, но ненадолго, её избранники скоро оказывались либо ограниченными, либо грубыми, спешащими уложить её в постель. Быть девочкой в её возрасте считалось уже неприличным, вроде как никому не нужной уродиной, и она всё чаще стала подумывать, что, наверное, надо всё же себя переломить, как делают её подруги, и лечь в постель хоть с мало-мальски понравившимся парнем. Или лучше даже с мужчиной постарше, солидным и надёжным. Но такие отчего-то не встречались. А встретился однажды на центральном проспекте Русик. Оказывается, она не забыла его, а он её.

На этот раз он повёл себя вполне прилично, сказал, что с той первой встречи не смог её забыть, и извинился за своё поведение тогда, сославшись на то, что сейчас мало девушек, достойных уважения, привык так знакомиться, но вот она…

Потом он повёл её в ресторан, там они за вкусной едой много говорили, ища точки соприкосновения, и оказалось, что их вкусы во многом совпадают.

Русик уже закончил институт или, может быть, университет, но о своей профессии он ничего не сказал, пояснив, что диплом ему нужен был лишь постольку-поскольку: они с отцом и братом занимаются торговлей, у них пара магазинов в одной из республик, а в его обязанности входит организация поставок, вот почему он часто бывает в этом городе.

Он проводил её домой, выразив желание, как и положено в его семье, познакомиться если не с родителями, то с бабушкой и дедушкой. Но она сказала, что это он сделает как-нибудь в другой раз, потому что, хотя он ей и приятен, они ещё не друзья, а просто знакомые, которые хорошо провели этот день и вечер.

Она не думала, что будет скучать по нему, но уже на следующий день не выдержала, поделилась с подружками, как интересно провела время с образованным и галантным горцем, который раскатывает на дорогом собственном авто, не пьёт и не курит…

«Ну, — торопили её, — как он в постели?..»

Она почувствовала, что начинает краснеть, и неожиданно для самой себя выпалила, что лучше не бывает…

В какой-то мере это была правда, потому что ни с одним мужчиной она в постели никогда не лежала и даже не могла представить себя лежащей рядом со своим одноклассником или с педагогом. Но вот с Русиком она могла представить. И, представив, почти поверила, что так всё и было: гостиница, уютный номер, шампанское, цветы, шоколад и сильный и нежный мужчина, который почувствовал её тонкую романтическую натуру и сделал всё так хорошо и приятно…

Когда это случилось в не очень шикарном, но всё-таки приличном гостиничном номере, и были красные розы, всякие вкусности и вино, которое она попросила для себя, но выпила всего чуть-чуть, снимая напряжение и страх, вдруг охвативший её, Русик действительно был очень внимателен и ласков, его тело хорошо пахло, и она потом не пожалела о произошедшем, потому что случилось почти всё так, как она и представляла.

Он сказал, что будет любить её до самой смерти и им нужно поехать сначала к её бабушке и маме, а затем он отвезёт её к своим родителям и родственникам, потому что у них принято, чтобы радостная новость сообщалась всем.

Но на следующий день ему нужно было срочно уехать по своим делам, потом у неё началась зачётная сессия, затем он улетел в столицу, а когда

вернулся, прошло больше месяца, и она уже не сомневалась, что беременна. Она сказала об этом Русику сразу, как только он бросился её обнимать, веря, что он воспримет известие так, как она ожидает, и он действительно отнёсся с пониманием и сдержанностью настоящего мужчины, только заметил, что нужно, чтобы обязательно у него был сын.

Теперь знакомиться с бабушкой и дедушкой и его родителями было просто необходимо, и они в тот же вечер, утолив свою тоску друг по другу в гостинице, поехали к бабушке. Та встретила сообщение с нескрываемым испугом, заметив, что совсем не понимает нынешних детей, которые могут вот так быстро менять свою жизнь, и что надо посоветоваться с матерью, хотя понимала, что советоваться уже поздно. А дедушка с прямотой отставного военного спросил об этом и, получив подтверждение, утвердительно произнёс: «Ну вот, мать, я говорил…» И окинул строгим взглядом не прячущего глаза Русика, который тут же сообщил, что завтра он увезёт её к своим родителям и те будут рады выбору своего сына.

И он действительно повёз её в свой город, где в большом доме уже собрались ближайшие родственники, включая бабушек и дедушек, оценивать будущую невестку. Дедушки и особенно бабушки в платках и длинных платьях были строги. Она пугалась их взглядов и всё норовила спрятаться за Русика, который заявил, что выбор свой сделал, невеста была, как и должно быть, чиста, никому до него не принадлежала, что у него будет сын, которого он воспитает, как и положено, настоящим горцем.

«Ей надо принять нашу веру», — сказал самый старший дедушка, которому невеста внука, похоже, понравилась, в отличие от свекрови.

Матери Русика она не понравилась, это она поняла с первого взгляда. И вспомнила, что Русик говорил ей, что его хотят женить на дочери подруги его матери.

Отец Русика, полный и чем-то озабоченный, то и дело отходящий в сторону, чтобы поговорить по телефону, сказал, что выбору сына препятствовать не станет, но невестка будет жить у них, и свадьбу они сыграют как положено по обычаю, а научить, как должна себя вести женщина в их семье, — это забота матери и родственниц.

«В институте учится — и нашу науку выучит», — завершил он свой монолог.

«Плохо сынок, что не привёз ты её девушкой, — строго произнесла мать. — Что соседи скажут».

«Я единственный у неё, пусть меня спросят», — ответил тот.

«Но до свадьбы жить вы будете в разных домах», — сказал старший дедушка и закрепил слова ударом крепкой ещё руки по столу.

…Свадьбу сыграли скоро и многолюдно, нельзя было обидеть никого из родственников Русика. Её же мать и бабушка с дедушкой на свадьбу приехать не смогли: бабушка приболела, а мать сказала, что не хочет выглядеть бедной родственницей. Она вообще плохо отнеслась к этой новости. Приехала только сестра, и она помогла ей справиться с паническим настроением. И только сестре она призналась, что да, Русик ей нравится и им вместе хорошо, но она не знает, как будет жить с его родными, которые настаивают, чтобы она бросила институт и посвятила себя исключительно заботе об их сыне и будущем внуке.

…Они с Русиком стали жить в отдельном доме, уже выстроенном специально для него рядом с отцовским, но свекровь и родственницы каждый день приходили к ней, когда Русик уезжал по делам, и учили, что и как должна делать жена горца. Многое из своих новых обязанностей жены ей нравилось, но многое она не принимала. Когда делилась этим с Русиком, тот в ответ смеялся над патриархальностью и отсталостью родителей, не понимающих, что времена изменились и нравы тоже, но всё же советовал ей не спорить, а стараться делать как ей советуют, к тому же длинные платья и красивые платки ей очень даже к лицу.

И всё-таки она не смогла смягчить сердце свекрови, не смогла понравиться родственницам, ей становилось всё неуютнее и неуютнее в новом большом доме. Она начала понимать, что для того, чтобы угодить всем, должна быть совершенно другой. Но быть другой ей совсем не хотелось. Она тосковала по институту, по подружкам, по бабушке с дедушкой, по улицам своего города. И однажды она попросила Русика отвезти её обратно. Тот вспылил, сказал, что она его не любит и всё это время прикидывалась, потому что если бы любила, откинула бы свою гордость, избавилась от плохих привычек, которые присущи большинству городских девушек даже его национальности, и поняла бы, что она живёт для него, для сына и детей, которых будет ему рожать…

«А институт? А моя профессия?» — не выдержала она.

«Твоя профессия — женщина! Жена и мать!» — сказал он.

И уехал на ночь глядя, хотя собирался ехать только утром.

А на следующий день, переодевшись в свою прежнюю одежду — джинсы и мужскую рубашку (она любила мужские рубашки), она тайком уехала домой.

…Бабушка поплакала вместе с ней и, поглаживая её по голове, как всегда это делала в такие минуты, сказала, что ничего страшного, если так всё сложилось, они с дедом ещё в силах прокормить и правнука или правнучку, кто будет…

Русик приехал, только когда она родила. Привёз денег и, узнав, что она родила дочку, не скрыл огорчения.

«Если бы сын, я бы смог что-то изменить», — сказал он.

Но по его глазам — в них не было прежнего обожания — она поняла, что менять он ничего уже не хочет.

«Но я буду помогать», — добавил он, подтверждая эти её мысли.

«Тебе же надо жениться на дочери подруги твоей матери. Я согласна на развод», — поспешила она.

Он молча вздохнул и, оставив большой букет роз принимавшему роды врачу, уехал.

...Они развелись, когда дочери исполнилось полгода. Он обещал помогать ей, предложил даже жить совместно, когда он будет приезжать в город по делам, но она отвергла это предложение: ей не хотелось, чтобы в их отношениях появилась грязь неправды. Она искренне хотела, чтобы он был счастлив, была счастлива его будущая жена, которую она видела на своей свадьбе, его мать, родственницы, старый дедушка-аксакал, которому не надо будет обращать невесту внука в свою веру.

И надеялась, что тоже будет счастлива.

Она ведь — барышня избалованная.

И не любит быть слишком пессимистичной...

Заглянуть в завтра

— Щекотливая тема... Я бы на твоём месте выбрал что-нибудь другое.

Гульковский в своём амплуа: дует на воду, обжёгшись на молоке. Но его можно понять, старичок так и остался навсегда в прошлом. Всё так же боится не угодить власти, не угадать тенденций... Хотя в чём-то он прав: не дай Бог дожить до дня, когда твой труд, не подтверждённый реальностью, утратит провидческую научность. А у старика опыт, на его глазах столько было развенчано кандидатов, и докторов, и даже академиков научного коммунизма, диалектического материализма, истории партии. Нет, пожалуй, насчёт истории — перебор. История — факт непреложный.

— Я, Станислав, тебе как старший товарищ и как учёный рекомендую не браться за то, что имеет связь с будущим. Судьба пророков, как ложных, так и истинных, всегда драматична.

— Скорее всё же истинных, чем ложных. Истина нага, её видно сразу, а ложь умеет рядиться и мимикрировать.

Сказал так умно, что самому понравилось. Но старика не прошибёшь. Он в своих мыслях — как в предохранительной капсуле с односторонней связью: его слышно, а ему нет.

— Видишь ли, если бы мы в юности понимали, что в конце жизни нам не хватит каких-нибудь мгновений для прозрения, для постижения смысла бытия, мы не тратили бы его на пустое времяпрепровождение и на суету.

Он не совсем понял, что́ старик имел в виду под суетой: каждодневное бытие или обивание порогов в погоне за степенями, званиями и наградами. Ждал, чем тот закончит, но Гульковский замолчал и погрузился в себя. А проще говоря — отключился, со стариком последнее время это случалось: говорит-говорит — и вдруг замирает, то ли пугая собеседника неожиданным переходом в мир иной, то ли погружаясь в ведомые только ему иные сферы существования. Синицкий тоже прежде пугался и затихал, прислушиваясь, дышит ли... теперь привык к этим сонным паузам. Что поделать, старику за восемьдесят, устаёт.

— Русский человек обладает удивительной склонностью перенимать, — бодрым голосом, словно и не было этой паузы, продолжил Гульковский. — Этакое независтливое перенимание всего, что внове, что есть у других.

К чему бы это, подумал Синицкий, речь ведь шла совсем о другом.

— Помню, в юности меня заинтересовала психология отношения наших и французов во время войны восемьсот двенадцатого года. Парадокс, но наше общество не считало французов врагами. Я имею в виду, естественно, дворян, офицеров; крестьяне видели в них именно врагов и не щадили, — он помолчал, словно что-то вспоминая. — Очень мне хотелось понять причину этого милосердия к врагу. Я так и сформулировал тему: милосердие к врагу как национальная черта. И даже сейчас помню, от чего хотел оттолкнуться, — он поднял на Синицкого глаза, спрятавшиеся под седыми кустистыми бровями. — «Тело моё родилося в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской». Знаете, откуда это?

— Нет, — мотнул головой Синицкий, запоздало осмысливая услышанное, потому что думал совсем о другом.

— Это, мой юный друг, слова одного из персонажей пьесы «Бригадир» Дениса Ивановича Фонвизина. И сформулирован сей постулат задолго до наполеоновского нашествия. И вот что удивительно: французы завоевали Россию без всякого оружия — книгами Дидро, Вольтера, парижской модой, Версалем... Вы знаете, Станислав, перед войной семь книг из десяти в России выходили именно на французском языке. И немало было тех, кто знал этот язык лучше родного, что и подметил Фонвизин. Признаться, я и сегодня не понимаю, зачем Наполеону нужно было завоёвывать страну оружием, если стоило приложить ещё немного усилий, добавить гувернанток-француженок, французской моды, французской философии — и мы сами бы сдались... После взятия Бастилии

из Франции к нам переехали почти пятнадцать тысяч французов. Представляете, какой десант, какая пятая колонна,— он замолчал, задумался, ловя ускользающую мысль, и неожиданно признался: — Я вот сейчас подумал: а может быть, Бонапарт как раз и рассчитывал на эту колонну? Как вы считаете?

— Я? — Синицкий растерялся.— Я как-то не думал об этом,— и уже уверенно добавил: — Но это интересная мысль.

— Он ведь не был готов к долгой войне, он не собирался долго кормить и одевать армию… Но мы отвлеклись, я всё же хотел сказать не об этом. Я размышлял о заимствованиях. О том, что русский язык тогда весьма обогатился французскими словечками, новыми смыслами. А знаете, в ходе военных действий офицерам было даже запрещено говорить по-французски. Русские крестьяне могли принять их за французов и поднять на вилы.

Старик совсем оживился, даже щёки утратили привычную бледность. Тут хочешь не хочешь, а будешь слушать. К тому же то, о чём он говорил, Синицкий не знал, и ему действительно было интересно.

— Взаимоотношения народов — тема библейская. Вечная. Краеугольная,— старик прищурился.— Со времён строительства Вавилонской башни. А между родственными народами отношения к тому же не поддаются голому рассудку. Тут полно эмоций. Элементарных человеческих чувств. Зависти, обиды, гордыни. Так что, мой друг, вы можете поддаться этим эмоциям и согрешить против истины,— Гульковский задумался.— Впрочем, объективной истины не существует. Все мы живём в субъективных мирах, и у каждого истина своя. Но кое-кому выпадает признание его истины объективной. Так что — дерзайте.

Он неторопливо, экономя движения, поднялся со скамейки, на которой они сидели. Рукой с выпирающими венами перехватил поудобнее трость.

— Вы уж извините, мой друг, пора мне отдохнуть.

И, не ожидая слов прощания, медленно пошёл по аллее к выходу из парка. И вдруг остановился, обернулся.

— Да, мой юный друг, думаю, вам будет интересно это знать: вместе с Наполеоном в Россию пришли почти сто тысяч наших с вами предков. Братья нередко бьются до крови… Кстати, прародителем того же Фонвизина был немецкий барон, взятый в плен. Возможно, и наши прародители из пленных улан.

«Пожалуй, он прав,— подумал Синицкий,— среди родственников всегда так всё напутано. А уж между некоторыми родственными народами — вековечное соперничество…»

Как-то у них был разговор по поводу своих предков: фамилии схожие, польские. Да и родились они оба в Смоленске, который входил и в княжество Литовское, и в Речь Посполитую.

После того разговора он пытался найти свои корни. Но что найдёшь после стольких войн, когда всё дотла выжигалось? Он даже про своих дедов ничего не нашёл. Пока те живы были — не догадался расспросить, а когда созрел для понимания жизненной важности знаний о прошлом — не у кого было спрашивать. А в архивах руками развели: утрачены все документы во время последней войны, если и не сгорели, то где-то утеряны безвозвратно. Вот и остался он без фундаментальной опоры, словно не продолжает начатое предками, а новое начинает.

Надо будет посмотреть в интернете, может, кто из Синицких отметился в каких-нибудь записках о той давней войне…

Его руководитель Бельский (может, тоже с польской кровью) не намного старше, но уже доктор наук. Приверженец демократии как оптимальной низшей формы государственности. Высшей он считает единоначалие. Но не монархию, а универсальное управление из единого центра и глобализацию как экономическую скрепу всего человечества и панацею от войн. Собственно, кандидатская Синицкого — это развитие одного из положений теории Бельского о неизбежности глобального слияния цивилизационных потоков в единый. Он убеждён, что не за горами тот день, когда экономика создаст единый универсальный язык, и история человечества обретёт новую культуру, в которой индивидуальное, самобытное перестанет воссоздаваться, а общечеловеческое, общепонятное станет единым, и культура перестанет быть разномастной и зачастую ненужной надстройкой. Правда, уровень культуры придётся опускать искусственно в тех уголках мира, где он сегодня неоправданно высок и не востребован большинством, и поднимать там, где низок, для гармоничного функционирования индивидуумов.

— Но если мы будем равняться на племена Амазонки, то не слишком ли низок он будет? И так уже в моде татуировки. Вот только голыми ходить климат не везде позволяет,— высказал свои опасения Синицкий.

— Твою иронию понимаю,— поглаживая клинышек начавшей расти рыжей бородки, произнёс Бельский.— Но опасений не разделяю. В универсальную культуру войдут только массивные традиции. Племенные или групповые пристрастия слишком мелки, чтобы как-либо влиять даже на подобные им образования. А что касается татуировок, то они действительно свидетельствуют о примитивном уровне культуры, но, возможно, на этом, приемлемом большинством, уровне мы сейчас и находимся. И, между прочим, это может

стать предметом для исследований, войти отдельной главой в твою диссертацию…

Бельскому нравится тема диссертации Синицкого. Он говорит, что в ней заложено предвидение будущего. В этом будущем индивидуализм приобретёт форму полной независимости от условностей морали и будет подчиняться исключительно прагматичной реальности. Каждый человек будет несравнимо сильнее ныне живущих, даже самых продвинутых. Не телом, конечно, а умственным потенциалом, знаниями, умением. Но в то же время будет находиться в гармонии с установленным общеземным порядком. Государств не будет, и одного как такового всемирного государства тоже не будет. А вот что будет, это они ещё не придумали. Доселе история человечества зиждилась на коллективизме, на сложении усилий многих для решения непосильных для одного задач. Пример тому — войны. Один в поле действительно не воин. Хотя и есть в прошлом примеры, когда богатыри выходили сражаться один на один. Как Пересвет и Челубей на Куликовом поле. Но это всего лишь литературные персонажи, никто не знает, было ли так на самом деле…

И что не понравилось Гульковскому?

Ничего щекотливого в теме диссертации, просто старик мыслит прошлыми стереотипами. Старость прозябает на воспоминаниях. На пережитых эмоциях и опыте. Когда-нибудь и он будет стареньким, тогда тоже будет стоять на отжившем. А придут новые, молодые. Дерзкие…

А почему отжившем?.. Нет! Так даже думать нельзя. Именно это Гульковский и имел в виду: почиваешь на лаврах, и вдруг приходит некто и свергает…

Надо ответить, давно уже кто-то настойчиво стучит в смартфон.

— Слушаю.

— Почему так долго не отвечаешь?

— Задумался. Вернее, не слышал, по улице иду. Шумно.

— Я уже хотела отключиться. Ты когда сегодня будешь?

— А что?

— Давно тебя не видела.

— Мы же только утром… — начал и запнулся.

Мужская и женская логики — это полярности. У них и время по-другому идёт, и Земля крутится по желанию.

— Хорошо, моя родная. Сразу же после вечернего удара курантов…

— Стас, мы сегодня едем к маме.

Вот так. Без прелюдий, и не «сможем ли мы?» или «хочешь ли ты?», а «едем!». Но с точки зрения будущего устройства общества это и есть отношения общепринятого порядка и индивидуальности, которая вынуждена подчиняться, оставаясь зависимо-свободной…

Нет, что-то в этой формулировке не так. Надо будет подумать.

— Вообще-то я… — попытался проявить индивидуальную мощь.

— Не задерживайся.

Надо было подготовить основание отказа. Тем более что подобное можно было предположить ещё вчера, по разговору за ужином.

— Хорошо, постараюсь.

— Я жду.

Вот она — категоричность порядка.

Вообще-то с тёщей у Синицкого отношения самые благостные. Он старается ей реже попадаться на глаза, она при нём о нём дипломатично молчит. Но хотя бы раз в месяц требует на заклание к себе в гости. Когда был жив тесть, эти посиделки особо не напрягали. Они с тестем могли выйти на балкон и поговорить о своём, мужском; теперь же сидеть между двумя женщинами, неустанно говорящими о том, что ему непонятно и неинтересно, было мукой. Прежде он пытался следить за канвой разговора и даже вмешиваться. Но скоро понял, что канва не радует новизной или оригинальностью, а вмешательство неуместно и чревато непониманием. Но ведь и не уйдёшь, Настя обидится. А обижается она долго, несколько дней не замечая его присутствия в доме и, естественно, не слыша.

Хотя, видит Господь, он бы сегодня вечером с бóльшим интересом и радостью полазил бы по интернету. Разбередил его ностальгию по прошлому Гульковский.

…Действительно, Юзеф Понятовский привёл Бонапарту почти сто тысяч поляков Герцогства Варшавского. Привёл с надеждой восстановить былые границы Речи Посполитой. Нет, психология державного величия не умирает… В победоносном начале кампании даже распространяли листовку на русских землях, адресованную именно полякам: «Поляки! Вы служите под русскими знамёнами. Эта служба была вам дозволена, пока у вас не было отечества. Но теперь всё изменилось. Польша воскресла, и теперь надо сражаться ради её полного восстановления, ради того, чтобы заставить русских признать права, которые были у вас отняты несправедливостью и силой. Генеральная конфедерация Польши и Литвы отзывает всех поляков с русской службы. Польские генералы, офицеры, солдаты! Повинуйтесь голосу отечества: покиньте знамёна ваших притеснителей, спешите все к нам, чтобы стать под знаменем Ягеллонов, Казимиров, Собеских! Об этом просит вас Отечество, повелевает честь и религия!»

Под русскими знамёнами было тоже немало поляков. Четырнадцать генералов, почти треть офицерского состава. Были польские полки улан и гусар.

Но всё же с Бонапартом пришло их больше. И именно полки Понятовского были главной ударной силой в Смоленском сражении.

«Отчего я прежде не интересовался этой темой?» — удивлялся Синицкий, сидя перед компьютером и делая выписки из открывавшихся документов. Находил, читал и всё надеялся наткнуться на свою фамилию. На сообщение о неведомом предке, который, конечно же, воевал на той или иной стороне… И ему отчего-то казалось, что именно в событиях вокруг Смоленска этот предок должен каким-то образом проявиться. Хоть одним упоминанием, сочетанием букв в фамилии. Не мог он там не быть. Другое дело, неизвестно на чьей стороне…

Но вот Матеуш Заремба точно был на той стороне. Его письмо нашли в Смоленске между кирпичами городской стены. «Милый брат! Мы уже под Смоленском. Наполеон думает его взять. Но русские дерутся как львы. Даст Бог — дойдём до Москвы. Вот там заживём! Мюрат мне обещал, что, когда дойдём до Москвы, он сделает меня генералом».

По-видимому, генералом Матеуш так и не стал, но потомки его брата, несомненно, живут сегодня в Польше…

Если верить летописцам, то в прежние времена Смоленск был более неприступным, выдерживая длительные осады. На этот раз сражения в его предместьях длились всего пару дней. Слишком велика была разница в численности наступавших и оборонявшихся. Если, опять же, верить запискам очевидцев, то отваги наступавшим было не занимать. Он нашёл записи русского офицера Фёдора Глинки, уроженца этих мест, который писал: «… поляки в бешеном исступлении лезли на стены, ломились в ворота, бросались на валы и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра».

Потом Наполеон отдал приказ жечь город. Начался артиллерийский обстрел. А наутро русские войска оставили сожжённый город, призвав его население к народной войне.

Было начало августа, ещё стояло тепло. Склады полнились запасами продовольствия. В захваченном Смоленске французы оставили гарнизон для сбора продовольствия. Военный комиссар виконт де Пюибюск, оставшийся с сыном в составе гарнизона, в своих письмах жалуется, что «жители при нашем приближении разбегаются и уносят с собою всё, что только могут взять, и скрываются в густых, почти неприступных лесах». А голодных солдат, разбредающихся в поисках пищи по окрестностям, мужики забивают дубьём. «Голод губит людей. Мёртвые тела складывают в кучу, тут же, подле умирающих, на дворах и в садах; нет ни заступов, ни рук, чтобы зарыть их в землю».

Потом, правда, положение выправляется, а в сентябре в гарнизоне радуются победе под Бородино. Но тут же пришло распоряжение о том, чтобы «отправить из Смоленска в армию всех, кто только в состоянии идти, даже и тех, которые ещё не совсем выздоровели».

В середине октября ударили морозы. Теперь виконт пишет, что «люди гибнут на бивуаках от холода». А в конце октября он сообщает родным: «Сейчас получили мы официальное известие, что Наполеон с армиею оставил Москву и отступает к Днепру; однако неизвестно ещё, какою пройдёт он дорогой. Каждый день раненые генералы и офицеры возвращаются в Пруссию, не дожидаясь выздоровления; многие из них без всякого разрешения едут на первый случай из предосторожности в г. Вильну. Меня долг и честь удерживают лишь в г. Смоленске, и я решился ожидать здесь судьбы своей».

Спустя две недели виконт уже паникует:

«Вчера прибыл сюда Наполеон с гвардиею. От ворот Московских до самой квартиры своей, в верхней части города, шёл он пешком. Всход на гору покрыт льдом; а т. к. в городе нет ни железа, ни кузниц, то весьма трудно втаскивать повозки на гору; лошади так измучены, что если которая упадёт, то уже не может встать. Сегодня мороз 16 градусов. Наши солдаты, прибывшие из Москвы, закутаны иные в шубы мужские и женские, иные в салопы или шерстяные и шёлковые материи, головы и ноги обёрнуты платками и тряпками. Лица чёрные, закоптелые; глаза красные, впалые, словом, нет в них и подобия солдат, а более похожи на людей, убежавших из сумасшедшего дома. Изнурённые от голода и стужи, они падают на дороге и умирают, и никто из товарищей не протянет им руку помощи.

Из предосторожности, чтобы голодные солдаты не бросились грабить магазины, решено армию оставить за валом вне города, по близости конюшен…»

«Каково было там польским уланам из армии Понятовского?» — мелькнула мысль, в которой вполне можно было распознать и жалость к врагам его русского отечества…

Если исходить из того, что в будущем все нации сольются в единое безнациональное человечество, то отчего бы не посочувствовать побеждённым?

Но вот каков Наполеон, приказавший, как пишет виконт, «распределить провиант так, чтобы гвардия была удовлетворена, а остальных предоставить воле Божией».

А с другой стороны, разве не эта логика заботы не обо всём человечестве, а о малом его количестве, пронизывает труды Бельского, на чём строится и его диссертация?..

Эта мысль, не совсем приятная, противоречащая чему-то усвоенному и принятому как

аксиома — в нём, в его мировоззрении, напомнила о разговоре с Гульковским. Но он не стал углубляться, решил разобраться, как видели происходящее победители, среди которых тоже были поляки.

Вслед за отступающим врагом движется армия русская, в составе которой Фёдор Глинка, адъютант при генерале Милорадовиче. Он тоже, как и виконт, всё замечает, всё фиксирует.

«В каком печальном виде представлялись нам завоеватели России!.. По той дороге, по которой шли они так гордо в Москву и которую сами потом опустошили, они валялись в великом множестве мёртвыми, умирающими или в беднейших рубищах, окровавленные и запачканные в саже и грязи, ползали, как ничтожные насекомые, по грудам конских и человеческих трупов».

Жалостлив и милосерден Фёдор Глинка.

Именно в таких испытаниях познаётся истинное и обнажается ложное.

А виконт де Пюибюск продолжает записывать то, что видит он.

«Вчерашний день императорская гвардия выступила из города через Виленские ворота по направлению к г. Красному. Теснота была ужасная, самого Наполеона чуть не задавили. Многие раненые убежали из госпиталей и тащились, как могли, до самых городских ворот, умоляя всякого, кто только ехал на лошади, или в санях, или в повозке, взять их с собою; но никто не внимал их воплям; всяк только о своём спасении думал. Через несколько часов я с главным штабом оставлю город; неприятель ожидает нас впереди на дороге».

Возможно, там, под городом Красным, дороги де Пюибюска и Глинки пересеклись, и французский виконт видел то, что видел русский офицер.

«Здесь, во рву, подле большой дороги, среди разбитых фур, изломанных карет и мёртвых тел, кроме шуб, бархатов и парчей, можно купить серебряные деньги мешками!.. Но там, где меряют мешками деньги, нет ни крохи хлеба! Хлеб почитается у нас единственной драгоценностью!.. Один из наших проповедников недавно назвал французов обесчеловечившимся народом; нет ничего справедливее этого изречения. Положим, что голод принуждает их искать пищи в навозных кучах, есть кошек, собак и лошадей; но может ли он принудить пожирать подобных себе? Они, нимало не содрогаясь и с великим хладнокровием, рассуждают о вкусе конского и человеческого мяса!»

Так война развенчивает нацию, доселе являвшуюся примером для подражания…

Фёдор Глинка победно прошёл до Парижа, вернулся домой победителем, прожил долгую жизнь — девяносто четыре года. Что же касается виконта де Пюибюска, то он со своим сыном был взят в плен и самым уважительным образом представлен сначала генералу Мартынову, потом графу Платову, затем генералу Ермолову и, наконец, фельдмаршалу Кутузову. После чего с удобствами препровождён в Санкт-Петербург. И, вероятно, вернулся домой.

Таково милосердие победителей…

На всякий случай Синицкий сделал себе выписки из найденных документов.

— Стасик, во сколько же ты встал?

Настя прижалась животом к его плечу. Живот был упругий, большой и тёплый. Синицкий в который раз удивился, как из ничего получается что-то. Им уже сказали, что это «что-то» будет девочкой. Сейчас он подумал, что хорошо было бы, если бы врачи ошиблись. Не потому, что хотел мальчика. Девочка даже лучше. Просто хотелось, чтобы была тайна, которая раскрылась бы только с рождением нового человека. Он из рассказов родителей знал, как прежде умели этому радоваться. Вообще, раньше, в их жизни много было того, что приносило радость. Вспоминая свою молодость и ту страну, которой уже не было, они, не забывая о пустых прилавках магазинов и дефиците, почему-то считали более важной ту радость, что получали, доставая этот самый дефицит, а потом собирая за праздничным столом близких людей и радуясь уже общению.

— Я не помню, когда ты лёг. Работал допоздна?

— А что, уже утро?

Он посмотрел в окно. За шторами была всё та же ночь. Но, возможно, уже действительно утро, на дворе — декабрь, самые длинные ночи.

— Так ты совсем не ложился?

— Днём высплюсь, сегодня у меня творческий день.

— Скорей бы ты закончил свою диссертацию, — вздохнула жена и, наклонившись, касаясь налитой грудью его плеча и пахнув запахом молока, поцеловала его в лоб. Как маленького.

Он заметил: когда жена поняла, что беременна, она стала вести себя не как прежде. Прежде она была избалованной девчонкой, любившей подольше поваляться в постели, не очень озабоченной, чем накормить мужа, и предпочитающей готовке обеды в кафе. Теперь же начала готовить дома. Правда, не так много она умела. Но старалась хоть раз в неделю приготовить какое-нибудь новое блюдо. И всё прислушивалась к себе, подробно рассказывая о своих ощущениях и заставляя его прикладывать ухо к животу, без особой надежды, что он что-либо услышит. Но зато теперь она не капризничала и не заставляла исполнять нелепые желания.

— Что тебе приготовить на завтрак?

— Что и себе, — сказал он, всё ещё глядя на экран, но уже понимая, что на этом сегодня можно поставить точку.

— Будешь омлет?

— Пусть будет омлет,— согласился он.

— А может, лучше сварить кашу?

— Можно и кашу.

— Нет, лучше омлет. Это быстрее… А может, ты сам сделаешь? — обернулась она в проёме двери, вся уютно-округлая, в прозрачном пеньюаре, и он невольно залюбовался ею, ловя себя на горделивой мысли, что у него такая красивая и желанная жена.

— А может, вместе ещё поспим? — поймав себя на желании, в тон ей произнёс он, хотя та, которую жена носила в себе, уже явно не желала никакого вмешательства со стороны.— Я тебя поглажу и дочку послушаю.

— Стасенька, у меня творческих дней нет. У меня сегодня первая пара.

— А, ну да. Студенты не ждут…

— …опоздаешь — упорхнут…— дополнила она.

— Ладно, иди одевайся, я сделаю омлет.

…»Очевидно, что мой предок в той войне выжил,— думал он, взбивая яйца.— Другое дело, неизвестно, на чьей стороне он воевал». Вот она — загадка его генной цепочки. И попробуй разгадай её, если тебя отделяют ещё две или даже три, если считать Гражданскую, войны. И революция, которая всё сбила-смешала так, как он сейчас сбивает яйца: уже ни белка, ни желтка, а однородная бледно-жёлтая масса…

Но Гульковский прав: нельзя прогнозировать будущее, не зная прошлого.

— Мы с вами встречаемся в одном и том же месте.

— Так я ведь знаю, что это ваша любимая скамейка и когда вы здесь предаётесь размышлениям, обогащающим нашу науку.

— Вы, молодой человек, умеете так льстить, что трудно разобрать — это лесть или сарказм.

— Только не сарказм. Избави Бог! Вы же знаете, что я действительно считаю ваши работы важными для науки. На многие из них я ссылаюсь в своей диссертации. Ваша методология оценки будущего через призму прошлого — это как фундамент, без которого всё строение рухнет.

— У вас сегодня юношеское настроение, Станислав.

— И всё почему, Иван Васильевич? Всё благодаря вам.

— Интересно, чем же я вам поднял настроение?

Старик заинтересованно повернул голову, сел вполоборота. Достал из кармана пальто большой носовой платок, промокнул им слёзы, выжатые утренним морозцем.

— Позавчера ночью благодаря вам я отправился в прошлое. И узнал много нового для себя.

— Мне казалось, вас интересует исключительно будущее. Вы ещё не перевалили тот самый рубеж, когда прошлое становится настоящим.

Синицкий помедлил, осмысливая этот синтез прошлого и настоящего, который предложил старик, и согласился с ним. Пока теоретически, потому что его настоящее действительно более переплеталось с будущим. А вообще стоит поразмышлять над подобными петлями времени. И над собственным пересечением личной оси Хроноса. Возможно, это пересечение случилось именно сейчас.

— А если это уже произошло?

— Ну что вы. Вам ещё рано, Станислав, какие ваши годы! У вас всё ещё впереди… в вашем общечеловеческом мироустройстве. Вы всё так же продолжаете верить в единый мировой порядок?

— Признаться, после экскурса в прошлое появились некоторые сомнения.

— Вам следует заглянуть ещё дальше в кажущееся минувшее. Всё, что есть и что будет, уже было. «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: „смотри, вот это новое“; но это было уже в веках, бывших прежде нас». И в Книге Книг всё изложено, весь цикл существования человечества от начала до конца. От альфы до омеги… Вы ведь знаете предание о строительстве Вавилонской башни?

— Насколько это может быть известно неспециалисту. О том, что после потопа оставшиеся в живых правильного вывода не сделали, урок не поняли, гордыни не утратили, отчего и взялись за строительство башни, чтобы добраться до неба. Господь тогда один язык разделил на множество и рассеял строителей по земле.

— Зачем Он это сделал?

— Не хотел, чтобы тайное стало явным. Чтобы человек мог с Ним сравняться.

— Молодой человек, у вас явно атеистическая закваска. Хотя вы ведь уже не были пионером…

— Не был. Но наслышан,— Синицкий вспомнил сравнение человечества с муравьями, которое очень нравилось Бельскому.— Но мне кажется, что Господу нет никакого дела до человечества. Как нам нет никакого дела до муравейника, в котором суетятся муравьишки.

— Этим сравнением вы принижаете предназначение человечества.

— Мне бы понять своё собственное предназначение.

— Если вы это поймёте, станете подобны Господу… А знаете, почему Он не позволил построить башню? Потому что это конечность. А конечности не должно быть. Её нет.

Гульковский замолчал. Сидел, съёжившись, спрятав маленькое морщинистое лицо в поднятый воротник пальто, и водил перед собой тростью, вырисовывая на грязном истоптанном снегу хаотичные линии.

— Вы знаете, почему не будет единого человеческого общества? Потому что всё в этом мире

подчиняется закону единства и борьбы противоположностей. Мир, созданный Богом, или, если хочешь, единым мировым законом, изначально полярен во всём. В нём было, есть и будет всегда две противоположности, два полюса. На одном будет концентрироваться доброе, на другом злое. Исключительно доброе или исключительно злое — это конечность, которой в бесконечном мироздании быть не может…

— Но вы ведь конечны. И я тоже. Как все люди,— не совсем уверенно произнёс Синицкий, понимая, что сейчас уподобляется школьнику, надеющемуся к своим скудными познаниям добавить нечто очень важное.

— Я говорю, вы заражены атеизмом. А атеизм — это не наука. Это отрицание истинной науки.

— А как же монография Бельского с его обоснованием однополярности, признанная теорией?

— А признанный Кампанелла с его Городом Солнца?.. Это утопии, мой молодой друг, это не наука.

— Вы меня смутили, Иван Васильевич.

— Смущаться — привилегия молодости. И творческого поиска… Холодно. Мне пора в тепло, кровь уже не греет.

Старик поднялся. Опираясь на трость, постоял, словно привыкая к тверди под ногами и никак не решаясь сделать первый шаг. И неожиданно произнёс:

— А многополярность — это всего лишь дробление единой полярности. Рано или поздно она начинает вновь складываться и снова дробиться. Но это не закон. Это циклы. Так что Бельский открытия не сделал, а с учётом нынешних скоростей боюсь, что на лаврах почивать ему долго не придётся.

Бельский — олицетворение успешности. Ему немногим более сорока, но он уже доктор наук и признанный авторитет. Выглядит он молодо. Одевается современно: неброско, но модно. Демократичен. Хотя ни к какому политическому течению себя не относит, утверждая, что в эту графу в анкетах всегда вписывал бы только одну партию — партию науки.

У Бельского такая же успешная и профессионально востребованная жена. Она работает в финансовой структуре и умеет из ничего делать деньги. Это по утверждению Бельского, который о своей жене почему-то всегда говорит с улыбкой. Живут они вдвоём в загородном доме жены. Детей у них нет. Но и союз они образовали всего лишь пару лет назад. До этого Бельский поменял несколько влюблённых в него студенток, но ни с одной не ужился.

У Синицкого отношения со своим шефом самые дружеские. Но не панибратские. Бельский любит иногда пооткровенничать. Может быть, и не до конца. Не обо всём. Но Синицкий знает, что настоящая любовь у него осталась далеко в прошлом, когда он был студентом. И она тоже. Но если бы он тогда женился, то вся учёба пошла бы насмарку. А следом и аспирантура, и всё остальное, что у него есть сегодня. Если откровенно, тогда он любовь ставил ниже, чем карьеру и успех. Впрочем, и сегодня он не уверен, что поменял бы на любовь то, что имеет.

С нынешней женой у Бельского деловой союз, без всяких романтических фантазий и заскоков. Совместное проживание под одной крышей. И им обоим ещё рано заводить детей. А может, и не стоит вовсе. Во всяком случае, пока они потребности в детском плаче не ощущают.

Свой разговор с Гульковским Синицкий пересказал шефу. И выразил свои сомнения по поводу выбранной для диссертации темы.

— Да, старик совсем отстал,— вздохнул Бельский.— А ведь был когда-то в авангарде, я с него брал пример. Вот, Станислав, что с людьми делает возраст. Я решил, что когда почувствую себя ретроградом, запрусь в своей домашней келье и не буду никого смущать своими сомнениями.

— А если он всё же прав? — настаивал Синицкий.

— Он не прав,— твёрдо сказал Бельский.— Он человек не только уходящей эпохи, но и ушедшего уклада. Говоря сегодняшним языком — у него устаревшая программа с малым объёмом оперативной памяти. Он всё ещё живёт библейско-коммунистическими постулатами. А мы, всё вокруг — стало другим. Он идёт в другую сторону.

— Что значит в другую?.. Мы все идём в одну. Человечество развивается по восходящей спирали, ценности у нас одни и те же.

— Ценности, может быть, и те же,— неуверенно произнёс Бельский,— но отношение к ним другое. Ну как бы тебе… Впрочем, ты и сам не дурак, видишь, что на нашей планете сегодня живёт слишком много людей. Ты где-нибудь видел гигантский муравейник? Высотой хотя бы с дом?

Синицкий покачал головой.

— Таких муравейников в принципе не может быть. Потому что муравейник имеет размеры сообразно форме и численности муравьёв. Так вот, наша планета — это тоже своеобразный муравейник, как заметил один из философов недалёкого прошлого — человейник, и она имеет свою человекоёмкость. И в муравейнике нет бездельников, там трудятся все, и у каждого своя функция, своя задача. Вот это и есть гармония. Мы, человеки, сегодня осознали, что гармония — это оптимальное соотношение численности населения и размеров земной поверхности. И начинаем создавать гармоничный мир.

— Теория золотого миллиарда… Признаться, я не верю в глобальный заговор неведомо кого.

— Ну, во-первых, не заговор, а деяние. А во-вторых, почему неведомо кого? Даже Генеральный

секретарь ООН в одном из своих докладов отметил, что всего лишь двадцати шести кланам принадлежит столько же благ, сколько половине населения планеты. Естественно, эти двадцать шесть несут глобальную ответственность. Есть ещё такая статистика: один процент населения земли имеет столько же собственности, сколько остальные девяносто девять процентов. Надеюсь, ты не будешь спорить, что тот, кто больше имеет,— больше и радеет. Один процент — это чуть больше семидесяти миллионов человек, вот они и созидают будущее.

— Строят новую Вавилонскую башню?

— При чём здесь эти притчи? — поморщился Бельский.— Я всё это тебе говорю, чтобы ты чётко понимал, на кого мы работаем, кому нужна наука. И исходил из запросов заказчика.

— А я считал, что наука — это провидица всего человечества.

— Это банально. Если не глупо. Ты уж не обижайся,— посмотрев куда-то выше головы Синицкого, не без пафоса произнёс: — Наука — это служанка доминирующей социальной группы.

— То есть мы всего-навсего обслуга богатеев?

— При чём здесь богатеи?! Это эмоции, недостойные учёного. И даже вредные. Мы прокладываем рельсы в будущее, но не для всего человечества, а для деятельной его части. Что тебя не устраивает в этой формуле?

— Пока не знаю. Но что-то не нравится.

— Выбрось все эти мысли из головы. Тему мы взяли самую выигрышную. Работай.

— Стасик, приезжай быстрей!

Голос у Насти взволнованный. И ни слова в объяснение, почему он должен бросать всё и лететь к ней. Хотел ещё пару часов покопаться в трудах великих предтеч, утвердиться в выбранной теме. Бросил всё-таки Гульковский зерно сомнения. Но и за Бельским правда. Вот они — две правды, и он между. За ним выбор…

Раньше Настя позволяла себе такие капризы. А когда он прилетал сломя голову, открыв дверь, обиженно произносила: «Скучно мне»,— и делала рожицу избалованной старшеклассницы, отчего весь его праведный гнев вмиг испарялся.

Набрал номер. Долго ждал, но жена не отвечала. Может, отключила звук, за ней это водилось — пребывать в недоступности. А может, действительно что случилось? Всё-таки беременная…

Заложил закладки в недочитанные книги, черканул план первоочередных дел на завтра и поехал домой.

Взлетел на пятый этаж так, что, стоя у двери, никак не мог отдышаться, и когда Настя открыла, жива-здорова, долго не мог ничего сказать. Только глотал воздух.

— Она пинается…

Жена капризно сложила губки, ожидая если не поощрения, то заинтересованности, и он, наконец, смог произнести:

— С тобой всё в порядке?

— Она пинается, пощупай,— жена взяла его руку.— Фу, холодная. Иди погрей горячей водой.

— Могла сказать по телефону. Я нёсся как угорелый…

— Вам не понять беременных женщин.

— Нам просто женщин не понять.

— Вот опять,— Настя положила свои руки на живот, словно оценивая размер.— Погрел?

— Да.

— Давай руку… Положи сюда.

Она своей рукой обхватила его ладонь, прижала к горячему животу, и он действительно ощутил мягкие толчки, словно там что-то укладывалось поудобнее.

«Надо же,— подумал, удивляясь,— где-то там, в чреве, что-то живёт… Жизнь зарождается в жизни…» Действительно, ему этого не понять.

И вдруг вспомнил о том, что планета уже перенаселена, и чтобы вернуться к той самой разумной численности народонаселения, первым делом запретят рожать. И те, кто будет жить завтра и послезавтра, так и не узнают, что такое быть матерью и отцом.

— Тебе нравится наша девочка? — шёпотом спросила Настя.

— Ну, в общем… — он замялся, помедлил и твёрдо произнёс: — Нравится.

Подержал ещё ладонь на животе, хотя никто уже не толкался.

— Всё. Утихомирилась. Ты ей понравился. Давай будем ужинать.

Настя развернулась и пошла на кухню.

Глядя ей вслед, он вдруг осознал, что теперь их уже не двое. Их уже трое. И тот третий, пока ещё материально осязаемый вот только так, на ощупь, совсем скоро многое переменит в их маленьком мире. Сначала в их маленьком, а потом и в большом. Вместе с теми, кто ещё не пришёл в него. Но придёт. Должен прийти.

— Ты знаешь, я, наверное, сменю тему диссертации,— неожиданно для самого себя сказал он.

— Почему? Бельский предложил?

— Нет. Не он… Ты вот скажи: какое будущее ты хотела бы для нашей дочери?

— Странный вопрос,— удивилась она.— Кто же хочет своим детям плохого будущего? Только хорошее.

— Это понятно. Что бы ты выбрала: однополярный мир, в котором нет вражды, насилия, войн, или тот, который есть сейчас,— с противостоянием, враждой, насилием?..

— Конечно, первый.

— Но в том первом мире будет жить не более миллиарда.

— А остальные шесть?

— Они должны покинуть этот мир.

— А наши с тобой дети будут в этом миллиарде?

Синицкий помедлил. Вспомнил приведённые Бельским цифры.

— Не уверен.

— Тогда зачем спрашиваешь? Я за то будущее, в котором будут жить наши с тобой дети, внуки и правнуки… Садись ужинать. Мы с дочкой проголодались.

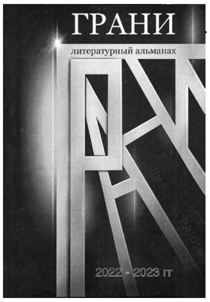
…Ночью ему приснился виконт Пюибюск. Он стоял посреди белоснежного поля в короткой женской, явно маленькой для него, шубке и смотрел в ту сторону, где поле соединялось с белёсым небом. «Время настоящего беременно будущим, — говорил он. — Но мало кому дано распознать это… Мало кому — и все остальные просто обманывают себя…»

«Не все, — хотел возразить Синицкий. — Я не обманываю. Я действительно хочу увидеть будущее».

Но виконт его не слышал, он стал сливаться с полем и уходить, уплывать к горизонту…

Синицкий проснулся с уверенностью в том, что он знает, что делать.

ДиН ревю



Альманах «Грани»

ИЦ «Павлин» Челябинской областной писательской организации
ООО «Союз писателей России», 2023

Про горошины

Треснуло, будто тугою пружиной отброшено,
Щёлкнуло сухо, скрутилось упруго в рулон,
Пулями звонкими выпрыгнули горошины
В дали, и выси, и на перекрёстки времён.
Не соберёшь, не вернёшь, застегнувши как пуговицы, —
Пули не лезут обратно в засохший стручок:
— Вы же горошины — эко вы дуры непуганые. —
Взвизгнуло, брызнуло больно:
— Ты сам дурачок!

Татьяна Чуракова

Край

Запомнилось тепло. Но утром мёрзнут уши.
В карман невольно прячется рука.
Наверно, осень проникает в душу
Ещё из августа. Издалека.
Так возраст после лета подступает.
Снега. Седины. Множество примет.
И кажется, что жизнь уже у края.
А края нет.

Юрий Васильев

Илья Чесноков

Заикание

Начало семидесятых годов. Августовское утро. Мне шесть с половиной лет. Я стою в полутёмном кабинете, выпрямив спину, как учила мама, и опустив руки. Шторы неплотно задёрнуты, и кажется, что кабинет разрезан лезвиями лучей на одинаковые дольки. За окнами в утреннем свечении южного солнца купается жемчужина Казахстана — город Алма-Ата. Напротив меня за столами, выстроенными в ряд, сидят семь человек. Некоторые с усталыми, осунувшимися лицами, как будто приклеенными к головам. Почти все в очках. Кто в маленьких и круглых, в золочёной оправе, а кто — в больших, прямоугольных, в толстой роговой. Перед людьми включены настольные лампы, по-старчески сгорбленные к бумагам, лежащим на столах. Свет от ламп отражается в линзах очков, и когда люди двигают головами, эти отражения танцующими огоньками прыгают по столам, лицам и стенам.

Мне кажется это смешным, и я начинаю улыбаться. Я словно в цирке — ожидаю, что вот-вот начнётся представление. Моя мама, Лидия Дмитриевна, сидит на деревянном стуле с высокой спинкой и гнутыми ножками справа от меня, выпрямив спину и положив руки на колени. Её новая маленькая сумочка с металлической застёжкой сверху висит на плече. Мама ждёт, что скажут нам эти люди. «Семеро против двоих. Нечестно», — мелькнула у меня мысль. Воздух в комнате тяжёлый, как и взгляд над толстой оправой мужчины, сидящего в самом центре напротив меня.

Этот мужчина громко откашлялся, и все остальные тут же начали шелестеть бумагами, лежащими перед ними. Отблески света запрыгали по лицам. Я сразу понял, что мужчина с тяжёлым взглядом, который сидел напротив меня, — это главный. Этот главный посмотрел на меня, поправил очки мизинцем и, кашлянув ещё раз в кулак, басовито обронил в тишину:

— Ну так что у нас с заиканием?

Мама поднялась со стула и, поправляя причёску, произнесла:

— Вот, заикается сын сильно. Мы у себя в Чимкенте обошли многих логопедов. С Илюшей были проведены занятия, но результата нет. Вот, теперь по направлению к вам на консилиум приехали.

— Понятно, — пробасил мужчина, постукивая карандашом по столу, и, поглядывая на наручные часы, добавил: — Ну что, коллеги, послушаем мальчика?

Блики света пробежались по кивающим головам.

— Расскажите нам о себе, молодой человек, — старушечьим женским голосом проскрипел член комиссии с левой стороны, которого еле видно было за плафоном лампы.

Я посмотрел в сторону этого голоса и заметил только огромные очки, залитые светом. Под ними — ярко накрашенные губы, раскинутые на половину лица, и, уже ниже, морщинистые кисти рук с кольцами на пальцах, которые нервно подёргивались в какой-то неведомый такт. Кольца поблёскивали, разбрызгивая вокруг лучи.

Я выпрямился и начал:

— М-м-меня за-за-зовут Илья. Я ска-ска-скоро па-па-пойду в шо-шо-школу. Я уже у-у-умею чита-та-та-читать и щи-щи-считать.

— Достаточно, хорошо, — раздался тоненький голосок девушки с правой стороны.

Она, как школьница на уроке, подняла руку, чтобы ей дали возможность высказаться.

— Я думаю, что здесь всё понятно, товарищи. В данном случае мы наблюдаем логоневроз второй степени.

За столами лёгкой волной вспорхнули короткие реплики. Члены комиссии дружно опустили головы. Листы бумаги стали покрываться узорами слов, складывающимися в орнаменты научных предложений.

— А что, Илюша, ты можешь нам прочитать? Ты что-нибудь приготовил наизусть? — пробасил главный, вглядываясь в моё лицо.

Мама снова приподнялась:

— Илюша любит читать стихи наизусть. Он сейчас прочитает некоторые свои любимые стихотворения. Он и спеть может.

Я стою, молчу и не знаю, на кого смотреть, когда читать начну. Решил смотреть на главного.

Я выпрямился, как репетировали дома, приподнял подбородок и, закинув руки за спину, во весь голос начал:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

Я заметил, как члены комиссии оживились, выпрямились и приготовились внимательно слушать дальше.

Неожиданно по столу звонко забарабанил карандаш так, словно это маленький человечек выбивает на столе чечётку крохотными туфельками.

— Хорошо, хорошо, достаточно! — пробасил главный.

Члены комиссии оживились и продолжили писать.

— Нет, нет, почему же? Очень даже ничего,— задорным голосом сказала девушка.

Она встала и, покачиваясь на высоких каблуках, подошла к главному. Передала ему лист бумаги. Тот прочитал, кивнул и, тыча в мою сторону карандашом, словно перед ним стояла группа детей и он выбирал именно меня, сказал:

— Продолжайте, молодой человек. Что у вас ещё приготовлено?

Я подумал, что ему было плохо слышно, и, набрав побольше воздуха и расставив ноги пошире, продолжил:

— Александр Твардовский.
В пилотке мальчик босоногий
С худым заплечным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.
Вновь меня перебил карандаш:

— Отлично, отлично. Мне всё понятно. Пока хватит.

Но слева густо накрашенные губы нараспев произнесли:

— Уважаемые коллеги. Я думаю, что выражу коллективное мнение, и попрошу молодого человека ещё почитать. Я вижу в данном случае полное отсутствие каких-либо симптомов речевого судорожного синдрома.

Кто-то из комиссии подошёл к окну и, отдёрнув шторы, открыл его настежь. В кабинет ворвался свежий утренний ветерок. За моей спиной распахнулась от сквозняка дверь. Ветерок взлохматил причёски членов комиссии, сорвал со столов листы и раскидал по полу. Консилиум продолжил свою работу как ни в чём не бывало. Лучики света, отражаясь в очках, вновь ожили, перебегая от одного к другому. Появились улыбки. Сквозь перешёптывание и шелест бумаги я расслышал: «да, да», «неплохо», «согласен», «интересно», «такой случай», «и такое бывает».

Главный, устало взглянув на часы, обратился к маме:

— Извините, а что, у вашего сына только военный репертуар?

— Нет, не только. Просто Илюша любит военную тему и вообще хочет стать военным, когда вырастет. Он и спеть может.

— Ну хорошо. Пусть ещё другое что-нибудь почитает. То, что выучил. А потом уж пусть и споёт, если вы так хотите.

Мама повернулась ко мне:

— Давай, сынок.

Я уже слегка раскраснелся и, представляя, что на сцене, набрал побольше воздуха и почти закричал:

Над могилой, в тихом парке
Расцвели тюльпаны ярко.
Вечно тут огонь горит,
Тут солдат советский спит.
Мы склонились низко-низко
У подножья обелиска,
Наш венок расцвёл на нём
Жарким, пламенным огнём.

Мой звонкий голос пружинисто ударялся о стены и потолок, вонзался в пол и вновь подскакивал вверх. И вдруг неожиданно для меня главный быстро отодвинул стул и встал. Я замолчал. «Сейчас ругаться будет»,— подумал я и взглянул на маму. Мама сидела неподвижно, с белым лицом. Слышно было, как за окном щебечут птицы, стучат каблуки спешащих людей, сигналят машины. Через несколько секунд все члены комиссии начали улыбаться и что-то быстро писать, передавая главному бумаги. После некоторой паузы главный, прочитав переданные ему записи, взглянул на маму и спросил:

— Уважаемая, вы зачем вообще привезли к нам ребёнка? Он прекрасно читает стихи. Никаких серьёзных проблем с заиканием у него нет.

Мама поднялась со стула:

— Может, как-то ещё проверите? Зря, что ли, мы ехали? Не в Москву же нам отправляться. Меня с работы отпустили всего на два дня.

— Хорошо.

— Пусть споёт, раз так хотел,— кто-то выкрикнул из-за стола.

— Спой, сынок.

— Как обычно? — шепнул я маме.

— Твою любимую,— подмигнула она.

Я сделал шаг вперёд и, разведя руки в стороны, запел:

Ой, мороз, моро-о-о-оз! Не-е-е морозь меня-а-а.
Не моро-о-озь меня-а-а-а, моего коня-а-а-а.
Не морозь меня-а-а-а, моего коня-а-а-а…

Послышался дружный смех и аплодисменты. Кто-то включил в кабинете свет. Над нами зажглась круглая люстра с десятками ярких лампочек. Я смог наконец-таки увидеть огромный кабинет и людей за столами. Члены комиссии, вытирая слёзы, вполголоса подхватили:

Моего коня белогривого,
У меня жена, ох, ревнивая…

Мама влилась в единый хор, а я растерялся и замолчал. Щёки мои запылали, и я почувствовал себя каким-то огромным и знаменитым. Песня неслась уже без меня. В кабинет стали заглядывать любопытные. Председатель поднял руку, и все разом замолчали. Придав лицу серьёзный и деловитый вид, он обратился к маме:

— Всё у вас будет нормально. Пусть ваш сын чаще поёт и читает вслух стихотворения. И заикание постепенно пройдёт.

В мою память надолго врезалось его «пусть почаще поёт». Мама поблагодарила всю комиссию за работу. Потом подошла и каждому пожала руку:

— Спасибо.

Девушка на высоких каблуках сказала:

— Лидия Дмитриевна, вы можете посидеть в коридоре и подождать. Мы вас вызовем и выдадим на руки заключение обследования.

Мы вышли в коридор и сели на узенький длинный диванчик.

Я взял маму за руку:

— Мам, я хочу на-на-на улицу. Здесь ды-дышать не-не-нечем.

— Хорошо, сынок, выйди. Посиди там на скамейке. Никуда не уходи. Сиди и жди меня. Мы, как только получим документы, сразу поедем домой. Кепку свою не забудь.

Пока мы были на консилиуме, по городу пробежался короткий летний дождь. Скамейка была мокрая, и я сел у входа на ступеньки под навесом. Рядом положил кепку. В мелких лужах барахтались воробьи. Люди нескончаемым потоком двигались в разных направлениях. Город жил своей жизнью. Моё волнение прошло, и на душе было спокойно. Из головы не выходило: «…почаще поёт…» — и я потихоньку запел:

— Ой, мороз, мороз…

Я закрыл глаза и представил себя в кабинете перед комиссией. Я пел только те слова песни, что слышал дома, когда приходили гости. Вот их я и пел, повторяя одно и то же. Вдруг через пару минут я услышал звон монет. Я открыл глаза и увидел в кепке несколько копеек. Никого рядом не было. Люди как шли по своим делам, так и продолжали идти. Я начал петь чуть громче, не закрывая глаза. Ко мне подошла молодая женщина с высокой причёской. На поводке она держала таксу. Женщина пристально посмотрела на меня и улыбнулась. Такса же отвлеклась на воробьёв. Открыв сумочку, женщина достала несколько монет и, нагнувшись, аккуратно положила их в кепку со словами:

— Молодец. Хорошо получается.

Я в ответ улыбнулся, и моё настроение улучшилось. Люди заходили в двери и выходили, а я продолжил петь, но уже стоя. Прохожие награждали меня за пение мелочью и улыбками. Кто-то швырял монеты, не останавливаясь. Некоторые долго копались в кошельках, постоянно оглядываясь на меня, как бы рассуждая, стоит давать или не стоит. Другие, порывшись в карманах, так и уходили, ничего не оставив. А я пел всё громче и громче. Я старался, как артист. Вытягивал вперёд руки, делая серьёзное лицо. Время летело очень быстро, а мама всё не выходила из здания. В кепке монеты уже лежали горкой. А сверху кто-то бросил бумажный рубль. Я быстро засунул его в карман.

Недалеко от меня у поворота стояла тележка-лоток «Балмұздақ»[1], с которой молодая продавщица продавала мороженое:

— Покупаем мороженое! Холодное мороженое! Есть свежесть и вкус в моём пломбире. Это лучше, чем деньги транжирить в тире.

Каждый продавец проявлял свою изобретательность, чтобы быстрее продать товар. Тем более такой особенный, как мороженое.

Продавщица явно нервничала. Товар шёл не так бойко, как ей бы хотелось. Таких тележек с мороженым было много. Дневной план нужно было выполнять.

Услышав моё «Ой, мороз, мороз…», мороженщица на мгновение замолчала. Потом подкатила свою тележку ближе ко мне, продолжая зазывать покупателей. И у нас получился импровизированный дуэт:

«Ой, мороз, мороз! Не морозь меня…»

«Покупаем холодный пломбир. Мороз донесёте до своих квартир!»

«Не морозь меня, моего коня».

«Детям вкусно. Взрослым полезно. Тем, кто поправился, особо известно».

Мы друг другу не мешали. Прохожие сначала, остановившись возле меня, слушали песню про мороз, кидали мелочь и тут же попадали под влияние звонкоголосой продавщицы. Довольные были все. Продавщица повернулась ко мне и подмигнула.

В этот момент я заметил милиционера, появившегося из-за угла. Это был худой высокий пожилой мужчина с висячими седыми усами. Милицейская фуражка смешно торчала на его дынеобразной голове. Галстук от жары был приспущен. Он подошёл ко мне и, поглаживая усы, спросил:

— Ты откуда, мальчик?

— Из Ч-ч-чимк-к-к-кента.

— А здесь что делаешь?

1 Мороженое.

— Ма-а-а-аму жду.

Увидев в кепке мелочь, он усмехнулся:

— Неплохо ты маму ждёшь. Зря времени не теряешь.

Продавщица, увидев милиционера, крикнула:

— Товарищ милиционер, это хороший мальчик. Он мне мороженое помогает продавать.

Тот, не отрывая от меня взгляд, ответил:

— А вас я пока не спрашиваю, товарищ продавец. С вами мы позже проведём беседу. Так где же твоя мама?

— Она се-се-сейчас пэ-пэ-придёт, — ответил я.

Тут неожиданно с другой стороны подошёл второй милиционер. Полная противоположность первого. Низкий, молодой и прыщавый.

— Что здесь происходит, товарищ сержант?

— Да вот, уже из Чимкента в столицу приезжают попрошайничать целыми семьями. Мать этого мальца где-то рядом промышляет. Надо найти её. И продавщицу уже к себе в шайку притянули. Ты понял, Абай, как они организованно действуют? Пока пацан отвлекает кабацкой-рюмочной песенкой, мамаша дела делает, а продавщица зубы заговаривает. Вернее сказать, замораживает. Вызывай наряд. Брать будем. Мне к пенсии премия не помешает.

И в это мгновенье я увидел маму, которая быстро спустилась по ступенькам и подошла к нам:

— Здравствуйте, — обратилась она к милиционерам.

— Здравствуйте. Это ваш ребёнок?

— Да, а что произошло?

— Вот вы нам в отделении и расскажете, что здесь произошло!

— В каком отделении? Я вас не понимаю, — с тревогой она посмотрела мне в глаза. — Мы с сыном были на обследовании в гороно[2], на консилиуме по направлению. У меня все документы на руках. Задержалась немного. Долго не выписывали документы. Людей много.

Мама достала из сумочки сложенные документы обследования, свой паспорт и передала их милиционеру.

— Так-так, Лидия Дмитриевна. Непорядочек. Почему ребёнка оставляете одного на длительное время? А вдруг что случится? А вдруг у него плохой человек деньги отнимет? Хотя, — он поднял мою кепку с мелочью, — в нашем случае всё как раз наоборот.

Уши мои запылали, как костёр. Я опустил голову и молчал. Мама взяла кепку из рук сержанта и сунула мне её в руки. Нагнулась ко мне:

— Это что? Это откуда?

Не дождавшись ответа, она повернулась к милиционеру:

— Вы извините, товарищ милиционер, он не специально ведь. Нам на консилиуме сказали: надо чаще петь, чтобы прошло заикание. Вот он и решил петь где попало.

— Улицы нашей столицы — это не где попало. Здесь должны быть всегда порядок и дисциплина. Ладно. Когда вы возвращаетесь в Чимкент?

— Через два часа. Мы уже билеты купили на автобус.

— Хорошо, но чтобы это больше не повторилось. Счастливого пути.

Милиционеры сделали «под козырёк» и ушли, а мы с мамой подошли к мороженщице.

— Нам два, пожалуйста, — сказала мама и протянула продавщице деньги.

— Не надо, — улыбаясь, ответила та. — Ваш сын помог мне план выполнить сегодня. Всю улицу чуть не заморозил, пока пел. Угощайтесь. Как раз последние два остались.

Мы взяли пломбир и поехали на вокзал. При каждом шаге я слушал, как дружно позвякивают монетки в кармане.

— Мам, а да-да-давай, когда па-па-приедем, купим на все пе-пе-пе-песенные деньги ма-а-а-мороженого. И па-па-папу уга-га-гостим.

— Хорошо, сынок.

— А можно я в а-а-а-автобусе на-на-ачну петь? — спросил я, сжимая в кармане рубль.

Мама улыбнулась и взяла меня за руку:

— Не отставай уж, Робертино Лоретти ты мой.

В этом году меня, по причине сильного заикания, в первый класс так и не взяли. Я ещё год радовал детей и воспитателей садика пением и стихами. В сентябре папа записал меня в вокальный кружок при Дворце пионеров, который располагался в Никольской церкви, в Пионерском парке. На мелочь, как мы и хотели, купили себе и папе мороженое, а бумажный рубль родители посоветовали положить в копилку.

2 Городской отдел народного образования.

Сергей Ведург

К счастью

Ты — знаменитость

А представь: твоя жизнь — постановка,
Антураж и актёрская труппа.
Ты на шоу с большим заголовком,
Что читают за завтраком утром.

Наблюдатели требуют нечто
И таращат глаза в мониторы.
Из-за этого в жизни, конечно,
Авантюры, проблемы, раздоры.

Каждый день — твой сюжет, и не больше,
Каждый друг и коллеги по цеху —
Лицедеи под маской святошей,
Телезрителю лишь на потеху.

И вахтёр постоянно поддатый,
И кассирша в «Пятёрочке»— стерва.
Все работают ради зарплаты,
Ради роли и съёмок на «Первом».

И нехватка бюджета на Dodge,
Да какой там! — на новую сумку.
Даже фраза соседки: мол, «дожил», —
Режиссёра больная задумка.

Ты живёшь, как в огромной пробирке,
Как питон в городском зоопарке,
В однокомнатной старой квартирке
С шумом улицы и кофеварки.

А представь: это так, — и не страшно?
Твой мирок — это просто текстура,
И какой-то известный продакшн
Продвигает тебя как фигуру.

Может быть, мироздание — тайна,
Что тебе никогда не изведать,
Даже эти стихи не случайно
Ты сегодня прочтёшь за обедом.

Всё обман, только ты — настоящий,
Кто-то любит твою нарочитость.
Не сдавайся, живи и почаще
Улыбайся, ведь ты — знаменитость!

К счастью

Чуя всевидящий взгляд на себе,
Снова спешу на работу,
Время с утра переходит на бег,
Я — разгоняю зевоту.
Вновь засиявшее пламя внутри
Тащит куда-то как тросом.
Щёки краснеют, и лишь снегири
Искренне рады морозу.

Чёрные полосы были вчера,
Их занесло снегопадом.
Много писал этой ночью — стирал
Что-то невнятное с матом.
Молодость — глянцевый фотопоток,
Время надежд и, конечно,
Робость признаний и ветра глоток —
Клятвы о дружбе навечно.

Снова Фортуна взяла на прогиб —
Неотвратимая данность.
Запах цветка от удара ноги —
Это его благодарность.
С грустью себе объявляю блицкриг,
Глядя на сонную площадь,
Голос рассудка заметно охрип,
Плоскость молчания — проще.

Честность сегодня — немодный фасон
В каменных джунглях столицы.
Нас не система ломает, а лом,
Вставленный в хрупкие спицы.
Мысли свои заплету в кружева
С горьким эспрессо в стакане,
Строфы — плоды, и я их пожинал
В поиске спрятанных знаний.

Я поднимаю на небо глаза,
Просто прошу: помоги мне.
Годы бегут, и пьянящий азарт
Будет со мной до могилы.
День начинается, всё на местах —
Воля к победе со страстью,
Шаг в достижениях, сила в словах
С новым стремлением к счастью.

Стены

Есть ли смыслы в этих надписях на стенах,
Неизменно появляющихся здесь?
От «Серёжа, ты дурак» и «Людка — стерва»
До стихов Хайяма — жизненная смесь.

Наш подъезд, увы, пристанище замёрзших.
Алкоголиков, влюблённых и шпаны.
Радиатор отопления, заросший
В куче мусора и банок жестяных.

Часто слышатся в пролёте разговоры
О политике, проблемах и войне.
Алефсия зарождается из споров,
Эти речи убедительны вполне.

С потолка всё так же сыплет штукатурка,
ЖКХ — всё так же валит на людей.
В том, что возле входа армия окурков,
Как всегда, виновен кто-то из властей.

Ни утопия, ни дух периферии,
Вы бы видели, как тут цветёт сирень.
Две скамейки и пенёк — и те кривые,
И заборчик из паветвей набекрень.

Наш подъезд — как гостевая трёхэтажки,
Человеческие судьбы долгих лет,
Эти стены — полотно для мыслей важных,
Каждый третий норовит оставить след.

По весне отмоет пол унылый дворник,
Молодёжь переместится во дворы.
Все бутылки заберёт мусоросборник,
И настанут дни безропотной поры.

И до будущей зимы здесь будет пусто,
Как в читальном зале в майский выходной.
Лишь дворовые коты под лампой тусклой
Будут драться и вопить у проходной.

Есть ли смыслы в этих надписях на стенах?
По большому счёту, безусловно, нет,
Размышлял я, поднимаясь по ступеням,
Нацарапав в коридоре: «Всем привет».

Трамвай

Вышел быстро, не нарочно хлопнув дверью,
Закурил — до остановки пять минут.
От подъезда до фонтанчиков у сквера
Люди ломятся, торопятся, бегут.

На трамвае не катался с прошлой Пасхи,
Возле школьников стою как Гулливер.
Я зашёл в вагон и сразу чую: пахнет
Словно в юности — доро́гой в универ.

Помню, мама повторяла эту фразу:
Мол, студенчество — вершина лучших лет.
Наслаждаюсь, вспоминая раз за разом
Общежитие, три пары и — в буфет.

А в трамвае, как всегда, полно народу,
Ностальгия нагоняет всё сильней.
Бьёт из форточки в лицо поток свободы —
Ветер веры в несгибаемой стране.

Жёлто-красный озорник бежит по рельсам,
Вот и мост, внизу — зеркальный водоём.
Я вокзальную успел заметить мельком,
А вагон уже у рынка — во даёт!

Улыбаюсь как дурак: вот это утро!
Выходить пора, а мне ещё б вот так
Покататься, только строгая кондуктор
Поглядела исподлобья, сжав кулак.

Мне пора, меня заждались, где я нужен.
Я вздохнул и задержался на чуть-чуть —
И трамвайчику шепнул: «Ты слышишь, друже,
Обещаю, я ещё раз прокачусь».

Я ушёл, и он захлопнул двери с треском.
Столько лет, а он в строю, и до сих пор
В эру мыслей и технических прогрессов
Он — как я — живёт всему наперекор.

Григорий Тачков

С верой о космосе

Блошиные рынки

Эх, блошиные рынки
У железных дорог…
Платья, крынки, косынки —
Разноцветный поток…

Устаревшие вещи
Где-то тронула моль…
Прошлый век в них трепещет,
Плачут радость и боль…

Есть здесь разные штуки:
Гребни, бусы, сервиз,
Куклы, трубки, мундшту́ки —
Чья-то блажь и каприз…

Только в мире товарном
Ярче зорь блеск монет,
А душа — антикварный
И ненужный предмет…

Честь и совеcть булавкой
Потеряли в траве,
И не спрашивай в лавке —
Не купить их, поверь….

На планете бумажки
Всё решают сейчас…
А за рынком ромашки
Краше многих из нас…

Если б стали валютой
Честный труд и слеза,
То растаяла б смута
И открылись глаза!

Мы всегда в поединке —
Бьются вера и торг…
Эх, блошиные рынки
У железных дорог…

Дрезина

Как полупризрак — седой полустанок:
Двери закрывши, летят поезда…
Память стирает забвенья рубанок,
Прошлого щепки уносит вода.

Путь лёг костлявый в забытые веси,
В тихую даль уходящей Руси;
Полуистлели печальные рельсы —
Плачущий ветер по ним колесит…

Мне бы туда, где озёра в низине,
Древние храмы и предков погост…
На механической доброй дрезине
Ехать готов я под россыпью звёзд…

Электровозы туда не доходят,
Нет проводов, и не видно ни зги,
Но я доеду в родные угодья —
Скоро в руках заскрипят рычаги!

Только б остался хотя бы фундамент,
Остов от дедовской старой избы.
Нет, не безжалостно времени пламя —
Можно сберечь драгоценную быль…

Коли унынье затянет трясиной —
Слово затеплю в безмолвии мхов,
Чтобы душа покатилась дрезиной
В русскую вечность по рельсам стихов.

Вологодский странник Н. Рубцов

Дух глубин России, дух живой и древний,
Душу отрезвляет вьюгой января.
Вновь зовёт подворье Вологды-царевны,
В свите самородков празднично горя́.

Где собор Софийский белою твердыней
Словно охраняет райское крыльцо,
Вижу я порою, будто бы и ныне,
Снегом окружённый, странствует Рубцов.

Вот стоит он в поле — и поэт, и мистик,
Светел и спокоен, в шляпе и пальто,
Думая о птицах, звёздах или листьях,
Образ выбирая, цвет, оттенок, тон…

Вот уже идёт он к бабушке в избёнке,
Видя, как спасенье, дальний огонёк…
Скрип больного сердца словом из маслёнки
Смажет он, загладив времени ожог…

Не было и нету смерти на Крещенье —
Полно вам, берёзы, гнуться и трещать…
Боже, как прекрасно это ощущенье:
Будто вся Россия с верой натощак

Пьёт водой святою силу каждой строчки,
Тихо окунаясь в проруби озёр…
Жив Рубцов повсюду: от бугров и кочек
До небес ведёт он с нами разговор.

С верой о космосе

Присяду под оконцем у избы,
В узорчатое небо загляну,
А там потусторонний звёздный быт
Хранит, мерцая тайной, тишину.

Земной селянин, я понять бы рад
Далёкий и величественный свет,
Но прячет где Галактика свой клад —
Не знает электроника ракет….

А может быть, меж кратеров и скал
Среди планет увидим мы жильцов:
Не зря про космос Фёдоров писал,
В нём видя воскрешение отцов,

Не зря нам Циолковский чертежи
В Калуге вечерами рисовал…
Переливались неба витражи,
Блестел новейших спутников металл…

Но лишь тогда во все колокола
Звонить наука будет для умов,
Когда главенством красного угла
Зажжёт над миром веру и любовь!

Даст Бог — и нам Вселенная сама
Откроет алтари седых высот;
И вера сквозь космический туман
Предчувствие познанья принесёт.

Шалаш

Там, где лес — первозданности страж,
Берег вогнутый,
На холме мы построим шалаш
В ночь над Волгою.

Перед нами крылами взмахнут
Воды белые…
Унесёт прочь небес парашют
Мысли бренные…

От твоей я щеки уберу
Травы колкие;
Нас разбудит с тобой поутру
Дальний колокол —

Зазвонят в городке, иль в сельце,
Или в пу́стыни…
Будет свет у тебя на лице
Чудно-чувственный…

И пусть хрупок из веток каркас,
Шатки колышки,
Ветер стихнет, и мы в добрый час
Встретим зорюшку!

Мне не нужен мечтаний мираж —
Явна цель моя:
Я хочу, чтобы стал наш шалаш
Малой церковью.

Юлия Скрылёва

Магия города твоего

Нас нет

Когда-нибудь нас здесь не будет,
Луна, дырявая, как бублик,
Прольёт на Землю тусклый свет.
Ну вот и всё. Нас больше нет.

А солнце светит, ветер пляшет,
Но это всё теперь не наше.
Отныне мир принадлежит
Тем, кто пока здоров и жив, —

Смешному рыжему котёнку,
Девчонке с розовым ведёрком,
Весёлой девушке с сачком
И мальчику с грузовичком.

А мы сюда ещё вернёмся,
Прохладным ливнем обернёмся,
И капля капле пропоёт:
Нас на Земле никто не ждёт.

• • •

Бродить по тихим улочкам Калуги
И слышать голоса сквозь времена,
И колокольный звон, и звон кольчуги,
И помнящие битвы имена,

И барыни ворчание в поместье,
И шум травы, не тронутой копьём.
И думать, что на свете вряд ли место
Отыщется душевнее её,

Твоей Калуги, нежной, как сестрёнка,
Любимой, как родная сторона,
Ворочается, словно шестерёнка,
Приколотая к облаку луна.

Ей снится запах теста с кориандром
И тонкий хруст калужской пастилы,
И всё, конечно, растворится в завтра,
Ну а пока — в потоке ветра плыть.

Ну а пока с веленьем сердца слит ты,
Умом понять не в силах ничего.
Дорога расстилается, как свиток,
И этот русский город — только твой.

Снегурочка

Инне

Снежком пушистым запорошены
Церквушек жёлтые главы.
Привет тебе, моя хорошая,
Из снежной ветреной Москвы.

Я совершенно очарована
И долго буду видеть сны
О сказках старого и нового
С нижегородской стороны.

Так безмятежно настроение,
Так опьяняюще вино.
Три дня слились в одно мгновение,
Сплелись в тугое полотно.

В изгибе странном переулочка
Застыла хриплая строка.
А ты стояла, как Снегурочка,
Тонка, прекрасна и строга.

И падал снег на шубку белую,
И плыл на запад солнца шар.
В сиянье вечера несмелое
Сквозь вьюгу проросла душа.

Пушистым снегом запорошены
Церквушек жёлтые главы.
Привет тебе, моя хорошая,
Из снежной ветреной Москвы.

«Ямщик»

Н. Л.

Девочка распахивала двери
И в квартиру вкатывалась кубарем:
— Я — ямщик! Не верится? Поверишь!
Видишь, на ресницах льдинок кубики?
Во дворе снежинки, что цыгане,
Развернули пляску неуёмную.
— Ну а сани где? — Угнали сани!
Я — ямщик! Поверили? Запомнили?

● ● ●

Ты — спрятанный в земле древнейший страх,
Шум океана, плотный лист агавы,
Японка с незабудкой в волосах,
Как будто из новелл Акутагавы.

Ты — вечная загадка о Земле,
Ты — первый слог несорванного слова,
Ты — лучшая из всех своих ролей,
Ты — прочная канва всего живого.

Единственная в космосе звезда,
Одна, неповторимая планета,
Ты, как цветок, мгновенна навсегда
И мимолётна, как земное лето.

● ● ●

Облака — словно еры и яти:
Завитушка, кольцо, перекладина.
В Комсомольском районе Тольятти
Каждый двор — Марианская впадина:

Как нырнёшь — и затянет, что омут.
Как бумага наждачная — улица.
Только здесь ты действительно дома.
Вот скамейка-старушка сутулится.

Вот площадка, цветочки простые,
И соседка — ну точно из прошлого!
Уезжать собираешься ты и
Обретаешь здесь что-то хорошее…

● ● ●

Точно знать, нет, не верить, а точно знать,
Что пока ты барахтаешься по свету,
Кто-то, может быть, ночью не будет спать,
Чтобы помнить тебя и встречать рассветы.

Точно знать, что пока ты плывёшь наверх
И до крови кусаешь немые губы,
Кто-то помнит улыбку твою и смех,
Кто-то любит тебя, бесконечно любит.

И пока ты сидишь, как косой, в кустах
И седеешь, как облако, с каждым мигом,
Пишет жизнь на огромных, как мир, листах
О тебе, человек, неземную книгу.

И когда ты бросаешься в самый шторм,
Рвёшься клочьями, падаешь в мясорубку,
Кто-то строит тебе из подушек дом,
Всё теплее и крепче сжимая руку.

И пока ты страдаешь о том, что пуст,
Как коробка, твой день и несчастлив вечер,
Кто-то бабочку в небо пускает с уст
И уходит с прощальной улыбкой в Вечность.

● ● ●

На шляпке ослабь тесёмки.
Разматывай жизнь, как бинт.
Мужская душа — потёмки,
А женская — лабиринт.

Мгновение до разлуки
Ты диким была зверьком.
Но пахнут вербеной руки,
Лимоном и молоком.

А он приходит с работы,
Прекрасный, как майский гром,
И пахнет лесной охотой,
Бензином, рекой, костром.

Как мёд золотится в сотцах,
Сияет душа блесной.
И в воздухе пахнет солнцем.
И нежностью. И весной.

Магия города твоего

Встреча с тобой — что законов свод,
Новые правила, путь к себе.
Магия города твоего —
Это спасенье от многих бед.
«Камень заложен — здесь будет град», —
Кто-то решил, и родился мир,
Где, просыпаясь, Ока с утра
Тонко звучит, точно нота «ми»,
Где, золотой нахлобучив нимб,
Законодатель всемирных мод,
Нежное небо стекает вниз,
Мягко целуя Каменный мост.
Космос, Чижевский, земная высь
И неземной несказанный свет.
Камешек к камешку — обратись
К прошлому, чтоб отыскать ответ.
Чтоб из камней, по которым мы
Ходим неспешно, легко, смеясь,
Меряя южный форпост Москвы
Шагом, с землёю своей роднясь,
Выстроить башню, врагам назло
Там схорониться, сберечь своё —
Нашу историю, наш оплот,
Выцветший, светлый иконостас.
Даже когда мы станем золой,
Вечные камни запомнят нас.
От ледяных и глухих чужбин
Стены родные нас оградят,
Мы из-за их каменных спин
В наше грядущее бросим взгляд.

Илья Новиков

Человек для человека

Весна

Весна, а я как с поминок…
Топчусь у промёрзшей воды.
Казалось, так много тропинок,
Так мало вокруг правоты.

Но всё это только казалось.
Тропинка, по сути, одна.
И мы на ней долго топтались,
Пошатываясь с бодуна.

Свистели нам борзые птицы,
Шипели с окраин ужи,
А мы продолжали креститься
И жить абы как не по лжи.

Какими огромными были
Пронзившие космос мечты…
Всё сгинуло в облаке пыли
Под посвист святой простоты.

* * *

Человек из точек —
Вечное многоточие.
Гоняют пробелов стаю
Времени гончие.

Топчут страниц сугробы
Срочные строчные.
Я тебя отпускаю,
Хоть и не хочется.

Множат и делят даты
Дожди косые.
Мы ведь не виноваты,
Что нет Мессии.

Наши большие «Я»
Вынесены за скобки
Мыльного пузыря,
Что скоро надрывно лопнет.

* * *

Лейся, песня, лейся.
Бейся, сердце, бейся.
Бойся, милый, бойся
Чёрного крыла.

От ночного рейса
До ночного рейса,
В мареве покоса,
Я тебя ждала.

Дрался, милый, дрался.
Сжалься, ворог, сжалься.
Сердце, успокойся.
Ночка убыла.

От пустого леса
До лихого беса
Пташкой я металась,
Душу обожгла.

Майся, сердце, майся,
В небеса вжимайся.
Сколько наших милых
Гидра забрала?

От висящих ружей
До гремящей стужи
Время пролетело,
Робость отцвела.

Куйся, молот, куйся.
Ранушка, рубцуйся.
Папа, милый, дрался.
Папа твой — герой.

От ночного рейса
До ночного рейса,
В синеве рассвета,
Я его ждала.

Маленький папа

Бедный я, бедный,
Мякишек хлебный.
Трус да растяпа —
Маленький папа.

Стыдно и горько.
Смех, да и только:
Мятый, небритый,
Детством привитый.

• • •

Ты во сне. А я наяву,
Где мой поезд давно ушёл.
У тебя много счастья и сил.
У меня всё и так хорошо.

Ты приятна, свежа, светла.
Ты реальнее всех вокруг.
Я за той стороной стекла,
Где железнодорожный стук.

Как вернуться в чудесный сон?
Как обнять тебя? Где искать?
Как покинуть пустой вагон,
Уносящий меня опять?

Человек для человека

Человек, считай, калека
Без другого человека.
Всё равно что телевизор,
Говорящий в пустоту.

В человеке зреет горечь,
Человека гложет полночь.
Человек сутулит плечи
Над империей своей.

От нанайца до ацтека —
Человек для человека.
Направляют руки-крылья
К свету родственной души.

Белый, чёрный, жёлтый, красный.
В этом он единогласный.
Так природа завещала.
Тем стоял Иерихон.

ДиН СИММЕТРИЯ · 1824 г.

Кондратий Рылеев

Гражданин

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, неспособен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетённую свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны,
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдёт ни Брута, ни Риеги.

Ольга Тараканова

Эти глаза напротив

1.

Не будь Люба Колесова спортсменкой, можно было надеяться, что это последний год мучений с ней. Успеваемость у неё никчёмная. Даже если сдаст переводные экзамены, зачем ей в девятый? Лучше сразу в ПТУ. Подобные, вполголоса, рассуждения можно было услышать в учительской. Но не все думали так. Может, директор, помешанный на спорте, самостоятельно дозрел до этого разговора. А может, вечно дерущий горло за Колесову физрук предварительно накрутил его жалобой на безразличие классного руководителя к судьбе его талантливой ученицы.

Анна Максимовна вышла из кабинета директора побагровевшая. Собираясь с мыслями, постояла в коридоре у окна напротив кабинета биологии, где был на уроке восьмой «Б».

«На кого в классе можно опереться? Кто дружен с Любой, сам учится не ахти. Из отличников — Сашу и Тому она откровенно презирает, остаётся только Света».

Анна Максимовна вошла, не дождавшись перемены, извинилась перед коллегой, попросила Смирнову и Колесову после уроков прийти в кабинет физики.

Девчонок встретил необитаемый, молчаливый, несколько неряшливый после пяти часов занятий класс.

— Светка, ты не знаешь, зачем нас классуха оставила?

— Не знаю. Мне вообще-то ещё на кружок надо.

— У меня сегодня вообще игра! С десятым классом играем. Вот заруба будет!

— Буду держать за тебя кулачки. Когда ходили в спорткомплекс болеть за команду нашей школы, я так кричала, что голос сорвала.

— Тебе бы самой играть, у тебя рост хороший.

Вошла учительница и с ходу начала пугать экзаменами. Затем коснулась темы «чести класса» и плавно перешла к взаимопомощи и дружбе. Терпение Любки заканчивалось, ещё немного этой тягомотины — и она начнёт дерзить. Ситуацию спасла опаздывающая на свой кружок Смирнова:

— Извините, Анна Максимовна, мне в Дом пионеров нужно. А с Любой, если она не против, я заниматься согласна.

— Я не против, — отозвалась Колесова, только бы не слышать скрипучий голос «физички».

— Вот и хорошо, — завершила та свою неумелую лекцию по психологии.

Девчонки выпорхнули из кабинета. Света предложила Любе пройти до остановки с ней, чтобы договориться об их совместных занятиях. Колесовой надо было в другую сторону, но она согласилась: надо же как-то сдавать экзамены. Не успели они выйти с территории школы, как услышали топот и крики.

— Вот она! Эй, Колесо, стой! Сейчас ты ответишь за свои слова!

Люба и Света прижались к школьному забору. На них, как быки на красную тряпку, неслись три старшеклассницы. Это были девчата из команды соперниц, с которыми Люба крупно поссорилась, высмеивала их, предвещая проигрыш. Две девчонки сразу накинулись на Колесову, третья замахнулась портфелем на Свету. Далее произошло невероятное: тихоня Смирнова так врезала десятикласснице ногой, что та упала, и портфель отлетел в сторону. Её подружки и успевшая получить вскользь по скуле Любка прекратили драку. Все стояли в растерянности, туго соображая, что произошло. Света опомнилась первая, подала руку упавшей девчонке.

— Ничего не сломала? Тогда идите своей дорогой и не нападайте на людей, — строго посоветовала она всем троим и отступила назад к забору.

Обескураженным воительницам показалось, что Светка заняла какую-то боевую стойку. Они подняли портфели и послушно зашагали в направлении, откуда только что примчались, гонимые чувством мести. Люба была потрясена.

— Ты что, восточными единоборствами занимаешься?

— Нет, я в балетную студию хожу.

— И у вас там учат драться ногами?

— Я не знаю, как это произошло. Наверное, от страха.

— Страха-то полные штаны у девок. Клуши. Сегодня вечером набросаем им мячей полную кошёлку. Ой, мамкин автобус! Успеем?

Они заскочили в заднюю дверь. Люба сразу направилась к кондуктору.

— Мам, я со Светкой. Она будет готовить меня к экзаменам.

Кондукторша радушно улыбалась подошедшей следом Смирновой, не замечая её руку с пятаком.

— Да убери ты деньги, — по-хозяйски распорядилась Люба.

Женщина пошла продавать билеты вошедшим пассажирам.

Девчонки выяснили, что у них свободны после школы вторник и четверг. Выходные договорились не трогать.

— «Дом пионеров». Есть на выход? — донеслось из конца салона.

— Начнём с математики, русский вообще терпеть не могу, — крикнула выходящей из автобуса Свете одноклассница.

2.

«Как можно не любить родной язык?» — думала Смирнова, надевая пуанты. Она мечтала после школы поступать на филологический, преподавать русский и литературу. Балет — ещё одна её мечта, правда, несбыточная. Балетом нужно начинать заниматься с детсадовского возраста, а она записалась в студию в начале учебного года в пятом классе. Увидела на школьной доске объявлений приглашение с фото девочки в пачке и представила себя в этой красивой юбочке. Набирали детей в возрасте восемь-десять лет; Света пошла в школу в неполные семь, день рождения у неё в декабре. Хотя никто не думал готовить в студии артистов балета, её взяли только из-за хорошей выворотности и природной гибкости. Самая высокая и самая старшая в группе, она чувствовала себя не совсем комфортно, но занятия ей нравились. Кроме станка, для детей, чьи родители были готовы оплачивать поездки группы на фестивали и конкурсы, раз в неделю преподавали танцы народов мира. Одевали эту группу тоже за счёт родителей. За три с половиной года у Светы набралось семь разных нарядов. Когда дочь в новом костюме вертелась в зале перед трюмо, мать начинала сокрушаться:

— И в кого ты удалась такая?

Светка уходила в детскую, бурча себе под нос:

— В кого, в кого… В тебя, мамочка! Ни бровей, ни ресниц, на голове солома. Не то что у Нади.

И она ревностно, но с любовью принималась в очередной раз рассматривать портрет, с которого жгучими карими глазами смотрела на неё сестра.

«Хорошо тебе, ты в папу. Мне бы твои брови дугой, ресницы что опахала, а главное — чёрные, в крупный завиток, волосы. С моими только „Топотуху“ плясать. Хотя нет, главное — техника. Когда от Дома пионеров ездили в область на конкурс, в первом отделении показывали классический танец, а во втором выступали с цыганским, председатель жюри сказал руководителю, явно имея в виду меня: „По классике замечаний нет, а вот цыганочкой в вашем коллективе можно назвать только высокую беленькую девочку“».

Надя старше Светы на семь лет, учится в областном центре на последнем курсе в институте на товароведа. Она смотрела то конкурсное выступление. Ей тоже понравилось, но тем не менее она очень серьёзно посоветовала сестре не мечтать о танцах как о профессии. Родители тоже в голос говорили:

— Пусть уж лучше учительницей будет, чем артисткой.

Мама Светы, Валентина, работала в обувном отделе универмага, отец, Николай, на стройке прорабом. Он приехал в Зеленоборск по распределению после института. Здесь влюбился в светленькую, с огромными синими глазами, продавщицу. По неизвестной Светке причине родители отца с их семьёй не общались. Бабушка и дедушка по маминой линии, в свою очередь, были против выбора дочери:

— Кого ты, Валюша, себе нашла?! Он же вылитый цыган! Настряпает тебе ребятишек и сбежит. Ищи ветра в поле!

— По паспорту Коля — русский, а вообще вы отчасти правы: его мать из молдавских цыган. Только он табора за свою жизнь ни разу не видел. А какой колоритный! У вас будут самые красивые внуки, — успокаивала их дочь.

И правда: родилась Наденька — не девочка, а куколка. Но отношения Валиных родителей с зятем не заладились. И молодые переехали в городок, который находился примерно на таком же расстоянии от областного центра, как Зеленоборск, только в другую сторону. У них родился сын, но он умер в роддоме от какой-то инфекции. Валентина и Николай долго приходили в себя после этой трагедии. Появление в семье «маленького солнышка» вернуло радость в дом.

— Светлячок ты наш, Светулечка, вылитая мамулечка, — умилялся отец похожести младшей дочери на жену.

3.

Света первой подошла к унылой Колесовой, которая после проигрыша во вчерашней встрече младшей и старшей баскетбольных команд ни с кем не разговаривала.

— Ты играешь здорово, даже лучше старшеклассниц. Вот если бы все так в твоей команде играли.

— Меня берут в сборную школы, — чуть просветлела Люба.

— Поздравляю!

— Да… фигня! С этими клушами придётся вместе играть.

— Они скоро выпустятся из школы, а может, вообще не войдут в сборную в связи с экзаменами, всё-таки десятый класс.

— Точно! Смирнова, ты — молоток! — окончательно повеселела, к удивлению всех, «гроза класса».

После уроков пошли к Светлане.

— Вот это хоромы у вас! — удивилась Колесова, подходя к воротам кирпичного особняка, а войдя вовнутрь, даже оробела.

Дом Смирновых был как благоустроенная квартира: местное отопление от котла, санузел в доме, на кухне в кране холодная и горячая вода, ровные потолки, красивые обои.

Люба выросла в бревенчатом домике с печным отоплением и с удобствами во дворе. Потолок и стены в доме дважды в год забеливались известью с добавлением синьки или бирюзовой краски, купленной на рынке, расфасованной в четвертинку газеты. У Любы был один на двоих с братом письменный стол и одна на двоих с матерью железная кровать. Брат спал в той же комнате, что и они, на диванчике. Кровать бабушки стояла в кухне возле русской печки.

— Проходи. Мама с папой на работе, но мы сами себе не дадим умереть с голоду. Сейчас посмотрим, что у нас есть в холодильнике.

Колесова села за овальный обеденный стол, который, вероятно, был частью кухонного гарнитура. Через открытую в зал дверь было видно край мебельной стенки. У Смирновых было красиво, как в музее. Люба каждый раз сожалела, что у Светы отдельная комната, куда они уходили, наспех перекусив бутербродами с чаем. Хотелось рассмотреть весь дом, но нужно было заниматься.

Девчонки договорились ходить друг к другу по очереди. Следующий раз отправились грызть гранит науки к Любе. Она жила в пределах того же квартала, что и Света, только на две улицы дальше. В семье Колесовых, так же как и у Смирновых, было три женщины и один мужчина — младший брат Любы, который учился во вторую смену. Так что на момент прихода девочек дома была только баба Соня, встретившая их, дымя сигаретой без фильтра. «Ну и бабка у Любы!» — промелькнуло в голове у не умеющей скрывать эмоции Светланы. Щуплая, морщинистая старушка, смешливо поблёскивая блёкло-голубыми глазами, вместо ответа на еле слышное приветствие гостьи ошарашила её вопросом:

— Ты, девонька, курить ещё не пробовала?

— Нет, — выпалила, выпучив на неё свои синие глаза-блюдца, не отходя от вешалки, Светка.

Казалось, что она сейчас опять напялит на себя своё модное пальто и сиганёт за порог. Бабуля, гася окурок у плиты, невозмутимо продолжала:

— А наша-то спортсменка проявляла интерес. Да только я вмиг её образумила. Рука у меня ой какая тяжёлая.

—— Баба, ну хватит! — не выдержала прессинга Любка. — Проходи в зал, — указала она однокласснице в направлении комнаты, одновременно служившей спальней матери с детьми.

Комната, в которой они ещё находились, являлась прихожей и кухней.

— Не торопитесь. Голодные, поди? На плите щи, чайник горячий, — сказала бабулька, убирая со стола плоскую ярко-красную пачку «Примы». Доставая из шкафчика чашку со стряпушками, продолжила, обращаясь к Светлане: — Я, девонька, тоже не с сигаркой в зубах родилась. Уж за тридцать было, когда курить начала. Как похоронку на Любашкина деда получила, взвыла на всю округу. Женщины-то уже знали: лучше сейчас не трогать горемычную, пусть прокричится. Дед Тимошка, сосед, не выдержал моего рёву, притёпал, а что делать, не знает. Хвать своё козье коленце да мне в открытый рот: «Курни, дочка, легче станет». Я непроизвольно вдохнула, причитания сменились кашлем до посинения. Отдышалась — деда след простыл. Самокрутка на полу валяется, не дымится уже. Прибрала я её. Как комок к горлу подкатит, так достаю, прикуриваю. Раза за три изничтожила, потом сама завёртывать научилась. Махоркой было разжиться легче, чем куском хлеба.

Люба поставила на стол тарелки с наваристыми щами. В большой чашке с одного края лежали румяные пироги, с другой — шаньги с творогом. Девчонки, хотя и ходили в школьную столовую на большой перемене, за еду принялись с аппетитом. Баба Соня ушла в зал, к концу их трапезы вернулась с альбомом.

— Вот он, мой Мишенька, тридцать два годочка тут ему.

Света внимательно всмотрелась в черты крепкого молодого мужчины на пожелтевшем фото и вдруг вскинула взгляд на одноклассницу:

— Люба, ты очень похожа на дедушку.

— Только лицом. А так — куда там! Михаил был степенный, а эта егоза вся в меня. Ох, я была — огонь! Могла ещё не раз замуж выйти, да только лучше Михаила не встретила, а хуже на что мне? Так всю жизнь и живу с дочкой, с внуками.

— Ладно, баб, нам заниматься надо.

— Учитесь, учитесь, девоньки. Без образования никуда сейчас.

4.

Смирнова взялась за навёрстывание пробелов в знаниях «спортивной надежды школы» очень серьёзно, иногда даже жертвуя частью воскресного дня. Люба стонала, но подчинялась настойчивости одноклассницы. В результате обе успешно сдали экзамены и были переведены в девятый класс.

Начались каникулы. Подружки Светланы разъехались: кто с родителями в отпуск, кто к бабушке в деревню. А её бабушка жила в городе, да к тому же работала. Нет, она давно вышла на пенсию, но после смерти дедули вернулась на родное

предприятие. Прежде она работала в бухгалтерии, теперь её взяли на вахту, да и то по старой памяти. Бабушка спасалась среди людей от навалившегося одиночества. Когда был жив дед, Света иногда гостила у них. Теперь ехать в Зеленоборск, если только она не решила одна в городской квартире бабушки умереть от скуки, не имело смысла.

Колесовой ехать было не к кому. Её отец давно сбежал от них, а брат вообще безотцовщина. По выражению бабушки, мать принесла мальчонку в подоле. Но Люба не от скуки отправилась к однокласснице. Во-первых, она настолько привыкла к общению со Светой, что ноги сами вели её к дому Смирновых. А во-вторых, в городском парке начались танцы под вокально-инструментальный ансамбль, в котором играет Любин знакомый — Эдик. Он приглашал её сегодня, даже контрамарку дал. Но как идти одной в парк? Вся надежда на Смирнову. А вот и она, поливает цветы в палисаднике.

— Привет, Светик!

— Ой, привет! Ты что такая серьёзная? Пойдём в дом, я тебя с сестрой познакомлю.

— Не-е, разговор есть без свидетелей.

Люба не знала, с чего начать. Если сказать про Эдика, подружка может не пойти. А если не сказать, как потом объяснять наличие контрамарки? Решила просто позвать с собой, а дальше видно будет.

— Свет, пойдём в парк на танцы?

— Меня не отпустят.

— А ты скажи, что пошла ко мне.

— Отец узнает — попадёт и за танцы, и за враньё.

— Откуда же он узнает?

— Хотя бы по моему виду, я же в этом сарафанчике на танцы не пойду.

— Надень брюки и рубашку.

— Ага, и пойдём картошку окучивать.

— Это самая модная одежда этим летом! Только нужно низ брючин распустить на бахрому, а рубашку завязать узлом под грудью.

— Что-то я не слышала про такую моду.

— Это одежда хиппи. Сейчас в центре вся молодёжь хиппует, и у нас уже некоторые так ходят.

— Интересно.

— Иди переодевайся. На билет тридцать копеек возьми. У меня дома распорем низ твоих брюк и выдергаем поперечные нити, сколько успеем. Я скажу, что мы — к тебе, и свалим.

Свете не хотелось обманывать родителей, но любовь к танцам, любопытство, как они проходят в парке, и желание быть причастной к неведомым модным хиппи взяли верх.

Музыку было слышно ещё на подходе к парку. Сердца девчонок взволнованно стучали в ритме быстрого танца. Люба протянула контролёрше клочок бумаги с печатью. Светка не глядя высыпала в подставленную ладонь женщины мелочь и, хлопая белёсыми ресницами, незамедлительно спросила подругу:

— А что это у тебя?

— Идём, — потащила та её к сцене, — это контрамарка, выдаётся в течение вечера тем, кто выходит с танцплощадки прогуляться, покурить, в туалет.

— А где ты её взяла?

— Смотри, видишь парня с бас-гитарой, ну, который ближе к нам? Он дал.

— А он тебе кто?

— Это мой парень — Эдик. Мы с ним уже два раза встречались.

Участники ансамбля по сторонам особо не смотрели. Это на них восторженно смотрели многочисленные поклонницы. Те, что посмелее, оккупировали край сцены, сидели важно, считая себя на танцплощадке главными. Люба уловила момент, перехватила взгляд бас-гитариста и помахала ему рукой. В перерыве Эдик подошёл, поболтали пару минут, и он отправился следом за парнями на перекур.

Во второй части девчонки попрыгали под «Синий иней» прямо у сцены вместе с толпящимися здесь девушками пятнадцати-семнадцати лет. Люба успела занять себе место, Света стояла рядом. Она уже несколько минут ощущала затылком чей-то пристальный взгляд. Оглянулась и моментально отвернулась, оробев, повстречавшись взглядом с чёрными глазами незнакомца. Она не успела толком рассмотреть парня, стоящего у сцены на другом конце, где стоят лавочки, расположенные по всему периметру танцплощадки до самого входа. Но она больше не обернётся, наоборот, сейчас за кем-нибудь спрячется от его магнетических глаз. Люба звала её на быстрый танец.

— Нет, не хочу. Можно я посижу немного на твоём месте? Ноги устали.

Колесова потеснила соседок. Света втиснулась. Она, конечно, обманывала подругу. Её ноги так и просились на тур вальса. «Эти глаза напротив», — пел солист ансамбля, по кругу вращались немногочисленные пары, кучка молодёжи танцевала в центре «медляк». Света вообще не понимала, как можно назвать танцем это переминание с ноги на ногу. Только отзвучал вальс, сразу объявили белый танец. Женская половина кинулась приглашать понравившихся юношей, подружки сели посвободнее. Смирнова успокоилась, стала рассматривать танцующих.

Кто это двумя руками держит за талию обесцвеченную, с пошлым начёсом, деви́цу? Нет сомнений, это он! Очень взрослый, симпатичный, если не сказать — красивый. И хоть смотрит он на свою перезревшую партнёршу совсем не так, как смотрел на неё, Свету покоробило, настроение испортилось.

— Люба, пойдём домой, уже темно, меня потеряли.

— До конца минут десять осталось!

Но Смирнова уже спрыгнула со сцены и направилась к выходу.

5.

Возвращаясь из парка, подруги всю дорогу молчали. Колесова злилась больше на себя: «Весь вечер мечтала, как Эдик пойдёт провожать, а сама ушла, не дождавшись окончания танцев!» Света пыталась разобраться в своих эмоциях, старалась понять, что с ней происходит.

Смирновы не спали. Отец курил на крылечке. Мать и сестра сидели на лавочке у ворот. Они поднялись навстречу подходящим к дому девчонкам.

— Говорила же я тебе, что ничего с ней не случилось, придёт. Постой,— остановила мать Надежду и дала выход переживаниям.— Ты где была? Мы уже хотели идти тебя искать,— напустилась она на Светку.

Люба ответила за подругу:

— Мы были на улице возле нас.

— Люба, а ты не боишься по темноте ходить? Может, проводить тебя?

— Нет, спасибо, я всегда поздно гуляю.

— Ну, беги, а то мать волнуется.

— Мамка давно спит, ей в пять вставать на работу. До свидания.

Подождали, пока силуэт Колесовой исчезнет в глубине неосвещённой улицы, молча пошли в ограду. Валентина переваривала ответ четырнадцатилетней девочки. Отца на крыльце уже не было. Он в доме сидел в кресле, добавив к естественной серьёзности строгих красок. Светка интуитивно жалась к сестре: Надя окончила институт, перейдя в разряд взрослых членов семьи. Вдруг мать всплеснула руками:

— Ой, батюшки, что это на тебе?

— Этим летом так носят, так хиппи одеваются,— неуверенным голосом пролепетала дочка.

Надя рассмеялась:

— Хиппи в джинсах ходят! В Америке они рабочей одеждой считаются, а у нас люди фарцовщикам за них бешеные деньги отдают,— адресовала последнюю фразу она для матери.

— А я-то думаю, что у нас в универмаге такой ажиотаж вокруг этих джинсов?

— Мама, ты что, не взяла?!

— Твоего размера, Надюша, не было. Привоз был в подростковом отделе. Ну всё, разоблачили вы меня, думала придержать до дня рождения этой гулёне.

— Мамочка, кто же меня зимой в них увидит?! Я честно ничего не буду просить в декабре,— забыв про всё, запрыгала вокруг матери Светка.

Валентина достала из комода пакет:

— Примерь. Если в поясе широки, ремешок можно вставить.

Женщины так были заняты дефицитной вещью, что забыли про присутствие в комнате отца.

— Этой гулёне бы всыпать,— подал он голос из кресла,— а она подарки ей дарит!

Валентина постаралась принять строгий вид и принялась наставлять дочь:

— Свои брючишки с бахромой выбрось. Рубашку на все пуговицы застёгивай, никаких узлов, показывать живот — неприлично.

Светка, уже облачённая в обновку, сияя от счастья, обхватила мать за шею:

— Торжественно клянусь,— и, чмокнув в щёку, поблагодарила: — Спасибо, мамулечка.

Мать поцеловала её в ответ и с нотками извинений в голосе обратилась к Наде:

— Немного подожди, доченька, и тебе возьмём. Скоро будет поступление в отделе у Лизы Кодряну, она за туфельками ко мне недавно приходила. Главное, чтобы привезли джинсы да был твой размер.

— Да ладно, мама. Вы с папой мне шикарный подарок сделали. Что может быть лучше поездки по туристической путёвке?!

Настроение Валентины в который раз за вечер переменилось:

— Ой, не успела приехать и опять уезжаешь!

— Что ты, мать? Уезжает ещё через два дня и не на год,— взялся успокаивать жену Николай.

В семье наступили мир, всеобщее чувство взаимного обожания и… сон.

6.

Девчонки еле дождались следующих танцев. Люба, якобы на фильм, выпросила у матери тридцать копеек. Сегодня-то она не упустит свой шанс. Эдик, на которого пялится как минимум пятая часть всех девчат на танцплощадке, пойдёт провожать её. Свете не терпелось продемонстрировать всему миру джинсы. Родителям она сказала, что они идут с Любой в кинотеатр на вечерний сеанс. Подруга про джинсы её не расспрашивала, старалась не выдавать свои тайные чувства. А она тоже умела держаться скромно — во всяком случае, не хвасталась обновкой.

Девчонки заняли элитные места на краю сцены. Света непроизвольно стала изучать публику. Признавшись себе, что ищет черноглазого незнакомца, устыдилась и прекратила рассматривать юношей. Они с Любашей выходили почти на все быстрые танцы, медленные сидели, отказывая подходящим к ним кавалерам. Объявили перерыв. Эдик разговаривал на сцене с солистом.

— Видишь ромашку в «фирме́»?

— Это Любина подруга, они в прошлый раз были вместе.

— Так, может, пригласить после танцев девочек в ресторан? С по́нтом — у меня день рождения.

— Забудь, они выглядят только взросло, на самом деле малолетки.

— А ко мне-то мы их пригласить можем?

— Попробуем.

Эдик помахал девчонкам рукой, приглашая на сцену. Люба готова была бежать, но Светку было не сдвинуть с места. Парни сами спустились к ним.

— Привет! Знакомьтесь, лучший голос нашего города — Семён…

— Просто Семён,— перебил его солист.

Девчонки по очереди представились.

— Тут такое дело: у Сени день рождения, и он приглашает после танцев продолжить вечер у него.

— Ну, если не долго.

Люба умоляюще смотрела на Смирнову. Та была как сталь.

— Поздравляю. Но после танцев мне бегом домой нужно,— без тени сожаления сказала она.

Семён пустил в ход тяжёлую артиллерию:

— Да мы посидим всего часок, угощу вас миндалём в шоколаде, «Битлов» послушаем.

Теперь Колесова уже точно решила: она пойдёт даже без Светки,— но всё же сделала последнюю попытку:

— Соврёшь, что мы погуляли после кино.

Парням уже нужно было идти продолжать работать.

— Надеемся, что вы не огорчите именинника,— сказал Эдик, подмигивая Любе.

Подруги продолжили разговор тет-а-тет.

— Я не пойду. И обманывать больше не буду. Сегодня признаюсь родителям, и пусть делают со мной что хотят.

— А я пойду, пусть с меня мамка хоть шкуру снимет.

— Ты оставишь меня одну?!

— Не дави на мозоль. У тебя дома проигрыватель, магнитофон, пластинки, записи. А я где «Битлз» послушаю?

— У меня.

— Что, и «Битлз» есть?!

— Нет, но в декабре будет.

— Жди сама до декабря. А сегодня или иди со мной в гости, или возвращайся одна.

Светка была готова разреветься, но в это время перед ней возник он, серьёзный, вежливый, лишь в глазах смешинки. Она поняла, что больше не боится незнакомца — напротив, рада встрече. Он пригласил её на танец. Моментально забылся трудный разговор с Любой, которая осталась в одиночестве возле сцены. Забылась неприязнь к медленному танцу. Рядом с партнёром, обнимавшим правой рукой за талию, а в левой державшим её ладонь, было уютно и надёжно. Всё вокруг перестало существовать, только они и музыка.

«Пусть я впадаю, пусть, в сентиментальность и грусть, воле моей супротив — эти глаза напротив!» — пел солист. Света опомнилась:

— Это же вальс!

— А я не умею танцевать вальс. Научишь?

— Это просто. Нужно считать: раз, два, три.

Уже закончился танец, а она продолжала объяснять:

— Нужно мысленно нарисовать треугольник на полу и двигаться по нему, поворачиваясь в каждом углу: раз, два, три.

Люба негодовала: «Ну, скромница! Пошла танцевать с каким-то стариком. Стоит, болтает увлечённо с ним. Это она мне назло. Вот пусть и топает с ним домой!» Она вышла с танцплощадки и стала наблюдать за Светой через узорчатое ограждение.

Светлана в сопровождении своего партнёра спокойно дошла до сцены, но, не увидев там подругу, заволновалась, стала смотреть по сторонам. Парень, что танцевал с ней, что-то спрашивал — похоже, успокаивал. Потом они пошли по кругу, видимо, искать её. Ещё немного постояли у сцены, потом он снова пригласил Свету танцевать. Люба видела, как они вместе ушли с танцплощадки. Она поспешила к убирающим со сцены аппаратуру музыкантам. Узнав, что «ромашка» с кем-то ушла, Семён помрачнел и сразу же придумал отговорку:

— Извините, друзья, что-то я сегодня устал.

Люба поняла, что с миндалём в шоколаде и «Битлами» ей облом. Правда, Эдик её проводил до дома.

7.

Света не заметила, как они с Сергеем дошли до её дома. Из темноты послышался строгий голос матери:

— Девочки, это уже слишком! В кинотеатре последний сеанс давно закончился. Мы с отцом все на нервах! Я все глаза просмотрела.

— Добрый вечер, тётя Валя,— услышала она мужской голос в ответ.

— Это ещё что такое?! Я тебе сейчас покажу тётю. Николай, иди сюда!

— Вы не узнали меня? Я сын Елизаветы Кодряну. Вы с ней вместе в центральном универмаге работаете. А я вас узнал.

Рядом с Валентиной возник Светкин отец. Тоном, не допускающим возражений, распорядился:

— Марш в дом, киношница! А ты, молодой человек, забудь сюда дорогу, чтобы я тебя близко со своей дочерью больше не видел. Знаешь, сколько ей лет?

— Что же вы её на танцы в парк одну отпускаете? Спасибо бы сказали, что проводил.

— Коля, это сын Лизы Кодряну.

— Сергей,— протянул мужчине руку юноша.

Николай, то ли от растерянности, то ли от нежелания знакомиться, руки не подал.

— Ты, это… спасибо, конечно, что проводил Свету. Ну а всё остальное — как было сказано.

— Всего доброго. До свидания.

Молодой человек растворился в темноте, как будто его и не было. Светка в своей комнате ждала родительской расправы. Смирновы-старшие, стоя у калитки, спрашивали друг друга:

— Что делать-то будем?

Валентина была за метод убеждения:

— Поговорить надо спокойно, без угроз. Не маленькая уже, должна понять всю опасность своего поведения.

— Не маленькая! Вымахала, взрослые кобели провожают, а ума что у курицы!

— Смотри, строжись, но не перегни. Не бита ни разу в жизни, да боится нас, врёт. А накажи — что будет?

— Я тогда не знаю! Сама говори с ней. Только потом не реви и за сердце не хватайся!

— Коля, я думаю, что Свету с толку сбивает одноклассница, Люба. И Надя уехала, просмотреть за ней, пока мы на работе, некому. Может, её к бабушке отправить?

— А у бабушки там есть кому присмотреть?

— Но там не будет негативного влияния Любы. Наша одна ни за что в парк не пошла бы.

— Надо позвонить сначала в Зеленоборск, тёща ведь работает.

— Я всё решу. Ты только Светланке вердикт вынеси.

Родители вошли в детскую только что не в судейских мантиях. Начала мать:

— Света, мы знаем, что ты не спишь. Сядь, послушай.

Дочка завернулась в покрывало, села на кровати, прижавшись спиной к стене, поджав ноги и опустив голову в колени. Сердце Валентины сжалось.

— Доченька, как ты оказалась одна в парке? Вы же с Любой пошли в кино.

— Я сама хотела сегодня всё рассказать.

— Что всё? — напрягся отец.

— Что обманула вас, — выдавила из себя Света и разревелась.

Она сквозь рыдания обрывками выдавала родителям информацию.

— Вы бы не отпустили… А на танцплощадке… даже с нашей школы есть… У Любы там парень в ансамбле… А меня Серёжа пригласил на танец… и проводил потом… — всхлипывала и растирала по нежным щёчкам солёные ручьи дочь.

Николай поспешил закончить эту пытку женскими слезами:

— Ладно, успокойся. Где-то в середине следующей недели отправим тебя к бабушке.

— Что там делать? — возразила, шмыгая носом Света.

— Дома сидеть! Не будешь врать! И не реви! — начал заводиться отец.

На выручку подоспела мать:

— Всё. Поздно уже. Давайте спать.

8.

Света не заметила, как уснула. Она заспала драму вчерашнего вечера. Поднялась часов в девять. Отдёрнула шторку. Какой чудесный день! Но тут, словно грозовые тучи, поползли воспоминания.

«В середине недели к бабушке! А Серёжа? Он предлагал поехать на озеро. Вот дурёха, отказалась! Что же делать? О! Где телефонный справочник? Так, Кодаровский… Кодинская… Вот, Кодряну».

Набрала номер. Сердце стучало, как отбойный молоток. На том конце взяли трубку:

— Алло… Говорите!

Светка собралась с духом:

— Сергей, здравствуй. Сегодня такое солнце с утра.

— Светлячок, ты?! Тебя там не убили, котик?

— Меня к бабушке отправляют.

— Когда?

— Наверное, в среду.

— До среды у нас уйма времени! День правда будет жаркий. Что, махнём на озеро?

— Ага.

— Я часам к одиннадцати заеду за тобой.

— Хорошо, — быстро согласилась Света, чуть не взвизгнув от радости.

Положила трубку и закружилась по комнате, почти выкрикивая слова песни:

— Эти глаза напротив — калейдоскоп огней…

На обеденном столе лежала записка: «Светочка, свари себе пельмени. Никуда не ходи. Подумай, что из вещей будешь брать с собой к бабушке». Разорванная записка полетела в мусорное ведро. Пельмени булькнулись в кипящую воду. Из шкафа был извлечён купальник, который тут же оказался под сарафанчиком на тоненькой точёной фигурке самой счастливой девочки в этом безоблачном мире.

Без пяти одиннадцать под окном раздалось долгожданное тарахтение. Сергей протянул появившейся Светлане шлем. Она села позади, обхватив его за спину. Сопротивляющийся скорости мотоцикла воздух обдувал с боков и норовил поднять подол. Показалось озеро, вдоль берега кишащее людьми. Во все стороны от загорелых тел разлетались брызги. Стоял гам из обрывков фраз, визга и смеха. Света, и не подумав стесняться, скинула сарафанчик. Через минуту они за руку с Сергеем уже бежали к воде.

Дома Света спрятала ещё влажный купальник. Достала платье, джинсы, рубашку, халат, всё стопочкой сложила на краю постели.

На следующий день с самого утра ждала звонка, а дождавшись, вылепила, не поздоровавшись:

— Я завтра уезжаю на две недели.

— Не грусти, Светлячок. Сегодня встретиться не получится. Я ухожу в рейс. Ты продиктуй мне адрес бабушки. Обратный билет не берите. Я приеду за тобой, котик.

9.

Он не приехал. Бабушка отправила внучку поездом. Дома Света выдала себя с потрохами:

— Мама, Серёга Кодряну обещал приехать к бабуле за мной и что-то потерялся. На звонки не отвечает. Ты не можешь узнать у тёти Лизы, где он?

— Это ещё что за новости? Забудь думать о нём. Лиза говорила, что он женился.

Света убежала в свою комнату, упала на кровать, уткнулась лицом в подушку. Она по жизни была плакса, чуть что — в слёзы, но такого не было ни разу. Она плакала навзрыд, с жутким подвыванием, никак не реагируя на прибежавшую следом мать.

— Господи! Что случилось? Что ты кричишь как по покойнику? Света, иди попей водички! — Валентина подняла дочь, прижала к себе. — Светочка, Светочка, давай попьём водички. Ну пойдём на кухню.

— Мамочка, я не хочу жить! — простонала дочь, и у неё началась вторая волна истерики.

Это продолжалось почти сутки. Девочка отекла от слёз, осипла от крика. Наконец замолчала, но из комнаты не выходила, от еды отказывалась. Валентина капала ей и себе успокоительное, не знала, что и думать. Ничего не добившись от дочери, начала с другого края.

— Расспроси у своего сына, что у них было с моей Светланой, — подошла до работы она к Елизавете.

Та, чуть не села где стояла.

— А что у них могло быть? Ты думаешь, что он испортил девчонку? Он не самоубийца. Он же ездил к этой, Господи прости! Доездился! Та, не будь дурой, залетела и женила его на себе.

— Светка из-за этого и ревёт белугой, голодовку устроила. Влюбилась, наверное.

— Серёжка тоже переживает. Но там ребёнок будет, родная кровь, не бросишь. Света ещё дитя, скоро снова будет прыгать стрекозой. А мой-то жизнь себе исковеркал.

— Ладно, Лиза, извини. Пойду работать.

Вечером Валентина приготовила любимое блюдо дочери, пришла в детскую с тарелкой, села на кровать, стала делить вилкой на маленькие кусочки ароматную порцию запеканки с румяной корочкой.

— Я с тётей Лизой разговаривала. Сергей тебе голову морочил и одновременно ездил к женщине, своей ровеснице. Теперь совсем к ней в областной центр перебрался. У них ребёнок будет. Забудь его. У тебя вся жизнь впереди. Поешь немного. Вон, щёчки провалились, под глазками синё. Поверь, всё образуется.

Она оставила на постели возле дочери тарелку и ушла.

Света голодовку прекратила. Истерики больше не устраивала и вообще не плакала. Но никуда дальше ограды не ходила, не слушала музыку, не смотрела телевизор, почти не разговаривала. Уже дней десять единственным её занятием было чтение книг, газет, всего, что попадалось под руку. Неожиданно она объявила родителям, что не пойдёт в девятый класс, а будет поступать в техникум на специальность «Промышленное и гражданское строительство». Мать и сестра стали отговаривать. Отец, услышав название родной специализации, занял сторону дочери:

— В строительстве тоже люди работают, и женщин, между прочим, там хватает.

— Как её одну в большой город отпускать?

— А как мы Надю отпустили?

— Пап, ну ты сравнил! Мне уже семнадцать было.

— Что она там — одна такая будет? Поселят в общежитии со сверстниками. Там за ними воспитатели присматривают. Мы навещать будем.

— Да не её это! Вот помяни моё слово, не будет она учиться.

— Пусть только попробует бросить! — ответил жене Николай, при этом строго глядя на дочь.

— Ладно. Потом можно будет в институт пойти, вторую специальность получить, — уступила Валентина.

10.

Поступила Света легко, первую сессию сдала хорошо, но учиться в техникуме ей не нравилось. Почти полгода она надеялась где-нибудь на улицах областного центра повстречать Сергея. Разочаровалась, разуверилась. Разве в таком большом городе это реально?! После зимних каникул ей не хотелось уезжать из дома. Но что она скажет родителям? Решила доучиться год, потом забрать документы. Может, возьмут назад в школу, а если нет, можно поступить в педучилище.

Света к соседкам по комнате привыкла, девчонки подобрались хорошие. А вообще в группе больше ребят. Нужно купить им на двадцать третье февраля открытки. Она шла в магазин канцелярских товаров и неожиданно столкнулась с Сергеем.

— Светлячок! Ты откуда здесь, котик?

Сколько раз она представляла их встречу, думала, что́ скажет, о чём спросит. А сейчас к горлу подкатил комок. Света еле держалась, чтобы не зареветь.

— Я опаздываю, — резко буркнула она и быстро зашагала прочь, дошла до угла и побежала.

За ней никто не гнался, но остановиться она не могла. Ей хотелось убежать на край света от накативших с новой силой, уже почти год мучивших её чувств.

Света остановилась в незнакомом месте, в частном секторе. На пустынную улицу из проулка вывернула девушка.

— Скажите, как пройти в центр?

— Света! Как ты тут оказалась?

— Рита! Я заблудилась.

— Да, нет, я имею в виду, что ты в этом городе делаешь?

— Учусь в техникуме.

— А живёшь в общежитии?

— Да. А ты?

— Я работаю секретарём-машинисткой, живу на квартире. Хозяева в доме, а я во времянке. У меня даже вход отдельный, из переулка. Пойдём ко мне, поболтаем.

Времянка глухой стеной выходила в переулок, в сторону хозяйского огорода смотрели два оконца. Внутри она была разделена перегородкой на две части. В первой — у входа вешалка, напротив печь, с другой стороны умывальник и стол. Во второй — диван-кровать, шифоньер с двумя створками и в углу крошечный телевизор на тумбочке.

— Светочка, может, ты ко мне переедешь? Мне одной скучно и даже немного страшновато.

— Воспитатель сразу родителям сообщит.

— Ты предупреди девочек в комнате. Будешь появляться там иногда, никто ни о чём не догадается.

Из общежития уходить не хотелось, но и Риту было жалко. Жить тут одной, конечно, жутко. Маргарита летом скрасила проживание Светланы в ссылке у бабушки. И общаться с зеленоборской подружкой было интереснее, чем со сверстницами.

Теперь с Ритой они проводили вместе не так уж много времени. Утром подъём — и сразу на учёбу, на работу. Лишь вечером топили печь, готовили ужин, обменивались новостями. Одну половину выходных проводили порознь, чистили пёрышки. Зато другую посвящали посещению кино, музеев, театра, выставок. Восьмого марта даже ходили на вечер в городской Дом культуры. После концерта состоялись танцы. Свете подарили плюшевого зайчонка за первое место в конкурсе на лучшее исполнение цыганочки.

Занятия Смирнова не пропускала; случалось, опаздывала, но это большим криминалом не считается. В общежитии её никто не потерял, хотя появлялась она там раз в неделю: помыться в душе, переодеться, постирать.

Света начала привыкать к жизни на два дома и к бытовым неудобствам. Ей начинала нравиться тишина безлюдного переулка. Любимым занятием стало сидеть в темноте возле печки и смотреть на огонь, пробивающийся сквозь щели в печной дверце. Света представляла себя в степи у костра, не хватало только звёздного неба над головой. Она не знала, откуда к ней явилось это сравнение, она ведь даже в поход ни разу не ходила. А на улице становилось всё теплее — значит, эти волшебные вечера скоро закончатся.

Обычно после банно-прачечного моциона Смирнова оставалась ночевать в общежитии. В этот вечер уехала. Подходя к времянке, услышала мужские голоса. Хозяйка жилища сидела в компании двух парней. Было накурено, на столе стояло спиртное.

— Светик, присоединяйся, знакомься, — как ни в чём ни бывало встретила её Рита.

Света, не снимая курточку, шмыгнула во вторую половину. Возвращаться в общежитие было поздно, оставаться здесь — неприятно. Навалилось чувство тревоги.

— Иди поешь.

— Я не голодная.

— Посиди с нами, Рома нам на гитаре сыграет.

— Поговорите, я сейчас, — парень отложил гитару, встал из-за стола, подошёл к Свете, сел на диван рядом с ней.

— Я видел тебя в Доме культуры. Ты здорово пляшешь, не каждая таборная цыганка так сможет.

— Ты знаешь, как пляшут таборные цыганки?

— У меня есть друг в таборе. Я был несколько раз у них.

— Ты это серьёзно? Не шутишь?

— Серьёзно. Они зиму живут в какой-то деревне, а с наступлением тепла садятся в кибитки и кочуют до следующих холодов, где-то останавливаются, разбивают шатры. У нас возле реки стоят каждый год, пока милиция не шугнёт.

— Вот бы посмотреть.

— Могу взять с собой. А ты давно здесь живёшь?

— Второй месяц.

— А занимаешься чем? Работаешь или где-то учишься?

— В политехническом, на первом курсе.

— Почему в общежитии не живёшь? Выгнали?

— Нет, у меня там место есть. Просто мне Риту жалко, она здесь одна боится.

Роман еле удержался, чтобы не рассмеяться.

— А Маргариту откуда знаешь?

— Познакомились, когда я в Зеленоборск ездила. Она в одном доме с моей бабушкой жила, в соседнем подъезде. Рита очень общительная.

— Да, что есть, то есть. Только общаться я тебе с ней не советую.

Роман вырос в деревне. Сейчас, глядя на эту наивную девочку, ему вспомнилось, как у них в мороз отелилась корова, пришлось взять телёнка в избу, отгородив ему угол. У телёнка были такие же, как у Светки, огромные глаза и длинные бесцветные ресницы. Он плохо стоял на ногах, но пытался прыгать. Это было очень забавно. Проголодавшись, звал свою маму: «Му-у». Тогда мать Романа наливала молока в бутылку, на которую надевала длинную, как сосок коровы, соску, и кормила его. Смотреть на него было радостно. Светлое чувство из далёкого детства пробудилось в душе Романа. «Эх, наивная простота! Ритка сломает тебя, как прутик, подложив под кого-нибудь из своих дружков», — думал он, глядя на Свету. Она смотрела на него ничего не понимающими глазами.

— Завтра же чтобы тебя здесь не было, — сказал Роман, поднимаясь с дивана.

За перегородкой захмелевший друг встретил его со смешками:

— Не уговорил? Метод, видно, не катит.

— Рома, сыграй.

— Потом, Ритуля, в другой раз. Гоша, поднимайся. Дела не ждут, пойдём.

— Гоша, не торопись. А ты хочешь — иди один, нам кайф не ломай.

Но Гоша уже опрокидывал стопку на посошок:

— Молчи, женщина. Друган сказал — валим, значит, всё, картина Репина. За наколку мерси.

— Скатертью дорожка! — обиделась Маргарита.

Не дождавшись, пока гости уйдут, направилась за перегородку.

— Светик, ну ты что надулась? Они нормальные парни. Ромка обалденно играет на гитаре. Что он тебе тут втирал?

— Комплименты говорил, про табор рассказывал.

— Я тоже слышала, опять цыгане прикочевали, на старом месте остановились. Давай спать, что-то меня развезло.

II.

Утром Света сложила в сумку все свои конспекты. Это не вызвало никакого подозрения. Вещи она свои сюда не перевозила. На верёвочке возле печки осталось висеть её полотенце и в тумбочке какие-то мелочи. Рите ничего не сказала. Отправилась к ней объясниться только через двое суток. Решила сказать, что воспитатель её вычислила и поставила на контроль.

В проулке, возле выпустившего клейкие листья тополя, стоял Роман. Света окликнула его:

— Что, Риты нет дома?

— Иди сюда. Я же сказал тебе: больше не появляться у Марго.

— Я только предупредить, что буду жить в общежитии.

— Она сама догадается. Пойдём в табор?

— Ага. Только на секунду заскочу, своего зайчонка заберу, а то я позавчера утром про него совсем забыла.

— Не ходи туда. Там шмон. Хозяев Риткиных обокрали. Она среди подозреваемых.

— Рита-то тут при чём?

— Вроде только она знала, что они уезжали.

— Ерунда какая-то. Может, ещё кому сказали и забыли?

— Может, и ерунда, только забудь, что жила с Маргаритой какое-то время. Тебя хозяева у неё видели?

— Нет, ни они меня, ни я их ни разу.

— Вот и замечательно. Пойдём, познакомлю тебя с Яшкой-цыганом.

— С артистом?!

— С тобой не соскучишься. Друга моего Яковом зовут.

Они нашли Яшу возле лошадей. Тот заметил их первым.

— О, Рома, те авен бахтале!

— Здравствуй, друг. Не забыл меня?

— Разве тебя забудешь? У тебя хорошее имя, я слышу его по несколько раз в день. А что за цветок с тобой?

— Ромашка, наверное.

— Меня зовут Светлана.

— Точно, Светлячок.

И без того огромные глаза Светы расширились. Так называл её только Сергей. Этот цыган чем-то похож на него. Глазами? Нет. У Серёжи они добрые, со смешинками. В Яшиных глазах нельзя было прочитать ничего: бездна, чёрная бездна.

— В океане твоих глаз можно утонуть! — словно угадав размышления Светы, восхитился юноша.

Рома невольно подстегнул его интерес:

— Если б ты видел, как она танцует! Твою Зару перепляшет.

— Зара ничья. За эту зиму повзрослела, ещё краше стала. Не узнаешь. У нас завтра небольшой праздник, цыганская дискотека будет, приходите на нас посмотреть, себя показать.

— Придём.

— Дожить надо, — ответила своему спутнику Света и неожиданно даже для себя направилась к лошадям.

Она остановилась возле белого, с чёрной звёздочкой на лбу, коня. Ей хотелось уткнуться в его гриву лицом, как когда-то дома в подушку, и зареветь. Но она только погладила его по морде и прошептала:

— Если бы ты знал, как мне плохо.

Оба парня опешили. Яков, опасаясь, как бы норовистый Алмаз не лягнул девчонку, поспешил оказаться рядом с ней.

— Ты не боишься лошадей?

— Я первый раз вижу их так близко.

— А мой Алмаз первый раз подпустил к себе незнакомого человека. Хочешь, я прокачу тебя на нём?

Настроение Светы переменилось с минорного на радостное. Она ещё ничего не успела ответить, а Яша поднял её как пушинку и усадил на коня. Ловко запрыгнул в седло и толкнул ногой Алмаза в бок. Они полетели куда-то в простор. В первую минуту Свете вспомнилась поездка с Серёжей на мотоцикле к озеру. Тогда она ехала за его спиной. Сейчас ветер дул ей в лицо. Спиной она ощущала атлас Яшиной рубахи, его горячее, чуть вспотевшее тело и стук его сердца. Весь мир перестал существовать: только они и тёплый встречный ветер.

Рома медленно пошёл к дороге. Возвращаясь, Яша остановил Алмаза в метре от него. Спрыгнул

и подставил руки Светке, предугадав намерение друга.

— Ты что, уже нагостился? Пойдём, отыщем Зару, зайдём в шатёр к её отцу. Он ценит тебя как музыканта. Вы сыграете, мы с Зарой споём.

Света, вновь услышав имя незнакомой девушки, ответила за Рому:

— Мы завтра придём.

12.

На следующий вечер Яша в условленное время ждал друзей у дороги, где вчера расстались. Пока парни обменивались приветствиями, Света угощала коня чуть подсолённой корочкой. Рома пошутил:

— Смотри, Яков, прикормит, уведёт у тебя Алмаза.

— Я бы и сам за такой пошёл, да только не могу, как вы, сидеть на одном месте,— ответил цыган, рассматривая Свету.

Она сегодня попросила у подруг косметику, впервые в жизни подвела брови, накрасила ресницы. Девчонки накрутили на бигуди её отросшие ниже плеч волосы, и теперь воздушные завитки гармонично завершали обворожительный, нежный образ своей хозяйки.

Со стороны табора доносились звуки скрипки, многоголосное пение. Юноши знали, что скоро за этими вынимающую душу песнями последует безудержное веселье, запоют наперебой гитары, зазвенят на груди молодых цыганок мониcты, закружатся разноцветные юбки.

— У цыгана пляшут ноги, у цыганки — юбка. Пойдёмте, попробую раздобыть для Светы что-нибудь подходящее, иначе ей Зару не переплясать.

— Я взяла свой костюм.

— Так наряжайся.

— Так отвернитесь.

— Готово!

Парни обернулись. Света стояла, чуть приподняв голову, как на сцене в момент перед поклоном публике.

— Такая девушка должна ехать на коне! Нам с тобой, Рома, выпала честь идти рядом с редкой красавицей!

Так они и появились в таборе: Света на Алмазе, друзья пешие. Там уже звучали совсем другие песни. Полукругом сидели взрослые цыгане: мужчины и женщины. В центре танцевали несколько девушек. Зары среди них не было. Она стояла возле своей бабушки. Старая цыганка, как витрина ювелирного магазина, вся была в золотых украшениях. Роман сразу направился к стоящему у ближайшего шатра пожилому цыгану. Тот оживился, что-то сказал, похлопал юношу по плечу, потом вынес ему гитару. Они вместе вышли в первую линию полукруга. Запели, сливаясь двумя разными голосами, их гитары. Зазвенел бубен, зазывая в круг новых танцовщиц. В центр выбежала Зара, приостановилась, затем плавно пошла, вцепившись взглядом в Яшу, другие девушки отступили назад. Света спрыгнула с коня и, легко пританцовывая, еле касаясь земли, поплыла ей навстречу. Зрители зашумели: кто-то подбадривал танцовщиц, кто-то спрашивал друг у друга про Свету. А для неё исчезло всё: в мире на какое-то время остались она и музыка. Только на последних аккордах она постаралась встретиться взглядом с Яшей. Он восхищённо смотрел на неё, но Света подошла к Роману, с которым оказалась рядом. Яков прямо через круг, мимо Зары, направился к ним. Старая цыганка то ли правда хотела отблагодарить гостью, то ли забирала на себя внимание, выручая внучку.

— Красавица! Подойди, я тебе погадаю,— крикнула она и поманила к себе рукой Светлану.— Я давно живу на свете, думала, меня уже ничто не сможет удивить. Твой танец меня удивил.

Она взяла руку девушки и помрачнела, вроде вспоминая что-то давнее, тяжёлое:

— Глубокая рана твоего сердца ещё не зажила, но уже другой человек заносит бич, чтобы разбить её снова до крови,— потом она что-то сказала по-цыгански, отпустила руку Светы и посмотрела ей в глаза: — Но твоё счастье тебя найдёт.

— Что она сказала до этого, на цыганском? — обратилась Света к Яше.

— А ты почаще приходи к нам, начнёшь понимать всё без переводчика,— ловко ушёл он от ответа.

— Она сказала, что ты зря пришла сюда,— ответила вместо него Зара и ушла в шатёр.

Роман вернул гитару, поблагодарив цыгана и похвалив его инструмент. Затем обратился к другу:

— Проводишь нас? Нам пора.

Яков отозвал его в сторону, похоже, в чём-то убеждал, но друг отрицательно мотал головой, сердился. Они разругались.

Роман взял Свету за руку:

— Пойдём, мне тоже кажется, что я зря привёл тебя сюда.

Они вместе дошли до общежития, не обсуждая нюансы сегодняшнего вечера. Лишь прощаясь, юноша сказал:

— Я больше не пойду в табор, и ты не ходи.

Света промолчала, хотя внутри была готова, по примеру Якова, поссориться с Романом. «Там не появляйся! Сюда не ходи! Ты кто мне, чтобы указывать?! Вот захочу и пойду, спрашивать тебя не буду»,— мысленно возражала она ему. Но на следующий день смелости у неё поубавилось.

13.

Началась сессия. Света на «отлично» сдала первый экзамен. Сейчас готовилась к следующему. С утра за книгами, конспектами, а на улице настоящее лето! Сбегали с девчонками в столовую.

После обеда они направились назад в общежитие, а Света пошла прогуляться в скверик, где увидела цыганку, пристающую к прохожим с гаданием. Сама подошла к ней. Цыганка сразу узнала её.

— Что больше не приходишь в табор?

— Некогда, экзаменационная сессия началась.

— Ты где учишься?

— В техникуме. Вон за сквером край нашего общежития виднеется.

— А фамилия у тебя как?

— Смирнова.

— Что ты хотела узнать? Про что погадать тебе?

Свете очень хотелось спросить про Яшу, но она удержалась.

— Погадай, как я сдам следующий экзамен.

— Ты его не сдашь.

— Как это?!

— Так. Нужно сидеть дома и учить, а не гулять.

На этих словах гадалка развернулась и, не прощаясь, пошла заниматься своим ремеслом.

Света вернулась в общежитие, продолжила вместе с подружками готовиться к экзамену. Вечером к ним прибежали девчонки из другой комнаты:

— Смирнова, там тебе под нашими окнами какой-то парень кричит.

«Кто бы это мог быть?» — подумала Света. Она свесилась через подоконник и увидела Яшу. Он тоже увидел её:

— Светлячок. Ме тут камам!

— Я сейчас выйду,— крикнула она и, не чуя ног, понеслась по лестнице.

Он уже стоял на крыльце в проёме открытой двери.

— Как ты нашёл меня?!

— Цыганское радио сообщило. Я пришёл за тобой. Будешь брать свой костюм?

— Я сегодня не могу. Завтра экзамен.

— Завтра табор уходит. Я два месяца искал тебя, Светлячок, давай проведём эту ночь вместе у костра.

За городом в небольшом лесочке пасся Алмаз, он прибежал на свист хозяина. Света расстроилась, что не взяла для коня угощение. Яков достал из кармана кусочек сахара:

— Дай ему, он любит.

Алмаз взял с её ладони сахар, очень смешно ел его, шевеля губами, поднимая верхнюю, оголяя крупные зубы.

— Попробуй сама подняться в седло.

У Светы получилось. Яша шёл рядом. Показались шатры, но Алмаз не свернул к ним. Они остановились за табором, тоже у реки, но ниже по течению. Насобирали хвороста, развели костёр. Алмаз пасся неподалёку. Яша достал из сумки, привязанной к седлу, покрывало. Они расстелили его, сидели рядом, смотрели на огонь. Потом он принёс фляжку, сделал несколько глотков сам и подал Светлане. Она с остановками тоже сделала несколько глотков. Напиток немного обжигал, но был приятным на вкус, отдавал травами и мёдом. По телу растеклось тепло.

— Я вспоминал тебя каждый день, я думал о тебе каждую ночь. Ты была очень красивая в своём костюме, но сегодня ты ещё лучше.

— Чем же я сегодня лучше?

— Ты сейчас похожа на белого пушистого котёнка, которого хочется погладить, прижать к себе.

Яша нежно обнял Светлану. Она первый раз в своей жизни целовалась с парнем. Голова кружилась от вина, поцелуев и чёрных, как ночное небо, глаз цыгана. Только небо над ними было высвечено яркими звёздами, а глаза Яши были как омут, чёрный омут, и Света тонула в нём.

Она проснулась оттого, что замёрзла. От реки тянуло сыростью. Костёр погас. Небо начинало светлеть. Светлана села, обхватила колени руками и мысленно вскрикнула: «Это не сон, это на самом деле произошло со мной. Что теперь будет?!»

— Котёнок, ты что убежала? Иди ко мне,— позвал Яша.

Она молчала. Юноша поднялся, встал за её спиной на колени и обхватил руками, всю окутав в объятиях. От него шло тепло, как от печки.

— В десять экзамен, отвези меня в общежитие.

— Я украду тебя, увезу с собой.

— Куда?

— На край света. А на первой же стоянке табора мы сыграем цыганскую свадьбу.

«Правду мне сказала цыганка: экзамен я не сдам. Нужно было сидеть дома и учить, а не гулять»,— грустно подумала Света.

14.

В техникуме Смирнову потеряли. Стали выяснять в общежитии, почему она не явилась на экзамены. Опросив соседок по комнате, вызвали родителей.

А Света уже тряслась в кибитке. Рядом верхом на Алмазе ехал её жених. Остановились, когда впереди показалось очертание селения: маленького городка или большой деревни,— как и на прежнем месте, у реки. По кругу расположили кибитки, в центре разожгли несколько костров, возле которых осталась ночевать под открытым небом половина табора. Яша пришёл в кибитку, сказал, что шатры поставят завтра, а свадьба будет на следующий день.

Ей хотелось в общежитие, постоять под прохладными струями душа, а потом уснуть в своей кровати. Но Яша сжимал её в своих душных объятиях, обсыпал горячими поцелуями. В эту ночь голова от них не кружилась.

— Больно,— простонала она.

— Потерпи, котёнок, я сейчас,— жарко дыша в лицо, отозвался цыган.

И Света терпела и сейчас, и на следующую ночь, которую они провели уже в шатре. Когда

Яков уснул, она отвернулась и беззвучно заплакала. Вспоминался дом, детская, в которой они выросли с сестрой, и та, другая жизнь. Где, в какой момент она свернула на дорогу печали? Когда пошла с Ромой в табор или когда познакомилась с Ритой? Нет, ещё раньше, когда, обманув родителей, пошла с Любой в парк.

Утром Якова в шатре не было. Света пошла к реке умыться. На обратном пути услышала его голос и чей-то женский. Судя по интонациям, они ругались. За шатром старой цыганки спиной к ней стоял Яша. На него, что-то выкрикивая, как пантера, бросалась Зара. Сейчас она совсем не была похожа на горделивую красавицу: волосы растрёпаны, лицо искажено обидой и злостью. Цыган ловил её за руки и отталкивал, она снова набрасывалась. Никто не обращал внимания на их скандал.

Света возникла перед ними, только что не подбоченясь, и выкрикнула в манере своей мамы:

— Что здесь происходит?

Зара рассмеялась парню в лицо:

— На тебя скоро уздечку наденут и будут стукать белой ножкой в бок.

Яков выхватил из-за пояса плётку. Цыганка увернулась. Чуть отступив, она с издёвкой в голосе что-то быстро говорила ему, притопывая ногой и тыча пальцем в сторону Светланы. Он отвечал Заре на цыганском.

Зажав уши ладонями, Света прокричала:

— Говори при мне по-русски, я не могу слышать ваше карканье!

В этот же момент на её спину опустилась плеть. Зара хохотала, торжествуя победу. Яша бросил плётку и зашагал в сторону своего шатра. Света побежала в противоположенном направлении. Она не помнила, как отвязала Алмаза, как поднялась в седло, как и куда направляла его. У дороги конь испугался машины, наездница вылетела из седла. Алмаз поскакал обратно в табор. Её подобрали ехавшие в машине люди и доставили в поселковую больницу.

После осмотра врач констатировал лёгкое сотрясение, множественные ушибы и нервный срыв.

— Повезло тебе, шею не свернула и ничего не отбила,— говорила сопровождающая до палаты Светлану полная пожилая нянечка.— Сейчас к тебе милиционер придёт.

Мужчина в форме вошёл без стука, не поздоровался, не представился.

— Кто здесь Смирнова? Вижу, внешность соответствует сводке. Ну, рассказывай, как ты оказалась в таборе. Сама с парнем сбежала, или он украл тебя?

— Никто меня не крал, и ни с каким парнем я не сбегала. Я попросилась у цыган пойти с ними, а потом передумала.

— Кого ты выгораживаешь?! Конь вернулся в табор один, но тебя никто не ищет. Они шатры сворачивают, уходить собираются. Говори сейчас правду. Где я их потом искать буду?!

— Я сказала правду.

— Ну, как знаешь! Твои родители уже едут за тобой. Пусть они и решают, что делать.

Только за сотрудником милиции закрылась дверь, как у Светы началась истерика. После укола она успокоилась, мысль о родителях показалась ей приятной. Но от известия о таборе осталась необъяснимая тоска: не потому, что он собирался неизвестно куда, а потому, что он навсегда уходил из её жизни.

15.

Родителям Света ничего нового не сообщила. Повторяла как попугай:

— Сама с цыганами ушла, никто не принуждал, там никто не обижал, просто одумалась, решила вернуться.

На вопрос: «Откуда шрам на спине?» — отвечала, что это получилось нечаянно. Она была ко всему безразличной, ей было всё равно: оставаться сдавать экзамены или ехать с родителями домой. Родители забрали из техникума её документы.

Дома Света постепенно приходила в себя. Первый раз она улыбнулась не скоро. Как-то утром мама принесла с огорода только что проснувшейся дочери чашку клубники. Восхитительный аромат разлился по комнате. Первые крупные яркие ягоды сами просились в рот. Света не заметила, как умяла всю чашку ягод, но потом её стошнило. «Сразу много съела»,— подумала она. Но Валентина забеспокоилась.

— Доченька, ты ведь второй месяц дома живёшь? Я что-то не заметила, чтобы у тебя на белье было.

Света всё поняла, опустила глаза, как-то сразу вся съёжилась. А над головой гремел голос матери:

— Что молчишь? Было или нет?

— Нет,— чуть слышно отозвалась дочь.

— Завтра же пойдём к врачу.

— Я не пойду!

Света крепилась, чтобы не разрыдаться. Не выдержала, заплакала мать.

— Дурёха ты моя, дурёха! Что же ты натворила?!

Успокоившись, Валентина приняла решение:

— Я сначала схожу одна,— и подумала: «Как хорошо, что у меня есть знакомая в гинекологии. Как кстати, что буквально вчера было поступление импортной обуви, договоримся как-нибудь».

Операцию сделали в больнице без оформления документов. Мать наказала дочери всё забыть:

— Кто бы ни спросил, говори, что не понравилась учёба в техникуме. И больше ни слова ни одной подруге!

А подруг у Светы теперь и не было ни по соседству, ни в школе.

На основании справки из техникума и данного Валентиной обещания директору школы — оставить для неё югославские сапожки в магазине — Свету взяли в десятый класс. Она никуда не ходила, про балетную студию не вспоминала, за год не посетила ни одно школьное мероприятие. Люба не узнавала одноклассницу: «Злюка она, оказывается, не может забыть давнего случая в парке. Ну и пусть. Не хочет общаться — не надо».

Колесова многому научилась, когда в восьмом классе общалась со Смирновой и наблюдала уклад её семьи. Она дала себе слово, что не будет жить, как таракан за печкой. Взялась за учёбу, к концу девятого класса вышла в хорошистки и в десятом не ослабляла рвения. Поставила перед собой цель: получить хорошее образование, а в дальнейшем создать крепкую семью.

После школы Колесова и Смирнова поехали по отдельности в областной центр поступать в педагогический институт. Света поступила на филологический, Люба — на факультет физической культуры. Она впервые уехала из дома, поэтому была очень рада увидеть в институте бывшую одноклассницу. Детские обиды улетучились. Они снова стали подружками, несмотря на то что одна была общительная, принимала активное участие в студенческой жизни, а другая была затворницей. Девчонки повзрослели, они допускали, что каждая имеет право на то, что считает правильным. Люба рассказала, как они расстались с Эдиком. Потом делилась секретом, что ей нравится однокурсник, а позже — что он ей надоел. На пятом курсе призналась, что встретила мужчину своей мечты и скоро у них с Вячеславом свадьба.

— Будешь свидетельницей?

— Буду,— не смогла отказать подруге Смирнова.

16.

Гости молодых с обеих сторон знакомились друг с другом, общались, танцевали, шутили. Свидетеля звали Максим. Он был достаточно сдержанным, на его фоне Света не казалась слишком нелюдимой. Ей нравилось, что Максим не кадрился к ней, не старался изо всех сил понравиться, очень увлечённо рассказывал о том, что любил в жизни больше всего,— о море. Он после службы на флоте окончил мореходку и уже несколько раз ходил в загранплавание. В настоящее время находился в отпуске, приехал к родителям и попал на свадьбу к бывшему однокласснику.

После свадьбы Люба перешла жить к мужу, но подругу не забывала, делилась впечатлениями от семейной жизни и самой первой сообщила ей радостную новость, пригласила в гости. Света пришла поздравить счастливую чету. Сидели, беседовали, пили чай.

— Как вы всё здорово рассчитали! Люба в сентябре выйдет на работу, ещё ничего не заметно будет. Потом на лёгкий труд, декретные в кармане, и место учителя физкультуры закреплено за ней по закону.

— Я не пущу Любашу в школу. Постараемся устроить её в администрацию, в отдел по работе с молодёжью, или ещё найдём что-нибудь, связанное со спортом, туризмом, отдыхом,— ответил Вячеслав.

— А меня распределят в одну из школ здесь, в городе.

Раздался звонок. Хозяин пошёл открывать дверь. Подруга быстро проинформировала Светлану:

— Вчера приходил Максим, поделился, что скоро уезжает, спрашивал у мужа про тебя. Славик сообщил ему, что ты сегодня обещала прийти.

— Хозяйка, принимай ещё гостя,— донеслось из прихожей.

— Ну вот, видишь, лёгок на помине,— тихонько сказала Люба подруге, а затем отозвалась: — Проходите, мы гостям всегда рады.

Вячеслав открыл вино, сказал тост, явно настраивая Максима на серьёзный разговор со Светой:

— Хочу выпить за своего друга, за то, чтобы не далее как в январе следующего года погулять на его свадьбе. Можно было бы и раньше, но Макс через неделю уходит в плавание на восемь месяцев. За тебя, друг.

— Спасибо. А я хочу поднять этот бокал за тех, кто ждёт моряков на берегу.

Мужчины соединили фужеры, девушки стукнулись чайными чашками. Ещё немного посидели, и Света засобиралась уходить. Максим поднялся следом. Он проводил её до общежития. Дорогой они о многом поговорили.

— Светлана, ты будешь ждать меня?

— У меня никого нет и навряд ли появится, но обещать я ничего не буду. Нужно закончить учёбу, поработать, почувствовать себя в профессии. Я ни о чём другом сейчас думать не могу.

Они расстались.

Света окончила институт. Наступил сентябрь. Она преподавала русский и литературу в параллели пятых-шестых классов. Никаких известий ни она, ни Вячеслав с Любой от Максима не получали. До Нового года у друзей родился первенец. Света поздравляла, улыбалась, но на сердце была непонятная грусть.

В школе шли новогодние мероприятия. Она решила зайти в актовый зал на утренник к первоклашкам. Дети водили вокруг ёлки хоровод. По стеночкам толпились родители, любуясь каждый своим сокровищем. Песня про маленькую ёлочку закончилась.

— Дедушка! Сегодня у Светы Кодряну день рождения,— громко сказала Снегурочка и подвела к ёлке девочку в костюме Мальвины,— она приготовила для нас песенку.

— Давайте, ребята, поздравим Свету и послушаем, как она поёт,— отозвался Дед.

Школьный аккомпаниатор снова растянул баян, девочка запела звонким голоском, старательно выводя мелодию. Но вдруг запнулась, забыла слова, её чёрные, как две смородинки, глаза наполнились слезами. Не слушая подсказку Снегурочки, девочка побежала к родителям. Уткнулась огромным бантом маме в подол и горько заплакала. Папа гладил её по локонам, совсем не думая, что может испортить причёску Мальвины, и успокаивал:

— Светлячок, ну ты что?! Не реви, котик, ты отлично пела.

Светлана Николаевна Смирнова вышла из зала. Через четыре дня Новый год, а настроения никакого. Она медленно шла по пустому коридору. Отвернувшись к окну, напротив кабинета русского языка и литературы стоял мужчина. Услышав стук каблучков, он обернулся и шагнул навстречу. На его лице была маска Деда Мороза из папье-маше с прорезями для глаз и рта. В левой руке он держал цветы, а на ладони правой — открытую коробочку с кольцом.

— Будьте моей Снегурочкой, — сказала маска голосом Максима.

Света улыбнулась.

— Ваше предложение как нельзя кстати: у меня дома наряжена ёлка, есть шампанское и апельсины, не хватает только Деда Мороза.

ДиН СИММЕТРИЯ · 1824 г.

Василий Жуковский

Жизнь и поэзия – одно

* * *

Я музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На всё земное наводило
Животворящий луч оно —
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия одно.

Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?

Но всё, что от времён прекрасных,
Когда он мне доступен был,
Всё, что от милых, тёмных, ясных
Минувших дней я сохранил —
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы, —
Кладу на твой алтарь священный,
О Гений чистой красоты!

Не знаю, светлых вдохновений
Когда воротится чреда, —
Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!
Пока ещё её сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

Альбина Мамаева

НЛО над Туруханском

Прораб в печали

Пойду к начальству, поставлю вопрос ребром — или пускай оклад подымат, или ухожу от нево.

Хто ишшо согласитца с этими шарамыгами работать? Счас дураков нету. Народ весь одичал, работать не хочут, а деньги давай… Всем лихо на белый свет глядеть. Дак сами виноваты — исповадили этих пьяниц, оне и обудродовались наготово.

Утресь захожу в ихный балок — поглядеть, все собрались ли нет. Не поверишь, единово нету, штоб не с похмелья. В сторожке души́на, рот захватыват. Што бродяги — одёжа с грязи ло́патца, гаже некуды…

Прораб зашёл (какой-никакой начальник!), а оне сидят опохмеляютца… На работу не выгонишь. Дак с грехом пополам через велику силу двоём с бригадиром вы́курили их из сторожки. Работа вся стоит, а им море по колено. Дак вить сказать никово нельзя — бо́язно. Никаково слова до себя не допускают. Ишшо рот отворить не успешь, они уж окрысятца — заглядят с недобо́ром, зубами зачирчига́ют!.. Не́любо, што напитца не даём.

Вот ково мне делать? Не знаю. На пензию уходить неохота… Я не скрываю: от моёво заработку не один рот кормитца. И ребята, и мнучата, все у нас. Да и нам хватат на беленьку после баньки… Да-а-а…

Тут ишшо одна закавыка… Покрутился я, покрутился, вижу, без стройки-то этой мне пока не обойтись. У нас вить трое сыновьёв. Дачу-то одному старшему успели обихо́дить, а у тех ишшо не у шубы рукав. В избах отремонтировали, счас бани строить начинают… Да у нас у самих фатера городска-то ишшо стоит недоделана. Я и не отпираюсь — весь матерьял отцель. Окошки переменили, двери базарны наставили. И в уборной, и в куте́ всё плитками уклеил. Паря, пол — и тот сменил, штоб старуха не запиналась об пороги, — пушай по гладенькому под старось побегат.

Я вить не первый раз собираюсь уходить-то. Думаю, надо опрове́дать, купить в лавке на одну комнату все матерьялы. Хотел поглядеть, еслив не шибко дорого обойдётца, дак чёрт с ним, уйду всё же. А как подшшитал, сколь на одну комнатёнку денег угна́л! Это вить ужасть! Это где народ таки деньжишши берёт? Цены-то на всё — выговорить язык не поворачиватца. Не все вить на стройках-ту работают… А еслив ишшо и работников со стороны нанимать? Да никаких денег не хватит!

Уж сколь годов кручусь, как берёста на огне, придётца ишшо повертетца. Хозяин работу требует, пьяницы работать не хочут, а я между имя́ — один кругом виноватый. Каждо утро голова болит: то ли эти сёдни зашибут, то ли хозяин завтре с работы попрёт.

Сижу сёдни весь вечер — ум нараскоряку. Вынуждают всё же работать.

Штоб их всех гром разбил!

НЛО над Туруханском

Сижу я, девки, одна дома, ро́ссказни свои перечитываю…

И всё больше об нас, об бабах. Это хто чево? Промашка вышла! Нады будет про мужиков написать ково-нить.

Дак про них ково напишешь? Давай самово́ пытать: расскажи да расскажи — хоть об охоте, хоть об рыбалке. Он у меня хоть и не та́мошный, не в Туруханском родился, а жись-то смолоду там про́жили. Ни с реки, ни и́з лесу не вылезат, только бы время от работы ослободилось.

— Вот из лесу ворочу́сь, расскажу чё хошь. А ты опиши, как с девками НЛО видали. Интересно вить.

А вправду, я пошто сама-то забыла? Вся уда́! Нихто в голове не дёржитца.

С другой стороны — мне охота об чём-нить весёлом, а тут какой смех? Две ночи спать не ложилась, боялась глаза закрыть — до тово с ума сошла!

Дак вот, жили мы ишшо в Туруханском. Хозяин на Девято мая уехал в зимовьё, дров в избушки напилить к осене́. В мае день-то уж долгай стаёт, а всё равно в избе одной тоскливо, наипа́че ночью…

И вот тебе — заходят девки с метеостанции. У Симы, у соседки, мужик в ночь работал, а Верин и вовсе улетел куды-то. Хотели сперва за чаем посидеть, да сомусти́лись на́ берег сходить, поглядеть: лёд ишшо зимний или почернел? До уго́ру-то недалёко, шшитай — дорогу передти. Енисей в этом месте широкушший, не на белый свет — в этом месте он сходитца с Нижней Тунгуской. Какэсь море-акиян, конца-краю не видать! Берег коромыслом. По леву руку от нас сам Туруханск, а по праву рыбозавод. Как крылья. А мы

в аэропорту, как раз посерёдке. В ту и в другу сторону далёко видать…

А погода уж до чево баска́ была! Тишина… Домой идти неохота. Стоим в кружок. Языками ме́лем. Я лицом к рыбозаводу стою. Сколь говорю — не говорю, а сама всё туды поглядываю. Хто чево там виси́тца против деревни, над рекой-то? И всё на одном месте… Не могу понять: кака змея этот шарик повешала? С огоньками… Не знаю, хто как, а я таково не видывала. Сколь минут мы простояли, убей — не знаю. Меня как ободра́ло. Умом-ту поняла, што навроде он полетел… Только успела Симку в бок ткнуть, а он уж у нас! Ево бытто хто переставил. Глядим, висит от нас метрах в двух-трёх по дорожке. И невысо́ко, но рукой всё же не достать… Как вкопанный висит. Счас обрисую.

Бытто как стоит блюдце, а на нём шарик — не шарик… не знаю, как и описать… Как всё равно надули резиновый шарик до отказу густым дымом. Шарик сняли, а дым так и остался стоять, без оболочки. И в этом дыму горят две свечки. Или уж каки-то чудны ланпочки… Но огонь-то от них живой, как от свечей. На улице тишина, а оне колышутца…

Мы как стояли, так и околели! Схватились за руки, а от шарика глаза отвести не можем. Дышать-то перестали, не то што чево! А из до́нца показалась трубка да стала расширятца. Сделалась как труба патефонная… И давай она тихоньку поворачиватца, бытто разглядыват всё кругом.

Дак вить чё? Мы, сколь глядели на нево, не мигнули ни разу, а ни одна не увидала, как из одново шарика сделалось два. Постояли рядом минутку, а потом полетели в разны стороны: один — к взлётной полосе, другой — вдоль Тунгуски. Сколько мы там простояли, не знам. Опамятовались тоже все сразу. Ну, тут уж мы припустили так, што некогды было по́д ноги глядеть! Ни лывы, ни грязь, ни самуё дорогу — ничё не видали. Главно дело, вперёд-то шли, дак народу на улице порядошно было, а тут ни единой души! Вера-то побойче́й, убежала домой. А мы с Симкой обои боязливы не на белый свет, побежали к нам. В избу заскочили, одна дверь закрючиват, друга шторы на окошках задёргиват… Залезли с ней на одно кресло. Так и просидели кочеряжкой до утра, боялись ноги на пол спустить. Сговорились никому не сказывать. На всякий случай. Ишшо подумают, што у нас с головой не всё в порядке…

Дак неуж всем троим померешшилось? Это как, всем — одинаково?!

Нам казалось, с полчасика на угоре простояли, а на время-то поглядели — целых три часа прошло!

Наутро девки с работы звонят: так и так, мол, в то время как наш шарик пролетел над аэродромом, погасли все до единой ланпочки даже на взлётной полосе! И, главно дело, оне вить погасли, а не перегорели! Все до единой! А их, ланпочек-то, на аэродроме не перешшитать! Это тебе не шутки.

И над Тунгуской шарик рыбаки видали. Как летел, так и пролетел вдоль по реке. В тот же день в антернете карточку казали.

Ну и хто чево это было? Сказать, что пришельцы летали, язык не поворачиватца…

Одно хорошо — помешательства у нас не было, здря за голову переживали.

Геннадий Рязанцев

Память собирает народное сознание[1]

История не учительница, а надзирательница. Она ничего не учит, никого не учит, она только наказывает за незнание уроков.
В. О. Ключевский

Как бы нам петь Божьи песни и растить на наших полях Божьи цветы…
Ив. Ильин

24 января 1882 года на банкете в петербуржском ресторане Бореля за здоровье государя-императора поднял тост генерал М. Д. Скобелев: «Опыт последних лет убедил нас, что если русский человек случайно вспомнит, что он благодаря своей истории всё-таки принадлежит к народу великому и сильному, если, Боже сохрани, тот же русский человек случайно вспомнит, что русский народ составляет одну семью с племенем славянским, ныне терзаемым и попираемым, тогда в среде доморощенных и заграничных иноплеменников поднимаются вопли негодования… Господа, престранное дело: почему нашим обществом и отдельными людьми овладевает какая-то странная робость, когда мы коснёмся вопроса, для русского сердца вполне законного, являющегося естественным результатом всей нашей тысячелетней истории? Причин к этому очень много… но одна из главных — та прискорбная рознь, которая существует между известной частью общества, так называемой нашей интеллигенцией, и русским народом. Всякий раз, когда державный хозяин русской земли обращался к своему народу, народ оказывался на высоте своего призвания и исторических потребностей минуты; с интеллигенцией же не всегда бывало то же — и если в трудные минуты кто-либо банкрутился перед царём, то, конечно, та же интеллигенция. Полагаю, что это явление вполне объяснимое: космополитический европеизм не есть источник силы и может быть лишь признаком слабости. Силы не может быть вне народа, и сама интеллигенция есть сила только в неразрывной связи с народом».

Интеллигенция не могла стать заменой аристократии в России, служившей Отечеству и народу. У возникшей прослойки общества — интеллигенции — не было послушания высшим идеалам. Отсутствовало признание божественного авторитета. Она слишком верила в человека и его разум, совершенно забывая о его падшей природе. Это состояние собственной гордыни и обожествление личных возможностей привели интеллигенцию к нигилизму. Она поставила себя на место Бога, сотворив себя мерилом всех ценностей. «Блаженны нищие духом», — заповедь блаженства из Нагорной проповеди Христа никогда не могла быть понята интеллигенцией. Она всегда иронично, с притворным сожалением, комментировала: «Не все же могут быть нищими духом».

Это состояние человеческой гордыни называется «непроницаемостью эгоизма», по остроумному замечанию протоиерея Георгия Флоровского.

Путь интеллигенции трагичен и во времени, и в вечности. Наиболее полно это выразилось в русской жизни конца девятнадцатого — начала двадцатого веков, в так называемый Серебряный век русской поэзии. Когда она, совершенно забыв почти тысячелетний опыт православной церкви, давшей народу язык и ставшей основой культурной традиции России, пустилась в поиски нового «харизматического» возрождения и новой социальной жизни, смешав эти две реальности. И получилась «новая» жизнь с новыми «проповедниками-апостолами» — «Двенадцать» Блока, и во главе этой жизни — свой «с белым венчиком из роз впереди Иисус Христос». А в это время «обращённые» в новую религию и новую жизнь пролетарии, потерявшие связь с народом, жгли библиотеку в Шахматово. По существу, опираясь на собственную гордыню, интеллигенция того времени пребывала в интеллектуальном аду. А что могут ещё предложить сатанинская гордыня и «плотское мудрование»?

Эта бездна между интеллигенцией и народом всё ширилась и углублялась до момента гибели самой интеллигенции, потерявшей Бога на небе, а питательную почву — на земле, утратив всякую связь с народом-богоносцем.

Лучшая интеллигенция была выслана из России на «философском пароходе»,

1 О книге Александра Орлова «Кимера». Издательский центр «Азбуковник», 2020, 134 стр.

который отплыл из Одессы в 1922 году, а те из лучших, которые остались, продолжали заниматься научной и интеллектуальной деятельностью, бережно сохраняя под спудом русскую классическую школу, русскую культурную традицию и огромный, но невостребованный потенциал. Опыт передавался из рук в руки и был штучным товаром. Алексей Фёдорович Лосев (тайный монах Андроник) получил его от Владимира Сергеевича Соловьёва, своего любимого философа и учителя, Семёна Людвиговича Франка, Николая Александровича Бердяева. Алексей Фёдорович, в свою очередь, передал опыт Сергею Сергеевичу Аверенцеву, Станиславу Бемовичу Джимбинову, Азе Алибековне Тахо-Годи и другим. Священник Павел Александрович Флоренский, тоже оказавший огромное влияние на Лосева, мог уплыть на «философском пароходе», но предпочёл остаться в России со своим народом. 1917 год воспринял как апокалипсис, но продолжил духовное служение. Эта энергия познания ещё передавалась настоящим интеллигентам нового времени: Вадим Валерьянович Кожинов, Пётр Васильевич Палиевский, Михаил Петрович Лобанов, Юрий Иванович Селезнёв, Михаил Михайлович Бахтин и ныне здравствующие Владимир Андреевич Костров и Александр Петрович Торопцев — яркие представители подлинно русской интеллигенции, заботившейся о народе и хранившей его наследие.

Но была и другая «интеллигенция», о которой говорил М. Д. Скобелев, — западническая, с сознанием космополитизма и либеральных ценностей. Шумная, многочисленная, презирающая свой народ и свою страну, получившая прививку вольнодумства от известных русских эмигрантов Владимира Печерина и Петра Чаадаева.

«Как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать её уничтожения, и в разрушении отчизны видеть всемирного денницу возрождения!» — писал Печерин ещё в 1835 году. При чтении этих строк на память приходит написанное за несколько лет до этой публикации *«Первое философическое письмо»* Петра Чаадаева, ставшее своего рода *«манифестом русофобии»,* притом не только политической, но скорее *«антропологической». «В чужих краях, особенно на Юге, где люди так одушевлены и выразительны, я столько раз сравнивал лица своих земляков с лицами местных жителей и бывал поражён этой немотой наших лиц…»*

…Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной… —

ответил Фёдор Иванович Тютчев этим западникам в 1855 году…

Ушла и уходит теперь подлинная интеллигенция духовного аристократизма, но остаётся так называемая «интеллигенция» космополитического толка, взирающая уже глазами евангельского богача на бедного Лазаря, возлегающего на лоне Авраама, и готовая молить о милосердии, догадываясь об «утверждённой великой пропасти» (Лк. 16:19–31) между ней и простым народом. Голос которого — голос Бога…

Я подумал: есть ли народ и интеллигенция в моём городе? И ответил себе отрицательно на этот вопрос. Чиновники — не интеллигенция. За научный мир поручиться не могу, но те люди, с которыми я встречался на своём пути, вызывают у меня сомнение. А среди культурных работников и деятелей искусства я интеллигентов не встречал.

Нет и настоящего русского народа в городе, в котором я живу. Русских традиций жители города не соблюдают, песен русских не поют, обычаи предков не почитают. Можно ли назвать этих поселенцев народом русским? Никак нельзя! Это не народ, а население — без мировоззрения, без нравственных идеалов и убеждений. Общество потребления, над которым трудились последние тридцать лет западные идеологи и крупные трансконтинентальные корпорации, пришедшие завоевать народ через брюхо и развлечения. Только на городском Центральном рынке вижу я по воскресеньям на площади семидесяти-восьмидесятилетних мужиков и баб, поющих и немощно пританцовывающих под гармонь и балалайку «Мотанью» и «Страданью». Они помнят ещё деревенскую народную жизнь в трудах и веселии. И эти воскресные встречи радуют их души памятью о той общности народной жизни, которая из городов ушла навсегда. Но какой дивный язык этих остроумных, всегда живых и молодых частушек.

А между тем Михаил Шолохов писал в предисловии к книге «Пословицы русского народа» Владимира Ивановича Даля: «Величайшее богатство народа — его язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта. И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах», песнях и сказаниях.

Поэт Александр Орлов, родившийся и выросший в Москве, в семье интеллигентов, на мой взгляд, сочетает в себе эти два начала: интеллигента и человека из народа. Отец

поэта, Орлов Владимир Сергеевич, окончил МГУ, исторический факультет. Родная сестра отца и две двоюродные сестры Александра Орлова, дочери Орлова Александра Сергеевича (автора учебника истории Отечества для высшей школы, по которому учились несколько поколений студентов), — тоже выпускники главного вуза страны. Мама поэта была ближе к народу. Она окончила торговый техникум и работала в строительном тресте при посольстве США. Но бóльшую часть жизни была домохозяйкой.

Божьей милостью поэт, в детстве не любил деревню. Когда родители летом вывозили ребёнка на Кимрщину, родину своих предков, он томился и тягучестью деревенского времени, и мизерными формами домишек с тесными и душными, особенно по ночам, светёлками, и неторопливой трудовой жизнью местных жителей. Но внимательный взгляд «художника в юности» замечал осмысленный быт, воплощённый в обыкновенных предметах, которыми пользовались люди, не придавая им поэтического звучания. Поэт шёл к постижению родства со своим родом и с народом русским сначала через чувственное восприятие подростка. Вот первое стихотворение из рассматриваемой нами книги «Кимера».

Кров

Вновь чувствую: исходит от окна
Дух прошлого, и он подслеп и стоек,
И там, внутри бревенчатых построек, —
Иконы, благовестки, ордена…
Там чугунки, наблюдники, скамейки,
Отцов тепло — его хранила печь —
Она мгновенно может нас обжечь —
Там валенки, ушанки, телогрейки.
И запах ладана из красного угла,
Молитвы, что хранили на делянках,
И детские мечты на старых санках,
Одежда, что давно уже мала…
В ряд с кружками встал глиняный горшок,
Во тьме сеней скучают бочки, кадки.
Там жизнь идёт в незыблемом порядке,
И русским отовсюду виден Бог…

Какое русское сердце не отзовётся на эти пронзительные, точные интонации и ритмы поэта Александра Орлова? Через меткие детали быта: «бревенчатые постройки», «иконы, благовестки, ордена», «ушанки», «телогрейки», «отцов тепло — его хранила печь» и «запах ладана из красного угла», — встаёт вековая Россия с устоявшимся *укладом и бытом*. Как приземлённо мы воспринимаем сейчас это слово — *«быт»*, а между тем оно несёт онтологические смыслы: *быт, бытие, жизнь*. Есть сущее, и есть существование этого сущего, которое называется *бытием*. Древнегреческий философ Парменид полагал, что «мыслить и быть есть одно и то же» и что «одно и то же мысль и то, что на мысль устремляется». Поскольку небытия нет — это значит, что его и мыслить нельзя. *Всё, что мыслимо, есть бытие.* Не вдаваясь в богословие, напомню, что всё творение духовно в своих основах. Мы можем его мыслить, именовать, называть словам. Как когда-то его помыслил Творец и оно в Его творческой воле стало веществом мира…

Лирический герой Александра Орлова не познаёт *сущность бытия*, а открывает и изображает само *бытие*. «Поэзия есть изначальное *называние бытия*», — писал Мартин Хайдегер.

Прощальный снег во время зимобора
Уходит осмотрительно и скоро
И забывает мне сказать о том,
Что прошлое в сознанье ледяном
Нагонит в полнолунье злобных стуж,
И я увижу сотни русских душ,
И каждая покажется близка,
И времени остывшая река
Заманит в безымянную исстругу,
И ангелу, как истинному другу,
Уставший от сражений и погонь,
Я протяну из прошлого ладонь.

Приехав на Смоленщину в тридцатилетнем возрасте с дядьями Александром Сергеевичем Орловым и Сергеем Васильевичем Серковым, вспоминали рассказы деда о судьбе своих прадедов. По свидетельству Александра Орлова, внутри него прозвучал щелчок и как будто включилась генетическая память, которая накрыла мощной родовой волной. И он почувствовал нерасторжимую, кровную связь со своими предками, а через неё и со всем русским народом. Изучение истории в Московском институте открытого образования, куда поэт поступил после получения медицинского образования и Литературного института имени Горького, всё расставило на свои места. В личности поэта сформировался зрелый взгляд на исторический процесс, который органично отождествился с жизнью большой семьи своего рода. И теперь, о чём бы ни писал поэт, частное у него прорастает смыслом общего. В этом состоит ценность поэзии Александра Орлова.

Красноречивые детали быта в образной стилистике Александра Орлова, переживание родства и причастность к огромной семье с её традициями и культурой восхитили в поэте такую лексику, которая даёт нам ключи к созерцанию, пониманию и осмыслению русской жизни.

Проплыло солнце вдоль калитки,
Но не зайдёт на чай ко мне
Ни дед, вернувшийся с отсидки,
Ни прадед, павший на войне…

…И, прочитав юдолям строчки,
Найду в безбожный век возврат,
Где в детских снах приходит к дочке
Пропавший без вести солдат.

● ● ●

Память годы полощет,
Превращая в дымок,
В этой яростной мощи
Всей Руси оселок.
Род
Четыре прадеда моих
Живей живых.
Четыре прадеда моих
В снах дождевых.
Четыре прадеда моих
В лучах дневных.
Четыре прадеда моих
В словах мирских.
Четыре прадеда моих
В цветах степных.
Четыре прадеда моих
В лесах глухих.
Четыре прадеда моих
В делах земных.
Четыре прадеда моих
В крестах резных.
Четыре прадеда моих
В мирах иных.
Четыре прадеда моих
Среди былых.
Четыре прадеда моих —
Я возле них.
Четыре прадеда моих
Живей живых.

Через осмысление драмы собственного рода («… один прадед расстрелян по особому решению тройки, а второй застрелился во время ареста… трагическая гибель отца…») Александр Орлов пришёл к осмыслению колоссальной трагедии русского народа в двадцатом веке. В рассматриваемой нами книге «Кимера» особое внимание поэта обращено к теме войны и «ликам» войны. Сравнительно молодой ещё человек, обладающий поразительным чувством сострадания, погружается сам и влечёт за собой читателя в бездны ада войны, чтобы осмыслить её всепрощающим Промыслом Божьим. Так погружался Христос в глубины ада, чтобы вывести из него ветхозаветных праведников. Ибо «мы, собиратели мощей, искатели нетленной плоти, в обратном временно́м отсчёте по росной глубине полей идём вослед бессмертной роте», свидетельствует он в одном из стихотворений сборника.

Жизнь от лунного света бледна,
И её не объять, не измерить.
Она словно простора княжна,
Ну а я — её крепкая челядь.
И она показала мне вновь
Расставаньем отточенный коготь,
Мне её в этот раз не растрогать:
Всё не так, сколько ни многословь,
И слова мои — стынущий дёготь.
Знаю я, что закончился вар,
И от старой прикрытой дегтярни
В звёздный сумрак берёзовый пар
Вновь уходит, как в армию парни…

Если в предыдущей поэтической книге «Епифань» — стихотворения о местах, откуда происходили родные поэта по отцовской линии, то в книге «Кимера» — стихотворения о родине предков со стороны матери, городе Кимры, расположенном в Тверской губернии, на берегах великой реки Волги при впадении в неё речки Кимрки, — крае древних кривичей.

Поэтому «лики» войны в книге «Кимера» запечатлены в образах удивительных женщин. Это прабабушка поэта, которая:

Через проулки и сады,
Чекистов окрики не слыша,
Спасала образ из беды…

Это пронзительное стихотворение, посвящённое Тамаре Фёдоровне Востриковой:

У Томки в руках похоронка:
— Папочка, папа погиб! —
Запричитала девчонка.
Голос мгновенно охрип.
Села в гружёные санки,
Фото достала отца.
Слёзы в глазах у пацанки
Потяжелее свинца.
Валенки, шапка и ватник,
Мамин пуховый платок,
Девочка, школьница, ратник,
Только замёрзла чуток.
Роет и роет окопы
В десять своих с небольшим.
Гости пришли из Европы —
Юнкерсы, зарево, дым.
И ещё прабабушке:
…Она дитя старороссийской тверди,
Её молитвы словно Божий хлыст,
От них бегут в леса в трясучке черти,
И домовой, и банный, и гэбист.

Она для всех былинная загадка.
Её за строгость любят кержаки.
Она живёт всем бедам вопреки,
Ударница, вдова, старообрядка.

Словно по этим образам Александр Орлов сверяет время и собственную жизнь, на которую они накладывают особую ответственность и дают направление нравственному движению: «К нам в семью он въехал на каталке, мы решили: с Богом проживём! Стало веселее жить втроём, мы же люди сталинской закалки».

Архитектоника книги построена таким образом, что перед читателем проходят образы людей, которых поэт очень хорошо знает. Но после прочтения книги возникает ощущение, что и читатель знает этих людей. И в моём дворе жила «вдовица», потерявшая мужа на фронте. И сиделец по пятьдесят восьмой, и «два лагерных не старых старика», и «сосед, широкоплечий здоровяк», приходивший «брать взаймы у мамы» три рубля и никогда не возвращавший эти деньги, и «богачка»: «Она дитя войны и раскулачки, ей снятся опера и немчура, и к ней одной, уродливой богачке, идут всё так же в поисках добра». И «Бабье горе» — это стихотворение венчает чреду образов русских женщин, овдовевших, но сохранивших нравственные принципы, поднявших детей, разрушенные города и сёла опустевшей страны: «… И встречали меня, говоря о войне, стражи судного дня в солнцеликом огне».

Все характеры живы и исполнены правды жизни, потому что подлинность поэзии определяется понятием художественности. Это качество в поэзии Александра Орлова, бесспорно, есть!

Далее в книге несколько стихов о любви и расставании, о красоте суровой русской природы, и завершается книга образами, которые мы плохо знаем, но очень хорошо знают народ и поэт Александр Орлов — это образы святых людей.

Святой мужик, пасущий вечно скот,
Скажи мне: что в тебе судьбой сокрыто?
Вокруг тебя всегда животных свита,
И каждый двор тебя в деревне ждёт.
Ты с виду пучеглаз, щетинист, хил
И много лет назад примерил старость.
Ты всю округу к Богу проводил,
Тебя спасают кротость и поджарость.
И кажется, что жизнь моя на две
Разделена, и не стихают встряски,
Подай мне наставления, подсказки,
Мне верится, что мы с тобой в родстве.
Взор пастуха зажёгся и потух,
И мне раскрылась вереница связей.
Ушли по звёздам стадо и пастух.
Как звали его — Велес или Власий?

Завершение книги вытекает из глубинного созерцания заветных идеалов русского народа, которые сумел разглядеть *интеллигентный* человек и поэт Александр Орлов, ибо его творчество есть служение Отечеству, собирание и сохранение жизни. В чём же заключаются заветные созерцания русского народа? Францию называли Прекрасной, Англию называли Великой, а Русь называли Святой — не потому, что в ней жили одни *святые,* а потому, что *идеалом Руси был святой человек*!

Ангел кротости

Святому преподобному Трифону
Вятскому (Чудотворцу)

Капли пота остались на пижме,
Я устал, перегрелся и взмок.
Все полудни парит солнцепёк.
Преподобный, хоть облачко выжми
На кресты пересохших дорог.
Мы в тяжёлой блуждаем пылище,
Не пускает нас дальше июнь.
Ты на нас хоть тихонечко дунь,
Освежи наших дней пепелище,
Пролети, как над злаками лунь.
Старец Трифон, просить мне неловко:
Перед ним я живу, мельтеша.
Но я чувствую, как не спеша,
Будто бабочка — нежная совка,
К твоей мантии жмётся душа.

Книга «Кимера» — событие в современной русской литературе. Её непреходящая ценность состоит в том, что она выражает подлинную жизнь рода Александра Орлова и в роде поэта, как в частице фридмоне, отразилась жизнь всего народа русского!

Александр Фридман ещё в 1924 году показал возможность существования вселенных, заключённых в сколь угодно малых областях пространства. Эта гипотеза получила развитие в трудах Моисея Маркова, советского физика-теоретика. Он установил, что *фридмоны* (частицы, названные именем автора) могут быть не замкнуты,— то есть возможен переход между *«микровселенной»* (фридмоном) и окружающей её *«макровселенной».* То есть можно рассматривать одни и те же объекты как элементарные частицы и как макросистемы. *Личность поэта,* столь малая и хрупкая, как элементарная частица Фридмана, способна содержать в себе весь опыт, весь космос *«макровселенной»* национальной культуры, который живёт в *личности* естественной растительной жизнью и питает самосознание народа, возвращая его в первоначальное состояние Истины, красоты и добра — в то лоно, в котором родился и вырос поэт, как

вырастает на благодатной почве мощное дерево с раскидистой кроной, в листве которого может укрыться множество птиц. Я уже писал в одной из статей про отсутствие в текстах подлинного поэта эгоистического начала. Это в полной мере можно сказать о поэзии Александра Орлова. Он поднимается на такую высоту в своих созерцаниях, что можно говорить о безличном, почти народном творчестве, критерием подлинности которого выступает само религиозное начало. То есть та единственная Истина, в свете которой можно говорить уже не о силе, а о слабости искусства!

Книгой «Кимера» поэт показал нам, русским литераторам, какой дорогой надо идти, чтобы восстановить подлинные традиции национальной литературы, которая может жить только правдой народной и Истиной Божьей. Александр Орлов поставил перед собой неподъёмную задачу в творчестве — устраниться настолько, насколько это возможно, чтобы был слышен голос народа и жительствовала сама народная жизнь. Без этой почвы невозможно русское искусство. Об этом хорошо знала вся русская классическая литература. Но сейчас расслабленной интеллигенции кажется, что народ в своих вековых традициях умер. Что не существует соборного сознания народа, укоренённого в христианских ценностях, не существует глубинной народной жизни. Они хотели бы, чтобы русский человек потерял самоидентичность, утратил все программы и коды национального сознания. Но мы неуничтожимы, пока есть наш родной язык, которым Александр Орлов блестяще владеет, есть историческая и родовая память, есть Православие, которое наши предки передали нам в чистоте. Ведь Москва, Петербург и другие города России — это только корабли в необъятном просторе океана провинциальных городков, сёл и деревень, в которых живут живой жизнью забытые русские люди, сохраняя нравственные ценности в самой жизни, а не в риторических рассуждениях о ней. Только в моей области существуют тысяча сто поселений, в которых живут люди. А сколько же таких поселений по всей необъятной России?! А между тем московский бомонд всерьёз рассуждает: а есть ли культурная жизнь за Московской кольцевой дорогой?..

Творчество поэта Александра Орлова — это служение своему народу и Отечеству! Этими высокими критериями мерили своё искусство Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев и другие ревнители русского просвещения. Я не боюсь этих возвышенных слов, когда дело касается борьбы за души человеческие и за национальное сознание!

Россия встаёт в интонациях, ритмах и смыслах поэта Александра Орлова, Россия, которую я помню, которую я знаю и которую я люблю…

Своей свободой и смелостью поэт открывает новые пути в творчестве не только мне, но целому поколению писателей.

…Все знают: скоро постным дням конец,
Андрей и Пётр закинут ловко снасти.
Страстные дни, удачу их не сглазьте! —
Ведь каждый небом призванный ловец
Живёт не по своей, а высшей власти.

Артём Попов

Бывают ли две правды?

Смелая притча Анастасии Астафьевой «Глафира и Президент»

Судьба публикации произведения непростая, и стоит на этом остановиться. Анастасия Астафьева отправляла рукопись в центральные издания полярной направленности и везде получала отказ. В итоге притчу опубликовали в журнале «День и ночь», выходящем в Красноярске. К слову, это издание в прошлом году отметило тридцатилетие, и Анастасия Астафьева стала лауреатом журнальной премии «Снежное перо», в том числе и за новое произведение.

Как тут не вспомнить: когда отказывались столичные издания публиковать повесть Василия Белова «Привычное дело», место нашлось в тоже далёком от центра журнале «Север», издающемся в Карелии. Но когда это было? В шестидесятые годы прошлого века.

Почему же повесть Астафьевой не взяли? Где собака зарыта? Тогда и сейчас к писателям-«деревенщикам» (а именно к ярким представителям этого направления можно смело отнести Анастасию Астафьеву) подходили с предубеждением: ну что там они пишут о какой-то своей деревушке и старичках-дожителях?! Между тем это литература не о деревне, а о настоящей, глубинной России, и темы «деревенщики» поднимают общечеловеческие, вневременные.

Итак, вкратце сюжет притчи. В ковидное время — мы уже стали забывать страшную пандемию после начала спецоперации — в северную деревушку приехал не кто иной, как сам Президент.

«— Совет безопасности принял решение отправить меня на отдых. Подальше от большого скопления людей, от города. На природу, на чистый воздух.

Глафира подумала и недоверчиво спросила:

— А почему же именно к нам в деревню? Разве других нет?

— Ну-у… — неопределённо протянул Президент. — Совету безопасности виднее. Изучили пандемийную обстановку, экологическую ситуацию в целом по стране. И человеческий фактор сыграл не последнюю роль. Выбрали вас!

Глафира смотрела на сияющего главу страны и не верила своим глазам и ушам:

— Разыгрываете вы меня…»

До этого эпизода идёт вполне реалистичный рассказ. Правда, автор указала жанр — притча. Как мы знаем, притчей называют назидательный рассказ в иносказательной форме. Читаешь и на секунду-другую-третью веришь, что всё происходит на самом деле. Правда — в деталях!

И вот живёт Президент у старушки в деревне, где местных жителей по пальцам одной руки пересчитать можно, изба находится на краю, и никто его не видит. В баньке парится, воздухом чистым дышит и работает с документами, готовится к переговорам с Ангелой Меркель.

В притче шуточно обыгрываются несколько мифов, которым уже много лет. Первый — о двойниках.

«— И в телевизоре Президент, и на печи Президент. Так разве бывает?

— Бывает, — спокойно отозвался Президент, который на печи. — Это мой двойник совещание проводит. А цифры мне сегодня утром передали, я их изучил, с Анной Юрьевной связался, обсудили положение. Предложения я внёс. Так что всё по-настоящему, двойник зачитывает мои же вопросы и указания.

— Значит, двойник всё-таки есть? Не врёт народ? — уточнила Глафира, вытирая полотенцем тарелки и ложки.

— Есть, как не быть! Я вам больше скажу: и тройник есть, и четверник*! — засмеялся Президент и свесился с печки. — Разве возможно одному человеку везде успеть? Утром у меня совещание, днём — приём, вечером — я уже где-нибудь в другом конце страны, а ночью, глядишь, в другой стране.*

— А я-то вас жалею, дура старая! — воскликнула бабка. — С ног, говорю, сбился, наш дорогой! Нет ему покоя ни днём, ни ночью!»

Глафира не ублажает Президента, а живёт своей обыденной жизнью. Поёт частушки, рассказывает историю деревни, местные легенды. Потом вместе они идут в лес по грибы. Насобирали сморчков, нажарили… Хорошо, что охранник не дал съесть жарёху Президенту! Читается местами с юмором, но чаще пробивает жалость к старушке и её неказистой жизни.

Всё это напоминает какую-то народную сказку о встрече русской крестьянки с царём. Но не падает Глафира в ноги Президенту. Нет у Астафьевой в притче неистребимой веры русского человека в доброго царя, который придёт и разом разрешит все проблемы, виновных накажет, обиженных поддержит. Наоборот, Глафира прямой вопрос задаёт Президенту: почему гибнут деревни в последние десятилетия? Отвечает он старушке:

«— Вот, Глафира Фёдоровна, вы же сами всё понимаете: у вас здесь очень бедная земля,— спокойно заговорил Президент.— В неё нужно столько вложить… А будет ли отдача? Невыгодно очень. Нерентабельно».

И это вовсе не про экономику. Умерщвление деревень и малых городов под предлогом их «бесперспективности» и «нерентабельности» началось давно. Хотя всем прекрасно известно, что именно деревни, сёла и сельские райцентры являются главными хранителями русской культуры, духовности и национальных традиций. Между тем эти «хранилища» продолжают целенаправленно уничтожать.

Глафира вспоминает, что при Брежневе люди жили хорошо. Очень часто в последние годы можно найти в литературе и кино романтизацию «застойного времени». А что будет завтра? По какому пути пойдёт Россия? Об этом же думают все.

«— Каждый день по телевизору про какое-то возрождение России поют. А какую собираются возрождать-то?..— бабка подумала с минуту и продолжила: — Я так думаю: надо выбрать такой кусочек, где всем людям хорошо жилось, и его вернуть».

Президент рассуждает вслух:

«— Нет! Будущая Россия — совсем другая. Мир ещё не знал такой! Это не царская, не коммунистическая Россия… Я и сам ещё до конца не знаю, какой она должна быть. Вы всё-таки это хорошо сказали, про кусочки. Только не нужно искать какой-то конкретный отрезок и ориентироваться на него! Надо взять из каждого периода нашей истории лучшее и соединить. Вот тогда будет и мощь, и вера, и правда! Но это очень трудно… Почти невозможно… Слишком неспокойно в мире, слишком много у России врагов».

Возрождение начинается с веры, с православия. И эти вопросы ставит Анастасия Астафьева в своей притче.

Глафира приводит Президента в заброшенную сельскую церковь. Случается Чудо. В ладонях главы страны оказывается маленькая, деревянная, опалённая по краям иконка. Через век из небытия вернулся утраченный образ, будто наставляя, о ком следует в первую очередь печься земному властителю — о сирых и убогих, о вдовах и детях! И Президент принял этот образ, а вместе с ним и обет. Но вдруг на следующий день пропала иконка. А была ли она?

«Полоумная старуха, закостенелый солдафон и глава огромной страны, именовавшейся когда-то Святой Русью, струсили? Отмахнулись от Чуда? От веры отступились? Проспали ночь и наутро живут как ни в чём не бывало? И совесть не жжёт?..»

После отъезда Президента из деревни возникает острая конфликтная ситуация между Глафирой и сельским фельдшером Лариской, ещё одной местной жительницей: о Крыме и Украине, о свободе слова и пропаганде и даже о сексуальных меньшинствах спорят они, да так, что готовы поубивать друг дружку. И такие споры сейчас вспыхивают мгновенно и повсеместно. Кто прав? Бывают ли две правды? В речах героев притчи это спор не поколенческий, а конфликт «государственника» с «либералом». И всё-то Лариске плохо сегодня, она, как Баба Яга,— против всего.

«— Я всё поняла,— прошипела бабка.— Вот такие, как ты, майданы и делают! Вам любая власть неугодна!

— Вот такие, как я,— будущее России! — взгляд Ларисы над маской сверкнул праведным гневом».

Как известно, либерал — это тот, кому не нравится любая власть. Поэтому как ни вывернись, сколько свободы ни дай — ему всё будет мало, ему всегда будет казаться, что «в этой стране жить невозможно». И ему никогда не придёт в голову, что дело здесь вовсе не в стране, а в нём самом.

Стихийные, неразумные, лёгкие по возникновению разрушительные силы, энергия ненависти, национальная ревность — эти пожары, как мы видим, временами вспыхивают в разных регионах мира. Погасить их может только властная сила добра и разума. Насилие, как известно, порождает насилие, ложь порождает ложь.

В то же время никак нельзя упрекнуть автора в подобострастии к власти. Как объективный журналист собирает разные мнения, так и писатель даёт высказаться всем в своём произведении.

Устами своей героини Глафиры, воплотившей в себе образ старой Руси, так называемого «беловского лада», утраченного безвозвратно, автор успел сказать о прошлом и настоящем дне России и о жизни народа без прикрас, но и без отъявленной чернухи. Астафьева прекрасно понимает, что мир — в деревенском ли, в планетарном ли масштабе — уже никогда не будет прежним, и сурово подводит черту, обозначенную ещё в эпиграфе ко всему произведению, взятому из стихотворения Бориса Корнилова «Тройка»:

Жить по-старому Русь моя кончила,
Дней былых по полям не ищи…

В финальной сцене Глафира — это последняя юродивая в глазах окружающих, воплощение совести русского народа, памяти о прошлом, которое не сберегли.

Возвращаясь к истории с публикацией притчи. Так что же эти воинствующие издания? Может, слишком крутой им показалась Астафьева? Да, Анастасия Викторовна принципиальна — в отцовскую породу! Бьёт не в бровь, а в глаз. Срывая голос, готова кричать о бедах русского человека, писать кому угодно, хоть президенту, о том, что происходит в деревне и шире — в русской провинции. Горько от такой унизительной жизни русского человека! И выбранный автором жанр притчи кажется не более чем завесой, чтобы обратиться на *самый верх*.

Причта получилась социальная, политическая, историческая, религиозная. Важно, что Анастасия Астафьева не только ставит извечные русские вопросы «что делать?» и «кто виноват?», но и даёт варианты ответов.

Народность, государственность (именно государственность, а не самодержавие), святость — вот три главные составляющие русского мира, от которых нам никак нельзя отступаться и которых нужно держаться вечно. Обо всём этом прямо или косвенно пишет Анастасия Астафьева.

Сейчас нужны такие писатели — с национальным характером, из глубинки, которые знают, как живёт *простой народ*. Анастасия Астафьева — носительница глубинного здорового нравственного кода, сакральных ценностей русского человека. Произведения таких авторов должны печатать журналы, таких писателей необходимо показывать по центральным каналам, о них стоило бы рассказывать блогерам в интернете. Ключевое слово — «должны». Пока же об этой повести, увы, только устные слова поддержки автору…

Д*и*Н СИММЕТРИЯ · 1824 г.

Иван Козлов

Ирландская мелодия

Когда пробьёт печальный час
  Полночной тишины
И звёзды трепетно горят,
  Туман кругом луны, —

Тогда, задумчив и один,
  Спешу я к роще той,
Где, милый друг, бывало, мы
  Бродили в тьме ночной.

О, если в тайной доле их
  Возможность есть душам
Слетать из-за далёких звёзд
  К тоскующим друзьям, —

К знакомой роще ты слетишь
  В полночной тишине
И дашь мне весть, что в небесах
  Ты помнишь обо мне!

И, думой сердца увлечён,
  Ту песню я пою,
Которой, друг, пленяла ты
  Мечтательность мою.

Унылый голос ветерок
  Разносит в чуткой тьме,
В поляне веет и назад
  Несёт его ко мне.

А я… я верю… томный звук
  От родины святой —
На песнь любимую ответ
  Души твоей младой.

Александр Костерев

Горький и Маяковский: «Мы вас ждём, товарищ птица, отчего вам не летится?»

В критическом стихотворении «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому», опубликованном в журнале футуристов «Новый ЛЕФ» № 1 за 1927 год, Маяковский, едко иронизируя по поводу знаменитой «Песни о Соколе», напишет:

Алексей Максимыч, из-за ваших стёкол
виден Вам ещё парящий сокол?
Или с Вами начали дружить
по саду ползущие ужи?

История взаимоотношений двух писателей — «глашатаев революции» — весьма поучительна и уходит корнями в далёкий 1912 год, при этом сами отношения то трансформировались в дружескую приязнь, то приобретали форму бурных словесных баталий.

В манифесте группы четырёх (Д. Бурлюк, А. Кручёных, Вл. Маяковский, В. Хлебников) «Пощёчина общественному вкусу» читаем такие строки: «Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам, Соллогубам, Ремизовым, Аверченкам, Чёрным, Кузьминым, Буниным и проч. и проч. — нужна лишь дача на реке. Такую награду даёт судьба портным».

А спустя всего три года в биографических записях «Я сам» прочтём такие откровения Маяковского:

Запись первая:

«Пишу „Облако". Поехал в Мустамяки (Горький снимал комнату на даче-пансионате А. К. Горбик-Ланге, в 1948 году посёлок переименован в деревню Пешково Ленинградской области, позднее — в деревню Горьковское. — Прим. авт.). М. Горький. Читал ему части „Облака". Расчувствовавшийся Горький обплакал мне весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горький рыдает на каждом поэтическом жилете. Всё же жилет храню. Могу кому-нибудь уступить для провинциального музея».

(Об этом эпизоде очного знакомства писателей напишет Лев Кассиль в книге «Маяковский. Избранные произведения», вышедшей в 1940 году в Москве:

«Осенью 1915 года Маяковский навещает Горького в Финляндии. В саду, где осенние деревья уже надели жёлтые кофты, Маяковский читает Алексею Максимовичу „Облако в штанах". Горькому нравится:

— Вот это настоящий разговор с богом! Давно господу так здорово не влетало.

Потом восхищённый Горький, озабоченно присмотревшись к Маяковскому, наставительно говорит ему:

— Вот что… Вышли вы на заре и громким голосом заговорили. А день-то велик. Хватит ли вас?»)

Запись вторая:

«Забрили. Идти на фронт не хочу. Притворился чертёжником. Ночью учусь у какого-то инженера чертить авто (в 1915–1917 годах Маяковский, по протекции Максима Горького, устроился на военную службу в Петрограде в учебную автомобильную роту. — *Прим. авт.*)».

Запись третья:

«С печатанием ещё хуже. Солдатам запрещают. Один Брик радует. Покупает все мои стихи по 50 копеек строку. Напечатал „Флейту позвоночника" и „Облако". Облако вышло перистое. Цензура в него дула. Страниц шесть сплошных точек. С тех пор у меня ненависть к точкам. К запятым тоже».

(В 1916 году Горький предложил Маяковскому печататься в «Летописи» — ежемесячном литературном, научном и политическом журнале, выходившем в Петрограде в 1915–1917 годах тиражом 10–12 тысяч экземпляров. Издателем журнала был А. Н. Тихонов, официальным редактором — А. Ф. Радзишевский, фактически одним из руководителей — А. М. Горький. Максиму Горькому приписывают такой отзыв о Маяковском: «Собственно говоря, никакого футуризма нет,

а есть только Вл. Маяковский. Поэт. Большой поэт». В издательстве «Парус», где Горький был главным редактором, вышел первый сборник стихов Маяковского «Простое как мычание», на который гневно обрушивается критика. Над Маяковским открыто издеваются. Злобно, возмущённо нападают и на Горького за то, что он позволяет печатать такого «грубого» поэта.)

16 октября 1921 года М. Горький уезжает за границу, слово «эмиграция» в контексте его поездки в то время не употреблялось. По официальной версии, причиной отъезда (по настоянию Ленина) была необходимость лечения за границей в связи с постоянными рецидивами болезни Горького. По неофициальной — Горький был вынужден уехать из-за обострения идеологических разногласий с советской властью. В 1921–1923 годах писатель жил в Гельсингфорсе (Хельсинки), Берлине, Праге. До 1924 года Горькому не давали визы в Италию как «политически неблагонадёжному», а после — фашистские власти не разрешили поселиться на Капри. С 1924 по 1933 год Горький жил сначала в Неаполе, а затем в Сорренто, сменив несколько гостиниц, санаториев и вилл.

В этот непростой для Горького период в журнале футуристов «Новый ЛЕФ» № 1 за 1927 год Маяковский опубликует своё гневное воззвание к Алексею Максимовичу (в сокращении. — *Прим. авт.*):

Алексей Максимович, как помню, между нами
что-то вышло вроде драки или ссоры.
Я ушёл, блестя потёртыми штанами;
взяли Вас международные рессоры.
Очень жалко мне, товарищ Горький,
что не видно Вас на стройке наших дней.
Думаете — с Капри, с горки
Вам видней?
Одни мы, как ни хвалите халтуры,
но, годы на спины грузя,
тащим историю литературы —
лишь мы и наши друзья.
Мы не ласкаем ни глаза, ни слуха.
Мы — это Леф, без истерики — мы
по чертежам деловито и сухо
строим завтрашний мир.
Я знаю — Вас ценит и власть, и партия,
Вам дали б всё — от любви до квартир.
Прозаики сели пред Вами на парте б:
— Учи! Верти!
— Алексей Максимыч, из-за ваших стёкол
виден Вам ещё парящий сокол?
Или с Вами начали дружить
по саду ползущие ужи?
Здесь дела по горло, рукав по локти,
знамёна неба алы,
и соколы — сталь в моторном клёкоте —
глядят, чтоб не лезли орлы.
Делами, кровью, строкою вот этою,
нигде не бывшею в найме, —
я славлю взвитое красной ракетою
Октябрьское, руганное и пропетое,
пробитое пулями знамя!

Горький в свою очередь парировал:

«От бесед с литераторами и чтения журналов определённо веет затхлостью злейшей „кружковщины“, вредной замкнутостью в тесных квадратиках групповых интересов, стремлением во что бы то ни стало пробиться в „командующие высоты“. Это особенно характерно в таком учреждении, как „Леф“, где несколько самохвалов пытаются смутить молодых литераторов проповедью ненужности художественной литературы. „Леф“ убеждает молодёжь не учиться у классиков, это — совершенно напрасно. Литературной технике и языку надобно учиться именно у Толстого, Гоголя, Лескова, Тургенева, к ним я прибавил бы и Бунина, Чехова, Пришвина. Бояться идеологической заразы — значит не верить в силу классового самосознания».

Горький выкажет своё отрицательное отношение к поэзии Маяковского в марте 1928 года в статье «О возвеличенных и „начинающих“»:

«Не всякая ошибка и обмолвка уже ересь. Но вот цитированные Бухариным стихи Маяковского:

И когда мне говорят, что труд ещё и ещё,
Будто хрен натирают на заржавленной тёрке,
Я ласково спрашиваю, взяв за плечо:
„А вы прикупаете к пятёрке?“

Вот это действительно злейшая ересь, потому что это — мещанский анархизм».

Все годы вынужденной эмиграции Горький, с одной стороны, демонстрировал лояльность к И. В. Сталину, но в то же время поддерживал дружеские отношения со многими лидерами внутрипартийной оппозиции. И вот в мае 1928 года по приглашению не только Советского правительства, но и лично товарища Сталина впервые за семь лет после отъезда за границу Алексей Максимович «с помпой» возвращается в СССР.

А уже в июне 1929 года писательские судьбы снова сводят ярого безбожника Маяковского и в недалёком прошлом идеолога богостроительства Горького (в 1909 году он помогал участникам этого течения содержать школу на острове Капри для рабочих, которую В. И. Ленин, резко отзываясь об идеологии Горького, называл «литераторским центром богостроительства». — *Прим. авт.*) на II съезде Союза воинствующих безбожников.

В своём выступлении на съезде Маяковский резко призвал писателей и поэтов к участию в борьбе с религией:

«Мы можем уже безошибочно различать за католической сутаной маузер фашиста. Мы можем уже безошибочно за поповской рясой различать обрез

кулака, но тысячи других хитросплетений через искусство опутывают нас той же самой проклятой мистикой. <…> Если ещё можно, так или иначе, понять безмозглых из паствы, вбивающих в себя религиозное чувство в течение целых десятков лет, так называемых верующих, то писателя-религиозника, который работает сознательно и работает всё же религиозничая, мы должны квалифицировать или как шарлатана, или как дурака.

Товарищи, обычно дореволюционные ихние собрания и съезды кончались призывом „с богом“, — сегодня съезд кончится словами „на бога“. Вот лозунг сегодняшнего писателя».

Горький же в приветственной речи съезду обозначит своё отношение к религии значительно умереннее и дальновиднее:

«Товарищи, я скажу несколько слов о том, что мне не нравится в борьбе, которая вами начата и которая могла бы идти, по моему мнению, значительно успешнее, дать гораздо больше результатов, если бы приёмы, методы борьбы были несколько изменены… Я знаком с антирелигиозной литературой. Должен сказать, что она меня не удовлетворяет.

Мне кажется, что она недостаточно солидна, что с этим оружием, слишком легковесным… нельзя надеяться, что победишь столь тяжело вооружённых людей, как попы, людей учёных, хитрых, прекрасно знающих свой материал, материал своей самозащиты — евангелие, библию, богословские науки и так далее. Я полагал бы, что следует написать историю происхождения религии более солидную, чем те очерки, которые у нас есть. У врага огромнейшее количество всяких текстов в памяти. Когда вы будете им говорить только от себя и Маркса, они вам скажут: „А я верю так“, — что вы сделаете против этого? Против эмоций должна быть выдвинута такая же зарядка, такая же энергия и такая же ненависть, потому что в той любви, которую проповедуют церковники, христиане, — огромнейшее количество ненависти к человеку. Религия давно стала человеконенавистничеством.

Против нас действуют от библии. Библия — книга в высокой степени неточная, неверная. Критическое издание библии с комментариями было бы хорошим орудием в руках безбожников. Дело не в том, чтобы ломать церкви, а в том, чтобы люди забыли о церквах, чтобы туда никто не ходил, — вот чего нужно добиваться. Кто создал богов? Мы, наша фантазия, наше воображение. Раз мы их создали, мы имеем право их ниспровергнуть. И должны ниспровергнуть. На их место нам не надо никого, кроме человека, его свободного разума. Всё, что мы делаем сейчас, вся Страна Советов является результатом нашей энергии, нашей воли, и это — мы видим — уже создаёт и создаст чудеса».

С этой точки невозврата нравственные и духовные позиции писателей будут расходиться всё дальше.

Маяковский на втором расширенном пленуме правления РАПП в конце сентября 1929 года вспомнит и своё стихотворное письмо Горькому, и попрекнёт Алексея Максимовича стремлением разглядеть за репрессиями человеческое лицо строящегося социализма:

«И здесь битьём по упадочническим настроениям были мои стихи Есенину. Большинству известно „Письмо Максиму Горькому“, где вместе с Шаляпиным говорилось об искусстве. Это была вещь — задолго до лишения Шаляпина звания народного артиста и задолго до всем известных разговоров о Горьком, о том, что писала „Комсомольская правда“ относительно его заступничества за детей лишенцев. Это наш актив в нашем общем отношении к проблемам».

Тему популярных и свободных птиц, поднятую Горьким, с определённым недвусмысленным подтекстом Маяковский продолжил в детской книжке: «Мы вас ждём, товарищ птица, отчего вам не летится?», вышедшей в Москве в 1931 году:

Несётся клич со всех концов,
несётся клич во все концы:
— Весна пришла! Даёшь скворцов.
Добро пожаловать, скворцы!
В самом лучшем месте
самой лучшей рощи
на ветке поразвесистей
готова жилплощадь.
И маленькая птица
с большим аппетитцем.
Готовы для кормёжки
и зёрна, и мошки.
Из-за моря, из-за леса
не летят скворцы, пока
пионеры сами лезут
на берёзины бока.
Слетит скворец под сень листов,
сказать придётся: — Нет местов!
Хочу, чтоб этот клич гудел
над прочими кличами:
— Товарищ, пионерских дел
не забывай за птичьими.

После ухода из жизни Маяковского Горький в заключительной речи первого сентября 1934 года, на Первом съезде писателей СССР, в более примирительном тоне снова вернётся к его поэзии:

«В докладе товарища Бухарина есть один пункт, который требует возражения. Говоря о поэзии Маяковского, Н. И. Бухарин не отметил вредного — на мой взгляд — „гиперболизма“, свойственного этому весьма влиятельному и оригинальному поэту».

Своеобразно, хотя и не бесспорно, оценил характеры писателей, выказал своё отношение к конфликту писателей и вскрыл его подоплёку хорошо знавший обоих А. И. Куприн, который напишет о Горьком:

«Сокол — соколом и Буревестник — буревестником, а всё-таки Алексей Максимович мужик хитрый, дальновидный, бережливый и расчётливый. Простота его подобна мордовскому лаптю, плетённому о восьми концах. И уж, конечно, денег своих он не стал бы держать ни в керенках, ни в военном займе, ни в советском пипифаксе. Чем он хуже тех наших земляков, которые уже в конце 1916 года перевели свои капиталы в фунтах, долларах и франках за границу? Поэтому, думаю, слухи о его любостяжании — плод обычной выдумки тех людей, которые каждый ложный или злой шаг человека, стоящего на виду, склонны объяснять лишь денежным интересом.

Есть, однако, кое-что другое, что Горькому не простится.

Незадолго до этого она же (публика) положила начало мировой славе Горького, в тот день, когда он прикрикнул на неё:

— Что вы на меня рот разинули? Утопленник вам? Балерина? Венера Милосская? Пошли вон, дураки!

Правда, один голос из публики робко возразил:

— Мы, извините, не на вас… Мы, собственно, на Антона Палыча-с… На господина Чехова…

Но этот голос пропал в общем одобрительном ржании: „Ишь ты, как садит. Сразу видать, что большой человек. Мелкая сошка так не посмеет…“»

Не менее показательна купринская характеристика Маяковского в «Шутах гороховых»:

«Взошёл на подмостки Владимир Маяковский, в кофте наполовину зелёной, наполовину красной, одна штанина жёлтая, другая фиолетовая, на щеках синие звёзды, в петлице приапический символ… Взошёл и заорал:

— Весь ваш Пушкин не стоит моего мизинца!

С этими словами стащил с правой ноги башмак и запустил им в публику.

Публика, конечно, пришла в неистовый восторг и с этого момента закрепила за Маяковским титул гения… <…>

Выходка Маяковского была сделана давно; не только до революции, но и до войны. Я её считаю чрезвычайно значительной и глубоко пророческой. В ней как бы блеснул на миг прообраз того самого большевизма, который тогда ещё смутно, дурманно и громоздко только что начинал бродить в русских головах. Футуристы бессознательно были вещими птицами большевиков. <…>

Для этого требуется только дерзость и бесстыдство.

Возьмём наших старых, вечно новых, прекрасных писателей, введших русскую литературу… на почётное место. Все они были хорошо образованны и никогда не переставали читать, наблюдать, учиться. Если они знали радость долго вынашиваемого замысла, то знали и упорный, тяжёлый труд претворения мысли в слово… Мы застали новаторов конца XIX и начала XX столетия. Самонадеянности у них было, пожалуй, чересчур. Но кто же станет отрицать наличие блестящей эрудиции и внутренней работы над своим талантом у Бальмонта, Брюсова, Блока, Гумилёва, Вячеслава Иванова, Иннокентия Анненского, Сологуба, Ахматовой, Кузмина… Футуризм же — их побочное дитя, зачатое, однако, в оправдывающем неведении и равнодушии.

Футуризм сказал сам себе:

„Труд? — Отвратительно. Учиться? — Скучно. Слава? — Приятна. Деньги? — Ещё вкуснее. Что публика любит наипаче? — Скандал, похабщину и всё, что вне её понимания, всё равно: будь это высокая мудрость или самая пошлая мистификация“.

Итак:

„Ванька! Бей в барабан! Федька, обложи публику матерно! Так её, стерву! Серёжка, валяй на заумном языке: вля-та-та, мурдапикс, оокалао. Володька, покажи публике то, что в бане ладонью прикрывают. Лупи её, дуру, по головам палкой! Она это обожает“. <…>

А для простого, срединного русского народа в них нет ничего нового… солидный крестьянин, создавший песню, и былину, и сказку, и ловкую поговорку, презрительно суров к таким егозливым болтунам: „Шуты гороховые“».

В течение последних одиннадцати лет жизни Горький пишет своё самое крупное, итоговое произведение, роман «Жизнь Клима Самгина» — описание русской интеллигенции в переломную эпоху, которое останется незавершённым. Маяковский, в свою очередь, оставит читателям «Неоконченное» стихотворение, и волею судеб слова Горького, произнесённые на даче в 1915 году, для обоих писателей оказались пророческими: «Вышли вы на заре и громким голосом заговорили. А день-то велик. Хватит ли вас?»

Первым «сгорел» Маяковский, немногим позднее — Горький. Творческие взлёты двух крупнейших писателей первой половины двадцатого века оказались столь разными, но при этом столь значительными, что образность их языка, острота и глубина мыслей, незаурядность человеческих личностей не отпускают читателя и по сей день.

Анжела Бецко

Кормушка для счастья

«Тили-тили-тесто…»

— Ребята, играем в «почту»,— объявила на прогулке воспитательница Вера Петровна.— Те, кто не играет в «почту», играют в «ручеёк».

— Кто сегодня почтальон? — спросил Женька Огурцов.

— Чур, не я! — закричала Вероника.

— И не я,— сказал Юра Гарин.

— Не я! — подхватили хором Инка Лемеш, Глеков и девочка.

Пиня немного замешкался с ответом. Поэтому почтальоном был он. В самом углу игровой площадки, у сетчатого забора, рос раскидистый куст розовато-лиловой сирени. И по его нижним оголённым веткам было понятно, что письма пишут часто и помногу. Каждый срывал листок, на котором веточкой или палочкой выводил заветное слово или тайный знак. После письмо передавалось почтальону. В девочкином письме было маленькое солнце. Потому что большого листок вместить не мог. Рядом с солнцем стояла буква «В» и точка.

— Веронике,— протянула девочка письмо Пине.

Он молча положил его в ладошку и направился к ребятам за другими письмами. А девочка побежала играть в «ручеёк».

— Ручей, ручей, ручеёк! Здравствуй, миленький дружок. Можно с вами поиграть? — спросила девочка.

— Ты скорее забегай и друзей здесь выбирай! — хором ответили дети.

Девочкина лучшая подружка Ленка Горелик стояла в конце «ручейка» в паре со Светкой Саевич. И девочка пошла по длинному коридору из сцепленных рук за своей Ленкой. Она взяла Ленку за руку и хотела повести за собой, но Светка так вцепилась в Ленку, что та не сдвинулась с места.

— Водящий выбирает себе пару! Ручеёк течёт быстро! — раздался голос Веры Петровны.

Девочка и сама это знала, но Светка её Ленку не отпускала. Девочка сильней потянула Ленку за руку. Светка дёрнула Ленку на себя. Тогда девочка потащила Ленку в свою сторону, но Светка рванула Ленку с такой силой, что все втроём вдруг оказались на земле.

— Девочки! — всплеснула руками подбежавшая Вера Петровна.— Да что ж вы Лену не поделите?!

Вера Петровна была права: свою Ленку девочка не собиралась делить ни с кем. Особенно с Саевич! Ребята зашумели и разбежались по игровой площадке. Девочка поднялась и помогла встать Ленке. Нарядное Ленкино платье, белые гольфы и лаковые туфельки были испачканы, а бедная Ленка чуть не плакала. Девочкино платье тоже было в грязи, но она и не думала расстраиваться! А Светка Саевич уже болталась на качелях с Юрой Гариным.

— Гадкая Саевка! — подбежала к ней Вероника и высунула язык.— Ы-ы-ы! Воображуля высший сорт! Куда едешь? На курорт. На курорте пусто. Выросла капуста!

Светка в долгу не осталась: она показала язык Веронике, девочке и Ленке. Девочка с Ленкой теперь сидели на скамейке. На длинных Ленкиных ресницах блестели слёзы.

— Девочки, представляете, какая Саевка фантазёрка! — шептала им Вероника.— Когда она приезжает на море, воображает себя морской принцессой, которую отец Нептун на время отпустил на землю. И вот плывёт наша морская принцесса Саевка и кричит: «Эй, маляк на калабле, клабов ловишь или лыбу?»

И девочки тоненько захихикали. Со звуком «р» Светка и правда была не в ладах.

— А Инка Лемеш ходила к Саевке в гости,— продолжала Вероника,— и Саевка ей рассказывала, что живёт в королевстве и будто она вся такая раскрасавица-невеста, сидит у окошка на башне и ждёт принца, он к ней едет, но ещё никак не доехал. А на прикроватном столике у неё колокольчик. Инка спрашивает: «Зачем?» А Саевка: «Слуг звать!» Вот умора!..

И девочки снова прыснули со смеху. Худосочная, со спичечными ножками и двумя мышиными хвостиками, схваченными капроновой оранжевой лентой, Светка Саевич не тянула ни на морскую принцессу, ни на раскрасавицу-королевичну из сказочного за́мка. Она была обыкновенной воображулей и кривлякой.

— Тебе письмо! — подошёл к девочке Пиня и протянул листок сирени.

— Мне? — удивилась девочка.

Она уже забыла про игру в «почту» и совсем не ждала писем.

— От кого?..

— От Гагарина, — деловито буркнул Пиня и побежал по другим адресам.

На листке было нарисовано сердце. Девочка с Ленкой переглянулись и не поверили своим глазам. Сердце всегда означало одно: любовь до гроба… Юрка всё ещё качался со Светкой на качелях, робко поглядывая в девочкину сторону. Он был тем мальчиком, о котором тайно вздыхают девочки, но причина вздохов для них остаётся загадкой. Конечно, Юрка был смел и решителен, хорош собой и выше всех на целую голову. И улыбался как Юрий Гагарин! За его улыбку и фамилию, созвучную с фамилией первого космонавта, его называли Гагариным. Или просто космонавтом.

— Дети, строимся парами и идём в группу обедать, — объявила Вера Петровна.

После обеда был тихий час. Но девочка не спала, а думала про Юру. Она больше не могла ни о ком думать! И когда на вечерней прогулке Юра позвал её в железную ракету и два раза поцеловал в щёку, она думала не про космос, а про Юру. Потом, держась за руки, они гуляли по песчаным дорожкам детского сада, и солнце грело макушки, и дети вокруг дружно кричали:

Тили-тили-тесто,
Жених и невеста!
По полу катались,
Крепко целовались.
Тесто упало —
Невеста пропала!..

Только Светка Саевич ничего не кричала, а сидела на пустой скамейке и коричневыми сандалиями взрывала сухой песок. Потом пришла девочкина мама и забрала девочку домой.

Дома у девочки пять дочек: Алёна, Люда, Катя, Нинель и Мариночка. Алёна глядит холодно и гордо. Её миловидному личику с прелестным носиком, розовыми губками и голубыми глазами совсем не идёт важность и напыщенная холодность. На Алёне всегда белые носочки, белые башмачки на шнуровке и небесно-голубое платье с круглым белым воротничком. Только в ней и живого, что на платье манящая пуговка со стеклянным глазком. Люда под стать сестре: неприступная голубоглазая красавица с синей шёлковой лентой в белых длинных волосах. Они сидят на серванте в гостиной. Этих дочек брать на руки нельзя, потому что гости должны видеть, что в доме есть дорогие гэдээровские куклы. Но у девочки есть другие дочки — настоящие и родные. Одноглазая неходячая Нинель, миленькая Катя и маленькая Мариночка. Больше всех девочка любит младшую и назвала её в память о двоюродной сестрёнке, умершей в годовалом возрасте после прививки. Девочкин медведь Миша, конечно, согласен быть для них папой, но он так ленив и неповоротлив, что за вечер и лапой не пошевельнёт…

Ночью девочка плохо спала. Она металась по кровати и что-то бессвязно бормотала. Но когда утром вместе с мамой она направилась в детский сад, шаг её был прямым и твёрдым, как и решение. После завтрака на прогулке играли в «магазин»: за листочки сирени продавали песочные куличики. Юра купил у девочки куличик и бережно держал его в ладони, а когда она шепнула ему на ухо:

— Я согласна на тебе жениться! — куличик упал и рассыпался.

Тогда девочка слепила другой, и он вышел лучше прежнего, и отдала его Юре без всякой платы, за просто так. А к вечеру они играли в «ручеёк», и Юра каждый раз выбирал девочку, а девочка — Юру. И девочкина счастливая улыбка сделала своё дело: Юра окончательно размяк и согласился на свадьбу. Тайно. В ракете. Завтра! Дома весь вечер девочка плела из цветной проволоки два колечка. А утром попросила маму позволить надеть ей самое лучшее платье и приколоть мамин красивый цветок. Мама, конечно, удивилась, по какому случаю торжественный выход, а девочка ответила, что сегодня день рождения её любимого Пушкина. И это было чистой правдой!

Мальчики в группе проглядели на девочку глаза, Светка Саевич, завистливо косясь, делала вид, что ничего не замечает, Инка, Вероника и Ленка Горелик радовались вместе с девочкой, а Юра был сам не свой.

— Ребята, играем в прятки, — на утренней прогулке объявила Вера Петровна. — Кто не хочет в прятки, играет в «съедобное-несъедобное».

— Кто водит? — спросил Юра.

— Я! — неожиданно для себя выкрикнула девочка.

Она встала лицом к стене и начала громко считать:

Я считаю до пяти,
Не могу до десяти:
Раз, два, три, четыре, пять —
Я уже иду искать!
Кто не спрятался, я не виновата!

И девочка пошла искать. За кустом сирени она нашла Глекова, за высоким крыльцом у лестницы прятался Пиня, за кирпичным навесом стояли Вероника и Ленка Горелик, Женька Огурцов лежал за бортиком песочницы, а Инка спрятаться не успела и, болтая ногами, сидела на скамейке.

— Ещё космонавта нет, — сказал Женька Огурцов.

— И Саевки, — добавила Вероника.

Девочка снова огляделась вокруг и на всякий случай решила посмотреть в железной ракете.

— Топор, топор, сиди, как вор, и не выглядывай во двор. Пила идёт — тебя найдёт! — запищал Пиня своим комариным голоском.

Юра и Светка Саевич сидели в железной ракете на короткой перекладине, и Светка целовала Юру в щёку. Светкину голову украшала фата. И Светка была невестой…

— Тили-тили-тесто, жених и невеста! По полу катались, крепко целовались! — у самого девочкиного уха завопил Глеков.

И ребята помчались к ракете глядеть на новых жениха и невесту.

Вечером из детского сада девочку забирал папа. И всю дорогу домой они молчали. С папой всегда хорошо молчать. И каждый молчал о своём. О чём молчал папа, девочка не знала. А девочка теребила в кармане тюлевую накидку на подушку, которую тайком взяла из дома утром, и молчала о том, что в детский сад она больше ни ногой, потому что давно выросла и ей пора в школу.

Но самое обидное, что у Саевки была такая же фата, как у девочки. Будто их мамы купили эти белые гэдээровские накидки в одном магазине.

Кормушка для счастья

Счастье — птичка такая. Махонькая, юркая, пугливая. Бывает, изловчишься, схватишь её за хвост, а птица не ящерка, хвоста не отбрасывает — вот и попалась, голубушка! Сунешь её за пазуху и ходишь, светишься. Кормишь зерном, хлебными крошками, водицей поишь, говоришь с ней ласково, песни вместе поёте. Но песен её лучше не записывать: незатейливые они, простоватые, — и выглядишь ты чудиком, ведь никто не знает, что песни эти тебе дивная птица пропела. А в один из дней она — фыр-р-р! — и улетит. Но не печалься. Много дней на свете, и если все они будут в радугах, ослепнешь, и радуга станет никчёмной. Другим людям птичка эта не меньше твоего нужна. Она вернётся. Когда и ждать перестанешь. Сядет на окошко и станет стучать клювиком: тук-тук! что нос повесила?.. впусти уже, что ли! давно у тебя не была… А ты от радостной растерянности уткнёшься лицом в стекло, и нос у тебя смешно расплющится. За окном — зима, но в твоей душе зимы не бывает. А чтобы птичка зимой не погибла, девочка её подкармливает. Нельзя угадать, в какой птице живёт твоё счастье, и девочка кормит всех птиц без разбора. У птиц ангеловы души, потому что столько радости и неба может вместить только душа ангела.

Зёрна и крошки можно высыпать и на снег, но это всё равно что выбросить. И совсем другое дело — смастерить, пусть и нехитрую, кормушку и повесить её на дереве. В холодильнике всегда найдётся парочка бело-красно-синих пирамидок. В такой картонный пакет вмещается пол-литра вкусного молока, и стоит он шестнадцать копеек, наверное, потому, что из пятнадцати пакетов покупаешь шестнадцатый, а все перебранные пятнадцать — текут. Бегать в магазин за молоком — простая девочкина работа, и, глядя на то, как в центре торгового зала в огромной белой луже тонут пустые шестиугольные алюминиевые поддоны, девочка понимает, что это те самые молочные реки с кисельными берегами, только не сказочные, а настоящие. Когда, открывая, срезаешь верхний край молочной пирамидки, молоко выплёскивается, но, будто тебе в награду, срезанный уголок заклеен сладкими жёлтыми сливками, и ты не успеваешь и глазом моргнуть, как твой язык уже с ними расправился.

Пустой молочный пакет — почти готовая кормушка для счастья. Пакет надо промыть и просушить и с каждой стороны вырезать по окошку. А если одна из стенок кормушки будет глухой, то осторожное счастье не осмелится в неё залететь, и все твои ожидания окажутся напрасными. Боковые бортики пусть будут узкими, а нижний — пошире, иначе крошки выметет ветер. Под окошком можно сделать отверстие и вставить туда тонкую веточку или палочку от мороженого. Это жёрдочка для счастья. На неё оно сядет и станет клевать зёрна. Осталось прорезать дырочку вверху кормушки и продеть в неё шнурок или крепкую нитку, а лучше — проволоку: тогда кормушка будет закреплена прочней. Даже большим кораблям опасен шторм, а что уж говорить про хрупкое счастье.

Теперь нужно свернуть из бумаги кулёчек и насыпать в него гостинцев. Не всякая пища годится для счастья, а пряная, острая, солёная и жареная даже опасна. Чёрный хлеб лучше не предлагать, а белому — счастье всегда радо. Неприхотливое, оно любит простые угощения: просо, овсянку, кукурузную и пшеничную крупы, ягоды рябины, сырые семечки подсолнечника, орешки и даже свежее сало.

Теперь остаётся одеться, спуститься с четвёртого этажа на второй и радостно вонзиться в кнопку дверного звонка квартиры с номером «20». Дотянуться до кнопки девочка не может: руки заняты гостинцами и кормушками, — и она дёргает за ручку. В ту же секунду дверь распахивается: вот он, девочкин медвежонок Сашка — косолапый, толстый и коричневый! Когда Сашка снимает свою коротенькую цигейковую шубку с металлическими пуговицами со звездой и шапку, сверху перетянутую бельевой резинкой, коричневым он быть перестаёт, но медвежонком по-прежнему остаётся. Родители у Сашки старенькие, а он у них единственный, и, наверное, поэтому они:

Тащат валенки ему,
Меховые рукавицы,
Чтобы мог он руки греть,
Чтоб не мог он простудиться
И от гриппа умереть…
Он растёт, боясь мороза,
У папы с мамой на виду,
Как растение мимоза
В ботаническом саду…

Нет, это не про Сашку! Про Сашку надо так:

И живёт он в новом доме,
И готов он ко всему:
И к тому, чтоб стать пилотом,
Быть отважным моряком,
Чтоб лежать за пулемётом,
Управлять грузовиком!..

Не знают Сашкины мама с папой одной маленькой его тайны: их смешной медвежонок Сашка — настоящий мужчина, и на улице он срывает с себя противную шапку и варежки на резинке, ест снег, сосёт сосульки и валяется в сугробах и поэтому болеет ангиной, а на днях на спор на морозе он лизнул металлический столб, а потом Сашкин язык и Сашкину маму отливали водой…

Сашка берёт у девочки кормушки, и оба они выходят во двор. Их берёза растёт у подъезда. Она молоденькая (девочка с Сашкой совсем недавно переехали в свой новый дом, и все деревья посадили новосёлы), но уже успела дотянуться до Сашкиного второго этажа. Сначала надо повесить кормушку для девочкиного счастья, потом — для Сашкиного. Им с Сашкой вполне бы хватило одного на двоих, но своё собственное и родное иметь надёжней. Сашка, как всегда, не против подставить спину чужому счастью, но не может же девочка так беззастенчиво пользоваться Сашкиной спиной. И в знак благодарности девочка всегда делает кормушку и для Сашкиного счастья и — вместо одного — два раза взбирается Сашке на спину. Готово! Яркие треугольнички висят на берёзе, как игрушки на новогодней ёлке. Осталось высыпать из кулёчков угощение и изо всех сил бежать к Сашке, чтобы, приклеившись к его кухонному окну, затаиться и наблюдать жизнь своего счастья.

Сначала — тишина, потом — глядь! — прилетела первая синичка. Села на шесток, головой повертела — и была такова! Девочка с Сашкой только переглядываются: почему она клевать не стала? Не голодна, или с гостинцами не угодили? А через пяток минут возвращается синичка-разведчица, да не одна, а с подружками. Рассыпались они жёлтыми комочками по веткам, будто солнечные лучики в пасмурный день, сидят, человечьи души греют. Неласково зимнее стылое солнце — вот и летят они к людям вместе зимовать: сытому мороз не страшен! Села одна на перекладинку, схватила семечко — и порх на берёзку, сидит на ветке, очереди своей дожидается. Тут другая с берёзки слетела, клюнула зёрен — и фыр-р-р снова на берёзку. А вот и третья, и четвёртая, и пятая — и закружилась карусель! Вежливые и воспитанные эти лесные птички-невелички, и всё-то у них складно да ладно, чего не скажешь о воробьях.

Воробьи — те ещё прохвосты да нахалы: культуре не обучены и с совестью не дружат. Кто первый в драке, тот и прав. Синичек распугают и друг с дружкой договориться не могут: за малое зёрнышко передерутся, хотя и зёрен в достатке. Но дело тут не в зёрнах, а в характере. Таких «воробьёв» и среди людей хватает. Вот и любит девочка синичек. И кто же их в лесу воспитывает?.. А ещё надо смотреть, чтобы наглые галки да сороки малых птах не обижали: синичек и воробьёв они гоняют, а мелким пташкам зимой с пропитанием трудней. Ну а когда вдруг важный и гордый снегирь пожалует — на всю неделю радости! И тут же в альбом его на страницу белую — акварельного красногрудого со снежной кистью рябиновой! Сидишь, рисуешь, а в окошко твоё: тук-тук! Это счастье тебе спасибо говорит. Сегодня оно уж больно на синичку похоже: брюшко жёлтое, с чёрным галстучком, щёчки снежно-белые, а голова чёрная. Спинкой повернётся — зеленоватым отливает. Чёрный клюв на семечко подсолнечника похож, аккуратный длинный хвост и серо-голубые крылья с поперечными светлыми полосками. Яркое оно, счастье твоё, красивое, шустрое. А ты от радостной растерянности уткнёшься лицом в стекло, и нос у тебя смешно расплющится.

«Я иду по ковру…»

— Сиротушка! — охают соседки на лавочках.

— Сердешная! — шелестит ветер озябшей листвой.

— Бедняжечка! — стучат дождевые капли по стеклу.

Все-все на свете знают, как плохо жить без мамы, и только она одна об этом даже не догадывается, потому что не возвращается… не возвращается… не возвращается…

«Я иду по ковру… Я иду по ковру…» — заевшей пластинкой крутится у девочки в голове, и каждый новый оборот только усиливает девочкину зелёную тоску. Тоска и в самом деле зелёная. Она сидит рядом и дырявит девочку своими жабьими глазами. Девочка не выдерживает и соскакивает с кровати на пол.

Я иду по ковру…
Я иду по ковру…
Я иду по ковру…

Пока мама в отъезде, можно ходить без тапок по полу и в тапках — по ковру. Но что-то не очень

хочется. А верней, не хочется совсем. И девочка бродит по своей тёмной комнате в ожидании папы, а его срочные вечерние дела никак не кончаются. Он обещал почитать на ночь самую маленькую и грустную сказку — про Колобка. И даже если знаешь её наизусть, папина сказка на ночь ещё никому не мешала.

Колобок, Колобок, сядь ко мне на язычок
да пропой в последний разок…
Я иду по ковру…
Я иду по ковру…

Папа так долго бреется, что, кажется, его электробритва никогда не замолчит. Она жужжит, как девочкин шмель, когда она его ещё не поймала, но глаз положила. А в спичечном коробке не очень-то пожужжишь: в плену не до песен!.. Девочка уже пять раз рассказала себе сказку про Колобка, а бритва не унимается. И нельзя попросить папу её выключить: он рассердится и отругает. Надо сделать так, чтобы бритва выключилась будто бы сама. Тогда папа удивится, медленно и аккуратно сложит бритву в чехол и придёт читать сказку. Папа бреется в соседней комнате, и розетка там как раз напротив розетки в комнате девочки. Значит, можно попросту вытолкнуть вилку бритвы из папиной розетки, засунув что-нибудь тонкое и длинное в розетку в девочкиной комнате.

Я иду по ковру,
ты идёшь, пока врёшь…

Девочка в темноте шарит руками по столу: книжка, альбом, линейка, ручка, карандаш, ластик, кисточка… Кисточка! Конечно, кисточка! Девочка хватает её, быстро забирается на кровать и на ощупь пытается затолкнуть в отверстие в розетке. Не тут-то было! Тонкая деревянная ручка кисти вдруг разрастается до размеров столетнего дуба. И разве можно в крошечную лунку засунуть дерево? Нужно что-то другое, совсем-совсем тоненькое… Девочка в раздумье чешет в затылке: знает! Она знает, чем вытолкнуть эту противную вилку! Девочка на цыпочках крадётся в ванную, где на стеклянной полке всегда лежат мамины шпильки, которыми она закрепляет свой чудный каштановый шиньон. Девочкина мама — большая модница, а модница без шиньона — всё равно что грибок без шляпки. Странно, почему мамы нет, а шиньон дома?.. Девочка, конечно, его примерит, но завтра, а пока… она хватает металлическую шпильку и лёгкой тенью скользит в свою комнату. Бессовестная бритва по-прежнему жужжит назойливым шмелём. И девочка объявляет ей войну. Она заскакивает на кровать, левой рукой нащупывает дырку в розетке, а правой резко до упора толкает шпильку:

— Вот тебе!

Из стены вырывается страшный и красивый язык пламени. Такой язык девочка видела в мультике у Змея Горыныча, только там он был нарисованный. Яркая вспышка озаряет комнату, и на мгновенье всё видно как днём.

«Электричество!» — рявкает вдруг из розетки в самое девочкино ухо.

Нет, она не могла ослышаться и перепутать это рявканье ни с чем другим. И девочка навсегда запоминает это длинное опасное слово: ещё пригодится. Что-то грохает и обжигает ей пальцы, и в комнате пахнет так противно, что хочется зажать нос. Девочка и сама не поняла, как вдруг оказалась на своей подушке. И в квартире стало странно тихо.

— О, ёлки-палки! — ругается папа и зачем-то открывает входную дверь.

Только сейчас девочка заметила, что в доме нет света. На лестничной площадке что-то хлопает и щёлкает, и когда на пол в девочкиной комнате ложится тонкий светлый луч, просачивающийся из прихожей сквозь дверную щель, папа возвращается домой и деловито закрывает входную дверь на два замка. И через секунду бритва как ни в чём не бывало снова заводит свою нудную шмелиную песню. В этой огненной битве побеждает электробритва, и вечером сказки про Колобка не будет.

Я иду по ковру,
ты идёшь, пока врёшь,
он идёт, пока врёт…

А через неделю девочка с папой едут в деревню к бабушке. Весь день в душном воздухе носится что-то невидимое и тревожное, а к вечеру начинается гроза. Грозы часты в июле, но привыкнуть к ним невозможно. От страха девочка залазит папе куда-то под мышку, но вполглазка всё же поглядывает в грохочущее окно. В уголке беззвучно у зажжённой свечки молится бабушка, а папа бесстрашно, по-орлиному, смотрит на безудержный разгул стихии, и девочка уверена, что ещё секунда — и одним своим взглядом папа остановит это безумие. Из солнечного бабушкиного окна видно много неба и луг со столбами и аистами. Столбы держат туго натянутые провода и аистовые гнёзда. Столб — любимое место аиста. Эта большая красивая птица с длинным клювом и красными ногами селится высоко над землёй, и, если внимательней посмотреть на столб, в нём легко узнаешь печатную букву «А». «А» — значит «аист». И тот, кто думает, что столбы — для проводов, ошибается, потому что столбы — для аистов. Но сейчас в окне только резкие вспышки света и вода. Тяжёлыми струями рушится ливень на хрупкий бабушкин домик, и воды вокруг столько, сколько бывает её в океане,

когда пытаешься переплыть его на бумажном кораблике. Короткая вспышка молнии выхватывает из темноты маленькое слепое окошко и бледное девочкино лицо.

— Ерунда! — бодро улыбается папа. — Не бойся, это просто электричество. Всё будет хорошо!..

Серебристая ветка молнии вдруг низко качается над самым ближним столбом, и на нём распускается огненный цветок. За секунду облизав столб от вершины до основания, пламя перекидывается на провода и тонкими струйками бежит по их невидимым нитям. От страха девочка не может пошелохнуться. Ещё какое-то время на её глазах борются две стихии — огня и воды, потом вторая одолевает, и факел гаснет, и бело-серое облако то ли пара, то ли дыма расплывается в стороны. Девочка смотрит на папу: его губы всё так же растянуты в улыбке, но мертвенный цвет лица и выражение глаз говорят о том, что эта застывшая улыбка осталась ещё от его бодрого «ерунда» и к настоящему моменту никакого отношения не имеет. Такое случается, когда уголки губ по рассеянности забывают опуститься, приняв исходное положение.

— Ерунда… — шепчут белые папины губы. — Я же говорю… ерунда… электричество…

А девочка гладит папу по голове и думает о том, что бабушкин домик выстоит и гроза и ливень сейчас стихнут, что её бедный маленький папа ничего не знает про электричество, но бояться не нужно, потому что девочка его спасёт, что всё будет хорошо и аисты по-прежнему будут гнездиться на высоких столбах, что все будут живы, и жить будут долго-долго, и увидят жизнь новую, светлую и чистую и новых прекрасных людей, и в мире больше никогда не будет войны, только надо любить и верить, и всем повезёт, а больше всех, конечно, девочке и папе, потому что завтра к ним наконец возвращается мама, и они снова будут счастливы, и самое главное — не перепутать: по полу — в тапках и без тапок — по ковру…

Я иду по ковру,
ты идёшь, пока врёшь,
он идёт, пока врёт,
мы идём, пока врём,
вы идёте, пока врёте,
они идут, пока врут…

ДиН СИММЕТРИЯ · 1824 г.

Николай Языков

Элегии

● ● ●

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай —
Минувших дней воспоминанье.

Прошёл, прошёл их милый сон,
Но всё душа за ним стремится
И ждёт: быть может, снова он
Хотя однажды ей приснится…

Так путник в ранние часы,
Застигнут ужасами бури,
С надеждой смотрит на красы
Где-где светлеющей лазури!

● ● ●

Ещё молчит гроза народа,
Ещё окован русский ум,
И угнетённая свобода
Таит порывы смелых дум.

О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут, —
И не пробудится Россия!

Андрей Гордеев

Пастух

Рыбак-пижон

В русло нашей маленькой речки вкопана бетонная труба. По этой трубе шоссе проложено. С ранней зорьки подтягиваются сюда рыбачки. Пёстренькая компания всех возрастов в старепьких курточках. Поговаривали в народе, что раньше здесь хорошо клевало. Место вроде размыто, да и стремнинка. Но вот в последнее время местным рыболовам, прямо скажем, не фартило. Хоть и собиралась по утрам прикормленная к месту тусовка, но рыба на крючок не шла. И уже которую неделю, как ни исхитрялись местные любители, не везло никому. Вот так сидели каждый день они и молчали упорно, чтобы рыбу не вспугнуть. А кого вспугивать-то? Некого.

Этим памятным утром молодой бизнесмен Сазонов выехал от любимой девушки в прекрасном расположении духа. На сердце было легко и весело. Прохладный утренний ветерок обтекал плавные обводы его кабриолета. И одет он был, как сам шутил, «по Сазону», и богат, и весел, при всём при этом ещё и свободен. Сочетание довольно комфортное. Он не ехал, он плыл по волне приятных эмоций. Мимо проносились живописные летние пейзажики. Вот коровки от бычка бегают, а там травка душистая колышется. Приятненько! А вон там вдалеке у речки рыбачки сидят. Ссутулились в своих телогреечках. А ведь в багажнике совершенно случайно валяется купленный в телемагазине микроспиннинг. Неопробованная штука. Красивая вещь, но наверняка бесполезная. А речка всё ближе и ближе. А настроение всё веселее и веселее. А почему спиннинг должен пылиться в багажнике? «Стоп машина», — решил Сазонов, плавно надавив на тормоз. Время рыбалки!

У бетонной трубы по-прежнему стояла мёртвая тишина. Рыбацкий народец совсем пригорюнился, безнадёжно вглядываясь в свои поникшие поплавки. Даже местные кошки, обычные для таких сборищ, покинули насиженные места и, зевая, отправились ловить мышей на поля. И вдруг среди всего этого уныния произошло нечто! Белый кабриолет класса люкс, будто летающее блюдце, приземлился рядом с ошалевшими от неожиданности рыбаками. Из бесшумно открывшейся двери на землю ступил «денди» в белом костюме и широкополой шляпе того же цвета. Белые туфли и носки тоже не вносили в эту палитру разнообразие. Это был бизнесмен Сазонов во всей красе. Плавно открылся автоматический багажник, из которого он извлёк странный блестящий прибор и двинулся в сторону уже совсем притихших рыбачков. Щёлкнула кнопка, и прибор превратился в короткий спиннинг с разноцветной блесной. В глазах завсегдатаев речки испуг сменился интересом, а некоторые даже нашли силы улыбнуться.

«Нету тута рыбы, сынок!» — начал было старик Михалыч. Но Сазонов даже не удостоил его взглядом. Аккуратненько ступая белыми туфлями по сырому песку, он умело размахнулся и сильно метнул блесну прямо в середину бурлящего потока. Раздался всплеск, и леска тут же натянулась струной. По изгибу спиннинга было видно, что на крючке очень крупная рыбина. Она водила леску туда-сюда, всё пытаясь сорваться, но старик Михалыч уже сбегал за валяющимся в стороне сачком и теперь шумно суетился, помогая Сазонову доставать добычу. Через минуту борьба прекратилась, и на блесне забилась здоровущая щука, килограмма на три. Сазонов аккуратно, дабы не запачкаться, снял хищницу с крючка, небрежно кинул в багажник, щелчком кнопки собрал спиннинг, вытер руки носовым платком и спокойно сел за руль.

Компания оцепенела от фантастического зрелища. Первым пришёл в себя старик Михалыч. «На что ловишь, сынок?» — крикнул он вслед белоснежному «денди», который уже завёл двигатель своей машины. «На удачу ловлю, отец! — ответил Сазонов, глядя куда-то вдаль. — На удачу, и только на неё!» — и, улыбнувшись, лихо газанул перед ошалевшей толпой и исчез за поворотом.

Долго ещё обсуждали меж собой мужички это происшествие. А старик Михалыч сразу начал сматывать удочки, тоже задумчиво поглядывая вдаль. «Ты-то куда собрался, старый?» — поинтересовался кто-то. «Пойду-ка и я, ребята, удачу поищу, — улыбнулся он. — Без неё никакой рыбы не будет!». И пошёл, сгорбатившись, в сторону винного магазина.

Пастух

Моя первая запись в трудовой книжке гласит о том, что её обладатель начал свою карьеру с должности пастуха. Вообще-то звучало это как «гуртовщик», «загонщик крупного рогатого скота», но, имея пасторальную душу, я настоял в отделе кадров на простой и красивой записи «пастух», чем до сих пор несказанно горд.

Очень рано утром, надев то, что было под рукой, я поспешил на автобус, развозящий рабочих по колхозным фермам. В этом автобусе все были друг другу свои в доску. Моё громкое приветствие вызвало необычайный интерес среди тружеников. Они скептически оглядывали с головы до ног нелепое убранство нового пастуха. Широкие полосатые штаны мои были заправлены в кирзачи, а на старую красную байковую рубаху надета чёрная стёганая безрукавка. Серьга в ухе, борода и кепка «гаврош». Кто-то из рабочих громко присвистнул: «Ну, братцы, смотрите, цыган за Буянкой пришёл!» — «Давно пора хулигана обуздать! Кусается, брыкается!» — вторила ему дородная доярка. В этот момент я понял, что приобрёл одновременно и прозвище, и занятие.

Сонный бригадир выдал мне седло и уздечку, протянул потник и кнут, и я, с не очень хорошим предчувствием, вышел в загон. Там было весело! Другие пастухи уже взнуздали и теперь грели коней, радостно гарцуя по свежевыпавшему навозу. Дородные девки, только что отдоившись, теперь сидели на жердях загона и вместе со скотниками лузгали семечки прямо под копыта лихих коней. Посреди всего этого великолепия, как символ щедрости природы, стоял огромных размеров сивый конь. То, что это не мерин, было видно с первого взгляда. Если мимо пробегала случайная кобыла, он сразу взбрыкивал своими толстыми сильными ногами и глухо ржал басом, показывая всем здоровые жёлтые зубы.

На занятиях в ветеринарной академии нас учили запрягать, но это были другие лошади: тихие, как лето, они сами подставляли свои морды и спины неумелым студентам. Теперь в загоне меня ждал этот бешеный монстр, вернее, никого он не ждал. Просто конь наслаждался утром, вдыхая холодный ароматный воздух своими широкими ноздрями. А тут я со своими проблемами. Кавалерист! Жокей! Но не зря этого жеребца звали Буянкой, не зря!

Уздечку удалось продеть сравнительно легко. Животное подпустило меня на удивление спокойно, видимо, обалдев от моей решительной наглости. По периметру загона начали собираться зрители. «Смотрите, смотрите! Цыган Буянку седлает!» — зашумели вокруг. Артист в душе, я сразу приободрился, подмигнул одной из доярок и смело водрузил седло на спину моего четвероногого друга. Конь не шелохнулся. Теперь даже трактористы и слесаря, побросав свои железки, сбегались к месту проведения нашего родео. В воздухе повисли дымки́ папирос, а по рядам начали передавать молоко и крепкие спиртные напитки. Перекинув под брюхом и продев в прягу ремень, я принялся затягивать подпругу. Буянка, до этого полностью безучастный к своей судьбе, вдруг засуетился. Прижал уши, оскалил зубы и принялся, как козёл, подпрыгивать на всех четырёх копытах, пытаясь цапнуть меня за плечо. Я сразу оставил подпругу как есть и, чтобы не потерять своё реноме в глазах собравшихся, лихо, как учили, вскочил в седло. «Он не цыган, он индеец», — пронеслось в толпе. Для начала я хотел пустить Буянку рысцой, для этого слегка дал шенкеля пяткой и приподнялся в стременах. Конь стоял как вкопанный. Я ещё раз послал его, уже покруче. Но мой сивый друг стал деревянным. Троянский конь! Примолкшие на время зрители зашевелились. «Ты его не тем местом посылаешь!» — крикнул кто-то, и вся толпа довольно грохнула. Ну чем я мог ответить на колхозный юмор? Ничем. Поэтому и разозлился, поэтому и принялся орать на несчастное животное.

Буянка постоял, постоял, послушал мои вопли, кивнул гривой и вдруг как бы нехотя мотнул крупом. Нет! Он не вставал на дыбы, не валился на бок, он, как танцор диско, виртуозно вильнул задом, и седло сразу съехало ему на пузо. Затем коварный зверь легко перешагнул через меня, уже лежащего, хитро оглянулся и посеменил рысцой по своим конским делам. А я остался валяться в навозно-опилочной смеси, в красной рубашоночке, нелепо разметав по сторонам руки и ноги, ожидая неотвратимого взрыва хохота. Удивительно, но озадаченные крестьяне молчали. В возникшей тишине только лошади брезгливо фыркали своими волосатыми губами да внезапно развеселившийся Буянка задорно отбивал джигу, клацая своими тяжёлыми подковами. И только одна старая женщина всплеснула в застывшем воздухе натруженными руками: «А мне отец-то говорил, примета очень плохая, если цыган с коня свалится, скотина падать будет». И она указала в мою сторону, будто я и был той самой скотиной, а все окружающие в ответ на её прогнозы укоризненно закивали загорелыми лицами.

Остаток дня я провёл на заднем дворе коровника, куда меня сослал сердобольный бригадир, чтобы я научился щёлкать кнутом. Это было необходимо, чтобы управлять бурёнками, но я и в этом не преуспел. Отстрелил себе серьгу, пару раз стеганул по глазам, а когда витой поводок оставил пунцовый след на мягком месте, я понял, что учиться придётся долго. И вот тогда наконец-то в работу вступил мозг.

Когда вечером, за ужином, я рассказал своему младшему брату Вадиму о том, что мне выделили коня, его глаза лихорадочно забегали. А всё дело в том, что среди нашей местной ребятни в этом

сезоне было очень модно объезжать дикопасущихся лошадей из соседнего колхоза. Им за это часто перепадало. Поэтому Вадик сразу просёк фишку и не успокоился, пока не оповестил всех друзей о нашей идее.

На следующий день, рано утром, я оседлал сонного Буяна и, пока никто не видел, отвёл его на задний двор. Там, поёживаясь в утреннем холодке, его с нетерпением встречала банда малаховских ковбоев. Несчастное животное не знало, что его ожидало. Оставив коня на попечение молодёжи, я поспешил на разгрузку силоса, туда, куда меня, за несоответствие с занимаемой должностью, направил опытный бригадир.

В тяжёлых трудах незаметно закончился день. А уже совсем вечером я принял из рук довольных подростков и отвёл в стойло сухую мумию, которая раньше гордо называлась конём. Буянка сразу жадно бросился к поилке с отсутствующими глазами, а я, улыбаясь, поехал домой.

Утром меня ждал уже совсем другой Буян. Он уже не буянил. Как ласковый хитрый кот подставляет свой загривок, так и он всё стремился угодить. Заискивал и прогибался. Он как будто что-то понял и вёз меня теперь бережно, легко переходя по малейшей команде с рыси в карьер и обратно. Я лихо осадил его перед улыбающемся бригадиром и, не спешиваясь, звонко щелканул в воздухе кнутом. Бригадир удовлетворённо кивнул. «Сегодня на силос не идёшь. Догоняй стадо, пастух!» — сказал он и зачем-то поставил жирную галочку в своём потрёпанном блокноте.

Д*и*Н СИММЕТРИЯ · 1824 г.

Александр Пушкин

Лейся, ключ отрадный!

Фонтану Бахчисарайского дворца

Фонтан любви, фонтан живой!
Принёс я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слёзы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росою хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль…

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочёл я дальной;
Но о Марии ты молчал…

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

Аквилон

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно чёрных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался…

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

Иветта Лишенко

Доклад

1.

Не спалось. Весенний ветер стучался в окна. Горюнов встал с постели, бережно прикрыл одеялом плечи жены и вышел в сенцы. Пачка «Беломора» и спички, как обычно, лежали на месте. Мужчина потянулся к ним, но… какой-то непонятный звук нарушил его тишину. «Мыши, что ли, скребутся?» — подумал хозяин. Он включил фонарь, осмотрел сенцы и резко открыл входную дверь.

У порога сидел чёрный котёнок. Его белая грудка выделялась в темноте, а горчично-жёлтые глаза лампочками горели в ночи. Гость мявкнул. Его правая лапа с растопыренными коготками потянулась вперёд…

— Вот те и здрасьте! Чего надо-то? — Горюнов усмехнулся, немного подумал и добавил: — Жди!

Хлопнув входной дверью, мужчина поспешил на кухню. Откромсав толстый кругляш колбасы, он снова вернулся на улицу. На крыльце было пусто. Горюнов просмотрел огород, заглянул за калитку, но так никого и не увидел. Котёнок исчез, как и появился.

Свежий воздух бодрил. Мужчина ещё немного постоял у распахнутой двери. Он сам не заметил, как съел колбасу. Вытерев ладони о куртку, хозяин вернулся в дом. «Беломор» и спички остались нетронутыми.

…Светало. Агроном совхоза «Красная смена» Иннокентий Петрович Горюнов заканчивал сборы в дорогу. «Сегодня какой-то необычный день», — подумал мужчина. Его ночной дробный сон никак не отразился на настроении. Оно было приподнятым. Жена Иннокентия Петровича, Софья Степановна, напротив — нервничала. Невзначай она разбила чайное блюдце от любимого сервиза и расстроилась. Горюнов только рассмеялся:

— К счастью!

Жена виновато засуетилась, собирая осколки, но вдруг что-то вспомнила и побежала в спальню:

— Чуть не забыла…

Вернувшись, она приколола булавку к обратной стороне пиджака, висевшего на стуле.

— Тьфу-тьфу-тьфу… На, Кеша! — Софья Степановна бережно передала мужу пиджак.

Иннокентий Петрович надел его и глянул на себя в зеркало:

— Теперь я точно в грязь лицом не ударю!

Софья Степановна улыбнулась и подошла ближе. Она нежно погладила мужа по плечам и по спине, как будто бы пыталась расправить ладонями невидимые складки на пиджаке. Иннокентий Петрович обнял и поцеловал жену. Она потихоньку отстранилась и оглядела его с головы до пят:

— Давай, Кеша! Докладывай и… возвращайся с победой!

Горюнов направился к выходу. Брякнула калитка. Иннокентий Петрович повернулся, поднял руку, чтобы помахать жене, глядевшей на него из окна… Внезапно внимание его привлекла входная дверь. На ней чётко вырисовывались грязные следы от кошачьих лап. Мужчина остановился. Он хотел ещё раз внимательно осмотреть округу.

Село просыпалось. Односельчане спешили на работу. Перекрикивая друг друга, горланили петухи. Кое-где слышалось мычание коров, требующих после долгой зимы выгула.

Внезапно раздался настойчивый автомобильный сигнал. Рубанув рукой воздух, агроном побежал к подъехавшей «Волге»:

— Утро доброе!

— Доброе! — отозвались из машины директор совхоза и шофёр.

Иннокентий Петрович открыл заднюю дверцу автомобиля. Сначала агроном постучал ботинками друг о друга, сбрасывая с них колкий снег, а потом залез в тёплый салон. Заурчав, «Волга» рванулась в сторону областного центра.

Постперестроечные сибирские дороги желали лучшего. То и дело машина подпрыгивала на ледяных колдобинах, елозила по снежному накату. Шофёр, как мог, маневрировал. На него добродушно ворчал директор, безуспешно пытавшийся задремать. Иннокентий Петрович не обращал внимания на попутчиков. Он задумчиво рассматривал бегущие навстречу домишки, перелески. Оставалось несколько часов до его выступления в областном конференц-зале.

К мартовскому сельскохозяйственному форуму агроном всегда готовился загодя. Цифры выводил, диаграммы рисовал. Сплетал всё умными фразами, чтобы точно — в яблочко! Жена старательно помогала ему. Именно она настояла

на приобретении элегантного мужского костюма с эффектом «металлик». Он вселял в Горюнова не только уверенность, но даже делал его гораздо стройнее и выше!

Зимними вечерами, когда Иннокентий Петрович нависал над бумагами, Софья Степановна садилась рядом и брала в руки спицы. Она подставляла поближе корзину с шерстяными клубочками и с удовольствием погружалась в рукоделие. Между делом женщина невзначай поглядывала на мужа. Порой спицы замирали в её руках, и она настоятельно просила:

— Кеша, пересчитай ещё раз общий свод. Кажется, там ошибка…

В ответ Горюнов отодвигал бумаги и садился рядом с супругой, обнимал её. Они пускались в какие-нибудь воспоминания или мечты. Путешествие в прошлое всегда сопровождалось общим смехом, а в будущее — лёгкой задумчивостью на лице Иннокентия Петровича и хитрой улыбкой Софьи Степановны. Это занятие захватывало их всего-то на несколько минут. Оно придавало новые силы агроному и радости — его жене.

Как трудно выстраивались тезисы для доклада! В девяностые всеобщие разброд и шатание дамокловым мечом обрушились на мелкие хозяйства. То комплектующих для техники не хватает, то с электричеством перебои, то зарплату рабочим задерживают… Крутись как хочешь! Главное — докладывай о новых победах и рекордах.

Однако «Красную смену» эти проблемы обходили стороной. Руководство оказалось достойное, да специалисты — дельные. Одним словом — выживали, как могли, и — выжили!

О зерновых Иннокентий Петрович мог говорить бесконечно. Будто не рассказывал он, а песню выводил… Всё у него получалось к месту. Родной совхоз всегда числился в передовиках. В соседние хозяйства Горюнов тоже наведывался с советом и с помощью. Уважали его земляки, говорили: «Правильный мужик наш Петрович».

Спускаясь со сцены под овации зала, раскрасневшийся агроном сразу направился к выходу. Хотелось на перекур. У микрофона обустраивался представитель главка. Всегда сдержанный директор совхоза «Красная смена» неожиданно выскочил со своего места и перегородил Горюнову путь. Цепко схватив его за рукав пиджака, руководитель потащил своего подчинённого обратно в зал, выпалив:

— Рекомендую послушать итоги!

На сцене высокопоставленный оратор нырнул с головой в большую чёрную папку. Медленно и монотонно поплыла его речь. Слушатели из глубинки почти наизусть знали эти выкладки! Они рассылались неоднократно в депешах и обсуждались десятки раз на собраниях. О том, как выйти стране из кризиса, было написано и сказано достаточно. Только победный марш ещё не приближался. От мягкого тембра неутомимого оратора глаза Иннокентия Петровича предательски закрывались. Хоть спички вставляй! Директор, сидевший рядом, то и дело по-дружески толкал подчинённого в бок и, улыбаясь, грозил пальцем.

— …Кандидатом на зарубежный форум в Испанию мы будем рекомендовать агронома совхоза «Красная смена» Горюнова Иннокентия Петровича.

Последняя фраза докладчика окончательно отогнала сон от вновь испечённого командированного. Продолжительные аплодисменты и довольное лицо директора выбили Иннокентия Петровича из проторённой колеи. Его глаза округлились. Как загипнотизированный он озирался по сторонам, хлопал в ладоши. Всем своим видом спрашивал: «Это меня в Испанию?» Представитель главка поднял правую руку, требуя тишины:

— Сейчас большое внимание в мире уделяется проблемам мелиорации. Кому, как не Иннокентию Петровичу, лучше высказаться на эту тему? Ваши поля даже засушливым летом… во какие урожаи дают!

Докладчик, лощёный мужчина с тщательно скрываемой залысиной на макушке, резко развёл руки в стороны, как будто хотел обнять весь конференц-зал. Затем представитель главка утверждающе мотнул головой. Прядь, прикрывающая залысину, упала на его правое ухо. Лихим движением руки оратор вернул её на прежнее место и закончил речь:

— Иннокентий Петрович поделится своим опытом по орошению наших земель с испанскими коллегами. Готовьтесь, Горюнов! Не подведите! Вы будете докладчиком не только от своей области, но и от всего российского народа!

Иннокентия Петровича новость не просто взбудоражила, она его ошеломила. Он чувствовал себя белым медведем в субтропиках. Испания… Как преподнести эту новость Соне? Жена у него такая сентиментальная и ранимая! Переживать начнёт, надумывать всякое…

В обратный путь двинулись молча. Солнце пробивалось сквозь стёкла машины и мешало сосредоточиться. «Волга» неспешно двигалась по рыхлому снегу. Горюнов прикрыл глаза. На него нахлынули воспоминания. Все жизненные вехи выстроились в невидимый строй.

В сорок шестом, точно через год после возвращения отца с войны, появился он, Кеша. Так назвала его мать. Отца Горюнов помнил плохо. Только по рассказам матери. Детская память хорошо сохранила железный обелиск с красной звездой и с пожелтевшей фронтовой фотографией. С неё смотрел молодой отец и растягивал меха гармони.

Как хотел Горюнов выучиться на гармониста! Только в сельском клубе набирали в фольклорный ансамбль. Мать записала туда, и Горюнов стал солистом. Однако в остальном он рос обычным

пацаном. Звёзд с неба не хватал, но отличался ответственностью и усидчивостью. Эти горюновские черты передавались поколениями от отца к сыну. Вспомнилось светящееся радостью лицо матери на школьном выпускном:

— Кеша, тебя совхоз отправляет в областной центр учиться на агронома! Старайся, сынок!

Горюнов старался. Учился — днём, вечером — работал. Жаль, что мать не дожила до того счастливого дня, когда Иннокентий Петрович получил диплом сельскохозяйственного института.

Вернулся к родным пенатам Горюнов с молодой женой, бывшей сокурсницей. Хорошая семья у него получилась. Детишки пошли друг за другом, погодки — сын и дочка. На работе — всё спорилось, и вдруг… Испания!

Горюнов сам не мог разобраться в своих чувствах. К реальности его вернула резкая остановка автомобиля. Иннокентий Петрович удивлённо открыл глаза. Они упёрлись в калитку родного дома. Директор повернулся к Горюнову:

— Ну, давай, Петрович! Видишь, какой сюрприз нам в главке приготовили. Помнишь, как эта списанная «Волга» досталась совхозу по бартеру? Как наш механик возился с ней? Всё же поставил на колёса, шельма. А теперь вот — Испания!

— Лучше бы мне экспериментальное поле под рапс выделили. Я бы его поставил… на ноги… Чему я буду учить испанцев?

— Не учить, а обмениваться опытом. С твоим рапсом разберёмся позже. Главное — готовь доклад! Сразу после уборочной поедешь.

Горюнов задумчиво вышел из автомобиля и остановился. Шофёр газанул, и машина свернула в проулок. За калиткой послышались быстрые шаги Софьи Степановны:

— Ну как?

— Да всё путём…

— А что же ты такой смурной? — немного отдышавшись и заглядывая супругу в глаза, спросила Софья Степановна.

— Понимаешь, Соня, тут дело такое вышло… В общем, отправляют меня в Испанию!

— За что?

— За доклад.

— Господи великий милосердный, помоги нам! — запричитала жена.

Внезапно с неба зачастили холодные капли. Весенний дождь обрушился наперекор метеосводке. Его ритм становился всё энергичней! Небо резко почернело. Раздался странный звук, напоминающий первый раскат грома.

— Только ещё этого не хватало! Крыша-то на амбаре не залатана… — спохватился агроном.

2.

Испанские страсти в семье Горюновых улеглись. Лето пришло с ветрами и с засухой. Аномальная жара заставляла агронома проводить на работе дни и ночи.

— Соня, собери мне перекус. Не знаю, когда сегодня освобожусь.

Софья Степановна мужественно справлялась со всем сама: с огородом, с хозяйством, с домом… Хорошо, что дети из города на каникулы приехали. Они сняли часть забот с её плеч. Нередко сын и дочь заходили на работу к отцу.

— Пап, а давай съездим на озерцо, где мы загорали прошлым летом, там такой песочек классный!

— Нет, бать, лучше — на ночную рыбалку, как раньше! На ту клёвую речку, где ты меня рыбачить учил.

Отец внимательно выслушивал их, твердя одно:

— Помогайте матери. Освобожусь — съездим!

Дети уходили. Горюнов провожал их взглядом и думал: «Когда они успели вырасти?» Жена подарила сына под Новый год. Двадцать лет прошло, а Иннокентий Петрович до сих помнит маленький запелёнатый свёрток, который требовательно кричал и требовал пропитания. Первое агуканье, ползание за котом, приставные шаги у кровати… Только сын встал на ноги, а тут и новый подарок! Дочка была слабенькой, да и молока у супруги оказалось немного. Пришлось заводить козу, потом кур…

Дети — особая гордость семьи Горюновых. Сын помощником растёт, в сельскохозяйственном учится на агронома. Дочь выбрала специальность экономиста в техникуме. От этих дум становилось теплее на сердце. Иннокентий Петрович снова погружался в работу.

Ближе к середине июля пришли ливни с грозами. Софья Степановна успокоилась. Она старалась ещё больше окружить заботой и лаской своих домочадцев. На кухне появилась новая книга — «Кухня народов мира», а в меню хозяйки — необычные блюда. Возьмёт она да и приготовит что-нибудь эдакое: то — паэлью, а то — гаспачо. Накормит Софья Степановна испанским деликатесом семью, а потом — приговаривает:

— Привыкай, муж, тяжело в учении — легко в бою!

Быстро пролетело тёплое лето. Последние августовские утра начали серебрить землю инеем. Младшие Горюновы засобирались на учёбу.

— Бать, а ты хоть в этой Испании на корриду сходишь? — поинтересовался перед отъездом сын.

— Чего мне смотреть там? Что я, быков, что ли, не видел? У нас своих на совхозной ферме достаточно.

Сын только улыбнулся и пожал плечами:

— Привези тогда хотя бы брелок с тореадором!

Дочь заказала испанскую юбку:

— Пусть она будет такой… чтобы все девчонки в общежитии обзавидовались!

— Соня, а что тебе привезти, дорогая?

— Не знаю, Кеша, реши сам.

Уборочная закончилась за два дня до командировки. Дорожные сборы заполнили вечера Горюновых. Заранее Софья Степановна составила длинный список необходимого. Иннокентий Петрович отшучивался, но вещи паковал по регламенту, утверждённому женой.

— Соня, а кипятильник-то зачем?

— А если воду горячую отключат?.. Помнишь, как у нас в октябре котельную ремонтировали?

— А для чего кальсоны с начёсом? Там плюс тридцать!

— Обратно возвращаться будешь, вдруг морозы ударят?!

В день отъезда Софья Степановна суетливо вытирала краем фартука покрасневшие глаза и прятала лицо от мужа.

— Ты чего, Дульсинея? Не переживай. Справлюсь.

Иннокентий Петрович взял в руки чемодан и дипломат. Софья Степановна открыла мужу дверь и вышла за ним. Директорская машина пыхтела за калиткой. Агроном загрузил багаж, обнял и поцеловал жену. Ещё минуту они смотрели друг на друга, как будто взглядами пытались передать невысказанное…

Первой нарушила тишину Софья Степановна:

— Давай, Кеша! Докладывай и… возвращайся с победой!

Горюнов кивнул и сел в автомобиль. Открыв окно, Иннокентий Петрович помахал ладонью и крикнул:

— Всё будет хорошо-о-о!

Автомобиль помчался вперёд, а Горюнов продолжал смотреть назад. Софья Степановна сняла с головы белую косынку. Она колыхалась на ветру от взмахов руки, то вверх, то вниз. Иннокентию Петровичу показалось, что жена пишет в воздухе непонятные слова, точно хочет предупредить или предостеречь… К горлу Горюнова подступил комок. Агроном жадно смотрел на мельчающую фигурку жены, напоминавшую однокрылую птицу, пока она не исчезла за поворотом.

Когда Иннокентий Петрович в юности уезжал на учёбу, его точно так же провожала мать. Она всегда выходила за калитку. Софья Степановна была сдержанной женщиной и прощалась с мужем дома, без лишних глаз. Только сегодня она позволила себе большее.

Осенняя распутица замедляла ход «Волги». В областной центр она въехала в сумерки. Городские пробки на дорогах затрудняли движение. Едва успела машина припарковаться на привокзальной площади, как громкоговоритель объявил о прибытии скорого Владивосток — Москва. Горюнов засуетился. Он выпрыгнул из автомобиля и быстро схватил из багажника вещи:

— Не поминайте лихом!

— Удачи, Петрович! — отозвался шофёр. — Возвращайся!

«Как будто я могу не вернуться!» — подумал на ходу агроном. Подбегая к вагону, он услышал трубный звук локомотива. Не мешкая, Горюнов заскочил внутрь. Удивлённая проводница покачала головой:

— Разве можно так опаздывать? А ещё в столицу едете!

Поезд, скрипя и грохоча, двинулся на запад. Надсадно пели колёса. В душе Иннокентия Петровича продолжалась сумятица. Плацкарт не располагал к знакомству. Сосед сбоку уткнулся в газету. Парни наверху играли в карты.

— Дядя, давай с нами! Ставка — всего рупь!

— Я — спать! — отрезал Горюнов и принял горизонтальное положение.

Проснулся Иннокентий Петрович ночью. Поезд стоял. По вагону ходили милиционеры. Громко негодовала проводница:

— Надо же, все деньги из служебки вытащили и вышли раньше своей станции!

Горюнов правой рукой нащупал носовой платочек, приколотый булавкой к резинке трусов. Купюры, завёрнутые в него, приятно зашелестели от прикосновений. «Молодец, Соня!» — подумал Иннокентий Петрович и перевернулся на другой бок.

Наутро соседи поменялись. На небольшой остановке вошли трое помятых мужичков. Они отпивались пивом до вечера, а потом куда-то исчезли. Ночь была на редкость спокойной, но только рассвело — начали хождение «слепые», «хромые», «глухонемые»… Они настойчиво требовали купить у них без разницы что! Электронные устройства, шапки, перчатки, бельё и даже интимные средства индивидуальной защиты.

Измученный китайской лапшой, Иннокентий Петрович ждал своей первой встречи с Москвой. Он вспомнил, как после окончания школы первый раз приехал в областной центр. Как долго искал общежитие сельскохозяйственного института. Он обратился за помощью к проходившей мимо девушке. Она его довела до ближайшего угла улицы:

— Вот же оно! Я тоже поступила в сельскохозяйственный и буду здесь жить.

— Спасибо! А как тебя зовут?

— Соня!

Девушка повернулась и ушла, а Горюнов через несколько дней её нашёл, чтобы быть вместе всю жизнь.

Покинув опустевший вагон, командированный достал папироску. Он с любопытством провинциала начал изучать местность. Величие площади трёх вокзалов быстро сменилось грохотом метрополитена.

Сердце Горюнова отчаянно билось. Размеренный характер агронома не вписывался в динамичный ритм столицы. Паника обрушилась на Иннокентия Петровича. Ему захотелось скорее вернуться домой, к жене, к своим зерновым…

Собрав всю волю в кулак, Горюнов вошёл в высокие двери монументального здания главка. Вахтёр грубо остановил его:

— Куда? Паспорт! Командировочное!

Агроном сначала похлопал себя по карманам пиджака, потом почесал лоб… Щёлкнув замком дипломата, Иннокентий Петрович радостно улыбнулся. Документы были на месте!

— Пожалста…

Вахтёр внимательно посмотрел на Горюнова, сделал запись в амбарной книге:

— Командировочное проштампуешь в канцелярии на втором этаже.

— А сейчас мне куда?

— Туда же, в канцелярию! — повысил голос вахтёр.

Иннокентий Петрович повернулся к нему спиной и пошёл в указанном направлении.

Первый день промелькнул в бесконечных кабинетах и коридорах главка. Иннокентий Петрович делопроизводство не жаловал, но относился к нему с почтительностью. На следующий день Горюнов получил все документы. Агроном упаковал их в дипломат и решительно направился на финальное мероприятие — инструктаж.

Инструктор, мужчина в тёмном костюме, одетый с иголочки, внятно и подробно объяснил агроному, на что обращать и не обращать внимание, что говорить и о чём помалкивать. Горюнов кивал, но в конце задал вопрос, давно не дававший покоя:

— А как же я буду докладывать на русском? Испанского-то я не знаю…

— Не волнуйтесь Иннокентий Петрович! Сейчас мы вас познакомим с Еленой Михайловной, нашим штатным переводчиком. Елена, зайдите ко мне, — последние слова инструктор произнёс в телефонную трубку.

Пауза затянулась. У Горюнова отлегло от сердца: «Видимо, эта Елена — тёртый калач, всё в Испании знает, и с ней я не пропаду!»

В кабинет вошла девушка, напоминавшая по возрасту его дочь. Не веря происходящему, глаза Горюнова нервно заморгали. Взгляд его метался с переводчицы на инструктора, который невозмутимо произнёс:

— Елена Михайловна в этом году окончила институт иностранных языков. Это её первая поездка за рубеж. Попрошу помогать ей, Иннокентий Петрович!

3.

…Земля уходила из-под ног несчастного Горюнова. Его уносил самолёт в неизвестность. Иннокентий Петрович тщательно осматривал салон со своего места, впившись ладонями в подлокотники.

— Что желаете? — раздался приятный женский голос.

Миловидная стюардесса катила тележку, сервированную различными горячительными напитками.

— Коньяк! — отрезал Горюнов.

Паническое состояние агронома сменилось умиротворением. Будущий докладчик не заметил, как погрузился в сон. Сначала Иннокентию Петровичу снилась жена. Она улыбалась и ласково гладила его по голове и по плечам. Повезло ему с Соней! Спокойная, рассудительная, культурная, но… не хватало в ней какой-то экспрессии! Может быть, страстности, а может, ещё чего-то, о чём Горюнов до этого момента не задумывался. Он попытался обнять жену, но она исчезла. В его объятиях оказалась черноволосая цыганка. Кармен! Она прильнула к Горюнову, а её руки начали выделывать такое, что Сониным рукам и не снилось! «Надо же, какая чувственная!» — встрепенулся Иннокентий Петрович. Ему захотелось ещё крепче прижать её к себе.

Историю о Кармен рассказала Софья Степановна этим летом. Она ещё познакомила мужа с бессмертной музыкой Жоржа Бизе. Теперь звуки хабанеры настойчиво теребили уши Горюнова. Как вызывающе прекрасна была испанка! Выпорхнув из объятий агронома, фривольным танцем она продолжала завлекать и завлекать его в свои коварные сети. Иннокентий Петрович даже не сопротивлялся! Покорно он шёл и шёл за ней, как бычок на верёвочке. Испанская цыганка, словно укротительница, махала своей оборчатой красной юбкой, пока… не раздался приятный женский голос:

— …Через несколько минут наш самолёт произведёт посадку в международном аэропорту Барселоны Эль-Прат.

Горюнов чуть не подпрыгнул. Это был его первый полёт на авиалайнере, а кроме непонятного сна… и вспомнить не о чем! Он взглянул в иллюминатор. Бескрайнее море простиралось внизу. Самолёт снижался. В голове агронома поплыл туман. Горюнову казалось, что вот-вот — и… он рухнет вместе с крылатой стальной громадиной в воду. Иннокентий Петрович посмотрел на сидевшую рядом переводчицу, которая прильнула к окну. Он спонтанно зажмурил глаза, но… ничего не происходило. За иллюминатором открылся песчаный пляж. Люди в купальных костюмах приветственно махали руками. Елена оторвалась от окна и обернулась к своему спутнику:

— Вы видели? Они машут нам!

Горюнов кивнул и тут же резко покачнулся. Шасси самолёта коснулись земной тверди.

Пассажиры зааплодировали. Агроном выдохнул и отрешённо произнёс:

— Ну, здравствуй, Испания!

Елена удивлённо посмотрела на него:

— С вами всё в порядке?

— Да, конечно.

Иннокентий Петрович резко тёр руками лицо, как будто хотел окончательно проснуться…

Для прибывших из России к трапу самолёта подали автобус. Он доставил путешественников в просторный холл аэропорта. Все пассажиры выстроились в очередь для прохождения пограничного контроля. Горюнов сзади услышал незнакомую речь. «Немцы»,— сразу догадался он. Их провели отдельно, без очередей. В рядах россиян закипело возмущение. Елена тихо сказала:

— Это европейцы. Для них другие правила.

Загорелая женщина с табличкой «И. П. Горюнов, Е. М. Лапина» поджидала Иннокентия Петровича и Елену. На ломаном русском она обратилась к командированным:

— Я — Алисия, ваш гид. Сейчас поедем в Валенсию. Это не скоро…

— Мы не торопимся,— заверил агроном,— но хотелось бы перекурить!

Они вышли на улицу. Горюнов отстал. Он жадно смотрел по сторонам. Погода его изумляла. Тёплый октябрьский ветер трепал волосы. Солнце шаловливо заглядывало в глаза. На душе у Иннокентия Петровича продолжала играть музыка Бизе. Алисия привела гостей к белому микроавтобусу:

— Располагайтесь.

Шофёр включил кондиционер, и автомобиль полетел по безупречным дорогам Каталонии. Сначала ехали вдоль побережья. Пляжи чередовались с немногочисленными жилыми постройками. По мере приближения к провинции Валенсия пейзаж изменился. Горы исчезли совсем, предоставив место плоскогорью. Обочины были обильно усеяны зелёной растительностью.

— Это оливковые поля? — не выдержал Горюнов, устремив взгляд направо.

— Да, а сейчас посмотрите налево,— предложила Алисия.

— Виноградники! Как у нас на юге,— воскликнула Елена.

Алисия комментировала проплывающие за окном картины. Её речь, состоявшая то из русских, то из испанских фраз, была малопонятна Иннокентию Петровичу. Он старался не слушать её, но с любопытством смотрел по сторонам. Елена, наоборот, общалась с гидом непринуждённо и даже изредка посмеивалась. Агроном с удивлением посматривал на улыбающихся девушек. Он чувствовал себя потерянно и неуютно.

В город с одноимённым названием провинции въехали после полудня. Валенсия была величава и пустынна. Елена поинтересовалась:

— А где же люди?

— Сиеста! — пояснила Алисия.

Автомобиль остановился у небольшого здания старинной архитектуры. Гид открыла дверь:

— Вот ваш отель.

Арочный вход и пастельные тона стен здания были густо украшены цветущей растительностью. Отель напоминал громадный вазон.

— Да-а-а… — вырвалось у Иннокентия Петровича.

Стараниями Алисии и Елены оформление и заселение прошло молниеносно. Администратор выдала Горюнову карту, напоминавшую проездной в общественном транспорте областного центра. Иннокентий Петрович смотрел на неё с недоумением.

— Елена, попросите ключ у администратора. Как я буду открывать дверь?

— Пойдёмте, мы с Алисией вас проводим и всё покажем.

По дороге гид пыталась объяснить правила пользования картой, но всё безуспешно! Когда подошли к нужной двери, то Алисия забрала карту из рук Горюнова и чиркнула ей по считывателю.

— Ух ты! — вырвалось у Иннокентия Петровича.

Он вошёл внутрь просторных апартаментов. «Да, это не гостиница в областном центре!» — пришло на ум Горюнову. Был-то он в ней всего раз, но двухкомнатный номер люкс, который они делили вместе с директором совхоза, показался тогда «барскими хоромами».

С каждой секундой удивление усиливалось. Чувство «не в своей тарелке» постепенно прошло. Горюнов вышел с папироской на балкон и блаженно затянулся.

После получасового изучения устройства душа агроном всё же добился его работы! Отдых перед ответственным днём был необходим. Иннокентий Петрович растянулся на широкой кровати, но… раздался стук в дверь. «Что за незваный гость?» — недовольно подумал Горюнов.

— Войдите! Открыто!

В дверях стояла Елена и сбивчиво пыталась ему объяснить:

— Было бы гораздо удобней завтра не делать синхронный перевод. Давайте поступим по-другому… Мне хватит одного вечера, чтобы перевести доклад на испанский… на всякий случай.

Иннокентий Петрович вытащил из дипломата папку, где скоросшиватель цепко держал листы завтрашней речи. «Пусть переводит, если делать нечего! Я-то наизусть всё помню»,— подумал про себя Горюнов.

Когда дверь за Еленой захлопнулась, то сон подкрался и свалил будущего докладчика. Ему снова снилась Соня, миниатюрная, в домашнем халатике с распущенными льняными волосами.

На душе сразу стало тепло и спокойно. Сбивчиво жена объясняла ему: «Кеша! Я так… волнуюсь… Завтра… доклад… возвращайся…»

Он плохо понимал её. Его взгляд остановился на Сониной груди, напоминавшей пару мячиков. Когда жена нервно дышала, они синхронно поднимались то вверх, то вниз. Как в замедленном кино, Софья Степановна начала уменьшаться в размерах и теряться в пространстве. Чёрная бездна поглотила её, а следом во тьму летел сам Иннокентий Петрович.

4.

Короткий дробный звук будильника заставил Горюнова открыть глаза. Пора! Серый костюм, белая рубашка, полосатый галстук ждали выхода. Одевшись и осмотрев себя со всех сторон, Иннокентий Петрович кинул зеркалу:

— Чертовски хорош!

Он вышел за дверь и уверенной походкой зашагал по просторному холлу. Настроение было на высоте. Не сразу Иннокентий Петрович заметил Елену. В незабудковом костюме и в чёрных туфлях на высоких каблуках она показалась интересной незнакомкой. Горюнов даже залюбовался ею. В ответ она улыбнулась и передала листы с текстом:

— У меня всё получилось. Я готова!

Ободрённый словами спутницы агроном весело подмигнул ей. Он знал, что справится, ведь он — лицо своего государства. У него нет права на ошибку! Задрав голову выше обычного, Иннокентий Петрович широкими шагами направился на улицу. Следом выпорхнула Елена.

Солнце ударило в глаза. Горюнов одной рукой прикрыл лицо, а другой — расслабил узел на галстуке. Елена достала из сумочки очки с затемнёнными стёклами и замахала ими, как флажком на демонстрации. Навстречу спешила Алисия.

— Сельскохозяйственный форум будет проходить в новой части Валенсии. Только сначала… экскурсия! — она указала на белый микроавтобус. — Едем в старый город.

Автомобиль бесшумно завёлся и повёз гостей по гладким ухоженным дорогам. Алисия продолжала:

— Заложенный когда-то римлянами, старый город очень похож по архитектуре на своих собратьев. В центре его — площадь, окаймлённая улочками. Мы сейчас пройдёмся по ней. Потом мы увидим Шёлковую биржу и Центральный рынок.

— А какие товары можно купить на рынке? — поинтересовался Горюнов.

— Свежие продукты. Это один из самых больших рынков в Европе! — округлив глаза, ответила Алисия.

— А в музей, который в здании Шёлковой биржи, мы успеем? — тихо спросила Елена.

— Не сегодня! — улыбнулась Алисия.

Час в старом городе пролетел незаметно. На улице нещадно пекло. Экскурсанты с готовностью откликнулись на предложение Алисии вернуться в прохладный микроавтобус. Когда он начал набирать скорость, гид продолжила:

— А теперь мы поедем в Город искусств и наук.

— Это далеко от Валенсии? — всполошился агроном.

— Эта новая часть города с современными архитектурными решениями, — рассмеялась гид.

Иннокентий Петрович успокоился и задремал. Алисия продолжала знакомить россиян с местными достопримечательностями. Речь экскурсовода лилась монотонно и убаюкивающе действовала на Горюнова. Он открыл глаза, когда услышал сакраментальное «приехали». Агроном потёр ладонями виски и вышел из микроавтобуса. За ним последовали девушки.

Внимание россиян привлекло здание, напоминавшее по форме полуприкрытый человеческий глаз. Алисия пояснила:

— Планетарий ещё не достроен, нам дальше.

Она повела своих подопечных к другому нестандартному архитектурному решению, около которого развевались яркие флаги. Агроном сразу заметил российский! Иннокентий Петрович первым вошёл внутрь этого необычного здания и сразу почувствовал приятную прохладу: «Кондиционеры… Нам бы в совхоз хотя бы парочку…» Просторный холл с высоким потолком и широкими лестницами выглядел вызывающе-помпезно.

— Нам наверх и направо, — руководила гид.

Испанский конференц-зал был намного больше областного. Постепенно он наполнялся разными людьми: президиум, пресса, слушатели, докладчики… Иннокентий Петрович и Елена заняли удобные места недалеко от витражных окон. Только российские делегаты отошли в сторонку, как к ним подошла женщина и заговорила на испанском… с Горюновым. Елена начала чётко переводить её слова:

— Добрый день…

Только Иннокентий Петрович ничего не слышал. Сознание его захватил образ удивительной незнакомки. Он в школе изучал географию, читал о других расах… но воочию никогда не видел темнокожих! Агроном смотрел на подошедшую женщину широко раскрытыми глазами. Если бы существовала негритянская Мадонна, то она выглядела именно так. Округлые шоколадные формы незнакомки обтянул трикотажный костюм лимонного цвета. Казалось, что глубокое декольте подчёркивалось высокой узкой талией. Опомнившись, Горюнов потупил взгляд и в замешательстве уставился на паркет. Он не слышал слов Елены, а был поглощён своими мыслями.

Первое, что пришло на ум российскому семьянину с безупречной репутацией: «У неё грудь

на два размера больше, чем у Сони!» Женщина улыбнулась, показав свои ровные, ослепительно белые зубы. Она произнесла ещё несколько фраз и, не дождавшись ответа, отошла в сторону. Елена попыталась что-то сказать ей вдогонку. Агроном не проронил ни слова. Он продолжал стоять как вкопанный и всё смотрел вслед незнакомке немигающими глазами.

Очнулся Горюнов оттого, что переводчица тянула его за рукав пиджака:

— Конференция начинается.

Все заняли свои места. Форум, подобно часовому механизму, начал свой отсчёт. Выступающие на сцене меняли друг друга. Репортёры и пресса требовали слова. Каверзные вопросы летели в докладчиков… Иннокентий Петрович слушал краткие комментарии Елены и с интересом наблюдал за ходом событий. Наконец-то объявили доклад Горюнова!

Он вместе с переводчицей поднялся на сцену и подошёл к микрофонам. Иннокентий Петрович обвёл взглядом зал… но вот проклятье! Лимонный костюм незнакомки резал глаза. Ну зачем она села в первый ряд и ещё улыбается?! Дар речи был напрочь потерян российским докладчиком!

Однако Елена, в данном случае — Елена Михайловна, оценив обстановку, уверенно начала доклад о посевной в сибирском совхозе… Зал затих! Нежный девичий голос звучал по-испански как-то особенно. Все внимательно слушали о работах по мелиорации в далёкой Сибири. Когда переводчица закончила, то даже у прессы не нашлось к ней вопросов.

Иннокентий Петрович всё это время вытирал лицо белым носовым платком. Пот катился градом. Сначала Горюнов набирал носом воздух, пытаясь вставить свои пять копеек в монолог Елены. Только всё безуспешно!

Тогда агроном легонько наклонил голову в поклоне, как делали предыдущие докладчики, и последовал за Еленой в зал. Громкие аплодисменты сопровождали их шествие.

5.

После конференции Иннокентий Петрович взял себя в руки. Предстоял ещё товарищеский ужин, фуршет. К этому времени агроном старательно вызубрил несколько приветственных испанских фраз. Их Елена написала русскими буквами на обратной стороне листов с докладом.

К вечеру жара спала. Горюнов немного успокоился, но у него в душе продолжалась сумятица. Всегда сдержанный Иннокентий Петрович поймал себя на том, что волнуется, как мальчишка. Его лицо горело на фоне белой рубахи. Даже «заговорённый» Соней костюм не придавал уверенности!

В назначенный час Алисия заехала за российской делегацией. Кафе оказалось недалеко от отеля. Гид предложила пройтись по вечерней улице. Она непринуждённо щебетала с Еленой. Иннокентий Петрович внутренне боролся сам с собой. Он старался скрыть своё настроение и в праздничный зал вошёл первым.

Сразу Горюнов начал глазами искать её, темнокожую незнакомку! Она пришла в белой струящейся длинной юбке и цветастой яркой тунике. Увидев россиян, женщина тут же направилась к ним. Её лёгкая походка сопровождалась чуть заметными покачиваниями бёдер. Незнакомка плыла мимо всех прямо к Иннокентию Петровичу:

— Hola![1]

— Хола! — ответил он ей с твёрдым русским акцентом.

Елена встала рядом с ними и принялась за свою работу. Незнакомку звали Глория! Сердце у Иннокентия Петровича прыгало от счастья. Они разговаривали на разные темы: о зерновых, о детях, о супругах. Общение с новой знакомой доставляло Горюнову удовольствие. Её мелодичный грудной голос волновал его. Бесспорно, он был тоже симпатичен ей.

— Вы живёте в Сибири? Как вы переносите холода?

— Так же, как вы жару!

— А медведи?.. В Сибири много медведей?

— Столько же, сколько у вас.

Лена переводила. Глория улыбалась и продолжала общение. Она не отходила от Горюнова. По окончании мероприятия они много узнали друг о друге. Глория рассказала, что её отец — кубинец, а мать — испанка. Встретились они в Москве на фестивале молодёжи и студентов.

— Глория, вы не настоящая негритянка? — удивился Горюнов.

— Да, я мулатка! Моё детство прошло на Кубе, а когда не стало отца, мама решила вернуться в Испанию.

Вечер незаметно переходил в ночь. В праздничном зале осталось совсем немного народа. Обслуга суетилась у опустевших столов. Елена то дёргала Иннокентия Петровича за рукав, то глазами показывала на выход. Агроном будто бы не замечал этих намёков.

— Мне поручили вас проводить до отеля, пойдёмте, — предложила Глория и направилась на улицу.

Южная ночь утопала в ярких огнях Валенсии. Командированные в сопровождении Глории дошли до своего отеля, как показалось Горюнову, слишком быстро.

Прощаясь, Иннокентий Петрович, сам не ожидая от себя, спросил:

1 Испанское приветствие.

— Глория, а где можно купить подарки для своей семьи?

— Нет проблем! Я завтра буду весь день с вами и постараюсь помочь.

Утро следующего дня выдалось замечательным. Горюнов любовался оранжево-алым рассветом из окна отеля. Невидимый художник так искусно расписал небо! Казалось, будто с каждой минутой необычные оттенки то усиливались, то размывались, как картинки в калейдоскопе. На агронома нахлынули ностальгические мысли о просторах сибирских полей… Громкий телефонный звонок отвлёк его. Иннокентий Петрович взял трубку.

— Hola, querido hombre! [2]

Это была Глория!

— Здравствуй,— медленно произнёс Горюнов и, спохватившись, добавил: — Хола!

Из трубки послышался грудной женский смех и неожиданное по-русски:

— Я жду внизу, я скучала…

Горюнов быстро собрался и бросился… к номеру переводчицы. Он забарабанил в её дверь. Ему нужна была срочная помощь! Иннокентий Петрович желал видеть Глорию и в то же время понимал, что это ни к чему. Из-за двери показалось заспанное лицо Елены:

— Что случилось?

— Она… Она приехала и ждёт внизу!

— Кто?

— Да Глория же! Надо ехать за подарками! — строчил, как пулемёт, Горюнов.

— Хорошо, через десять минут спущусь…— сонно ответила Елена и захлопнула дверь.

Идти вниз без переводчицы Иннокентий Петрович не решился. Он остался ждать её возле номера. Горюнов глянул в окно, которое выходило во внутренний дворик. Рабочие разгружали подъехавший грузовик. Садовник занимался стрижкой газона…

— Вот вы где! — Глория стремительно приближалась.

«Опять говорит по-русски! Откуда она его так хорошо знает?» — не мог найти ответ на этот вопрос агроном. Глория поймала его недоумённый взгляд:

— Мой отец учился в Москве, он меня научил вашему языку.

Она приблизилась вплотную к удивлённому Горюнову, развела руки в сторону и быстро обняла его. Беглый поцелуй в его правую щёку снова лишил дара речи россиянина.

Из номера вышла Елена. Глория изменила тактику и перешла на испанский:

— Здешний шопинг ничем не уступает столичному, а иногда оказывается даже выгоднее. К сожалению, осень — это не время знаменитых сезонных распродаж, но вы будете довольны!

Все двинулись к автомобилю Глории. Красный «леон» [3] стоял в тени и ждал хозяйку. Она лихо завела его, и он рванулся вперёд. Горюнову показалось, что они — на взлётной полосе и вот-вот поднимутся в небо. Женщины улыбались и разговаривали о предстоящих покупках. Агроном не вмешивался в их диалог. С ним происходило что-то непонятное, и он решил просто плыть по течению.

Перемещаясь от одного магазина до другого, Иннокентий Петрович и Елена чувствовали что-то наподобие головокружения. Выданные командировочные таяли на глазах. Словам признательности от русских гостей не было предела. Глория ответно растягивала в улыбке пухлые губы, накрашенные красной помадой, а ниже… что-то пикантно колыхалось, подчёркивая витиеватую линию лимонного декольте.

К полудню все подарки были куплены. Елена не хотела с этим мириться и застряла в каком-то бутике:

— Я хочу посмотреть фасоны деловых костюмов… Вы меня подождёте?

Иннокентий Петрович кивнул.

— Мы — на фуд-корте,— крикнула переводчице Глория и повела Горюнова за собой.

Они снова остались вместе. Сели за столик для двоих и заказали свежевыжатый апельсиновый сок. Иннокентий Петрович молча смотрел на Глорию. Он силился и никак не мог найти тему для разговора.

— Оставайся! — тихо сказала Глория.

Она снова перешла на русский. Пристально посмотрела ему в глаза, вытянула свою руку и грациозно накрыла ладонью жилистую пятерню Горюнова.

— Оставайся со мной!

— Нет! — отрезал он, резко высвободил и убрал руку под стол.

К ним подошла радостная Елена. Увидев вытянутое лицо своего спутника и растерянную Глорию, девушка остановилась:

— У вас всё в порядке?

— Да, пора вас везти в отель, и от этого мне грустно,— ответила ей сопровождающая.

По лицу Горюнова Елена поняла, что перевод излишен. За остаток совместной дороги Иннокентий Петрович не проронил ни слова. Он кивал или мотал головой, но слова были все растеряны. Ещё немного… и с ним могло случиться что-то непоправимое. Он сделал всё правильно, как его учил московский инструктор. Только радости от этого не чувствовал. Его непреодолимо тянуло к Глории, но… Он пытался и не мог вычеркнуть её из своего сознания!

Последняя испанская ночь Горюнова рассыпалась мелкими звёздами на чёрном небосводе. Настроение агронома было таким же тёмным. Чемодан

2 Здравствуй, дорогой! (*исп.*)

3 Марка автомобиля в Испании.

и дипломат стояли у двери. Иннокентий Петрович присел «на дорожку». Выждав минуту, он резко встал и вышел из номера. Внутри него боролись разные чувства. Он пытался думать о далёком доме, об экспериментальном рапсе… Всеми силами Горюнов хватался за эти мысли как за соломинку, которая спасёт его от необдуманных поступков.

Ночная дорога из Валенсии в аэропорт казалась долгой и тяжёлой. Россиян сопровождала Алисия. Всегда разговорчивая и шутливая, она молчала. Огни неоновой рекламы, сияющие вдоль магистрали, не радовали. Елену укачивало на непривычно ровных автострадах. Горюнов то и дело с опасением поглядывал на беломраморное лицо спутницы. В какой-то момент, закрыв глаза, он погрузился в короткий сон. В нём присутствовала только Глория. Вот какой бывает поздняя любовь, стремительная и неповторимая!

Автомобиль остановился у здания аэропорта. Агроном пожал руку шофёру и кивнул на прощанье гиду:

— Спасибо за всё!

— Hasta luego![4] — тихо произнесла Елена и медленно вышла за Горюновым.

Алисия поспешила за ними. Она догнала и по-дружески обняла Елену, а Иннокентию Петровичу помахала ладошкой:

— Adios![5]

Как по нотам отыгрались регистрация на рейс и посадка в самолёт. Российская делегация заняла свои места в салоне. Приятный женский голос на нескольких языках попросил пристегнуть ремни. Иннокентий Петрович окончательно понял, что всё закончилось. Сердце напряжённо колотилось. Оно будто хотело выпрыгнуть из груди и остаться…

Самолёт набрал высоту. Агроном закрыл глаза. К нему пришёл дробный тревожный сон. В нём присутствовал только хаос, такой же, как на душе.

6.

Когда Горюнов открыл глаза, то за иллюминатором мерцали огни. Горело табло «Пристегните ремни». Самолёт снижался. Огни за окном увеличивались и приближались. Вскоре шасси коснулись земли. Салон всколыхнулся и зазвучал аплодисментами. Через несколько минут самолёт остановился. Буквы «Шереметьево» приветствовали командированных на родной земле.

Иллюминаторы покрылись мелкими каплями, но было видно, как к самолёту медленно двигался жёлтый автобус. Горюнов сидел в кресле и немигающими глазами смотрел в окно. Пассажиры с рейса мало-помалу заполняли подъехавший автобус…

— Пойдёмте, — оторвала от раздумий Иннокентия Петровича Елена, — все уже вышли.

— Да, — спохватился агроном. — Спасибо Елена… Елена Михайловна! За всё!

Выходя из здания аэропорта, он по-отечески попрощался со своей юной спутницей. Он знал, что больше никогда с ней не встретится, как, впрочем, и с Глорией. «Займусь рапсом на экспериментальном поле. Что забивать голову всякой ерундой?» — утешал себя Иннокентий Петрович.

Обратную дорогу из Москвы он помнил плохо. В вагоне было зябко. Горюнова грели мысли о солнечной Испании. Он всё вспоминал и вспоминал… Соседи вызывали на разговор, но он отнекивался. «Что же я расскажу Соне?» — не давало покоя ему.

На третий день пути в вагонном стекле показались знакомые силуэты областного центра. Выйдя на перрон, агроном даже не вспомнил про папироску. Он с чувством блудного сына зашагал в сторону привокзальной площади. Там его ждала директорская бартерная «Волга». Шофёр сразу не узнал Горюнова:

— Здоро́во, Петрович! Ты как-то изменился за эту неделю. То ли загорел, то ли помолодел…

— Здоро́во! Я и сам не пойму.

Ехали молча. Осенняя дорога брызгалась грязью. Автомобиль шёл нервно и тяжело. День не торопился вступать в свои права. Мало-помалу проглядывали робкие лучи скупого октябрьского солнца. Прошла пара часов, и невысокие постройки родного села начали маячить в лобовом стекле. Они подтягивались ближе и ближе… «Перво-наперво — отосплюсь, и надо выбросить из головы весь испанский вздор!» — снова заметались мысли в голове Горюнова.

«Волга» резко остановилась у его дома. Стукнула калитка. Софья Степановна выбежала навстречу мужу. Иннокентий Петрович поставил багаж на землю, притянул к себе жену:

— Соня! Я так соскучился…

Не только она, но и все односельчане с нетерпением ждали приезда агронома. Он стал первой ласточкой для больших дружеских отношений российского совхоза с зарубежными коллегами. Жители села, несмотря на раннее время, подходили и подходили к дому Горюновых. Иннокентию Петровичу казалось, что всё гудело от разговоров односельчан, будто он ещё не вышел из вагона… Горюнов подмигнул взволнованной жене:

— Однако! Снова придётся выступить с докладом!

Солнце поднималось над селом. Оно отдавало последнюю тёплую дань земле. Едва заметная рябь облаков не мешала лучам радовать округу. На душе у Иннокентия Петровича стало светлей и спокойней. Он достал папироску, посмотрел… и сломал её. Земляки затихли. Костюм Горюнова серебрился на солнце, а в затемнённых стёклах очков отражались блики.

4 До свидания! (*исп.*)
5 Прощайте! (*исп.*)

— Челентано! — послышался чей-то крик из толпы.

— Челентано — итальянец, а наш Петрович — испанец! — донеслось с другой стороны.

— Петрович — русский, коренной сибиряк, и этим всё сказано! — раздался звучный голос директора совхоза.

Повисла тишина. Только был слышен щебет утренних птиц. Изредка доносились крики петухов. Горюнов вдохнул воздух полной грудью и начал уверенно и дельно рассказ об испанской командировке. Он вычеркнул все пикантные обстоятельства и новые знакомства, застрявшие в его памяти… Когда Иннокентий Петрович закончил, то посыпались вопросы от земляков:

— Какая там была погода?

— Сильно ли капиталисты угнетают народ?

— А негров видел?

Всё интересовало односельчан! На идеологической почве даже развернулись непростые споры, готовые перейти в нечто большее, но агроном мужественно прекратил все прения:

— Там живут люди, такие же как мы, только говорят по-испански.

На этом неформальное собрание завершилось. Довольный Иннокентий Петрович взял в руки багаж и подошёл к жене:

— Дон Кихот вернулся к своей Дульсинее!

«Сегодня какой-то необычный и замечательный день!» — сказала сама себе Софья Степановна. Она была в приподнятом настроении. Пока муж отдыхал, она приготовила обед и начала разбирать испанские сувениры. Терракотовая оборчатая юбка — для дочери, сыну — кожаная вишнёвая сумка-планшет. Брелоки, магниты, кожаные ремни… Внимание привлёк яркий пакет, в котором жена агронома обнаружила свой подарок…

Софья Степановна стояла напротив зеркала и улыбалась. На неё смотрела красивая женщина в лимонном трикотажном костюме с глубоким декольте.

— Господи, как мне повезло с мужем! Как меня он любит!

Д*и*Н симметрия · 1824 г.

Александр Пушкин

Разбились ветхие скрижали

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный был
свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблачённые пустели алтари,
Свободы буря подымалась.

И вдруг нагрянула… Упали в прах и в кровь,
Разбились ветхие скрижали,
Явился Муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали.

И горд и наг пришёл Разврат,
И перед ним сердца застыли,
За власть Отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, всё стало тенью —
Всё было предано презренью,
Как ветру предан дольный прах.

Сауле Кадырова

Девятый день и ночь

Утопическая миниатюра

День первый

Мама, мама, какое тёмное небо!

Не бойся. Смотри, вон звёздочка показалась!

Мама, что это так ярко светит? Звезда упала?

Загадывай желание, моя бусинка!

Нет, смотри, это не звезда. Хвост длинный, бело-серо-жёлтый какой-то. Такого у звёзд не бывает. И запах ужасный!

А ты носик закрой!

Но всё равно пахнет!

Ну и что?! Помнишь, мы к дедушке за город ездили? Коровы, бычки, козы. Кролики твои любимые.

Да, помню. Но то был не такой запах, мама! Тут прям чем-то ужасным пахнет!

Ну и что?! Ветер раздует…

Ветер! Ветер такой сильный, я вся продутая!

Не ворчи, козявочка. Ух, я тебя защекочу!

Ай, мама, перестань!

Зато согрелась, правда?! Дурашка. Смотри, бабочка! Загадывай скорее желание!

Бабочка? Где?.. Но откуда?.. Так, я хочу…

Нет, нет, не вслух. Так мне моя мама говорила, а я скажу тебе: чтобы желание сбылось, его нужно загадывать сильно-пресильно, но молча. Про себя.

М-м-м-м.

И даже не мычи.

Хорошо, мам! Я тебя…

И я тебя. А теперь давай поспим.

День второй

Мама, подожди, я не успеваю!

Постарайся, прошу тебя! Нам нужно добежать туда.

Я иду. Бегу! Подожди!

Я тут. Возьми руку. Понесла бы тебя, но нога…

Мам, бежим! Не болтай!

Ах, она ещё и командует?!

Мама, куда мы опять бежим?

Нам нужно спрятаться. Поэтому нельзя здесь сидеть.

Но я уже не могу. Я устала.

Знаю, солнце моё. Я тоже. Но мы должны. Поднимайся, пойдём.

А вдруг уже всё закончилось? Послушай, ведь так тихо! Может, уже всё?

Нет, к сожалению, это не так. Ещё не конец. А тишина, знаешь, не всегда хорошая: мы разомлеем, заснём, тут и подловят нас. Поэтому мы всегда должны быть в движении!

Но это невозможно. Уже ноги не идут. И животик…

Знаю, знаю, пустой… Бежим!

Мам!

Тише! Что?

Они убили грушу!

Что?

Смотри. Груша мертва.

Эх…

У неё всё тело сломано.

Бедное дерево…

Моя любимая груша. За что её убили?! Она такая красивая. И яблонька. Где они?

Милая моя, нам нужно…

Мама-а, когда мы пойдём домой?!..

День третий

Мам. Есть хлеб?

Нет, заяц. Есть вода. Держи, попей. Глоток, не больше. Лучше попозже ещё попьёшь, хорошо?

Да… Ой, как же хочется есть! И пить.

Да. Мне тоже. Надо будет к реке выйти.

Сейчас зима.

Нет, уже весна. Птицы пели на днях, ты слышала?

Нет.

А я слышала! Пели!

Надо было поймать птицу.

И что дальше?

И съели бы её.

Правда?

Да.

Ну не знаю. Мне кажется, ты сочиняешь.

Ничего я не сочиняю! Я! Хочу! Есть!!

Не кричи. Ты забыла о правиле тишины?

Да помню я! Забудешь тут! Но я голодная-а-а-а!

И я. Дуся моя…

Хватит! Хватит меня называть всякими глупыми прозвищами! От этого сытее не станет!

Что ж, кричи. Если от крика тебе легче — я больше не буду тебе мешать.

Мам. Прости.

Знаю. Попробуем поспать.

День четвёртый

Мама, смотри! Там кто-то есть!

Тш-ш. Спрячься! Да-да, вон туда, а этим накройся. Так… Теперь сиди тихо. Я попробую подойти поближе.

Мам!.. мне страшно. Не ходи, вдруг…

Нет, нам это нужно. Может, у них есть вода. Может, это вообще наши друзья.

Разве у нас есть друзья?! Разве мы не прокляты? Разве не все нас ненавидят?

Сколько вопросов! Не знаю, человечек. Всё может быть. Помнишь про желание? Теперь я попрошу тебя молиться. Тоже про себя, молча и изо всех сил. Хорошо? А я пойду.

День пятый

Ну вот, держи. У них на земле валялась булочка. Плесени нет, я посмотрела. Ох, да не вырывай из рук-то! Кубышка! Ты же девочка!

Я голодная, а значит, уже никакой разницы, девочка или нет.

И всё-таки помни об этом. Папа тебя как называ… ет? Принцесса!

Ма…

Ешь, ешь, красавица, только жуй не спеша!

Мам, а ты?.. я всё съела… Мама, а папа…

Я не знаю. Но что он нам наказал? Есть, спать и двигаться. И пить воду. Сейчас чем займёмся?

Спать?

Точно. Иди ко мне ближе.

Мама, мне холодно.

Дрожишь… Возьми мою кофту.

Мам, а ты? У тебя руки ледяные.

Ничего, сейчас я согреюсь. Я способ знаю.

Какой? Расскажи.

У тебя уже глазки закрываются. Спи, одуванчик, спи…

День шестой

Мама, там волки!

Собаки, наверное. Откуда тут волки?

Нет, смотри, это точно волки! Какие тощие! А-а-а!

Тс! Нельзя, услышат и придут. Погоди-ка… это же ручные волки. Помнишь, мы читали статью про маленький зоопарк? Семейная пара решила спасать раненых животных или детёнышей, которые остались без мам. Они открыли на своём участке что-то вроде зоопарка, построили вольеры, закупили всё необходимое. Помнишь?

Да, теперь вспоминаю. Ты ещё говорила, что надо бы им спасти че…

Замечательно, что ты всё помнишь. Но волки есть волки, даже выросшие с человеком. А тем более такие же голодные, как мы. Поэтому будем тише. И хорошо бы укрыться от ветра.

А ну пошли прочь! Прочь, кому сказала! Не трогай мою девочку! Брысь!

Мама-а-а!

Замри! Замри там и не двигайся!

Мне страшно, мамочка…

Стой, кому говорю! Нельзя бежать. Иначе они помчатся следом. Стой, я сейчас приду к тебе.

Ай! Мама, быстрее! Вон как он близко!

Да чтоб тебя, уйди ты! Вот чёрт проклятый, да уйди!

Мама, мне больно!

Назад! Назад, зараза! Прочь! Не трогай моего ребёнка!

Мама, ну мама! Ну скорее!! Я боюсь! Мама, ты где?! Ты забыла меня?! Мама, мне страшно!

Прочь, прочь, а ну пошли прочь! Брысь! Не трогайте её! Р-р-р-р-р-р-р-р!

Всё. Видишь, ушли. Всё, нету никого. Ну-ну, не плачь, малышка. Всё позади. Я рядом. Рядом. Они тебя не тронут, не бойся.

Мама, у тебя рука поцарапана.

Не беда. Мне не больно. Главное, ты цела. Всё хорошо. Давай-ка ляжем здесь, укроемся и немного поспим, хорошо?

Не могу спать… глаза закрываю и вижу этих страшных волков…

Нету их уже. Всё, ушли они. Они к нам больше не подойдут, они поняли, что мы сильнее.

Ночь после шестого

Дочка моя, крошка… ты спишь, а я не сомкну глаз которую ночь.

Ты спрашиваешь, есть ли у нас друзья? Нету. Все ли нас ненавидят? Все. Но вслух я тебе этого не скажу. Ты должна верить. И я. А иначе мы погибнем.

Всё уже опробовано ненавистью: и цвет кожи, и разрез глаз, и язык, и форма черепа. Что ещё осталось?! Просто твоя жизнь. Жив, дышишь — значит, враг. Значит, тебя не должно быть. Тебе нельзя.

Сколько же ещё это будет длиться?! Наивное моё детское желание: жить в мире без КПП и паспортов, на земле, среди лесов и пустынь, среди парков и жареного мороженого, среди ароматов пиццы и смешных квакушек… Этого не будет, я выросла и знаю правду. Никто так жить не хочет. Это скучно. И невыгодно. (Кому?..)

Может быть, это такая игра, и каждому родившемуся через несколько десятков лет хочется в неё сыграть? И нет никакой памяти поколений? Пока сам не возьмёшь в руки… карты, не поймёшь, что

чувствует игрок? Видимо, так. Иначе зачем всё повторяется?

Моей дочке шесть лет. Мы готовились к её школьной жизни. Она так радовалась предстоящей учёбе! Всё рассказывала нам с папой, как будет переходить дорогу по светофору, как будет рисовать и мастерить поделки…

Мы из небольшого городка. У нас есть река, лес, у кого-то огороды. Животных тоже держат, чтобы молоко, шерсть и мясо… Не важно, как называется наш город, в каких он координатах. Мы просто люди.

А теперь… теперь мы всё время бежим. Ищем укрытие, рады растоптанному кусочку хлеба, рады, что зима позади: на реке уже нет льда. Мы прячемся, и нет никаких книг, песен и игр на свежем воздухе. Моя доченька перестала расти. Надеюсь, всё же на следующий год она вытянется за эти два. Будут ведь другие года, правда?! Ох, к кому же вопрос…

Груши, нашей любимой красавицы груши больше нет. Дочка о дереве сказала: убили. Да и мне очень жалко деревце. И яблоню убили, и липу. У нас в городке такой красивый парк! Был, был… не могу ещё привыкнуть, что парк мёртв. Как там пахло, как тепло было, ласково! Заходишь — и точно в домик к бабушке попадаешь: тепло, уютно, любимо! Ты любим, ты горячо любим…

Я всегда много читала. Самые разные книги авторов из самых разных стран, хорошо известных и новичков. Я читала всё, что мне нравилось по первым двум страницам. Прекрасны людские творения! Разве важно, откуда родом человек, если Богом ему дарован талант говорить с душами?!

Как-то раз я прочитала, что в японском языке есть понятие «мэцкей сутеми». Оно означает полную решимость идти до конца, готовность биться насмерть. В бою, да, пожалуй, и в жизни, побеждает самая высокая ставка.

И вот эта-то решимость идти до конца без слов понятна самому свирепому зверю и человеку (который порой опаснее). Мэцкей сутеми позволяет выиграть сражение, даже не начав его: чем напугать того, кто умиротворённо смотрит в глаза смерти?!

Я воспитаю в себе мэцкей сутеми. Я готова. Мой муж больше не может нас защитить. Он жив — в наших с дочкой сердцах. Она, надеюсь, ещё этого не знает, а я видела сама. Такие раны не склеить, не зашить.

Мы пока что бежим, мы двигаемся, ищем пути, еду и одеяла. Но я понимаю, что силы в конце концов закончатся. Мышцам нужна пища.

А самое печальное, что ведь люди вокруг! Много людей, больших, сильных мужчин! Мужчин, которые, как я думаю, должны растить счастливых детей вместе с любящими жёнами.

Только они стоят твёрдо на земле. И в руках у них не удочки и поводья. Мы с дочкой стараемся не попадаться им на глаза, хотя они могли бы накормить нас. Могли бы?.. нет, конечно. Это сказка. Есть приказ, есть ответственность. Сказки остались в сгоревших книжках и в памяти прочитавших.

Сколько всего теперь нужно вспоминать! Я стараюсь рассмешить мою душечку, подбодрить её. У козявки хороший характер. Мы с мужем берегли её душу, но не прятали от жизни. Она знает, как поступать «плохо». Но пока не понимает, я думаю, как самой относиться к тому, кто это «плохо» делает легко и с удовольствием.

Ну вот, поспала чуток. Рассвет близок. Весна — хорошо! А с другой стороны, темноты меньше — укрытий меньше.

Всё будет у нас! И лето с полянкой зелёной травы, и бабочки, и цветные мармеладки в форме носорогов. Мы ещё будем выбирать разные юбочки к одинаковым футболкам. Дочка вырастет красавицей, а уроки будет прогуливать. Я разрешу. Она и так много знает.

Эх, позвать бы Бога на чашку чая! Печенья напечь, пирогов… Салат из свежих овощей, сок морковный…

Он ведь есть? Правильно дочка говорит: мне так собачку жалко, что лежит на земле с развороченным животом. Кошечку жалко, у которой котята вокруг тельца. И человека всякого жалко, особенно обыкновенных взрослых, которые умерли оттого, что закрывали своими телами любимых. А Богу, наверное, их не жалко?! Нас у Бога много. Всяких жучков и человеков…

Может быть, конечно, Он прямо сейчас за моей спиной. Кто мне скажет наверняка?! Кто Его видел? Его, а не мёртвые тела живых существ.

Я никогда не роптала. И сейчас не буду. Мне нечего просить. Я готова сама построить нам с мышкой новый дом…

Мэцкей сутеми. Я готова к смерти. Но буду стремиться жить.

Дни седьмой и восьмой

Маленький мой отважный комочек, идём дальше?

Идём, мама.

Мам, а Боженька есть?

Я думаю, что Он есть.

А где Он сейчас?

Я думаю, что Он рядом.

Где? Я Его не вижу.

Его никто не видит, такой уж Он. Но Его, я думаю, можно почувствовать.

Мама, я и не чувствую Его тоже! Вот мне холодно, я есть хочу, пить, в кровать, я к папе хочу!.. Вот это я чувствую!

Тише, тише, малышке нужно быть мышкой, ты помнишь?

Помню.

Ох, доченька, трудный вопрос ты спросила! Нет у меня ответа.

Но ведь ты уже большая, ты всё знаешь!

Нет, не всё. Да и никто всего не знает.

Зачем же тогда быть взрослым?

Этого не избежать. Хочешь или нет, но ты растёшь, взрослеешь, становишься старше. Только вопросов меньше не становится. Многое непонятно и нам, взрослым, и даже глубоким старикам…

И всё-таки где же Бог?.. Мама, мы с тобой видели только мёртвые тела, а Бога не видели…

Малышка, но мы видели и находили хлеб. Воду. И ночи не морозные. И мы целы, мы можем идти, бежать…

У тебя нога сломалась!

Нет, она только поцарапана. Ничего она не сломалась!

Ну и что? Всё равно только мёртвые люди, собаки и кошки. Дома нет, игрушек нет, и папа куда-то пропал…

Папа никуда не пропал. Он… а знаешь, он почти как Бог: мы его не видим, но он всегда-всегда рядом. Вот и сейчас.

Правда?

Да! Это правда! Папа сейчас с нами! Помолчи чуток. Послушай сердце. Заметила, оно быстрее забилось? Это от радости. Папа тут, с нами. Он гладит тебя по волосам, шепчет добрые прозвища. Просто сейчас ты его не видишь. Но знай: он всегда рядом и всегда будет стараться тебя защитить. Как и я…

Но тебя я вижу.

Конечно! В том-то и секрет родителей: хотя бы одного из родителей ребёнок всегда должен видеть, если второго пока нет: например, ушёл по делам.

Правда?

Да! Это правда! Так нам на курсах ответственных родителей говорили.

Ой! Вы с папой что же, учились на родителей?

Ну да! Учились! У нас же тебя сначала не было. Мы же не знали, как обращаться с дочкой, таким человечком-инопланетянином. Вот и пошли на учёбу, чтобы нам рассказали про детей, как с ними играть, чем их развлекать.

Ух ты, как здорово! А я-то думала, всё само получается! Вот мне же не надо учиться быть дочкой, правда? Я и так это отлично умею! Эх вы, мама с папой, ничегошеньки-то вы не знаете!

Ой, и не говори! Вот такие мы несмышлёныши. Куда нам до тебя, умничка наша? Но, если честно, мы всё равно сообразительнее тебя!

Мама! Ах вот ты как?!

А что? Не согласна? Давай смеяться, заяц! Давай смеяться…

День девятый

Я слышал каждый их разговор. Ночью, днём, ранним утром.

Я был рядом:

Когда разлетелся мост.

Когда в ночном небе свистели гранаты.

Когда они шли мимо горячих трупов.

Всегда.

Детская ладонь — в ладони матери. Я мог бы сломать кости обеих кистей.

(Я не хвалюсь. Не испытываю удовольствия. Просто умею это делать.)

Как я нашёл их?

Я был позади разрушенного здания, под плитами которого прятался противник. Здание нужно было уничтожить, это важный стратегический объект, а их нельзя оставлять. Заряд я рассчитал точно.

Затем проверил: большинство, не мигая, смотрело в небо, — и я двинулся дальше.

Услышав речь, остановился. Вскинул автомат.

Женские голоса звучали близко. Я понимал каждое слово. Язык знаю с детства. Родной язык.

Сердце застыло ледяным комком: жена???

Нет, наваждение. Откуда здесь-то?! Она сейчас дома, у нас скоро родится сын. Дочка в школе — мы так ждали этой осени! Ей хотелось поскорее научиться считать, очень любит цифры. Они дома…

Сердце колотилось как сумасшедшее. Я начал задыхаться.

Но голос ужасно похож.

Или… потому что это голос матери, готовой защитить своё дитя? Может быть, голоса всех матерей мира звучат одинаково с голосами наших жён, дочерей?.. Мы должны их узнавать, где бы мы ни были и кем бы ни стали.

Я прислушался. Женщина пыталась рассмешить ребёнка. Ненормальная. Кругом вон что, а она смеётся. Впрочем, это объяснимо: психика не выдерживает. У моих ребят пару раз такое было: один расстрелял в серое небо всю обойму, второй с воинственным криком напал на единственную уцелевшую ель.

Смешно не было.

Но девочка смеялась почти легко и радостно. Она была грязная, тощая, волосы спутаны, коленки разбиты, обувь в комках глины или песка. На плечах накинула огромная серая куртка, изрешечённая пулями.

Лицо женщины покрыто чёрными линиями. Это песок, забившийся в складки и морщины, когда она улыбалась. У неё тёмные глаза, на голове платок, нога забинтована, но тряпка без крови.

Её голос.

Как такое возможно?! Не моя жена. Не моя дочь. Но… и не противники. Какой же это враг?! У врага в руке нож, взгляд режет яростью, он рычит, он не человек, это мишень, цель, которую приказано уничтожить. У этих же нет оружия, только смех. Они не плакали, когда я их увидел. Может быть,

когда они не видели друг друга или спали, кто-то и позволял себе слёзы.

Женщина права. Мы твёрдо стоим на земле, но в руках у нас не лопаты и не семена. Мы тоже тревожим землю, но наше вмешательство не даст всходов. Земля скроет наши прес… деяния; на вопросы разрешено не отвечать.

А вот отказаться нельзя. Приказ. Сотни приказов. Они записаны на бумаге, скреплены печатями и подписями, пронумерованы и подшиты в папку «Хранить бессрочно». Мы должны их исполнять.

Мы можем только прятать глубоко внутри то, что видим. Мы многое должны запомнить, хотя об этом никогда никому не расскажем. Мы делаем, идём, убираем, проверяем, бежим, ищем всех укрывшихся. Лучше бы им не попадаться нам на глаза. Да, мы убиваем. Мы ничем не можем им… хотя воды много, и консервов, и хлеб нам привозят чистый. Никто его не пинал, и мы не едим булочку, если на ней хоть крупинка песка.

Мы мужчи… Нет. Мы здесь даже не люди. Кто мы, если у нас приказ?

Я слышал каждый их разговор. Я шёл следом. У женщины нога забинтована. Возможно, вывих. Если б перелом, она бы уже не шла. Они всё время перемещаются — уже семь дней с короткими перерывами на ночной сон.

Я иду за ними.

Приказ.

И что-то ещё.

Потому что приказ я мог исполнить уже много раз. А иной воли по уставу у меня нет.

Они бы меня не увидели, если бы не волки. И ветер — он дул от меня. Один раз они ускользнули от тощих полудиких волков, а на второй я помешал. Хотел уйти в сторону бывшего парка, но подул сильный ветер. Я знаю, что от нас пахнет формой. Один волк повёл носом в мою сторону. Я побежал. Женщина с дочкой испуганно отскочили и побежали в другую сторону. Волки оживились.

Мои тоже. Два объекта попали в прицелы. Начался ливень. Ли-вень. Это громко и очень красиво. Если смотреть в кино. Это страшно, если у тебя за спиной. Я знал, что в меня никто не выстрелит, но не мог потерять бдительность. Удача может не быть на моей стороне.

Но пока везло. Напарники — снайперы. У волков не было шансов, от них избавились, пока я делал вдох. А вот объекты…

Я побежал за ними следом. За мной снайперы, поэтому я начал петлять. Знаю, Первый разъярился. Знаю, Второй проклял меня. Но я пытался заслонить видимость. Иначе либо Первый, либо Второй… уведут мои медали.

У объектов… у женщины с ребёнком был только заброшенный парк. Сложная местность: ландшафт практически не тронут, естественные насаждения. Но в моём детстве был похожий парк, а потому я не растерялся. Они будут искать укрытие. А в парке оно только одно: фонтан. Деревья сожжены. Скамеек нет. Это просто парк для пеших передвижений, никаких аттракционов. Чаша фонтана разбита, из двух её половинок собралась конструкция по типу крыши. Они будут там.

Они там были.

Приказ.

Жена, дочь, ожидание сына.

Торт на семилетие.

Глаза в глаза.

Мать. Ребёнок.

Матч любимой команды. Дочка обязательно выдернет шнур.

Ожидание конца.

Глаза в глаза.

Я ведь вернусь, и будут у меня дни спокойствия, игры на планшете, бег по утрам и завтрак с семьёй. Я выполню приказ, и меня наградят медалью. Я выполню приказ, ведь так должно быть.

Я вернусь к жене и дочке. Я жду появления сына. Я живу в благополучной стране, я люблю свою землю и людей рядом, моих соотечественников.

Но мать. И её дочь. Я спутал их голоса с голосами моих. У нас один язык.

Что скажет мне дочь? А я ей?

У девочки чёрные ногти. Ей нужна ванна. Доверчивый взгляд, а у меня автомат.

Моя дочка любит дуть на мои ресницы. Когда она лежит на моей груди, я каждый раз клянусь себе, что ещё одна командировка — и я больше никогда.

В парке местами огонь. Зелень догорает. Горит земля. Чёрная плитка пешеходных дорожек.

Глаза в глаза.

Отвожу взгляд.

Рация.

Зажимаю кнопку: «Есть! Я иду в ту сторону».

Куда же они делись? Я только что слышал их разговор!

Я иду в другую.

Я заканчиваю свою командировку.

Олег Лучин

Миры гуляли как дети

Я — лист, плывущий по реке…
Из современной песни

Лист вербы

Я — сухой лист вербы, плыву по тихой полноводной реке по течению. Светит яркое солнце, дует слабый ветер, плещется прохладная вода. Мне хорошо, на сердце радостно, я созерцаю мир.

Тут нет метафоры, символа и иносказания. Всё есть как есть. Я действительно сухой лист вербы, и река стала моей дорогой.

Вы спросите: как такое может быть? Возможно ли, чтобы в листке вербы было заключено сознание?

Я отвечу: и сам не знаю. Помню только обрывки своих видений…

Книга

Мы в большом деревянном доме. Сидим за столом, выпиваем, закусываем. С нами молодая женщина. Каждый хочет быть рядом с ней. Я тоже заявляю о своих правах, но женщина мне не достаётся. Начинаю скандалить, и хозяин дома выталкивает меня из-за стола. Будь он неладен! Мы оказались с ним в другой комнате.

— Походи здесь, — говорит. — Остынь.

Делать нечего, успокаиваюсь.

Большие же у него хоромы, но пустовато. Старый тёмно-зелёный диван у стены, на полу две разноцветные деревенские самотканые дорожки и сервант с посудой около окна. Посредине комнаты русская печь, выбеленная белой известью. Чего тут разглядывать?

И тут моё внимание привлекает что-то яркое, светящееся. Оно находится на полке с посудой. Я подхожу и вижу хрустальные фужеры на длинных ножках. Хрусталь, из которого они сделаны, — голубого цвета! Это же просто чудо какое-то! Ничего подобного и более красивого я не видел! Помню, сразу возникло желание украсть фужеры. Я так бы и сделал, но вернулся хозяин дома.

— На, — говорит, — почитай книгу, успокой нервы.

Я подчиняюсь и, присев на диван, начинаю читать. Книга большая, красивая и тяжёлая. Её страницы гладкие, атласные и блестят, отражая свет. На каждом листе нарисована загадочная, словно сказочный ребус, иллюстрация. Предложение на новой странице начинается с заглавной буквы, которая напоминает птичье гнездо в кроне дерева.

Заворожённый книгой, именно книгой, а не её содержанием, я увлечённо читаю, плохо постигая смысл написанного текста. История кажется мне детской, неумело созданной, похожей на легенду. Я хорошо помню основную линию сюжета: поиски Короля. Главный герой ищет его повсюду, встречая на своём пути различных сказочных персонажей.

Чем дальше я читаю книгу, тем всё больше оказываюсь в её власти. В процессе чтения волшебный фолиант постепенно завладевает мной, всасывает моё сознание в глянцевые листы своей бумаги. Я начинаю раздваиваться и видеть словно со стороны не поддающуюся объяснению картину. Моя энергия струится светло-серым дымком и исчезает в открытых глянцевых страницах завораживающей книги. Впитав меня целиком, фолиант трансформирует моё тело в лист вербы, и я даже не замечаю, как становлюсь частью истории, как оказываюсь на реке и как плыву на поиски Короля.

Собаки

…И вот, как уже было сказано ранее, я — сухой лист вербы, плыву по тихой полноводной реке по течению. Меня не смущает изменение моего тела, более того — я даже испытываю счастье. Мой дух стал спокоен и сосредоточен, его ничто не отвлекает от основной цели. На все проблемы мне наплевать. Хоть моё тело и лист вербы, но я не чувствую себя уязвимым — наоборот, меня переполняет уверенность, что в моей жизни ничего плохого не может случиться. Вокруг плеск воды, пение птиц, стрекотание букашек и равномерная музыка сфер.

Почему я так хочу найти Короля? Как он выглядит? Где живёт? На все эти вопросы я не знаю ответа, но меня непреодолимо влечёт на поиски. Я чувствую, что если удастся найти Короля, то это событие станет самым важным в моей жизни.

Медленным течением реки меня прибивает к берегу. Рядом находится старый пирс из деревянных досок. По нему с лаем к воде подбегают собаки.

— Чего тебе надо? — лают недружелюбно они.

— Я ищу Короля, — отвечаю им.

— Он ищет Короля, он ищет Короля! — радостно голосят собаки. — Мы знаем о нём! Король брал нас с собой на охоту! Мы вместе бежали по старому лесу, и ветер бил нам в лицо.

— На кого вы охотились? — спрашиваю я.

— Король выслеживал новое имя, — отвечают собаки. — Мы ему помогали!

— Как зовут Короля?

— Имя, которое поймал Король, — Велимир, — гавкает пёс на маленьких толстых ножках.

— Ты ошибаешься, Коротконог. Я слышал, как Король громко выкрикнул имя Эйлик! — рычит огромный чёрный пёс.

— Вы оба с рождения глухие, — тявкает собака с разодранным ухом. — Король назвал себя Константином!

— Хватит брехать, — кашляет грозно старый пёс. — На самом деле мы не знаем, какое имя поймал Король. Каждый услышал что-то своё…

— Вы не подскажете, где он сейчас?

Собаки жалобно скулят:

— Мы бы всё отдали за то, чтобы найти его. Он оставил нас после охоты сторожить деревню от чужаков и отправился в далёкое странствие.

— Что же мне делать? Как найти Короля?

— Спроси у котов — может, коты знают, — лают собаки и уносятся охранять деревню от непрошеных гостей.

Кот

На своём пути я много проплыл деревень. Почти везде ко мне подбегали с лаем собаки. Они интересовались, кто я и откуда, но никакой ценной информации не могли предоставить о Короле. Некоторые деревни были и вовсе пустые, в них никто не жил. Лишь одинокие покосившиеся дома печально смотрели на меня выбитыми окнами.

Где же мне найти котов? Наверное, их всех разогнали собаки.

Я плыл долго и бесцельно. Мне даже стало казаться, что я умер, что меня вовсе нет. (Как странно рассуждать о смерти в моём нынешнем состоянии.) Волны покачивали мои бока в разные стороны. Это движение разморило меня, и я заснул, а когда проснулся, на небе уже мерцали звёзды. Ночь была тихой и тёплой.

Звёзды казались живыми, они смотрели с высоты и как будто улыбались мне и подмигивали. Я даже начал слышать, как они шепчутся меж собой.

— Гляди, — говорила одна звезда другой, — какой чудной лист вербы.

— Он не чудной, он счастливый, — отвечала звёздная соседка. — Как бы я хотела быть на его месте и искать Короля.

— Мы тоже плывём по бескрайнему океану Вселенной.

— Но мы ничего не ищем, у нас всё есть…

— Вы знаете, где найти Короля? — вмешался я в разговор звёзд.

Звёзды захихикали. Они что-то хотели ответить, но их свет от меня скрыло облако, и связь прервалась.

Разглядывая звёзды, я не заметил, как волнами меня прибило к старому деревенскому кладбищу.

На берегу промелькнула чья-то тень, и я увидел, как светятся в ночи два огонька. Было темно, и мне впервые стало страшно за себя.

— Зачем ты приплыл сюда? — медленно прошипели огоньки.

— Я ищу Короля, — сказал я тихо.

— Короля? — словно не поверив, раздалось из темноты. — Зачем тебе Король?

— Я не знаю, — ответил я.

— Не знаешь, а лезешь куда не просят.

Огоньки приблизились к воде, и я смог разглядеть говорившее со мной существо. Это был старый рыжий кот. Края его длинной шёрстки по всему телу были заметно украшены сединой. Кот попытался отогнать меня от берега лапой, но, замочив её, брезгливо затряс ею в воздухе.

— Ненавижу сырость! — сказал он. — У Короля в доме всегда сухо, горит огонь в огромном камине, в холодильнике полно еды и молока. Он умеет нежно гладить по подбородку и чесать за ухом.

— Помоги. Скажи, где его дом? Для меня важно найти Короля, — попросил я.

— Найти его сможешь, если себя увидишь.

— Что ты этим хочешь сказать?

Кот не стал отвечать. Презрительно фыркнув в мою сторону, он скрылся в темноте ночи. Подул слабый ветерок, и заплескались волны. Моё сухое лёгкое тело подхватило течение и понесло дальше в неизвестность.

Рыба

Что я, себя не видел?! Глупый кот! Строит из себя умника, а сам ничего не знает.

Зачем я ищу Короля? Что мне от него нужно? Представим, что встречаю его. «Ваше величество, какое счастье, я вас нашёл!» — говорю. «Чего ты хочешь?» — спрашивает он.

И вот здесь вопрос вопросов! Действительно, чего? Я всем доволен. Мне нравится быть листом вербы и плыть по реке.

Неожиданно что-то мягко трогает меня из глубины. Потом ещё и ещё. Нет, не просто трогает, а кусает! Я вижу, что это рыба с яркими серебристыми боками пробует меня на вкус.

— Чего тебе? — спрашиваю недовольно.

— Уже ничего, — отвечает она.

— А зачем ты тогда?

— Снизу ты похож на мёртвого жирного жука. Хотела проверить.

— Убедилась? Вот и отстань теперь.

— Куда путь держишь? — интересуется рыба.
— Куда река понесёт.
— А зачем ты на реке?
— Ищу Короля.
— Когда-то я была в сетях и сумела вырваться из его обжигающих рук. Король не смог удержать меня, вынимая из спутавшихся лесок невода, и я уплыла от него. Какая же я дура!
— За что же ты ругаешь себя?
— Сети, расставленные им, — это самое прекрасное, что было со мной.
— Как может рыба тосковать по сетям?
— Может, если это сети любви…
Мы молчим и, медленно двигаясь по течению, размышляем каждый о своём. Небо синее и бездонное, лес зелёный и бесконечный, тихое журчание реки завораживает и умиротворяет.
— Ты не знаешь, как найти Короля? — спрашиваю я после долгой паузы.
— Никто не знает, — печально вздохнув, отвечает рыба.
— Ну хоть кто-то может помочь мне в этом деле?
— Спроси у Королевы.
— Королевы?! Где я увижу её?
— Река несёт тебя к ней, — говорит рыба и, блеснув чешуёй, исчезает в глубине вод.

Королева

И действительно, что за Король без Королевы?! Найдёшь Королеву — найдёшь Короля! Как эта мысль не приходила мне раньше в голову?
Как выглядит Королева? Наверное, это самое прекрасное существо на земле! Не может же быть иначе?
Рыба сказала, что я её скоро увижу.
Я медленно плыву по течению, созерцаю окружающий пейзаж и вновь засыпаю.
— Проснись, — слышу я голос сверху.
Я открываю глаза, в них бьёт солнечный свет. Я прищуриваюсь. Существо смеётся.
— Заплывай в тень моих листьев, — говорит оно.
Через минуту я вижу самого красивого обитателя реки — белую водяную лилию Нимфею. Боже, до чего же она прекрасна! Белые, чуть с розова, огромные лепестки, жёлтые тычинки, осыпающиеся ароматной пыльцой, сочные зелёные листья-острова. Лилия бесподобна! Говорить о ней можно только категориями красоты. Каждый в Нимфее мог увидеть своё: теплоту или холод, радость или разочарование.
— Что делает лист вербы на моей реке? — спрашивает строго Нимфея.
— Ищет Короля, — отвечаю я растерянно, ошеломлённый её красотой.
— Для чего ему Король?
— Лист хочет найти свою судьбу.
— Судьба и Король — это одно и то же.
— Откуда вы знаете?
— Я — Королева! Мне многое открыто!
— Королева? Как Королева? — не верю я.
— Чему ты так удивлён?
— Не ожидал, что это вы и что так просто можно встретить вас, — тараторю сбивчиво я.
Лилия опять смеётся.
— Неужели сразу не понятно? Ну да ладно, я не обиделась, — говорит Нимфея спокойно.
И действительно, что меня так удивило? Я — лист вербы, зачем-то ищущий Короля, она — лилия и Королева реки. Всё логично в этом нелогичном мире. Кому же ещё быть Королевой, как не ей?
— А как вы стали женой Короля? — спрашиваю я.
— Король, купаясь в реке, увидел меня и, поклонившись, сказал: «Рад видеть тебя, моя Королева». Вода стала свидетелем этих слов. С тех пор я — его Королева, а он — мой Король!
— Король — человек? — спрашиваю я.
— А ты — человек? — отвечает лилия.
— Раньше я был им.
— А кто ты сейчас?
— Я не знаю. Душа осталась прежней.
— Вот и кто такой Король, я тоже не знаю. Для меня он — самая прекрасная лилия на земле!
— Как же мне найти его?
— Главное — не останавливаться, и, возможно, ты найдёшь Короля, — отвечает лилия, оттолкнув меня от себя своим огромным листом, и я плавно плыву по течению.

Марта

И действительно — кто «Я»? «Я» — лист вербы, или «Я» — моё сознание? Что нас ждёт впереди?
Может, Король мне ответит на эти вопросы?
Я вижу вдалеке на берегу реки большой деревянный дом с широким крыльцом. Подплываю ближе и вижу таверну для рыбаков. На крыше дома красуется большая резная вывеска с надписью: «Дом Марты». За забором в огромной усадьбе пасутся животные. Жирные гуси, куры, утки неторопливо ищут корм. Свиньи, безучастно зарывшись в грязь, мирно спят.
Я вижу женщину. Она с высоко задранным подолом стоит босиком. В руках держит таз. Одним взмахом она выливает содержимое его на траву.
«Наверное, это и есть хозяйка таверны, Марта», — думаю я.
Девушка оглядывается и, увидев меня, стыдливо одёргивает длинное платье с белым передником, закрывая голые ровные красивые ноги.
Мне хочется оказаться рядом с ней, и я подплываю к берегу.
— Здравствуйте, — говорю я женщине. — Можно остановиться у вас?
— Можно, — отвечает она. — Только мне помощники нужны, а не мусор на реке.
— Чем я могу помочь?

— Напои зверей, а я закончу уборку в доме.

— Хорошо,— говорю я и выхожу из воды, превращаясь вновь в человека.

Метаморфозы с моим телом происходят мгновенно и никого не удивляют.

— Ведро найдёшь в сарае,— говорит Марта и оценивающе оглядывает меня.

Я стою на мокрой траве около берега. На мне широкие рыбацкие коричневые штаны, выцветший красный свитер с длинным воротником. Я зачёсываю ладонью длинные влажные волосы, свисавшие мне на глаза, беру ведро и зачерпываю воды из реки. Марта улыбается и заходит в дом. Видно, что я ей понравился.

Наполняя огромное корыто для животных водой, я размышляю о произошедших со мной переменах.

Почему я вновь человек? Что заставило меня обрести плоть? Разве плохо быть листом вербы?

— Марта позвала тебя, и ты стал человеком,— гогочет жирная гусыня, словно услышав мои мысли.

Она подходит к корыту и медленно пьёт свежую прохладную речную воду.

— Марта? А кто она? — спрашиваю я.

— Она — Хозяйка. Здесь часто останавливаются странники и рыбаки. Наша таверна в центре дорог у реки.

— А Король бывал здесь?

— А как же! Много народу толкалось в таверне,— отвечает гусыня.

— И когда он снова придёт?

Гусыня недоумённо глядит на меня и смеётся. Её смех похож на кашель старухи.

— Зайти в таверну можно лишь раз! Наш остров несёт течение реки, а, как известно, в одну воду не вступишь дважды.

На крыльцо выходит Марта.

— Хватит брехать, длинношеяя,— прикрикивает женщина на гусыню.— Хочешь есть? — спрашивает она меня.

В знак согласия я киваю головой. Марта улыбается и приглашает в дом.

Во время обеда я ем и размышляю, что уже больше не хочу быть листом вербы и плыть по реке в поисках Короля. Я чувствую, что стою на пороге своей судьбы.

— Говорят, чтобы найти Короля, достаточно услышать его дыхание рядом,— произносит Марта.

Я смотрю на неё. Женщина улыбается, обнажив свои ровные белоснежные зубы.

«Какая красивая улыбка. Какая красивая Марта!» — проносится у меня в голове.

— Тогда Король должен сам найти меня,— отвечаю я девушке.

Хозяйка таверны наливает в блюдечко горячий чай и начинает остужать его, сложив свои большие красивые губы в трубочку. Она медленно и долго дует на воду. Я любуюсь, как воздух из её рта образовывает маленькие волны в блюдечке чая. Вдруг дыхание Марты усиливается и превращается в могучий ветер. Вихрь подхватывает меня, словно я не имею веса, и выносит в трубу. В моих глазах темнеет. Я чувствую себя вновь сухим листом вербы.

Дыхание Марты несёт в неизвестность…

Путь

— Конец первой главы,— читаю я вслух и усилием воли захлопываю книгу.

Я снова на зелёном диване. Тихо потрескивают дрова в тёплой печи. Я долго сижу без движения и обдумываю происходящее. Потом паралич отпускает, я встаю и иду к зеркалу. В отражении вижу взрослого, уставшего, небритого мужика. Это я.

«Разве могут быть в таком человеке черты Короля?»

Слышу из соседней комнаты громкие голоса мужчин и весёлый смех женщины. Тяжело вздыхаю и выхожу на улицу.

Свежий зимний воздух успокаивает и наполняет лёгкие. Всё замёрзло, как будто умерло. Прислушиваюсь. Река течёт подо льдом…

Устная история: повседневность детства 2000–2010-х гг.[1]

Автор-составитель книги выражает искреннюю благодарность своим студентам, состоявшимся коллегам-исследователям по цеху историков, — так в средние века назывались корпорации мастеров одной специальности. Автор благодарит за поддержку родителей студентов, их бабушек и дедушек, которые откликнулись на просьбы делиться информацией и помощью по составлению родословных, по выявлению источников личного происхождения в семейных архивах.

Мы — команда единомышленников науки Истории!

…Спустя многие десятилетия в сознании нынешних студентов будут другие оценки, другая значимость событий их детства и юности. Но в любом случае в домашних архивах для детей и внуков останутся их воспоминания и размышления о времени 2000–2010-х годов.

Б. Е. Андюсев

Яна Санкина
Горжусь своими предками

Я не могу назвать себя человеком с чисто сибирскими корнями, так как мои предки проживали в разных уголках России и имеют разное происхождение. Моя прапрабабушка по материнской линии Мария Михайловна знала два языка — латышский и русский, потому что сама по рождению считалась латышкой и родилась в Латвии, но ей с маленькими детьми на руках пришлось переехать в Кемеровскую область, где она вышла замуж и родила дочь, мою прабабушку, — Франю Антоновну.

По прошествии нескольких лет большая семья переехала в город Ужур, что стал для них родным домом. В старом посёлке уже нельзя было оставаться из-за голода, земли не хватало, тогда знакомые из Ужура и написали моей прапрабабушке, что земля здесь имеется, и тогда она собрала детей и перебралась сюда.

Здесь уже прошли их военные годы, где прабабушка вышла замуж за Шепелева Василия Петровича, который тоже приехал со своим отцом из Алтайского края в Ужур. Вскоре у них родилось трое детей, три девочки, одна из них, Тамара Васильевна, — моя родная бабушка.

В этой связи интерес представляют мои предки со стороны дедушки, маминого отца.

Сам дедушка родился в Ужуре, но вот его мама Клавдия Васильевна Понамарёва с семьёй приехали из Красной Сопки. Я поговорила с бабушкой, и то, что она мне рассказала, очень впечатлило, хотя я думаю, что такая информация требует дальнейшей проверки.

Так получилось, что мой прапрадедушка по отцовской линии по имени Николай имел дворянское происхождение, по воле случая был выслан из Подмосковья, где проживал с семьёй, в Сибирь. Что это был за случай, мне узнать не удалось, но в дальнейшем я настроена на то, чтобы узнать об этом как можно больше. И вот после ссылки в Сибирь они стали проживать в деревне Тибитень Красноярского края. Здесь, как мне рассказала бабушка, их раскулачили, и им пришлось переехать в город Ужур, где уже жила моя прабабушка.

Мой отец родился тоже на ужурской земле. Можно сказать, что моя родословная довольно богата. Я горжусь историей своей семьи и своих предков. И в будущем постараюсь узнать о них как можно больше. Потому что считаю, что свою родословную должен знать каждый уважающий себя человек.

Во времена 2000-х годов я была маленькой девочкой. Это был тот возраст, когда знакомство с миром только начинается, всё кажется удивительным и невероятным. Отсюда и рождаются яркие воспоминания. Моё детское воображение не уставало фантазировать, а любознательность постоянно подталкивала вперёд. С детства в моей голове были десятки вопросов. Я не уставала спрашивать родных. С маленького возраста, окружённая любовью семьи, я задавала вопросы, просила читать мне книги, показать и рассказать то, что меня интересует. В этом мне никогда не отказывали. Самым любимым, значимым человеком моего детства стал мой дедушка, Александр

1 Избранные страницы книги «Устная история: повседневность детства 2000–2010-х гг. »: хрестоматия/ сост. Б. Е. Андюсев; отв. ред. Н. И. Дроздов. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. — 192 с.

Михайлович. Меня он всегда называл «серденько», что поначалу мне не нравилось, но спустя время я привыкла и даже полюбила. Дедушка много меня баловал, радовал и очень сильно любил, да и до сих пор продолжает. Именно с него началась моя любовь к истории.

Сначала дедушка стал показывать мне исторические и военные фильмы: «Ермак», «Тарас Бульба», «Кочевник». Они мне так понравились, что вскоре я начала смотреть их сама, пересматривая по десятку раз.

Дедушка любил историю и много знал. Мы часто разговаривали с ним про петровскую Россию, читали книги, смотрели фильмы. И мне это ужасно нравилось.

Как-то ранним утром я встала раньше дедушки, что случалось редко. Мне захотелось посмотреть телевизор, и вышло так, что я наткнулась на передачу про Древний Египет. Через несколько минут дедушка уже был разбужен, и мы вместе наслаждались просмотром. До сих пор помню, как это было интересно.

Особенно меня впечатлил просмотр документального фильма про перевал Дятлова, который мы тоже смотрели с дедушкой, тогда я ещё долго от него не отходила. Всё пыталась узнать, что же там за тайна такая. Дедушка вообще часто меня слушал, что для меня было очень важно.

Детство было замечательным благодаря не только дедушке, но и бабушке — Тамаре Васильевне, которая также не чаяла во мне души. Как же мне нравилось садиться с ней вечером на диван и просто разговаривать, пока она мягко гладит меня по голове. Я часто её просила так делать. Мне никогда не отказывали.

Помню, как ездили с дедушкой и бабой на базар, когда наступало лето. Сейчас прихожу на рынок и не вижу в нём ничего особенного, а раньше казалось всё таким интересным. Но уж что мне не нравилось, так это стоять на картонке и что-то примерять, пока тебя продавщица спиной закрывает. Казалось, что все на тебя только и смотрят. Но вот возвращаться домой с новыми сандалиями мне очень нравилось.

Больше бабушки я любила только её пироги, блины и жареную картошку. Больше мне от неё ничего не нужно было, деду, думаю, тоже. Бабушка восхитительно готовила. Ещё бы! Она была поваром высшей категории, чем я всегда гордилась и при любой возможности хвасталась. Что может быть лучше, чем бабушка-повар?!

Были у нас ещё с дедушкой свои приколы. Любил он пошутить над бабушкой и подговаривал меня что-то смешное у неё спросить или ответить. Я, конечно же, сразу на всё соглашалась. Меня бабушка бы ругать не стала, а вот про деда такого не скажешь.

Другой мой дедушка, Геннадий Борисович, был мне другом и часто меня смешил. Я очень любила, когда он приходил ко мне в гости. Бывает, скажет: «Ну что, чай пить пойдём, конфеты вкусные есть?!» И вот я уже бегу домой, с порога кричу бабушке, чтобы она грела чайник, сейчас Гена придёт.

Я всегда знала, где у дедушки Александра Михайловича лежит заначка самых вкусных конфет, туда я и лезла, чтобы угостить нашего гостя. Уж больно мне нравились наши чаепития, после которых дедушка играл со мной, щекотал, безобразничал и просто общался. Но было всё же то, что мне не нравилось. Это когда баба и дед начинали обсуждать то политику, то ещё что-то, тогда я просто убегала в свою комнату. Слушать мне это никогда не нравилось, не нравится и до сих пор.

Большой радостью, любовью для меня была и остаётся мама; я всегда хотела её видеть, разговаривать и обнимать. Сколько же было в маме сил: придя поздно домой, ещё нужно приготовить ужин, сделать домашние дела. Она, уставшая, слушала всё, что мне хотелось ей рассказать, а рассказать мне хотелось много. Особенно я любила время, когда мы оставались с ней вдвоём, и больше никого. В такие моменты мы были особенно близки.

С мамы началась моя огромная любовь к чтению, которая уже вряд ли когда-то пройдёт. Мама читала мне сказки до тех пор, пока я не стала их рассказывать сама. Я просила читать мне каждый вечер перед сном, так мне это нравилось. Одно из моих любимых воспоминаний — это как мама на кухне читает сказы П. П. Бажова, почему-то в такие моменты я особенно ощущала спокойствие и теплоту, это воспоминание греет мне сердце.

Не знаю почему, но, будучи уже даже повзрослевшей, я всегда искала защиту и поддержку именно у мамы. Моё доверие к ней несравнимо ни с одним другим. Во многом благодаря ей у меня есть что-то прекрасное, доброе и светлое внутри.

Я буду всегда помнить её слова: «Каждый человек достоин уважения»; «Человеку иногда нужна помощь, когда мы этого не видим, будь внимательна»; «Я знаю, что такое счастье, я держала его на руках»; «Ты изменила мою жизнь».

Я могу долго ещё вспоминать своё детство — столько было счастливых и радостных моментов! Мои воспоминания держатся на людях, создавших их, это не только бабушка, дедушка и мама. Это и папа, что крепко обнимал меня, когда мы ложились спать, возил меня на рыбалку, покупал самые вкусные пирожные и любил как только мог. Это мои любимые бабушки, а ещё дядя, которого я сама безмерно люблю и любила. Помню, как он брал меня на руки, сажал на мотоцикл и катал. Я просила его не останавливаться, дать мне порулить и кричала, если он позволял…

Вспоминая 2010-е, я думаю о школе, а в первую очередь о своём классном руководителе — Татьяне Александровне. Она показала мне не только, какой может быть увлекательной история, но и каким

замечательным может быть педагог. Она любила нас, старалась чему-то научить. Татьяна Александровна, возила нас в музеи по Красноярскому краю, по историческим памятникам Хакасии, в заповедники и на природу. Она учила нас помнить и уважать. Помнить то, что важно, то, что когда-то было. Уважать то, что отличается от нас самих: другие культуры, другие традиции, чужую жизнь, иной менталитет. А главное — она учила нас мыслить критически. Она хотела, чтобы мы могли думать самостоятельно, как образованные люди. Татьяна Александровна на протяжении шести лет была не просто педагогом, она была вхожа в наши души, знала о наших мечтах и переживаниях. Я доверяла ей. Она открыла мне мир истории. Моя благодарность за то, что она сделала для нас, не знает границ.

Пока я писала это сочинение, многое вспомнила и передумала. Такой объём мыслей сложно уместить в короткое эссе, но я хочу подвести итог. Моё детство, моя юность не были идеальными, но они были счастливыми.

Меня любили. Большей радости, большего счастья я назвать не могу, перед этим меркнет всё остальное. Очень надеюсь, что выросла я нравственно достойным человеком.

Но это покажет только время. Потому что сейчас я понимаю, что у нас может быть интересная работа, много материальных благ и возможностей, чтобы весело жить, но я считаю, что ничего из этого не заменит человечности, не заменит душевной близости и искренних чувств, что вызывает в нас любовь.

Так я думаю, вспоминая и размышляя о моих предках, о Сибири, обращаясь к своим 2000-м и 2010-м.

Всеволод Проскурин
Я рад, что моё детство было таким

Я родился и вырос в городе Красноярске. Своё детство провёл в самом типичном городском жилмассиве — микрорайоне Зелёная Роща. Когда я родился, моей маме было двадцать лет. Она отчислилась из университета и очень много работала. Мы жили в однокомнатной квартире.

Сколько помню себя, я постоянно сидел с няньками. Няньками были в основном девочки — ровесницы мамы. Частенько они устраивали «тусовки» у нас дома, пока мамы не было. И мама их потом за этим делом застукивала и выгоняла из квартиры.

Когда мне было четыре, у меня появился младший брат. Затем, через год, — сестра. Поначалу мы жили впятером в маленькой «однушке». В это время родители открывают своё агентство недвижимости. В середине 2000-х услуги риелторов пользовались огромным спросом, так как город разрастался семимильными шагами. И вот, в возрасте пяти-шести лет, мы переезжаем в четырёхкомнатную квартиру. Просторная квартира — неописуемое удовольствие. Поначалу у меня не было своей комнаты, так как с нами жили родители отчима. Но когда они уехали, их комнату занял я. До этого мы жили с братом в комнате с компьютером и двухъярусной кроватью. Компьютер, в принципе, появился у нас рано, поэтому уже лет с пяти-шести я начал знакомство с различными компьютерными играми.

Для меня большим воспоминанием по жизни были, есть и будут собаки. У нас они были всегда. С самого моего рождения и всё моё детство у нас был шарпей Шера. Мои родители её сводили, и периодически у нас дома становилось больше шарпеев. Но Шера была всегда. У шарпеев очень острые зубы. Шера никого не кусала, но я её почему-то боялся. Я не помню моментов, когда я её гладил. Но я очень любил её. Это я понял, когда она ушла гулять (мы всегда выпускали её из подъезда, а она потом возвращалась) и не вернулась. Родители ушли её искать. Я долго сидел ночью и ждал, пока они придут, но заснул. Утром я увидел её возле себя, еле стоящую на ногах и всю перемотанную кровавыми тряпками. Как мне рассказали потом родители, она сначала погрызлась с бездомными псами, причём умудрилась в своём довольно преклонном возрасте (ей уже было больше десяти лет) загрызть нескольких псов, а потом полезла под забором и разрезала себе шею листом металла. Её несколько дней пытались поставить на ноги, но в итоге усыпили. Для меня это было очень большой потерей, и именно в тот момент я понял, что, несмотря на то что мне не удавалось её погладить или поиграть с ней, я всё же её любил.

В детстве я очень много времени проводил в дороге. Моя мама какое-то время торговала в Дивногорске. Я помню, как каждое утро мы с сумками приезжали на Предмостную площадь и оттуда на жёлтой «Газели» уезжали в Дивногорск. Там был рынок на площади возле железнодорожного вокзала, где мы находились до вечера, после уезжали обратно. Затем у нас появилась дача, куда я очень любил ездить с бабушкой. Когда я стал старше, я начал ездить в лагеря, стабильно два раза в год — летом и зимой. Сначала это были поездки на поезде, затем — междугородними автобусами.

Моя мама любила рукодельничать, поэтому в детстве я перепробовал очень много техник декоративно-прикладного творчества: вышивание, плетение, вязание, оригами и так далее.

При должной сноровке я и сейчас смогу машинально вспомнить технологию плетения фенечки или сборки лебедя из бумажных модулей.

Одним из самых ярких воспоминаний детства для меня — походы в цирк. Мы с мамой часто туда ходили. Если посмотреть в семейные альбомы — очень много фотографий, где мы с мамой возле разных животных.

Мои мама с отцом очень рано развелись (что, в принципе, было характерно для того времени), но в детстве я хорошо общался с родственниками по линии отца. Я очень часто ходил к ним в гости (они жили в соседнем дворе), оставался ночевать. Там же жил мой дядя (младший брат отца), с которым мы играли в компьютер. С отцом мы также проводили время. Он работал с машинами, поэтому я часто ездил с ним в автомастерские или на авторынки.

В школу я пошёл в шесть лет и чего-то про школу интересного рассказать не могу. Я был отличником, но при этом отличная учёба не требовала от меня больших усилий. Примерно в это же время мама отдала меня в секцию брейк-данса. Мне очень нравилось, и я бы, возможно, занимался им до сегодняшних дней… Но в семь лет я упал с горки и сломал себе позвонок. Родители боялись, что я могу больше не встать, но всё обошлось запретом физических нагрузок. Поэтому с брейком пришлось попрощаться. В этот же год мой друг рассказал мне, что занимается в вокальной студии. Я сказал маме и уже осенью пошёл в свою первую музыкальную школу. Там я изучал сольфеджио, игру на фортепиано и вокал. Мне нравилось, и в одиннадцать лет я пошёл получать второе музыкальное образование (но это уже более поздний период).

Достаточно много времени я проводил на улице с ребятами. Здесь всё было стандартно: догонялки, футбол, драки, прыжки по гаражам и прочие вещи, которыми занимаются дети до десяти лет.

Таким образом, моё детство было разным. Вроде много и всего необычного, но в то же время и самых стандартных вещей. В любом случае я очень рад, что моё детство было таким. Рассуждать о том, что было бы лучше прожить его по-другому, нет смысла хотя бы потому, что мне приятно вспоминать этот период своей жизни.

Каково быть студентом-историком в 2020-х годах? Попробую в целом рассказать про студенчество в Сибири, но больший акцент сделаю на вопросах, связанных непосредственно с историками.

Итак, если говорить о студенчестве в Сибири, то проблемы примерно такие же, как и везде: желание веселиться и отдыхать при необходимости в учёбе, кризисы третьего курса, сессии и прочее, прочее…

Сибирские города как центры концентрации вузов — места очень привлекательные. В крупных сибирских городах (Красноярск, Иркутск, Новосибирск, Томск — из тех, в которых я был) есть все условия для комфортного проживания студенческой поры — комфортные общежития, современные кампусы университетов, хорошая городская инфраструктура. Поэтому в некотором «бытовом» плане быть студентом в Сибири очень даже комфортно.

Теперь непосредственно о студенте-историке. Сибирь богата прекрасными специалистами в этой науке. Поэтому студент-историк всегда находится рядом с компетентными людьми, которые в большинстве своём — прекрасные личности.

Ходить на занятия большей частью хочется, так как с преподавателями действительно интересно не только в рамках преподаваемой ими дисциплины, но и за её пределами.

Само сообщество студентов-историков довольно пёстрое по своему составу. Но в этом есть и плюс: ты всегда сможешь найти здесь что-то для себя. Есть «ботаны», есть те, кому эта учёба не сдалась от слова «совсем», есть «серая масса» и так далее.

Но здесь всегда можно найти друзей, собеседника, коллегу для совместного проекта или задания.

В целом студентам-историкам даётся свобода в выборе направления своей научной работы, что выгодно выделяет гуманитарные специальности на фоне остальных, где твой научный интерес определяют за тебя. В Сибири большой простор для изучения локальных предметов.

Но есть и вторая сторона медали. Сибирь, безусловно, лежит в сердце каждого. Но зачастую научные интересы студентов-историков идут вразрез с феноменом «Сибирь».

А качественное изучение чего-то, связанного с «повесткой центра», требует посещения центральных архивов, таких как РГАДА, АВПРИ, ЦАМО и так далее. Многие центральные архивы не имеют систем удалённого доступа, поэтому материалы остаются недоступными для большинства историков. Лично для меня это является большим минусом.

Если подводить итог, то мне, в общем, повезло с 2000-ми.

И сейчас моё студенческое время 2020-х позволяет человеку развиваться в той сфере, в которой ему интересно. Касательно обучения на историка стоит отметить историческое образование как хорошее гуманитарное базовое образование, дающее общие компетенции, навыки и мировоззрение. А уже на базу в дальнейшем можно надстраивать различные «прикладные» навыки.

Анжелика Харланович
Детство на улице

Моё детство проходило в городе Зеленогорске Красноярского края. Это закрытый город, в период Советского Союза он носил название Красноярск-45. В закрытый город просто так не попасть. В него имеют право заезжать только люди, у кого есть зеленогорская прописка. Я никогда не боялась гулять по городу даже ночью, потому что в Зеленогорске не было ни цыган, в отличие от Заозёрки, ни преступников, ни бандитов. Бандиты, конечно, в Зеленогорске были, мне родители про них

рассказывали, но их почти всех истребили к 2000-м годам. Поэтому мой город был и остаётся раем для спокойной семейной жизни.

В моём любимом городе на шестьдесят-семьдесят тысяч жителей отстроено восемь крупных школ: один лицей, одна гимназия, школа для одарённых и обычные стандартные школы. Ещё одна, девятая, школа — недостроенная. Строительство прекратили в период перестройки, с тех пор она превратилась в «заброшку», которую любят посещать любопытные дети, не слушающие родительских наказов не ходить в это место, а также любители необычных фотосессий. Помимо школ, в городе много садиков, мне даже тяжело сосчитать их точное количество. Все садики государственные, нет ни одного частного. У моих родителей не было проблем с устройством детей в садик и школу. Да и до сих пор у меня в городе нет такой проблемы.

В первую очередь время нулевых у меня ассоциируется с весёлым времяпрепровождением во дворе с друзьями. В основном я дружила только с мальчиками, поэтому и все игры у меня были мальчишечьи. Мы играли в солдатиков, догонялки, «выше ноги от земли» и другие активные игры. Я и мои сверстники всегда свободное время проводили на улице. Сейчас же редко увидишь гуляющих детей во дворе средь бела дня. У нас не было ещё того интереса к компьютерным играм или к телефону, потому что они только начали появляться и родители нам просто так их не давали.

Мой первый телефон появился у меня в третьем классе, а первый раз я села за компьютер, чтобы найди нужную информацию в интернете, в пятом или шестом классе. Поэтому детство у меня было весёлое и активное.

Мы с мальчиками часто дрались, особенно зимой, когда не больно падать на снег. В какой-то момент стали популярны у меня во дворе пистолеты, которые стреляют пульками.

А в соседнем дворе был детский магазин, в котором как раз эти пистолеты продавались. В то лето весь двор скупил эти пистолеты, и мы бегали, стреляли из них, а бабушки ругались на нас, потому что они травмоопасные, а мы играли неосторожно.

До семи лет мне было разрешено гулять только во дворе, но у меня во дворе находится детский садик, поэтому мы с друзьями часто проникали внутрь и играли на площадках садика. Обычно это заканчивалось тем, что нас замечал сторож и потом гнался за нами. Мы убегали кто куда: кто-то лез через забор, чтобы уйти с территории садика, кто-то лез на высокое дерево в надежде, что сторож пройдёт мимо и не заметит его, а кто-то прятался в конструкциях площадки — например, домике или машинке. Несколько раз нас ловили, один раз вызывали родителей, другой раз, в наказание, заставляли убираться на территории садика. Так как телефона у меня не было, родители всегда с седьмого этажа кричали, звали меня домой.

С семи лет мне можно было выходить с территории двора, но недалеко. У меня за домом находится большой фонтан и площадь, на которой в 2000-х, в период летних каникул, любили приходить с полотенчиками и загорать, купаться дети со своими бабушками. До тринадцати лет мы с друзьями всё лето проводили на фонтане. Обычно мы собирались в беседке во дворе и босиком всей толпой шли до фонтана. Там мы купались, бегали, веселились. Там же чаще всего мы праздновали Ивана Купалу, могли прямо в одежде, даже с рюкзаками все плавать в этих чашах. С этого начинался наш праздник. Продолжался затем во дворе с бутылками с водой, в крышках которых мы делали дырки и поливали всех вокруг. А если я заходила домой, то обязательно набирала воду в маленькое ведро и поливала прохожих с балкона. Хоть я и живу на седьмом этаже, но частенько вода долетала до людей, а так как я всегда пряталась после того, как сделаю своё мокрое дело, то слышала только возгласы этих прохожих, ведь смотреть было страшно: вдруг меня заметят? Теперь я не замечаю, к сожалению, чтобы у меня во дворе хоть кто-то из детей праздновал так Ивана Купалу. Сама я праздновала этот праздник так весело в последний раз примерно в 2014 году.

Также в этот период у меня во дворе стояла двухэтажная башня из кирпичей. К сожалению, первый этаж в основном использовали как туалет, но зато на втором этаже было чисто, и мы с друзьями чаще всего держали там кошку, каждый год разную. Мы за ней ухаживали, стелили постельку, кормили кормом, поили. Пару лет назад эту башню снесли.

С самого рождения у меня появились проблемы с кожей. На многие продукты у меня возникает аллергическая реакция на коже. Поэтому родители с моих трёх лет начали возить меня и мою сестру, которой на тот момент было уже десять лет, на Чёрное море; с тех пор у меня два дома. На море мы ездим на машине, сначала это была маленькая машина, затем папа купил микроавтобус, а ещё чуть позже — микроавтобус с палаткой на крыше. В основном путь занимает пять дней. Каждый год мы останавливаемся на день в Волгограде. Там живут мои дальние родственники.

Поначалу мы ездили в Новомихайловск, это маленькая курортная станица, и с детьми в ней было очень удобно. Посещали и другие города.

Но как-то раз мы оказались в Анапе. Моя сестра занималась волейболом, и её с командой каждое лето куда-нибудь отправляли на сборы. Мы с родителями всегда ездили с ней. Так в один год мы попали в Анапу. Это был примерно 2008 год. С тех пор мы ездим только туда и уже купили там квартиру. Так вот, конечно же, 2000-е ассоциируются у меня с тем самым полюбившемся

советским пляжем на Чёрном море, когда вокруг много торговых палаток, как на базаре, люди лежат друг на друге, кто-то читает, кто-то разговаривает, а рядом проходит женщина и кричит: «Раки-и! Свежие сочные ра-аки! Чурчхела, кукуруза, тёплая горячая-я-я кукуру-у-уза-а-а!»

В 2010-х же ситуация сильно поменялась. Теперь не увидишь в крупных курортных городах беспорядочных лавочек, вместо них строят красивые, большие, просторные аллеи, а бабушек заменили загорелые молодые парни, которые говорят в громкоговоритель и приглашают на экскурсию.

Но всё же в Крыму пока можно встретить ту уходящую эпоху.

В целом окружающий мир сильно изменился. Сейчас дети следят за модой, стараются красиво одеваться, красят волосы, сидят в социальных сетях, стараются быть модными. Я в их возрасте носила то, что поудобнее, а именно дырявые шорты, которые не жалко испачкать о крышу какого-нибудь гаража, сланцы, которые можно легко скинуть и вообще оставить под скамейкой и бегать по двору босиком, носила с собой спичечный коробок, для того чтобы не скучать, а собирать муравьёв, пока ждёшь одноклассника Данила, который зашёл домой, чтобы взять всем попить.

Константин Шляхтер
Прапрадеды незримо воспитывали меня

На нулевые годы пришёлся период моего детства, только-только отгремели бандитские 1990-е, и мои родители решают найти тихую, спокойную гавань, где могли начать жизнь на своей земле и в своём доме. Так они и переезжают из Восточного Казахстана в небольшое поселение в Кежемском районе — Имбинский. Маленький посёлок, окружённый сплошной тайгой, а до ближайшего города Кодинска семьдесят километров пути. Здесь и проходило моё детство. Молодая семья пытается встать на ноги: отец работает на пилораме, но вскоре устраивается бойцом в местную часть МЧС, а позже он дослужится до командира и ближе к нашим дням станет начальником.

Считаю, что мой отец был достойным преемником своих дедов и прадедов, участников Великой Отечественной войны.

Первым делом речь пойдёт о моём прапрадеде Шляхтере Сергее Павловиче. В 1929 году он окончил Читинский педагогический техникум, женился на Анне Шкиптан, все предвоенные годы они оба работали учителями сельских школ. Прапрадед был участником Великой Отечественной войны с июля 1941-го по 1945 год. Служил старшиной, затем командиром комендантского взвода 7-й отдельной роты управления 7-й штурмовой инженерно-сапёрной бригады. Дошёл до Берлина. Имел медаль «За боевые заслуги» и орден Красной Звезды. После победы над Германией он работал учителем математики и директором детского дома.

Кроме Сергея Павловича, в нашей семье воевал бабушкин отец, гвардии сержант Лаулин Виктор Иванович. На фронте начинал как рядовой шофёр, занимаясь подвозом боеприпасов, провианта непосредственно к линии фронта и нуждающимся во всём этом бойцам. По итогу за это и получил две медали, «За отвагу» и «За боевые заслуги». В описании боевых подвигов числится умение «миновать бомбёжки» и «своевременно и бесперебойно доставлять полку вооружение, боеприпасы и продовольствие под огнём противника». На фронте был и его отец, Иван Иванович Лаулин. Красноармеец, снайпер был убит третьего февраля 1944 года недалеко от Старой Руссы во время Ленинградско-Новгородской операции.

Мои прапрадеды и мне подают всю сознательную жизнь пример выполнения своих обязанностей, долга и правильного отношения к жизни. Они незримо воспитывали меня. В целом в плане воспитания моя семья была довольно свободная, всё шло как-то само собой, учили правильному, когда ошибался или хулиганил, но без рукоприкладства или чего подобного, максимум громкие замечание и временные лишения в качестве наказания.

В вопросах религиозности семья также была свободная, носили крестики и справляли основные церковные праздники, но не более, каких-то разговоров о возвышенном и трансцендентном не было. Жили в небольшом коттедже, потихоньку обустраивались и делали маленькие ремонты, тесно дружили с соседями.

В детский сад ходить не то чтобы прям любил, но и ненависти не было, хотя иногда ой как не хотелось вставать, одеваться и топать туда, где заставляют спать днём, чего я с детства делать не умел. Вели себя детьми мирно, игрались в игрушки весь день, бегали друг за другом на улице и прятались друг от друга. Кушал так себе, еда не нравилась мне что в садике, что в школе, любил только мамину готовку.

В свободное время по выходным, когда не надо было никуда идти, все играли на улице. Ещё бы! Компьютеров особо ни у кого не было, как и телефонов, да и зачем они, если нет мобильной связи? Так и жил; правда, помню о временах садика я не особо много.

В те стародавние времена продуктовое разнообразие было совсем другим, мы пили «швепс» и мечтали сделать глоток «флеша», который в те годы ещё производился в Красноярске на «Пикре». А мне нравилось поесть лапшу «роллтон» — не для того, чтобы насытиться, а просто так, потому что вкусно.

В плане быта помню, как у нас появился кассетный видеопроигрыватель, на нём я и смотрел

свои самые любимые мультики. Ещё долгое время он был в нашей семье, пока ближе к 2010-м дядя не принёс нам «дивидишник». Важным предметом в моей жизни стала первая плейстейшн, очень много времени я проводил, играя на ней перед телевизором, она стала одним из моих любимых развлечений, и каждый раз, когда мы ездили в город, я просил отца купить новый диск с игрой.

Занятно отметить, как со временем отец менял машину. Сначала был какой-то не прям старый советский автомобиль светло-зелёного цвета; позже отец взял белую «Волгу» современного образца, которые делал автопром тогдашней России нулевых; ну и позже, уже ближе к 2010-м, у нас появляется старенькая «Тойота Эм-Пи-Ви», довольно большая и просторная на фоне прошлых наших машин, с коробкой-автомат внутри и с двигателем-миллионником под капотом.

Самой важной вехой в моей жизни в те годы стал поход в школу, которая являлась для меня совершенно новым миром.

Пошёл я в школу лет в семь, это простая сельская МКОУ СОШ, в общем и целом — самая обычная школа. Однако же у такой сельской СОШ были свои особенности, когда ты в лицо знаешь каждого ребёнка и учителя, потому что всего детей и в школе, и на просторах посёлка было довольно мало с учётом населения человек в восемьсот. Так и учились мы, мирно и дружно сосуществуя, хотя не без конфликтов, конечно, все мы люди. Самой печальной для ученика такой школы была ситуация, когда учительница лично знакома с твоими родителями, может в любой момент позвонить и сказать кое-что; а у меня ситуация была и вовсе печальной — одной из учительниц в школе была жена моего дяди. Они к нам и просто в гости ходили, и праздники с нами порой справляли.

Школа содержалась на областные деньги, но их явно не хватало для введения обновок, и сколько я помню её в нулевые — не менялось практически ничего, большинство всего так и осталось стоять со времён основания школы в 1989 году. Даже двери у нас были деревянные на входе, как и оконные рамы, а пол в школе был стандартной заливки; это уже потом, когда я уже прошёл начальные классы, у нас начали делать ремонты, заменили двери, рамы на пластиковые современные, пол же покрыли плиткой. Сначала, правда, всё делалось лишь на первом этаже, где располагались кабинеты началки, а потом уже пошло и на второй, к старшей школе. Стоит отметить, что в школе никогда не было системы добавления литер в номер класса; да и зачем оно, если там даже сотни детей нет и хватает всем быть по одному классу без дублирования?

Посёлок привил мне привычку здороваться со всеми, кого встречаешь на своём пути, даже если лично не знаком, таковы нормы приличия сельской жизни. А в городе всегда было как-то неуютно, особенно в таком большом, как Красноярск. Много людей, все они — незнакомые, лица, которые ты никогда в своей жизни не видел, а когда, бывает, проскочит пресловутое «здравствуйте», смотрят косо и изредка вяло отвечают.

Горожан понять было трудно, поэтому мы, как дети, всегда противопоставляли себя им, стремились соревноваться во всём, в чём могли, чтобы знали наших. И ведь мы, простые сельчане, дети довольно простых родителей, у многих из которых не было образования выше девяти классов, действительно побеждали, занимали первые или призовые места, будь то спорт, креативная деятельность или олимпиады на знание; мы часто попадали в заголовки газеты «Советское Приангарье».

Как жаль, что дни той далёкой и вечно весёлой молодости без проблем уже давно позади.

Сергей Высоких
Мы — поколение «Z»

Я родился в день археологии, день смерти Цоя и день рождения Наполеона Бонапарта, но в 1998 году и в городе Ангарск в Иркутской области. Через два дня объявили в нашей стране дефолт, который я, конечно, не помню и не помню, как мы жили в это время. Самые ранние воспоминания моего детства начинаются с того, как меня купали в ванной и как я ходил в детский сад. Я был совсем маленький, приблизительно три-четыре года мне было. Но уже тогда я нашёл своего друга, с которым общаюсь и по сей день, а зовут его Саша.

Я был очень шумный, капризный и вечно болеющий ребёнок. Хочу также поделиться воспоминанием моих родителей, которого я не помню, но они всегда припоминают мне это. Меня собирали всей семьёй, и я даже помню, во что я был одет в какой-то определённый промежуток времени: шапка-ушанка, шуба, детские колготки, какие-то штаны, валенки и армейский белый ремень с золотой пряжкой. Каждый раз, когда меня одевали и выпускали на улицу, пока родители собираются, я выбегал из подъезда и нырял головой в сугроб, как страус, и ждал родителей. Когда они выходили, отец брал меня за этот армейский ремень и нёс до детского сада, как чемодан. Родителей всегда это веселило, потому что я кричал и хохотал всю дорогу.

В детском саду я помню, как мы играли в прятки, дочки-матери, рисовали, собирали какой-то конструктор, даже дрались уже в этом возрасте, ходили в бассейн и очень много бесились. Помню, как мы из льдин собирали крепости на прогулке и играли в снежки. Было очень весело, и почему-то до сих пор я не могу такую прогулку повторить, чтобы с крепостями, со снежками, с огромным хохотом.

И когда мы перестали играть в снежки, я решил отдохнуть у крыльца. Я смотрел, как в небе летит самолёт, и почему-то мне в голову пришла мысль: хочу облизнуть рядом стоящий столб на крыльце. Зимой. Я, естественно, тогда не знал, что такое физика, и, естественно, когда я облизнул столб — я мгновенно прилип к нему. Я запаниковал, и мне ничего лучше не пришло в голову, как просто оторваться от столба. О последствиях я тогда не думал. В итоге я оторвал язык от столба и пошёл показать это своему воспитателю. Я не помню, плакал я или нет, но я помню, как воспитатель всех повёл обратно в детский сад, и сразу следующий эпизод перекидывается на тот, где я ем кашу у маминой подруги и мне очень больно есть её.

Почему-то вспомнил прямо сейчас ещё, как мы в детском саду выступали перед родителями, как мама вручную делала мне костюмы перед праздниками, помню первый костюм козлёнка, но никто не издевался надо мной. А вторым был какой-то шут. В то время как почти всем покупали эти костюмы, моя мама делала вручную. Тогда я не ценил этого, а сейчас это вызывает большое уважение к ней. Но в моё детство было совсем не важно, кем я был.

Очень отчётливо помню, как я выпросил у отца «тетрис» в виде футбольного мяча. У кого-то из группы появился, и я захотел себе такой же. Все смотрели, как я играю в пиксельный футбол, и вроде в этот же день я его потерял в детском саду.

Украл его кто-то? Это, видимо, останется загадкой. В выпуске из детского сада я отчётливо помню, что я хотел вместе с Сашей пойти в одну школу, потому что мы были не разлей вода. И как я обрадовался, когда мы вместе сидели за одной партой и начали учиться.

В школе мы учились при детском саде, так как для нас почему-то не выделили отдельного класса в школе, но для нас это не имело никакого значения. В одном классе мы кушали, учились и бесились на переменках. Когда я узнал, что Саша пойдёт в музыкальную школу во втором классе, сначала я не придал этому никакого значения. Но я заметил, что он начал со мной чуть реже общаться, и там он нашёл среди новых одноклассников новых друзей, которые тоже ходили в музыкальную школу. Я очень сильно заревновал и решил пойти вместе с ним в музыкальную школу к одному и тому же преподавателю по классу фортепиано.

Помнится, как я переехал в другое место и как я гулял во дворе. В то время ни у кого из моих одноклассников и друзей ещё не было компьютеров, и всё своё свободное время я проводил на улице. Там я нашёл новых знакомых и дворовых друзей. Мы играли в казаки-разбойники, «тукита», догонялки и стрелялки. Делали рогатки из горловины бутылок с напальчником и стреляли из них рябиной по заборам и иногда друг в друга.

В свободное время я общался по домашнему телефону с Сашей. Мы проговаривали все деньги, за что родители нас ругали. Наверное, каждый в своём детстве встречается с беспризорниками, которые были агрессивны по отношению к своим сверстникам и старшим. Меня не обошла эта участь, и я каждый год дрался со своим одноклассником по всяким пустякам.

Впрочем, не один я с ним дрался. Во дворе тоже такие встречались. Они начинали курить и употреблять алкоголь слишком рано. Мне немного жалко таких людей, как жизнь потом калечит их.

Помню ещё, как в школе были своего рода мейнстримы.

Мы собирали фишки из героев мультфильмов и играли по каким-то особым правилам. О да, примерно с первого класса все смотрели мультики по утрам по СТС и ТНТ: «Крутые бобры», «Спанч Боб» и всякие-всякие мультики. Я обожал смотреть их перед школой и после школы. А когда мультики кончались — я переключал на музыкальный канал по типу «МузТВ». Смотрел клипы с восхищением: как красиво выглядит клип, как звучит музыка. Я рос в пик популярности группы «Ранетки», которую я ненавидел. Крутили популярных рэперов по типу Басты и Гуфа. Очень нравились клипы «Мумий тролля», «Би-2», которые очень красиво звучали.

Также мы собирали «лёлики». Мы отрывали от пачек сигарет крышку, складывали их особым образом, вставали рядом друг с другом и били пальцем по краю «лёлика». Чей «лёлик» улетел дальше — тот и победил. У многих детей того времени были целые коллекции этих «лёликов» из-под самых разных пачек сигарет.

Следующий момент, который мне отчётливо помнится, — это когда мы зимой в четвёртом классе после школы решили попробовать пиво с одноклассниками. Нам продали пиво в киоске, и мы пошли все вместе пить его в лесной массив возле школы.

Мы все смеялись и пили. После того как все выпили по бутылке пива, мы пошли кто куда, а я в музыкальную школу. По расписанию у меня был хор, и я в таком весёлом настроении пошёл петь. Пел я в тот день от души и очень громко, никто даже не подозревал, что я слегка пьян. Я был в разделе высоких голосов и мог тогда брать ноты Витаса один в один. Всё это было в четвёртом классе, и тогда это был 2009 год. В это время в школе была мода на зажигалки. Мы пускали в рот газ, потом выдували газ и поджигали его. Этот трюк назывался «дракончик». В целом там было ещё несколько трюков, но я особо не помню их исполнение.

Подростковые субкультуры. Я столкнулся с ними в 2007 году, и я не понимал, почему эти люди ведут себя так или иначе.

В моём городе я встречал однажды только одного представителя из субкультуры эмо, и то мельком. В это время были популярны эмо, готы и гопники. Гопники, как я понял, были популярны всегда. А всех остальных я либо видел всего один раз, либо вообще не видел — скорее всего, из-за того, что гопники выбивали из них всю дурь.

Я хорошо помню, как к нам в класс приходили люди в форме и рассказывали про вред наркотиков. Нам было по восемь-девять лет, а мы уже знали, что такое героин, марихуана и «крокодил». В новостях очень много говорили про притоны, передозировки и как плохо быть наркоманом. Благо, мой класс эта эпидемия обошла стороной, потому что мы были очень маленькими.

Хочется также рассказать про технологии. В первом классе почти у всех начали появляться сотовые телефоны. Вначале у большинства были обычные кнопочные телефоны, которые могли только звонить и отправлять SMS. У моего двоюродного брата был даже пейджер в то время, но он постепенно уходил из технологической моды. Ближе к 2010 году у меня появился телефон с ИК-портом, с которого можно было слушать музыку, играть в игры и даже выходить в интернет, где можно было скачивать всякие картинки, музыку и прочее. Я был на седьмом небе от счастья. Но моё счастье продлилось недолго, потому что его украл какой-то человек, который старше меня. Вообще в это время очень сильно была развита кража среди детей. В основном крали телефоны, но были и случаи, когда крали деньги у детей.

Самое запоминающееся в этом периоде для меня было то, как я праздновал свой день рождения в 2008 году. Меня привела в заведение сэндвичей «SubWey» моя родная тётя. Мы заказали большой сэндвич, и я не совсем помню, где я это услышал, по телевизору дома или в «SubWey», но в то время крутили по телевизору конфликт в Южной Осетии. Мне было очень обидно, что я ем сэндвич, а три дня назад умирали люди, и я не понимал, почему так произошло. В те годы я не понимал, кто такой Путин, и мне совсем было не до него, потому что я рос, учился и играл с друзьями.

В заключение хочется сказать прежде всего, что детство было классным. Так скажет каждый, потому что детские года — это самые счастливые и беззаботные времена. Но нас не интересовали деньги, мы дружили не из-за того, что у кого-то крутой телефон или планшет. Я рос в пережитке девяностых, когда все дворовые войны были закончены, во дворах не было массовых драк (хотя возможно, что я о них просто не знал). Моё поколение выросло на популярных до сих пор рэпе, роке и попсе. Мы не знали, что такое наркотики, а всего лишь баловались иногда выкуриванием сигарет. Мы выросли во времена либеральных реформ в России, когда она стремилась в Европу и технологии развивались очень быстро. Наши родители работали с утра до вечера, чтобы прокормить нас, поэтому мы были предоставлены сами себе, воспитаны дворовыми играми и воспитали себя сами. Мы — это поколение «Z».

Анастасия Хачатурова

Побег

Птенец

Марк нашёл на заднем дворе школы воробьёнка. Птенец лежал на земле, скрытый высокой травой, и тихонечко пищал. Именно по писку Марк, у которого был лучший слух в классе, его и обнаружил.

— Смотрите,— прибежал он радостный перед геометрией. — У меня теперь есть свой питомец.

Ребята тут же окружили Марка и стали засыпать его вопросами:

— А как ты назовёшь его?

— А чем кормить будешь?

— Боже, какой миленький!..

— А он большой вырастет?

Я стоял поодаль и подходить не хотел.

— Эй, Ванёк, иди сюда,— махал мне Марк.— Прикольно, да?

— Нет, не прикольно,— сказал я тихо.— Ты зачем его взял?

— Как зачем? Он там один лежал. Я о нём заботиться буду.

— Не один. Он из гнезда выпал. А значит, и мама его где-то рядом была, найти его теперь не может.

— И что?

— Надо его обратно отнести.

— Вот ты зануда, Ванёк,— отмахнулся Марк.

Я строго на него посмотрел. А так как мы с первого класса лучшие друзья, он тут же добавил:

— Отнесу-отнесу. Урок закончится, и сделаю. Ничего с ним за час не случится.

Но случилось. Всю геометрию ребята никак не могли успокоиться: перешёптывались и всё поглядывали на нашу заднюю парту. Марк сиял от удовольствия: столько внимания — и только ему. И ещё по какому делу: не за глупые шутки или ругательства, а за доброе дело! Сначала Маша, сидевшая перед нами, попросила подержать птенца, а Люба, её соседка, конечно, тоже захотела. Они гладили его и хихикали, а потом передали вперёд. Марк лишь одобрительно кивал: мол, разрешаю вам поиграть с моим личным воробьём. Птенчик пошёл по классу. Стараясь скрыть его от учителя, дети передавали птицу под партой, а вот Мишка решил, что кинуть будет быстрее. Ну и как обычно, не докинул. Воробышка упал на потёртый линолеум совсем беззвучно, как пёрышко. Все замерли. Марк вдруг очнулся от нахлынувшей на него популярности, глянул на пол, но было уже поздно. Птенец не шевелился.

Геометрия прошла как-то незаметно. В конце урока Марк быстро забрал воробья с пола, сунул его в карман и выскользнул из класса. Я нашёл его на заднем дворе у школьного дуба. Он сидел на земле, держа перед собой птенчика, и беззвучно плакал. Никогда я не видел, чтобы Марк плакал. Я сел рядом. Тонкие пёрышки воробья мерно дрожали на ветру. Маленький серый комочек лежал на раскрытых ладонях моего друга, и я вдруг подумал, что он уже никогда не станет свободной взрослой птицей.

Палками мы вырыли небольшую яму у дуба и похоронили птенца, положив рядом плоский камень.

Потом мы с Марком шли вместе домой.

— Как думаешь, Вань, что будет с нами, когда мы умрём?

— Не знаю,— ответил я.— Наверно, нас похоронят.

— Нет. Я не про это. Тела-то зароют, а мы? Мы останемся?

— В смысле — души наши?

— Ну, души. Мысли, чувства, разговоры наши, всё, что в нас есть сейчас, исчезнет, что ли? Навсегда?

Я промолчал. Ответа я не знал, да и думать об этом всегда боялся. А Марк продолжил:

— Я не рассказывал тебе, но у меня сестра была. Она умерла совсем маленькая. Мама говорит, болела сильно, что-то с сердцем. Я её уже и не помню, она всё время в больнице лежала. А мне тоже тогда только три было, меня с бабушкой оставили, на похороны не взяли.

Марк шёл, волоча ноги, уставившись в пол. Лица его я не видел, но по голосу было понятно, что он снова вот-вот заплачет:

— Как думаешь, смерть — это пустота? Я, когда думаю о ней, только темноту вижу, чёрную дыру такую, которая всех пожирает и ничего совсем не оставляет,— тут он посмотрел мне прямо в глаза.

— Когда у нас бабушка умерла, мама сказала, что смерть — как рождение. Вот ты появился однажды на свет — и однажды умрёшь. И то,

и то — обычное дело, с каждым такое происходит. Ну и чего тогда этого бояться?

— А я вот темноты боюсь…

— Ну, может, там и не темнота вовсе. Узнаешь, когда умрёшь. А сейчас какой смысл трястись?

— Ты что, совсем не боишься?

— Смерти? Боюсь, конечно. Думаю, умирать больно. Но ведь это нескоро будет. Мы с тобой до ста проживём. И дружить всё это время будем.

Марк этой фразе сильно обрадовался и как-то даже повеселел. Порывшись в карманах, мы наскребли сто рублей и купили себе сладкую булку в палатке.

Ярко светило солнце, мы сняли пиджаки и не спеша шли домой, болтая о новых телефонах и наборах «Лего». На улице была весна, на губах — клубничное варенье, а рядом со мной — мой лучший друг.

Побег

Борис сидит в клетке один. Статный, коренастый, с хитринкой в глазах. Мимо проходишь — обязательно замрёт, выпрямится и взгляд сделает такой милый-премилый, даже жалостливый. Сразу хочется подойти и прислонить руку к решётке, погладить его светлые лохмы.

— А почему без соседа? — Саша оглядывает другие клетки: в основном сидят по двое, совсем редко — по трое. — Агрессивный?

— Борька? Да он щенок… в теле медведя, — улыбается волонтёр в жёлтой кепке. Отодвигает засов и приоткрывает дверь на пару сантиметров, — Уже умеешь сажать на поводок? Давай. И пойдём.

Саша бочком приближается к появившейся щели и протискивает внутрь сначала правую ногу, за ней правое плечо, потом голову — так, чтобы между телом и дверью не оставалось зазора. Волонтёр придерживает решётку снаружи: вдруг Борис вздумает ломануться на свободу? Он всё-таки пёс, пусть и добрый. Вон, даже руку Саше лизнул. Но инстинкты сильнее любви.

Боря в приюте недавно. Он еще не успел соскучиться по человеческому вниманию — не лает и не носится кругами, как другие дворняги перед прогулкой. Сидит смирно, машет хвостом. Всем своим видом показывает: удовольствие не терпит суеты.

Саша опускается перед Борей на корточки и минут пять прощупывает длиннющий ошейник, утопающий в густой шерсти. После смерти папы пару месяцев назад ей стало трудно общаться с людьми, а вот с собаками получается. Они тёплые не только снаружи, но и внутри.

— Такой спокойный! — Саша наконец находит пальцами металлическое кольцо.

— Ага, — хмыкает жёлтая кепка и закрывает засов на двери: щёлк.

«Интересно, это ещё зачем?» — думает Саша и застёгивает карабин на поводке. Щёлк. И тут в Боре тоже вдруг что-то щёлкает: он одним прыжком валит девушку на пол, горячим языком облизывает нос, а затем хватает поводок слюнявыми зубами и рывком вытягивает его из Сашиных рук. С добычей в пасти он, довольный, садится у двери.

— Хочет сам себя выгуливать, — смеётся волонтёр, приоткрывает дверь и уверенной рукой лишает пса ведущей роли. — Только кто ж ему разрешит? С Борей нужен глаз да глаз. По-хорошему, чем больше глаз, тем лучше.

По дороге к лесу двое подростков и мохнатый пёс и шагу не могут ступить без селфи. Воскресенье в приюте — день новеньких. Толпы накрашенных студенток в белых кроссовках мнутся на окраине, боясь ступить на грязные лесные тропинки. Они разжимают свои тщательно припудренные носы, только когда направляют на себя фронтальные камеры.

— Ну, раз уж приехали помогать… — удручённо вздыхает Кир и выходит из кадра, продолжая крепко сжимать в руке поводок.

Саша стоит в сторонке и любуется псом.

У Бориса в роду точно были лабрадоры. А спокойный нрав и ласковый взгляд превращают его в глазах молодых девчонок в большую мягкую игрушку. Гигантского плюшевого медвежонка. Ну и как тут не зарыться щекой в лоснящуюся шёрстку? А потом ещё и подписать под фото: «Этому красавцу в приюте не место!»

— Только у него всё равно мало шансов, — ускоряет шаг Кир, чтобы поскорее уже миновать толпу блогеров и зайти в лес. Помимо жёлтой кепки, у него оказалось ещё и солнечное имя. — Берут обычно мелких, короткошёрстных и… молодых.

А Боре, по оценкам волонтёров, около пяти. Собака в самом расцвете сил. Это видно и по поводку, который пёс тянет так, что у Кира краснеют костяшки пальцев на руках. А ещё Боря явно жил в семье любящей, раз людей не боится. Но теперь вот в приюте: может, салюта испугался и убежал, а хозяева всё найти не могут. А может, хозяев уже и нет. Никто точно не знает. У многих собак в приюте туманное прошлое. Как и будущее.

— Ладно, тут в глубине «туристов» не бывает, так что на, веди. Только держи крепче, ладно? В Борьке килограммов пятьдесят. Побольше, чем в тебе, — ненароком делает Кир Саше комплимент и, отводя глаза, вручает поводок.

А дальше Саша помнит лишь холод грязи на ладонях и подбородке. А ещё — как что-то склизкое и чёрное расползается в её животе. Подняв голову из лужи, она видит, как Боря скрывается за плотно сплетёнными рядами сосен и берёз, а поводок за ним отскакивает от кочек и летит, словно воздушный змей.

Ночью Саша не может заснуть. Гудят ноги. Они с Киром три часа прочёсывали лес в поисках беглеца. А когда стемнело, ещё долго клеили объявления на столбах и досках, пока совсем не замерзли.

— Не боись, найдём! Не впервой, уже все службы оповестили. У меня тоже сбегали… — пытается воодушевить Сашу на прощание Кир у её подъезда, забирая обратно свою джинсовку из рук девушки. — А бывает, они сами возвращаются к приюту, когда понимают, что там-то их кормили. И не обижали…

Саша разом вспоминает истории других своих подопечных: Лору хозяин воспитывал ремнём, Степана сутками держали на цепи, а Добрыню, рождённого в строительной трубе около дачного посёлка, в один миг лишили матери, братьев и сестёр. Застрелили. А если и Боря встретит таких людей?

Промучавшись несколько часов в полузабытьи и липком поту, Саша резко садится в кровати от звука сообщения на телефоне. Сколько времени — непонятно, но свет уже включать не надо: на экране надпись — «Солнечный Кир».

«Готовься к худшему», — буквы больно колют глаза. Сашино непроснувшееся тело окончательно превращается в кисель. Всё повторяется, так же ей сообщили о смерти папы. В трясущихся руках телефон незаметно вибрирует ещё раз.

«Боря… в Подольске! Едем за ним».

Саша быстро набирает номер. «За сто километров от приюта? Просто сидел у шоссе? В порядке? Ох, мамочки… Но как?»

За окном вдруг резко включают пение птиц. Саше нестерпимо хочется кофе, желудок напоминает, что уже сутки не получал никакой пищи. Сквозь незашторенные окна проходит первый луч солнца.

Оказалось, что Борис выбрался к трассе и остановил фуру. Своим милым взглядом, наверное. И так доехал с дальнобойщиком до пригорода Подольска, а там выскочил из кабины, пока водитель пошёл на заправку, чтобы купить псу поесть. Звонок в службу отлова поступил в три часа ночи. К завтраку Боря уже был в приюте.

Две следующие недели Саша не приезжает к собакам из-за экзаменов.

— Пойдём к Боре, — первым делом говорит она Киру у входа и бежит к нужному ряду под оглушающий лай засидевшихся дворняг.

Но клетка стоит пустая. Склизкая чёрная жижа уже привычно заполняет Сашин живот и подбирается к горлу.

— Не сбежал, — догоняет её раскрасневшийся Кир. — Забрали. Статус «домашний»! Снова.

Он неуклюже берёт Сашу за руку, а та оборачивается и крепко его обнимает. Жёлтая кепка надёжно закрывает её шею от ветра.

стр. 38

Айтукаев Иса Билалович

Красноярск, 1961 г. р.

Родился в Дагестане. В 1984 году, после окончания Ачинского сельскохозяйственного техникума, поступил на отделение «Журналистика» филологического факультета КГУ. Публиковался в журналах и альманахах на Кавказе, Дальнем Востоке и в Сибири. Автор нескольких книг. Член Союза писателей России.

стр. 79

Бабанская Алёна

Москва

Родилась в подмосковном городе Кашира. Окончила филологический факультет Московского педагогического государственного института имени В. И. Ленина. Публикации в журналах «Дети Ра», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Арион», «День и ночь» и др. Автор нескольких поэтических книг. Лауреат и дипломант международных литературных премий.

стр. 42

Балашов Владимир Борисович

пос. Майна (Хакасия), 1949 г. р.

Школу окончил в Ленинграде. Инженер-геодезист по профессии, работал в изыскательских экспедициях в Казахстане, на Дальнем Востоке, в Якутии, Туве и Хакасии. Творческий путь начинал в Красноярском крае. На протяжении нескольких лет являлся членом редколлегии журнала «День и ночь». Поэт и прозаик, член Союза писателей России, окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Пишет повести об изыскателях, фантастику, в последние годы — историческую прозу. Автор 7 книг. В 2019 году в Хакасском издательстве вышел историко-философский роман «Возвращение Тэмучина». Заслуженный работник культуры Республики Хакасия, кавалер Золотого почётного знака «Достояние Сибири», лауреат Национальной литературной премии имени Н. Г. Доможакова. В 2022 году присвоено звание «Народный писатель Республики Хакасия».

стр. 154

Бецко Анжела Михайловна

Нефтеюганск, 1968 г. р.

Родилась в Минске. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Более двадцати лет живёт в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Автор трёх поэтических сборников и книги прозаических миниатюр. Публиковалась в российской и зарубежной периодике, в том числе в журналах и альманахах «Наш современник», «Неман», «День и ночь», «Сибирские огни», «Второй Петербург» и др. Член Союза писателей России.

стр. 81

Валеев Марат Хасанович

Красноярск, 1951 г. р.

Родился в Краснотурьинске Свердловской области. Рос и учился в селе Пятерыжск на Иртыше, в целинном Казахстане. Окончил школу, успел поработать бетонщиком на заводе ЖБИ, призвался в СА. После армии работал сварщиком в тракторной бригаде. Окончил факультет журналистики КазГУ имени Аль-Фараби (Алма-Ата). Работал в газетах Павлодарской области. В 1989 году был приглашён в газету «Советская Эвенкия» (с 1993 года — «Эвенкийская жизнь») на севере Красноярского края, в которой прошёл путь от рядового корреспондента до главного редактора. Написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор нескольких сборников юмористических рассказов и фельетонов, прозы и публицистики, изданных в Красноярске, Павлодаре, Кишинёве, Москве. Публикации в журналах «Журналист», «Кукумбер», «Мир Севера», «Колесо смеха», «Вокруг смеха», «Сельская новь», «Семья и школа», «День и ночь», в газетах «Литературная газета», «Московская среда», «Советская Россия» и др. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси» (2008, номинация «Юмор»), Общества любителей русского слова (2011, номинация «Проза»), «Рождественская звезда» (2011, номинация «Проза»). Член Союза российских писателей. С 2011 года живёт в Красноярске.

стр. 116

Ведург Сергей Николаевич

Щёлково (Московская область), 1989 г. р.

Родился в городе Ливны Орловской области. Член координационного совета Союза молодых литераторов Московской области (СМЛ МО). Создатель и организатор международного Первого Открытого Турнира поэтов. Лауреат 2-й степени открытого поэтического конкурса-фестиваля «Литературные Старки» в номинации «Поэзия»; финалист X Гринфеста «Остров надежды»; финалист V Всероссийского молодёжного литературного фестиваля-конкурса имени А. Л. Чижевского в номинации

«Поэзия»; финалист III сезона Всероссийского литературного конкурса «Литкон».

стр. 160 **Гордеев Андрей Валентинович**
1962 г. р.

Родился в городе Глухово. Вскоре семья переехала в Новомосковск. Окончив школу, поступил в Ветеринарную академию в Москве и учился по специальности «Птицеводство». После учёбы и службы в армии занялся музыкой, стал одним из создателей и солистом группы «Манго-Манго».

стр. 174 **Кадырова Сауле**
Соликамск, 1986 г. р.

Получила высшее педагогическое образование по специальности «Учитель русского языка и литературы». В настоящее время библиотекарь, работает в библиотеке № 7 МБУК «ЦБС» Соликамского городского округа Пермского края. Изданные книги: «Рождённый быть другом» (2019), «Ёжик Фырь и другие сказки» (2020), «Герцы» (2020). Победитель и призёр различных литературных конкурсов.

стр. 74 **Каренина Ирина**
Минск (Беларусь), 1976 г. р.

Родилась в Нижнем Тагиле. Училась в Уральском государственном университете имени А. М. Горького на факультете искусствоведения и культурологии, но курса не закончила. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького (семинар поэзии Владимира Фирсова). Автор семи книг стихов. Лауреат премии журнала «Знамя» (2011), премии Фонда имени В. П. Астафьева (2016). В настоящее время живёт в Минске, руководит отделом культуры медиахолдинга «Беларусь сегодня».

стр. 150 **Костерев Александр Евгеньевич**
Санкт-Петербург, 1958 г. р.

Автор стихов, эссе, коротких рассказов, пародий, опубликованных в периодике: «Смена», «Советская культура», «Новгородская правда», «Тюменский комсомолец», «Уральский рабочий», «Юрмала», в иностранных журналах Латвии, Чехии и др. Участник нескольких питерских ЛИТО. Сочинять стихи начал в 1975 году в качестве автора и исполнителя Ленинградского городского клуба песни, работал в различных ВИА и рок-группах Ленинграда. Всего в творческой биографии Александра Костерева не только стихи, но песенные тексты более чем 100 песен на музыку Александра Зацепина, Аркадия Укупника, Вячеслава Малежика и других композиторов, в исполнении Валерия Леонтьева, Виктора Зинчука, Эдиты Пьехи, групп «Ариэль», «АРС», «Пламя» и др. Победитель российских и международных литературных конкурсов.

стр. 100 **Кустов Виктор Николаевич**
Ставрополь, 1951 г. р.

Родился в Смоленской области. Школу окончил в посёлке Снежногорске Красноярского края (Хантайская ГЭС). Окончил Иркутский политехнический институт, геологоразведочный факультет. Работал в газетах Иркутска, Саяногорска, Красноярска, Черкесска, Ставрополя. С 2000 года — главный редактор литературного журнала «Южная звезда», шеф-редактор журнала «Сельское Ставрополье». Автор более десяти книг прозы, публицистики, пьес. В 2011 году стал победителем международного конкурса «Литературный олимп» в разделе «Драма» (медаль имени Грибоедова) за пьесу «Время шутов». Лауреат премии имени А. Губина (2014) за повествование «Провинциалы». Член Союза писателей России с 2002 года.

стр. 163 **Лишенко Иветта Валериевна**
Зеленогорск

Родилась в Красноярске-45 (ныне Зеленогорск), в семье физика. Сочинять начала в детстве. В студенческие годы, в Томске, печаталась в местных газетах. По окончании Томского политехнического института, получив специальность инженера-математика, была направлена по распределению в Красноярск, в лабораторию охраны здоровья населения Красноярского края, а в 90-е годы вернулась в Зеленогорск, где продолжила работу инженером-программистом. В настоящее работает инженером в АО «Производственное объединение „Электрохимический завод“». Имеет публикации стихов в российской печати, в коллективных альманахах и сборниках «Созвучие», «Новый Енисейский литератор», «На енисейской волне» и др.

стр. 179 **Лучин (Лузин) Олег**
Красноярск, 1972 г. р.

В студенческие годы был членом литературного круга «АЗ» города Кемерово. Имеет высшее гуманитарное образование. Работает в сфере образования Красноярского края. Является финалистом литературного конкурса «Мгинские мосты», лауреатом международной премии в области литературного творчества для детей «Алиса-2021», финалистом Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Яблочный Спас», финалистом и участником других конкурсов и премий. Печатался в изданиях «День и ночь», «Сибирские

огни», «Уральский следопыт», «Литеrra nova», «Дальний Восток», в различных авторских сборниках.

стр. 16
Малашин Геннадий Викторович
Красноярск, 1956 г. р.

Поэт, прозаик, публицист, режиссёр, педагог. Руководитель информационно-аналитического и издательского отдела Красноярской епархии РПЦ, профессор кафедры гуманитарных и филологических дисциплин Красноярского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Родился в селе Ермаковском Красноярского края. По окончании в 1977 году Красноярского педагогического института преподавал в школах края. С августа 1981 года в течение 20 лет работал на Красноярской телестудии. В 1993 году с коллегами создал творческое объединение «Русские вечера», до сентября 2000 года еженедельно выходившее в краевой эфир. С 2011 года является секретарём Общественного совета Красноярской митрополии по науке, культуре и образованию, с 2014 года — ответственным секретарём Епархиальной комиссии по канонизации святых и церковно-историческому наследию.

стр. 139
Мамаева Альбина Романовна
Красноярск

Родилась на Ангаре, в деревне Дворец Кежемского района Красноярского края. Долгое время работала в Туруханске. Публикации в журнале «День и ночь».

стр. 122
Новиков Илья Александрович
Абакан, 1988 г. р.

Родился в небольшом шахтёрском городке Междуреченске (Кемеровская область). Неоднократный победитель в региональном конкурсе «Радуга талантов». Участник «Летнего литературного лагеря» на родине М. Е. Кильчичакова. Публикации в журналах «Абакан», «Юрта», «Доля», «День и ночь». В 2018 году удостоен звания лауреата Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова в номинации «Молодое дарование» за подборку стихотворений «Наш симбиоз». В 2019 году стал обладателем именной стипендии Главы Республики Хакасия. Лауреат Фонда имени В. П. Астафьева (2020).

стр. 69
Петров Владимир Алексеевич
Тюмень, 1962 г. р.

Родился в городе Джанкой Крымской области. В 1973 году переехал вместе с родителями в город Нижневартовск Тюменской области. Выпускник исторического факультета Тюменского государственного университета (1982). С 1992 года работал сторожем при храме, в 1998 году переведён на должность пономаря и преподавателя. В 2001 году был рукоположен в сан диакона, а в 2002 году — в сан иерея. С февраля 2003 года по настоящее время служит настоятелем больничной церкви во имя святителя и исповедника Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Крымского и Симферопольского, при ГБУЗ ТОКБ № 1 города Тюмени. В 2013 году назначен настоятелем церкви Рождества Пресвятой Богородицы посёлка Мыс города Тюмени. Литературным творчеством начал заниматься в 2014 году. Автор двух поэтических сборников. Имеет публикации в литературных журналах и прессе.

стр. 147
Попов Артём Васильевич
Северодвинск, 1980 г. р.

Родился в Северодвинске. В 1997 году поступил на филологический факультет Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Ещё студентом в 2000 году начал сотрудничать с северодвинской городской общественно-политической газетой «Северный рабочий» как внештатный корреспондент, завершил работу в редакции в 2008 году заведующим отделом информации. В 2004 году принят в Союз журналистов России. С 2008 по 2018 год работал в администрации Северодвинска консультантом, заместителем начальника отдела по связям со СМИ, пресс-секретарём мэра Северодвинска. В настоящее время — пресс-секретарь Совета депутатов Северодвинска. Прозу начал писать с 2016 года. В 2018 году в Северодвинске выпустил книгу рассказов и зарисовок «Счастье прошедшего времени». В 2020 году в издательстве «Лоция» (Архангельск) вышла книга рассказов и зарисовок «Избачиха». В феврале 2020 года принят в Союз писателей России. Лауреат ряда всероссийских литературных конкурсов. Лауреат литературной премии Главы Северодвинска и Совета депутатов Северодвинска «Никольское устье» (за книгу «Счастье прошедшего времени», 2020).

стр. 13
Порошина Анастасия Ивановна
Челябинск, 1985 г.р.

Член Союза писателей России, кандидат филологических наук, поэт, литературный критик, член Совета молодых литераторов Урала, куратор литературно-критической работы. Старший преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинского государственного института культуры. Участница всероссийских совещаний молодых писателей, дипломант и лауреат

региональных и всероссийских литературных конкурсов. Автор публикаций в сборниках Челябинска, Екатеринбурга, Москвы, книг стихов «Константа весны» (2011) и «Неразменный апрель» (Германия, 2012), сборников литературно-аналитических статей «Умножение смысла» (2011), «Работа слова» (2016). С книгой «Работа слова» в 2017 году стала лауреатом Литературной премии Уральского федерального округа в номинации «Литературная критика», дипломантом Международного славянского форума искусств «Золотой Витязь» в номинации «Славянское литературоведение». В 2008–2015 годах руководила детским литературно-творческим объединением «Алые паруса» (Дворец пионеров и школьников им. Н. К. Крупской, Челябинск). Является инициатором и организатором городского детского литературного конкурса «Алые паруса творчества».

стр. 141

Рязанцев Геннадий Николаевич

Липецк, 1954 г. р.

Родился в селе Карамышево Липецкой области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького, Московскую духовную семинарию. Работал художником. В настоящее время — протоиерей, настоятель храма Архистратига Михаила в Липецке. Поэт, прозаик, эссеист. Автор десяти книг поэзии и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского, литературных премий имени Ивана Бунина, Ярослава Смелякова, Алексея Липецкого, Евгения Замятина и других. Награждён большой серебряной медалью имени Николая Гумилёва. Обладатель золотых дипломов Международного литературного форума «Золотой Витязь».

стр. 120

Скрылёва Юлия

Москва, 1987 г. р.

Родилась в Истре (Московская область). Окончила Литературный институт имени А. М. Горького (семинар Евгения Рейна). Автор сборников стихотворений: «Заповедная страна», «Весеннее сумасшествие», «Неуловимое счастье». Произведения публиковались в журналах «Юность», «Нижний Новгород», «Литературной газете», альманахах «День Поэзии», «ЛитЭра», «Логорифм» и др. Полуфиналист конкурса «Золото русской литературы» в номинации «Поэзия» (2022), дипломант Всероссийского поэтического конкурса «Человеки и коты» (Тольятти, 2023).

стр. 89

Смирнов Михаил Иванович

Салават (Башкортостан), 1958 г. р.

Имеет среднетехническое образование. Публикации: «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», «Молодая гвардия», «Смена», «День и ночь», «Литера», «Работница», «Сибирские огни», «Литературный Крым» и др. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Международной премии «Филантроп»; Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова; Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А. Н. Толстого; Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и др. Автор нескольких книг. Член Союза писателей Республики Башкортостан.

стр. 124

Тараканова Ольга Семёновна

Минусинск, 1957 г. р.

Окончила Красноярское краевое культурно-просветительное училище и Ленинградскую высшую профсоюзную школу культуры. Работала в учреждениях культуры, в Красноярском краевом колледже культуры и искусства, преподавала в Минусинском филиале краевой школы дистанционного образования предмет «Мастерская слова». Является председателем правления Межрегиональной ассоциации литобъединений юга Красноярского края и республики Хакасия «Сибирская лира», редактор-составитель одноимённого альманаха. Автор шести сборников стихов, песен и прозы. Произведения печатались в периодических изданиях Москвы, Красноярского края, Республик Хакасия, Тыва и Крым. Член Союза писателей России.

стр. 118

Тачков Григорий Евгеньевич

1987 г. р.

Родился в городе Подольске Московской области. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького (семинар поэзии И. И. Ростовцевой). Член Союза российских писателей и Союза литераторов России. Автор сборников стихов «Пасхальное древо» (2023), «Звон из глубин» (2016), «Земной работник» (2015) и других. Также стихи публиковались в газете «МК», журналах «Наш современник», «Голос эпохи», «Сияние здесь», «Золотая Ока» (Калуга), «Русский переплёт», альманахах «Словесность», «Созвездие» (Калуга) и др.

стр. 77

Харитонов Евгений Николаевич

Белгород, 1985 г. р.

Член Союза белгородских литераторов. Автор двух поэтических сборников: «Абрикосовая осень» (2022) и «Мотыльки» (2023). Лауреат литературной премии «В поисках правды

и справедливости» партии «Справедливая Россия — За правду» (2022). Публиковался в периодических изданиях России и стран СНГ: «Литературная газета», «Подъём», «Берега», «Звезда Востока», «День и ночь», «Александръ», «Пересвет», «Нижний Новгород», «Приокские зори», «Невский альманах», «Воин России», «Краснодар литературный», «Крым», «Северо-Муйские огни» и др.

стр. 192

Хачатурова Анастасия Эдуардовна

Москва, 1990 г.р.

Российская писательница, член Союза детских и юношеских писателей. Родилась в Туле. Будучи студенткой факультета международной журналистики МГИМО, получила грант, по которому полгода обучалась в Парижском институте политических исследований (Science Po). На четвёртом курсе прошла стажировку в журнале GEO, после которой её взяли в штат. Но пятом курсе совмещала учёбу и работу. Работала в редакции журнала вплоть до его закрытия, пройдя по карьерной лестнице путь от стажёра до главного редактора сайта. Автор более десятка книг для детей, лауреат престижных литературных премий.

стр. 112

Чесноков Илья Владимирович

Белгород

Родился в городе Чимкенте, в Казахстане. В 90-е годы публиковался в чимкентской прессе. В 2000 году переехал с семьёй в Россию, в город Белгород. В Белгороде в 2001–2003 годах публиковался в газетах «Наш Белгород», «Белгородские известия», «Белгородская правда». В 2020 году стал многократным призёром конкурса «Крылья Победы» как автор стихотворений на тему Великой Победы. Имеет публикации в журналах «Ротонда» (Киров), «Молоко», альманахе «Земляки» (Нижний Новгород), «Парус» (Москва), «Северо-Муйские огни» и в других изданиях. В настоящее время пишет стихотворения, басни, афоризмы, миниатюры и рассказы. Работает преподавателем в ОГАПОУ «Белгородский педагогический колледж».

стр. 10

Ягодинцева Нина Александровна

Челябинск, 1962 г.р.

Выпускница Литературного института имени А. М. Горького. Кандидат культурологии, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинского государственного института культуры. С 2010 года ведёт Курсы литературного мастерства в Центре дополнительного профессионального образования ЧГИК. Автор более 30 изданий: более десятка поэтических книг, курса лекций «Поэтика: модели образного мышления» и учебника точной речи «Поэтика: двенадцать тайн», монографий, изданных в России и Германии, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, аудиодисков со стихами и песнями, а также более 700 публикаций в литературной и научной периодике России, Испании и США. Стихи Ягодинцевой вошли в ведущие современные поэтические антологии России. Лауреат нескольких престижных литературных премий. Руководит межвузовской литературной мастерской «Взлётная полоса», ведёт популярную авторскую рубрику «Прикладной смысл» на официальном сайте Союза писателей России «Российский писатель». Член жюри Всероссийской литературной премии им. П. П. Бажова (Екатеринбург, 2007–2013), председатель жюри Южно-Уральской литературной премии (2012–2017). Член Союза писателей России с 1994 года.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Марина Наумова-Саввиных

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Дмитрий Косяков

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Владимир Безбатченко

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Владислава Васильева

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель:
Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издатель:
Краевое государственное автономное учреждение «Организационно-методический Медиацентр»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анастасия Астафьева
Костромская область

Александр Астраханцев
Красноярск

Наталья Ахпашева
Абакан

Юрий Беликов
Пермь

Александр Герасимов
Калининград

Лидия Довыденко
Калининград

Вера Зубарева
Филадельфия

Ирина Иваськова
Анапа

Александр Кердан
Екатеринбург

Станислав Колчин
Калуга

Сергей Кузнечихин
Красноярск

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Татьяна Масс
Париж

Евгений Минин
Иерусалим

Миясат Муслимова
Махачкала

Александр Орлов
Москва

Анна Сафонова
Южно-Сахалинск

Андрей Тимофеев
Москва

Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы репродукции картин Е. Касименко

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск,
пр. Мира, 57;
Медиацентр

Наш сайт: krasdin.org

Подписано к печати: 10.06.2024
Дата выхода в свет: 30.06.2024
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,
д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

Касименко Елена | Осенние силуэты. Холст, масло. 60х76. 1997 г.

Касименко Елена | Зимушка. Холст, масло. 60х75. 1984 г.

Касименко Елена
Розы. Холст, масло. 70х65. 1997 г.

на обложке:
Касименко Елена
Весна в Красноярске. Холст, масло. 131х120. 1995 г.